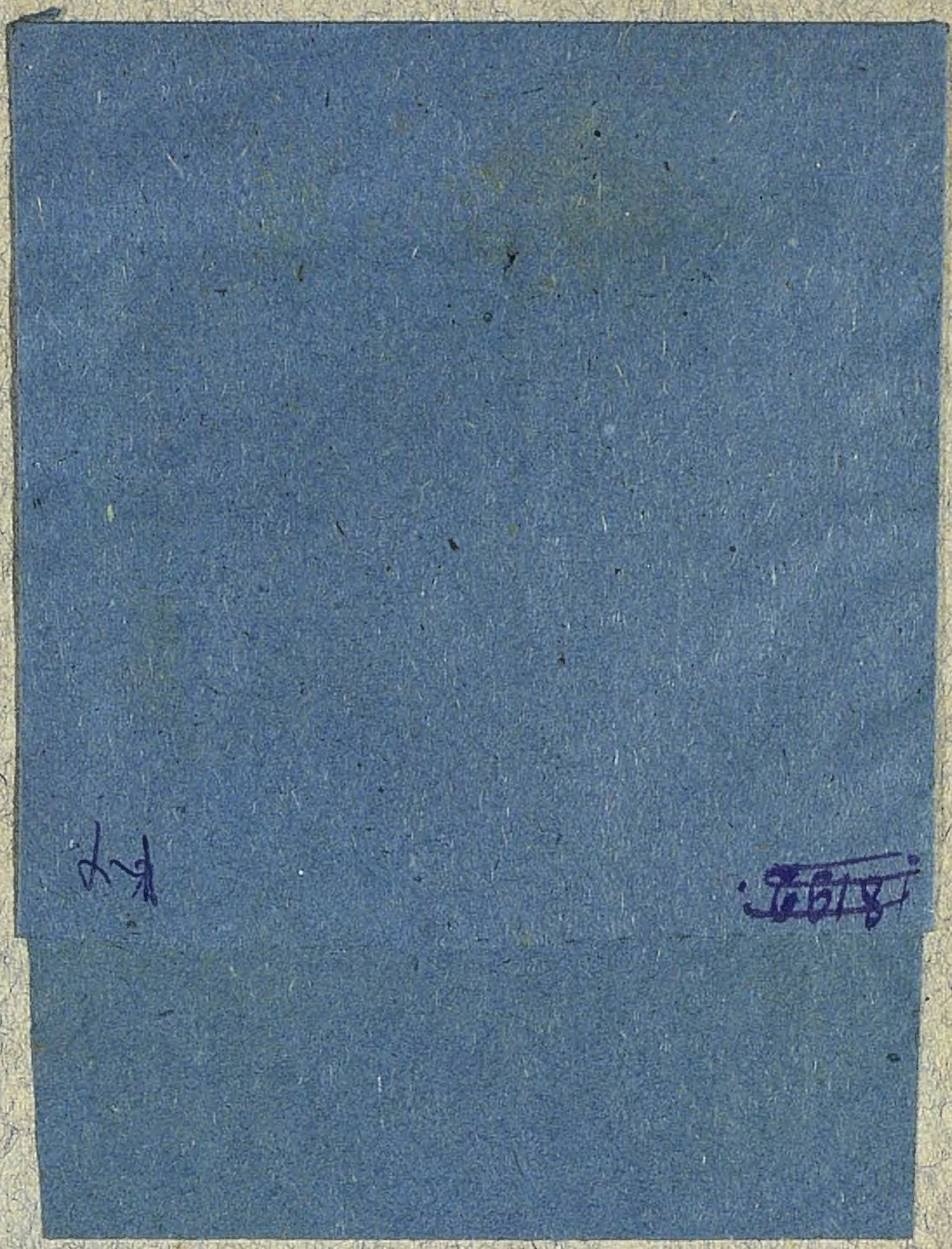
947.07
Б-762

947.07
Б762



1337
IV Э
30.

Библіотека Училищнаго Отдѣленія
Московской Городской Управы.

Инв. № 121313
Зав.
Штемп.
Рек. кат.
Бблгр.
Дер. отд.
Конс.
Пол. Пр.
Каб. библ.
Спр. отд.
Прогр.
Класс. 491 С34

Библіотека Училищнаго Отдѣленія
Московской Городской Управы
ДЛЯ ОТЗЫВА
Центральное
КНИГОХРАНИЛИЩЕ
1337
Б
V
30

1812—1912

ПОХОДЪ ВЪ МОСКВУ НАПОЛЕОНА
и
БѢГСТВО ЕГО ИЗЪ РОССІИ

947.07
Б76

1337
V
Б
30.

Библіотека Училищнаго Отдѣленія
Московской Городской Управы.

ПОХОДЪ ВЪ МОСКВУ
НАПОЛЕОНА
И БѢГСТВО ЕГО ИЗЪ РОССІИ.

Московская Центральная
Публичная Библиотека

ЧЕРЕПОВЕЦКОЕ ГОР. ОТДЕЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПУБЛИЧНОЙ
БИБЛИОТЕКИ РСФСР
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР
МОСКВА

п 34 г.

Библіотека Училищнаго Отдѣленія
Московской Городской Управы.

ПОХОДЪ ВЪ МОСКВУ НАПОЛЕОНА

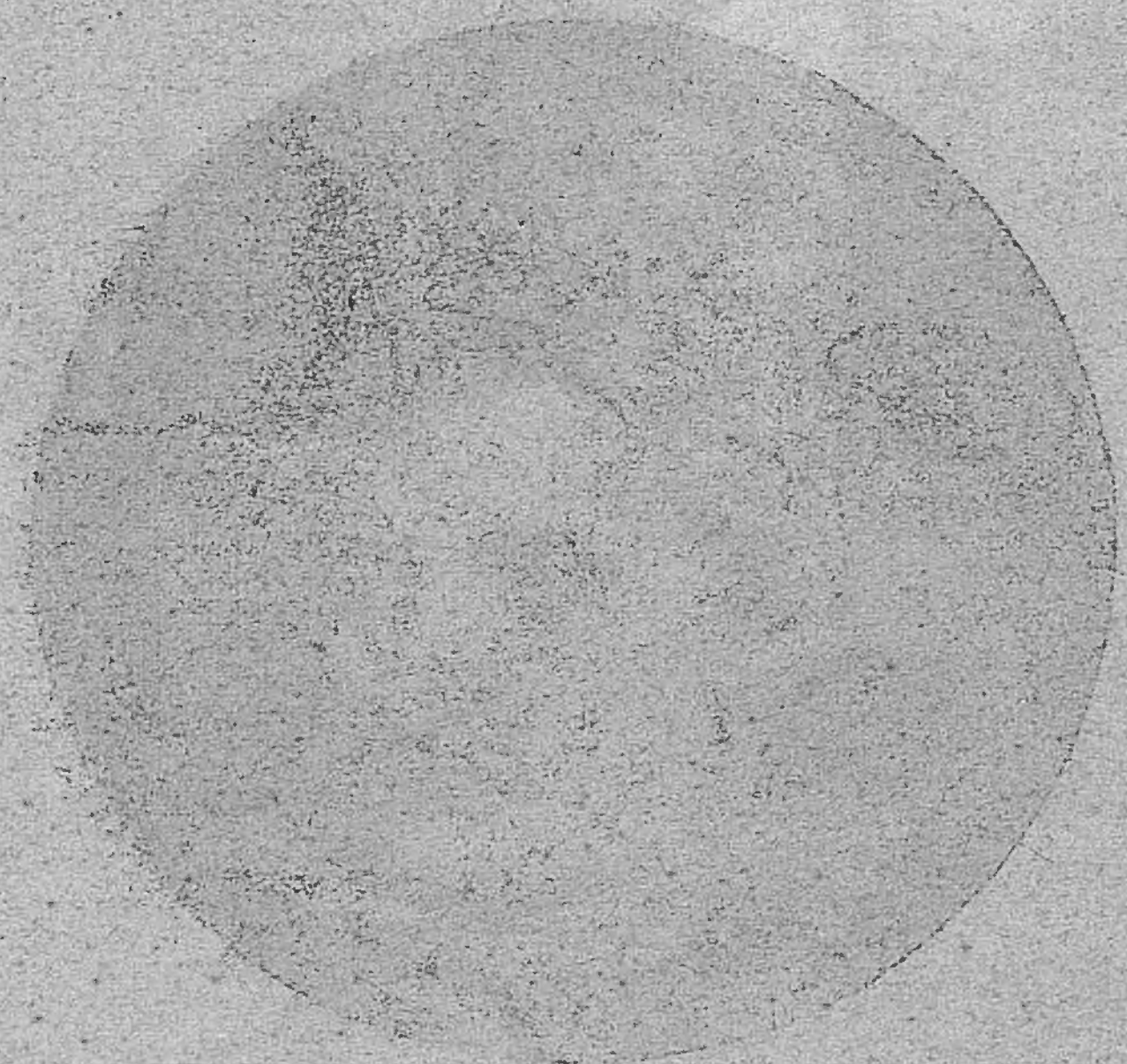
и БѢГСТВО ЕГО ИЗЪ РОССІИ.

составилъ И. Н. БОЖЕРЯНОВЪ.

947.07
Б-762

Московская Центральная
Публичная Библиотека

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.



Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
Москва. — 1912.

Императоръ Александръ I.

Съ портрета Волкова.

Московская городская
Публичная библиотека

Медальонъ работы графа Ѳ. П. Толстого.

Походъ въ Москву Наполеона и его бѣгство изъ Россіи.

I.

...Ужъ близокъ часъ паденья,
Ты въ каждомъ ратникѣ узришь богатыря.
Ихъ цѣль — иль побѣдить, иль пасть въ пылу сраженья
За Вѣру, за Царя.

А. Пушкинъ.

Съ 1803 года императоръ Александръ I старался заставить Пруссію препятствовать французскимъ завоевательнымъ планамъ, направленнымъ также противъ Германіи. Когда войска Франціи, вопреки Базельскаго договора, стали подвигаться на сѣверъ Германіи, угрожая занять Ганноверъ, прусское правительство испугалось за свою собственную судьбу, почему министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Гаугвицъ, убѣдительно просилъ русское правительство не допустить такого посягательства на самостоятельность всей сѣверной Германіи.

Соглашаясь исполнить это желаніе, императоръ Александръ I послалъ прусскому королю проектъ союзной конвенціи, въ силу которой русскія войска должны были прійти на помощь прусскимъ, если Наполеонъ приступитъ къ завладѣнію Ганноверскимъ курфиршествомъ. Но король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ III не рѣшился соединиться съ Россіей противъ Франціи, пока самъ Наполеонъ не принудилъ Пруссію искать союза съ Россіею. Убійство гер-

цога Энгіенскаго, совершенное Наполеономъ, и постоянныя нарушенія его войсками неприкосновенности территоріи Германской имперіи убѣдили короля соединиться съ Россіей.

Въ маѣ 1804 года былъ подписанъ секретнѣйшій союзный договоръ между Россіей и Пруссіей, получившій въ 1805 г. болѣе торжественную форму въ видѣ конвенціи, подписанной въ Потсдамѣ, между Александромъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Однако и это не могло заставить прусскаго короля открыто соединить свои войска съ русскими арміями, которыя должны были въ 1805 г. вступить въ предѣлы Пруссіи, для военныхъ дѣйствій противъ Наполеона, которому Россія и Австрія объявили войну. Прусскій король не хотѣлъ понять, что подписанный имъ договоръ обязываетъ его сражаться противъ Франціи. «Вступленіе вашихъ войскъ,—писалъ онъ Александру, 21 сентября 1805 г.,—въ мои области невозможно при настоящихъ обстоятельствахъ. Оно предрѣшитъ всѣ вопросы, разрушитъ всѣ наши отношенія, оно приведетъ Европу къ неминуемой гибели». Наконецъ, 11 октября, съ разрѣшенія короля прусскаго, русская армія, подъ начальствомъ Михаила Иларіоновича Кутузова, вступила въ прусскую Селезію и двинулась въ Баварію на соединеніе съ австрійскою. Тогда же императоръ Александръ I отправился въ Берлинъ, куда и прибылъ 13 октября. Свиданіе Александра I съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ и болѣе близкое знакомство съ королевою Луизою упрочило ихъ дружбу и положило основаніе многолѣтнему союзу Россіи съ Пруссіею. Королева Луиза много содѣйствовала заключенію договора, подписаннаго въ Потсдамѣ 3 ноября новаго стиля, по которому постановлено было требовать отъ Наполеона независимости Германіи, Голландіи, Швейцаріи и Неаполя, возстановленія сардинской династіи и самостоятельности итальянскаго королевства. Но политическія событія шли съ такою быстротою, что австрійская армія была уничтожена Наполеономъ ранѣе, чѣмъ союзники успѣли прійти къ ней на помощь. По Пресбургскому миру, подписанному 14 декабря 1805 г., Австрія принуждена была уступить Франціи Венецію, съ Венеціанскою областью, и признать Наполеона королемъ Италіи. Тироль былъ переданъ Баваріи, а нѣкоторыя владѣнія Австріи, по верхнему Дунаю и Рейну, перешли къ Вюртембергу и Бадену, за союзъ ихъ съ Наполеономъ. Такимъ образомъ Австрія лишилась до 1.114 квадр. миль съ населеніемъ въ 2.785.000 чел. и осталась лишь тѣнью великой державы.

Эта хирургическая операція была нужна Наполеону для полнаго господства въ Германіи и удержанія въ повиновеніи Пруссіи, которая одинаково боялась войны, какъ въ случаѣ побѣды Наполеона, такъ и въ случаѣ успѣха

Императоръ Александръ I.
Съ портрета, находящагося въ галлереѣ 1812 г. Зимняго дворца.

союзниковъ; она опасалась, что и послѣдніе, при успѣхѣ, возьмутъ себѣ львиную долю и что легко можетъ послѣдовать усиленіе Австріи, столь нежелательное для Пруссіи. Эта зависть и постоянное стремленіе къ преобладанію другъ надъ другомъ дали возможность Наполеону бить ихъ по частямъ, каждую отдѣльно, и заставили короля прусскаго еще 3 декабря, ранѣе Пресбургскаго мира, заключить союзный договоръ съ Франціею, по которому послѣдняя передавала Пруссіи всѣ свои права на Ганноверъ, чтобы скорѣе поссорить ее съ Англіею, а взамѣнъ того получила княжество Невшательское и заставила Пруссію уступить Аншпахъ въ пользу Баваріи. Итакъ, во второй половинѣ декабря 1805 г. оба союзника отложились отъ Россіи, что вмѣстѣ съ неудачею нашею подъ Аустерлицемъ, гдѣ вздумалъ распоряжаться сраженіемъ самъ Александръ, сильно подѣйствовало на государя. Зная нерѣшительный характеръ Фридриха, Наполеонъ относился къ нему съ презрѣніемъ, старался изолировать Пруссію, лишивъ ее посторонней помощи, и унизить въ глазахъ бывшихъ ея союзниковъ. Фридрихъ-Вильгельмъ пытался выйти изъ такого подчиненнаго положенія, велъ тайные переговоры съ Россіею. Императоръ Александръ обнадежилъ его своею помощью и приводилъ свою армію на военное положеніе. Опираясь на поддержку Россіи, но не принявъ въ соображеніе, что русскія войска могутъ прибыть на помощь не ранѣе трехъ мѣсяцевъ, Фридрихъ-Вильгельмъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ послалъ Наполеону ультиматумъ, въ которомъ требовалъ, чтобы расположенныя въ Германіи французскія войска немедленно отошли за Рейнъ, чтобы со стороны Наполеона не было никакого препятствія къ образованію Сѣвернаго союза изъ государствъ, не вошедшихъ въ составъ Рейнскаго союза, и чтобы безотлагательно были открыты переговоры для рѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ.

На ультиматумъ Наполеонъ отвѣтилъ воззваніемъ къ своей арміи о началѣ войны и оскорбительною выходкою въ бюллетенѣ, противъ короля и королевы Пруссіи. Произошло то, что случилось съ Австріею въ 1805 году, когда она, не дождавшись прибытія союзныхъ войскъ, рѣшилась одна вступить въ борьбу съ сильнѣйшимъ противникомъ. Побѣды Наполеона при Іенѣ и Ауэрштедтѣ рѣшили судьбу Пруссіи: Берлинъ былъ занятъ французами, и король просилъ мира. Наполеонъ потребовалъ, чтобы Фридрихъ не допускалъ въ свои владѣнія никакихъ чужеземныхъ войскъ, т.-е. русскихъ. Такое требованіе было равносильно уничтоженію самобытности Пруссіи, и король, отказавшись подписать мирныя условія, поручилъ свою судьбу великодушію императора Александра I, который въ письмѣ отъ 21 октября говорилъ прусскому королю: «Соединимся

тѣснѣе, нежели когда-либо; пребудемъ вѣрны чести и славѣ и предоставимъ прочее Промыслу, который, рано или поздно, положитъ конецъ успѣхамъ хищенія и тиранства, даруя торжество святому дѣлу».

На это Фридрихъ отвѣчалъ: «Нѣтъ ничего столь неизмѣннаго, государь, какъ мною принятое намѣреніе—слѣдовать вмѣстѣ съ вами одной и той же политикѣ. Каждый день утверждаетъ меня въ этомъ намѣреніи, потому что съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе развиваются обширные планы

Карта Европы въ 1812 г.

необыкновеннаго властолюбія Наполеона, побуждая всѣ государства, сохранившія независимость, соединиться противъ отъявленнаго врага ихъ самостоятельности».

Отвѣтомъ на это письмо былъ манифестъ Александра отъ 16 ноября о войнѣ съ Франціею. Наши войска перешли прусскую границу, и въ апрѣлѣ 1807 г. въ Бартенштейнѣ былъ подписанъ новый союзный договоръ, который уже не остался мертвою буквою, но дѣйствительно былъ приведенъ въ исполненіе. Русскія и прусскія арміи храбро сражались при Эйлау и Фридландѣ. Передъ сраженіемъ при Прейсишъ-Эйлау Наполеонъ объявилъ своимъ солдатамъ, что предстоящая битва будетъ послѣднею, что участникамъ ея онъ раздастъ 100 милл. и отдастъ на разграбленіе Кенигсбергъ въ теченіе 4-хъ часовъ. Князь Багратіонъ говорилъ: «Какъ

свѣтъ стоитъ, никто такъ не дрался, какъ дрались русскіе и французы подъ Пултускомъ и Прейсишъ-Эйлау». Французы отступили и во время преслѣдованія оставили въ нашихъ рукахъ нѣсколько знаменъ. Ночь прекратила сраженіе, мы потеряли 8 тысячъ человѣкъ убитыми и 18 тысячъ ранеными; у французовъ выбыло изъ строя около 25 тысячъ человѣкъ. Командующій русской арміею Беннигсенъ послѣ одержанной побѣды воткнулъ свою шпагу въ землю, повѣсилъ на нее свою каску и, положивъ крестъ на барабанъ, приказалъ, передъ собранными войсками, служить благодарственный молебенъ и все время стоялъ на колѣняхъ.

Извѣстіе о томъ, что Наполеонъ испыталъ неудачу, произвело въ Парижѣ смущеніе; всѣ государственные фонды понизились, и графъ де-Местръ справедливо назвалъ Эйлауское сраженіе *историческимъ*.

Совсѣмъ иное впечатлѣінне произвело это сраженіе въ Россіи: отбитые французскіе орлы и знамена возились по улицамъ Петербурга кавалергардами при трубныхъ звукахъ. Извѣстіе о побѣдѣ было привезено въ столицу 2-го февраля, а уже на слѣдующій день краткое донесеніе Беннигсена было разослано съ нарочными курьерами въ Москву, Ригу, Смоленскъ, Кіевъ, Вильну и во всѣ губернскіе города. По мѣрѣ полученія извѣстія о побѣдѣ въ городахъ устраивались иллюминаціи и фейерверки. Стеченіе народа было громадное, и какъ только загорался щитъ съ вензелемъ императора Александра I, раздавались клики: «Ура! Побѣда!»

Въ Могилевскомъ соборѣ во время службы 8 февраля преосвященный Варлаамъ, присягнувшій въ 1812 г. Наполеону, приказалъ пѣть изъ псалма 45-го слѣдующія слова: *Пріидите и видите дѣла Божія, яже положи чудеса на земли. Отъемля брани до конецъ земли, лукъ сокрушитъ, и сложитъ оружіе, и щиты сожжетъ огнемъ. Упразднитеся и разумѣйте яко азъ Богъ: вознесуся на земли. Господь силъ съ нами, заступникъ нашъ Богъ Іаковль.*

За Эйлауское сраженіе Беннигсенъ получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго, 17 генераловъ и одинъ полковникъ награждены орденами св. Георгія 3-й степени, 33 штабъ- и оберъ-офицера тѣмъ же орденомъ 4-й степени.

Отступивъ отъ Прейсишъ-Эйлау, Наполеонъ перенесъ свою квартиру въ Остероде. Беннигсенъ подвинулся впередъ и расположилъ свою армію въ окрестностяхъ Гейльсберга. Болѣе двухъ мѣсяцевъ оба противника оставались въ полномъ бездѣйствіи. Въ концѣ марта стала къ намъ подходить гвардія: она двигалась форсированнымъ маршемъ при трескучихъ морозахъ. Дневки бывали черезъ пять или шесть переходовъ, а артиллерія прошла 800 верстъ, имѣя одну дневку въ Псковѣ. Несмотря на все это, гвардія

представилась государю, на смотрѣ въ Юрбургѣ, въ блестящемъ видѣ. Отсюда Александръ отправился въ главную квартиру арміи въ Бартенштейнъ, куда и прибылъ 5 апрѣля. Помня неудачу, постигшую подъ Аустерлицемъ, государь приказалъ объявить арміи, что его прибытіе не измѣняетъ дѣла, что онъ вмѣшиваться не будетъ и что всѣ приказанія и распоряженія должны исходить отъ Беннигсена, которому удалось отразить нападеніе Наполеона у Гейльсберга съ такимъ успѣхомъ, что сами французы признали его. Послѣдовавшій затѣмъ бой подъ Фридландомъ, 2 іюня,

Графъ Л. Л. Беннигсенъ.

передалъ побѣду въ руки Наполеона и послужилъ поводомъ къ заключенію Тильзитскаго мира. Вся Пруссія, вмѣстѣ съ Берлиномъ, оказалась во власти французовъ, и самъ король прусскій принужденъ былъ просить у Александра убѣжища для себя и своей семьи въ Россіи. Но эта чаша минула короля. Императоръ, убѣдившись въ физической невозможности продолжать войну противъ Наполеона одними своими средствами, согласился принять предложенія Наполеона вступить въ переговоры о мирѣ. Въ Тильзитѣ имѣла мѣсто личная встрѣча двухъ императоровъ и короля прусскаго, и здѣсь былъ подписанъ знаменитый

мирный трактатъ. Будущность Европы сосредоточена была на поромѣ, стоявшемъ посреди Нѣмана. Почти одновременно оба императора сѣли въ катера и, можно сказать, въ одну и ту же секунду обѣ лодки отвалили отъ береговъ. На катерѣ Александра гребли мѣстные рыбаки, одѣтые наскоро въ бѣлыя куртки и шаровары, а на катерѣ Наполеона были наши матросы гвардейскаго экипажа, одѣтые въ синія куртки съ красными гусарскими шнурками на груди и въ синія шаровары.

Молча Наполеонъ и Александръ вошли въ павильонъ-палатку, устроенную на поромѣ, и бесѣдовали болѣе двухъ часовъ. Наполеонъ не желалъ видѣть Фридриха-Вильгельма прусскаго. Послѣдній все время свиданія стоялъ на берегу Нѣмана съ княземъ Волконскимъ. Вотъ чѣмъ объясняются строки письма Жозефа де-Местра, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1807 г.: «Между Наполеономъ и королемъ прусскимъ происходили сильныя, личныя сцены. Одинъ разъ, между прочимъ, они до того возвысили голосъ, что императоръ Александръ принужденъ былъ стать между ними, и это буквально». 25 іюня былъ подписанъ Тильзитскій миръ и ратификованъ 27 іюня. Наполеонъ согласился возвратить королю прусскому часть отнятыхъ у него земель, областей и городовъ. Но изъ большей части польскихъ областей, принадлежавшихъ Пруссіи, было образовано Варшавское герцогство, отданное въ управленіе короля саксонскаго. Для постановленія сколь возможно естественныхъ границъ между Россіею и Варшавскимъ герцогствомъ присоединена къ имперіи Бѣлостокская область. Императоръ Александръ принималъ на себя посредничество въ примиреніи Франціи съ Англіею, а Наполеонъ—въ примиреніи Россіи съ Турціею.

Таковы были условія мира относительно Россіи. Затѣмъ шли разныя уступки, касающіяся возстановленія правъ германскихъ владѣтелей и признанія владѣтельныхъ особъ, посаженныхъ Наполеономъ, и самого его императоромъ Франціи. Наконецъ 9 августа послѣдовалъ манифестъ, въ которомъ было сказано государемъ: *Война между Россіею и Франціею сильною помощью Вышняго и отличною храбростью нашихъ войскъ окончена; благословенный миръ паки возстановленъ.*

По Тильзитскому миру Россія пріобрѣла Бѣлостокскую область; Пруссія потеряла почти половину своихъ владѣній; образовалось новое королевство Саксоніи съ присоединеніемъ къ нему новаго герцогства Варшавскаго и новаго королевства Вестфаліи, владѣтелемъ котораго назначенъ Іеронимъ, братъ Наполеона; короли неаполитанскій Іосифъ и голландскій Людовикъ признаны въ своихъ званіяхъ; Рейнскій союзъ утвержденъ.

Король вестфальскій Іеронимъ Бонапартъ.

Россія имѣла полное основаніе назвать себя охранительницею законныхъ правъ народовъ и безкорыстною ихъ защитницею. Не даромъ въ 4-й статьѣ мира, заключеннаго 9 іюня между Франціею и Пруссіею, было сказано: «Изъ уваженія къ императору всероссійскому императоръ Наполеонъ соглашается отдать нижепоименованныя покоренныя владѣнія».—«Вашъ король,—сказалъ Наполеонъ графу Гольцу,—всѣмъ обязанъ рыцарской привязанности къ нему императора Александра: безъ него династія короля лишилась бы престола, и я бы отдалъ Пруссію брату моему Іерониму».

Вообще трудно себѣ представить, чтобы могло обрушиться на одинъ народъ столько невзгодъ, несчастій и ударовъ, наносимыхъ систематически рукою неумолимаго врага, сколько Наполеонъ нанесъ Пруссіи и ея королевскому дому съ 1807 г. по 1813 г. Несмотря на заключеніе мира съ Пруссіей, Наполеонъ все-таки оставилъ на содержаніе въ этой разоренной и опустошенной странѣ армію въ 160.000 чел. и занялъ ею главнѣйшія прусскія крѣпости, вопреки буквальному тексту Тильзитскаго трактата. Въ продолженіе двухлѣтней оккупаціи французскими

войсками прусскихъ провинцій населеніе ихъ уплатило, въ видѣ денежныхъ контрибуцій, реквизицій и всевозможныхъ поставокъ, сумму въ одинъ милліардъ 129 милл. франковъ, при чемъ одна прусская провинція внесла 119 милліоновъ. Русскій журналъ «Геній Временъ» говорилъ: «Слава тебѣ, Александръ, другъ человѣчества! Да осѣнитъ сей миръ крылами своими всю Европу! Да исцѣлитъ онъ язвы твои, бѣдная разоренная Германія! Да будетъ онъ продолжителенъ и вѣченъ! Миръ съ Франціею заключенъ въ Тильзитѣ іюня 27, въ тотъ самый день, когда за 98 лѣтъ Петръ Великій одержалъ надъ Карломъ XII рѣшительную побѣду подъ Полтавою,—побѣду, которая навсегда освободила его отъ страшнаго соперника и утвердила навѣкъ власть его въ Европѣ. Сердце каждаго истиннаго сына отечества воспламеняется желаніемъ, дабы и сей миръ для Россіи имѣлъ тѣ великія и благотворныя послѣдствія, которыя нѣкогда произошли отъ Полтавской побѣды».

«Сладки плоды мира, купленнаго подвигами!—восклицалъ журналъ «Вѣстникъ Европы».—Франція, страшная для всѣхъ прочихъ державъ, отдаетъ должное уваженіе достоинству и величію Россіи?» Съ самодовольствомъ большинство прислушивалось 3 іюля къ пушечнымъ выстрѣламъ, возвѣщавшимъ Петербургу о торжественномъ празднованіи мира. Толпы народа спѣшили въ Казанскій соборъ. Спустя четыре дня, именно 7 іюня торжественно привѣтствовала миръ и Москва. Преосвященный Августинъ, епископъ дмитровскій и викарій московскій, сказалъ въ Успенскомъ соборѣ слово, въ которомъ спрашивалъ: «Какую же благодарность воздадимъ мы Господу?» и отвѣчалъ:

«Вознесемъ молитвы и принесемъ сыновнюю благодарность государю. Драгоцѣнные металлы образуютъ колоссъ, воздвигнутый во славу героя. Смертный въ изумленіи удивляется ему; но камень внезапно отторгается отъ горы и все обращаетъ въ прахъ. Благодатель народовъ славу имени своего сохраняетъ не въ мѣди и мраморѣ, но въ сердцахъ человѣческихъ, въ памяти потомства. Богъ и царь, образъ божества на землѣ, требуютъ, чтобы благодарность, имъ приносимая, состояла не въ словахъ, а паче въ дѣлахъ, сообразныхъ ихъ волѣ и законамъ, въ любви къ ближнему. Любовь къ отечеству—вотъ жертва, которою достойно возблагодарить мы можемъ и Бога, удѣляющаго на насъ милости свои, и государя, назидающаго и хранящаго спокойствіе и блаженство наше».

Словомъ, Августинъ приглашалъ каждаго исполнять свои обязанности, быть удаленнымъ отъ лицепріятія и мздоимства, чуждымъ корысти и обмана, быть правосуднымъ и честнымъ въ своихъ поступкахъ, т.-е. пріобрѣсти всѣ тѣ качества, которыми была такъ бѣдна тогдашняя Россія.

Узнавъ объ этой проповѣди, императоръ Александръ пожаловалъ Августину панагію, украшенную драгоцѣнными камнями.

Адмиралъ А. С. Шишковъ.

Императоръ Александръ, принявъ на себя посредничество въ примиреніи Франціи съ Англіею, сталъ противникомъ послѣдней. Дружба съ Наполеономъ привела насъ впослѣдствіи и къ войнѣ съ Швеціею, что печально отзывалось на нашей торговлѣ и промышленности. По мнѣнію Н. М. Карамзина, не слѣдовало принимать другого мира «кромѣ честнаго, безъ всякаго обязательства расторгнуть выгодныя для насъ торговыя связи съ Англіею и воевать со Швеціею. Безъ стыда могли бы мы отказаться отъ Европы, но безъ стыда не могли служить въ ней орудіемъ Наполеоновымъ, обѣщавъ избавить Европу отъ его насилія». Также Карамзинъ не могъ простить Александру образованія герцогства Варшавскаго. «Лучше было согласиться,—говорилъ онъ,—чтобъ Наполеонъ взялъ Шлезію, самый Берлинъ, нежели признать Варшавское герцогство».

Въ своихъ «запискахъ» А. С. Шишковъ замѣчалъ: «Тильзитскій миръ уничтожилъ чело могущественной Россіи принятіемъ самыхъ постыднѣйшихъ для нея условій, превратившихъ презираемаго и страшившагося насъ Бонапарта въ грознаго Наполеона. Онъ принудилъ насъ, а за нами уже легко и другія державы, какъ-то: Австрію, Пруссію и проч., не только признать себя французскимъ императоромъ, но даже сдѣлаться нѣкоторымъ образомъ повелителемъ и господиномъ надъ всѣми. Посолъ его, Коленкуръ, прибывшій въ Петербургъ, былъ первѣйшею въ немъ особою, едва не считавшею себя наравнѣ съ Александромъ».

Вообще мало было лицъ, которыя бы радовались прекращенію военныхъ дѣйствій. «Кто бы могъ вообразить,—писалъ неизвѣстный авторъ,—чтобы нашъ государь заключитъ союзъ съ начальникомъ гильотины, съ величайшимъ убійцею и недостойнѣйшимъ тираномъ, какой едва ли когда

существовалъ... Я вижу ясно, что начальникъ общества гильотины разоритъ эту страну». А этого разоренія боялись многіе, но люди недальновидные относились къ условіямъ мира довольно равнодушно.

Принято считать, что въ Тильзитѣ Александръ подчинился льстивымъ предложеніямъ Наполеона и, думая извлечь изъ нихъ пользу для себя и Россіи, ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Но теперь извѣстно, что императоръ Александръ, услыша отъ другихъ неблагопріятные отзывы Наполеона о себѣ, тогда же возненавидѣлъ его, но политическія обстоятельства заставляли Александра дѣйствовать до поры, до времени сдержанно и осторожно. Вступивъ въ союзъ съ заклятымъ врагомъ своего сердечнаго друга, короля прусскаго, Александръ долженъ былъ удерживать Пруссію отъ такой политики, которая могла бы вызвать новую войну противъ нея со стороны Франціи и привести ее къ окончательной гибели. Этого мало: соглашенія, подписанныя въ Тильзитѣ, могли заставить Россію поднять оружіе на свою недавнюю союзницу, Пруссію. Въ виду такихъ обстоятельствъ императоръ Александръ повторялъ въ продолженіе трехъ лѣтъ своему вѣнценосному другу: *Сохраните пока миръ, въ немъ одномъ ваше спасеніе.*

Главнымъ вдохновителемъ борьбы Европы съ Наполеономъ являлась Англія — эта *владычица морей*, готовившая противъ него новыя коалиціи. Вотъ почему стремленіе Наполеона добиться прочнаго мира съ Англіей стало цѣлью его внѣшней политики. По статьѣ 13-й Тильзитскаго мира Наполеонъ принималъ посредничество императора Александра для заключенія мира между Франціей и Англіей при условіи, что это посредничество будетъ принято Англіей не позже, какъ черезъ мѣсяцъ послѣ ратификаціи договора, а если Англія не дастъ отвѣта до 1 декабря, Россія обязывалась отозвать своего посланника изъ Лондона и совмѣстно съ Франціей потребовать отъ Даніи, Швеціи и Португаліи закрытія портовъ и объявленія войны Англіи. При отказѣ же этихъ государствъ присоединиться къ союзникамъ съ ними надлежало поступать, какъ съ непріятелемъ.

Но Англія вовсе не намѣрена была заключать миръ. Напротивъ того, она поспѣшила предупредить Наполеона въ Даніи. Въ началѣ августа 1807 г. англійскій корпусъ высадился въ Зеландіи и совмѣстно съ флотомъ бомбардировалъ Копенгагенъ. Датская столица покорилась и выдала англичанамъ свои арсеналы и флотъ.

Моментъ для рѣшительнаго выступленія Россіи наступилъ. Отправляя въ Петербургъ новаго посланника, Наполеонъ поставилъ ему первой задачей добиться, чтобы Россія объявила войну Англіи.

«Получивъ ваше письмо отъ 13 числа,—писалъ Наполеонъ Коленкуру,—я послалъ адъютанта въ Копенгагенъ съ приказаніемъ Бернадоту отправить въ Сканію 14.000 французовъ и голландцевъ. Что же касается Швеціи, то предвижу, что Александръ овладѣетъ даже Стокгольмомъ. Надо убѣждать его сдѣлать это, чтобы вернуть Даніи ея флотъ и колоніи. Россіи никогда не представится другого случая расположить Петербургъ болѣе центрально и избавиться отъ ея географическаго врага».

Въ теченіе первыхъ недѣль 1808 г. задача французскаго посла въ Петербургѣ заключалась въ томъ, чтобы внушать

Коленкуръ.

Александру дѣятельность на сѣверѣ и терпѣніе на югѣ, не допуская предпріятій противъ Турціи. Самъ Наполеонъ не упускалъ случая внушать своему союзнику необходимость рѣшительныхъ дѣйствій. Наполеонъ отъ 2 февраля 1808 г. писалъ Александру:

«Ваше величество узнаете о послѣднихъ рѣчахъ въ англійскомъ парламентѣ и о его рѣшеніи продолжать войну до крайности... Вашему величеству слѣдуетъ усилить свою армію. Съ своей стороны я охотно окажу вамъ полную поддержку. Я вовсе не завистникъ Россіи, а желаю ей славы, благополучія и расширенія. Позволите ли ваше величество дать совѣтъ лицу, искренно и вѣрно вамъ преданному? Вашему величеству необходимо удалить шведовъ отъ своей

столицы и отодвинуть съ этой стороны свою границу столь далеко, какъ пожелаете; я готовъ помочь вамъ всѣми средствами».

Предлагая далѣе совмѣстно дѣйствовать какъ въ Азіи, противъ Индіи, такъ и на сѣверѣ, Наполеонъ писалъ: «Къ 1-му мая наши войска могутъ быть въ Азіи, а войска вашего величества—въ Стокгольмѣ».

Однако шведскій король отказался рѣшительно примкнуть къ двумъ имперіямъ и закрыть свои гавани для судовъ Англіи. Тогда Коленкуръ началъ настаивать передъ Александромъ на принятіи предусмотрѣнныхъ мѣръ, т.-е. нападенія на Швецію. Государь не отказывался: къ концу 1807 г. корпуса, предназначенные для овладѣнія Финляндіей, оканчивали свое сосредоточеніе вокругъ Петербурга.

6 января Коленкуръ удостоенъ былъ исключительной чести сопровождать императора Александра при водосвятіи на Невѣ; онъ находился рядомъ съ государемъ въ теченіе всей церемоніи, идя по льду за процессіей изъ духовенства, двухъ императрицъ, Двора императора и его свиты. По окончаніи водосвятія проходили войска, цѣлая армія въ 47 батальоновъ и 39 эскадроновъ. «Довольны ли вы остались моими войсками?» спросилъ государь Коленкура послѣ парада. «Да, ваше величество, я ихъ нашелъ превосходными», отвѣтилъ посланникъ Наполеона и, воспользовавшись этимъ комплиментомъ, еще разъ просилъ, чтобы употребленіе этой отборной арміи болѣе не откладывалось. Александръ отвѣтилъ, что декларація, равносильная манифесту о войнѣ, только что выпущена. Каково же было удивленіе Коленкура, когда на другой день онъ узналъ отъ министра иностранныхъ дѣлъ гр. Румянцева, что все отложено на двѣ недѣли, до 15 февраля, когда разрывъ будетъ объявленъ въ Стокгольмѣ, а армія вступитъ въ Финляндію.

Съ шведскимъ посланникомъ Стедингомъ бесѣды государя велись до послѣдней минуты въ успокоительномъ тонѣ, усыпляя безпокойство Швеціи и подготовляя вмѣстѣ съ тѣмъ внезапное нападеніе. «Я говорю, пока этого хотятъ въ Петербургѣ,—сказалъ Александръ Коленкуру,—но это не мѣшаетъ моимъ войскамъ дѣйствовать». На самомъ дѣлѣ, армія наша приближалась къ границѣ и неожиданно перешла ее, и 15 февраля начались военныя дѣйствія. Застигнутые врасплохъ въ слабо занятыхъ пунктахъ, шведы не могли нигдѣ удержаться: Гельсингфорсъ, Або были заняты безъ сопротивленія, и пока летучіе отряды углублялись во всѣ части края, встрѣчая лишь преграды, созданныя природою, главныя силы арміи сосредоточились вокругъ Свеаборга, осадили его и быстро имъ овладѣли.

Прежде полнаго занятія Финляндіи императоръ Александръ предрѣшилъ уступку этой области шведскимъ королемъ и по праву завоеванія объявилъ ее присоединенной къ имперіи. Такимъ образомъ союзъ съ Франціей принесъ существенный результатъ и Александръ, видѣвшій въ завоеваніи Финляндіи свой личный успѣхъ въ политикѣ, говорилъ: «Что же, вы продолжаете сожалѣть о моемъ союзѣ съ Франціей? А что дали союзы съ вашей милой Англіей?»

Доводы были неопровержимы и главари оппозиціи: Чарторыжскій, Новосильцевъ и Строгановъ—сдѣлали ви-

Адамъ Чарторыжскій.

зитъ Коленкуру и стали бывать у него на вечерахъ. Между тѣмъ дѣла на финляндскомъ театрѣ неожиданно приняли неблагопріятный для насъ оборотъ. Шведы, оправившись отъ разстройства, стали защищаться, доказавъ свои качества хорошихъ солдатъ. Кромѣ того, они заняли островъ Готландъ, овладѣвъ его гарнизономъ.

За спиной Швеціи и Англія стала заявлять о себѣ, высказывая намѣреніе прійти на помощь своимъ союзникамъ. Десять тысячъ солдатъ генерала Мура, взятые съ Сициліи, высадились въ Готенбургѣ, а англійскій флотъ прибылъ въ датскія воды, и появленіе его ожидалось въ Балтійскомъ

морѣ. Словомъ, явилась опасность, какъ бы соединенный натискъ шведовъ и англичанъ не перенесъ военныхъ дѣйствій къ вратамъ столицы, и Петербургу не угрожала бы бѣда.

Коленкуръ, видя, что общественное мнѣніе начинаетъ измѣняться неблагопріятно для Франціи, сталъ давать императору Александру техническія указанія, представлялъ записки о способахъ обороны Финляндіи и обезпеченія ея за собой; сообщилъ также планъ наступленія на Скандинавскій полуостровъ. Эта тактика, которую Коленкуръ откровенно излагалъ въ своихъ донесеніяхъ и плоды которой онъ уже началъ пожинать, совсѣмъ не понравилась Наполеону, который нашелъ дѣятельность Коленкура мало совмѣстною съ ролью посла, почему писалъ ему: «Не забывайте, что вы французъ!»

Оправдываясь въ своихъ поступкахъ, Коленкуръ отвѣчалъ: «Императоръ никому не показывалъ записки или соображенія, которыя я ему представлялъ; однако я знаю, что онъ дѣлалъ распоряженія по всѣмъ».

Наполеонъ, отвлеченный возстаніемъ въ Испаніи, не желалъ въ эти минуты терять расположенія Россіи, почему приказывалъ Коленкуру предложить снова вступленіе французскихъ войскъ въ Сканію.

Но въ это время испанскія войска генерала Ла-Романа, занимавшія въ качествѣ авангарда маршала Бернадота датскіе острова, въ ожиданіи переправы въ Швецію, узнавъ объ успѣхахъ своихъ соотечественниковъ, взбунтовались и передались непріятелю, требуя, чтобы англійскій флотъ отвезъ ихъ на родину, гдѣ они хотѣли примкнуть къ борьбѣ за освобожденіе. Это обстоятельство сдѣлало силы Бернадота недостаточными для выполненія его задачи. Въ утѣшеніе Александру Наполеонъ доказывалъ, что война въ Испаніи отвлекла вниманіе англичанъ на югъ и удержала ихъ отъ оказанія помощи шведамъ. Въ письмѣ къ Коленкуру онъ писалъ: «Я увѣренъ, что экспедиція, предназначавшаяся для Швеціи, была направлена въ Кадиксъ и другіе пункты. Это и дало другой оборотъ дѣламъ Россіи». Какъ ни старался Наполеонъ сосредоточить все вниманіе Александра на Финляндіи, государь не упускалъ главныхъ выгодъ, ожидаемыхъ имъ отъ союза съ Франціей. Когда Коленкуръ говорилъ ему, что пріобрѣтеніе Финляндіи является столь необходимымъ дополненіемъ къ территоріи имперіи, *какъ рука къ тѣлу*, Александръ настойчиво возвращался къ вопросамъ объ очищеніи Пруссіи и о раздѣлѣ Турціи. Также императоръ Александръ продолжалъ ожидать болѣе активной поддержки со стороны Франціи и на сѣверѣ, гдѣ содѣйствіе Наполеона не шло далѣе обѣщаній.

«Довольно промедленій,—говорилъ Александръ Коленкуру въ августѣ 1808 г.,—нужно дѣйствовать, и пусть судьба Россіи рѣшается на всѣхъ пунктахъ: въ сентябрѣ—Эрфуртъ, въ ноябрѣ—движеніе и въ теченіе зимы—результаты»...

На эрфуртскомъ свиданіи шведскій вопросъ былъ исчерпанъ статьей 5-й договора, согласно которой однимъ изъ непремѣнныхъ условій мира съ Англіей ставилось и признаніе съ ея стороны присоединенія Финляндіи къ Россійской имперіи. Относительно другихъ частей шведскаго королевства вопроса не поднималось, и, такимъ образомъ, Александръ получалъ полную возможность свободно продолжать войну на сѣверѣ.

Бюстъ князя М. И. Кутузова (изъ собранія П. И. Щукина).

Для борьбы же Наполеона съ Сербіей даже тѣнь дружбы съ Александромъ имѣла значеніе; одинъ призракъ союза, въ видѣ появленія русскихъ войскъ въ Галиціи, способствовалъ бы не только побѣдѣ надъ Австріей, но и миру съ Англіей. Поэтому Наполеонъ разрѣшалъ Коленкуру содѣйствовать заключенію желаемаго въ Петербургѣ мира съ Швеціей, лишь бы взамѣнъ этой услуги русскіе сдѣлали серьезную диверсію въ Галиціи. Но двойная игра Наполеона въ вопросѣ о возстановленіи Польши не укрылась отъ Александра, и послѣдній считалъ болѣе осторожнымъ ограничиться лишь фиктивными дѣйствіями въ Галиціи.

Въ серединѣ августа 1809 г. графъ Румянцевъ отправился въ Финляндію, чтобы закончить побѣдоносную войну подписаніемъ въ Фридрихсгамѣ мира, по которому Россія получила въ вѣчное владѣніе всю Финляндію, Аландскіе и Кваркенскіе острова и часть восточной Ботніи до рѣки Торнео.

Императоръ Александръ I, 17 апрѣля 1809 г., возложилъ на Сперанскаго званіе канцлера Абоскаго университета и привлекъ его къ дѣламъ Финляндіи, которая, писалъ Сперанскій, «есть государство, а не губернія». Подъ вліяніемъ подобнаго взгляда завоеванный край образованъ былъ въ видѣ отдѣльнаго государства, и къ нему, два

Центральная Публичная Библиотека

года спустя, были присоединены не только земли, отошедшія къ Россіи по Абоскому миру 1743 года, но и Выборгская губернія, завоеванная еще Петромъ Великимъ.

Въ концѣ 1809 г. Коленкуръ получилъ неожиданное повелѣніе просить для Наполеона руку вел. кн. Анны Павловны, сестры Александра. Государь повелъ переговоры съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ дипломата, что предполагавшійся бракъ не состоялся, а на Наполеона палъ упрекъ въ двуличіи, такъ какъ, потерявъ терпѣніе, онъ послалъ Бертье просить руку дочери австрійскаго императора Франца, эрцъ-герцогини Луизы. Австрійцы отнеслись къ предложенію Наполеона съ полнымъ удовольствіемъ, и 26 января 1810 г. былъ подписанъ брачный договоръ. Съ этого времени полный разрывъ между тильзитскими друзьями становился вопросомъ лишь времени.

Предусматривая возможность новаго столкновенія съ Франціею, Александръ направилъ всѣ усилія къ окончанію войны на Балканскомъ полуостровѣ, тянувшейся столько лѣтъ. Новый главнокомандующій арміею Мих. Иларіон. Голенищевъ-Кутузовъ своими искусными дѣйствіями заставилъ турокъ, обложенныхъ въ лагерѣ при Слободзеѣ, сдаться и продолжалъ начавшіеся въ Журжѣ переговоры о мирѣ. Александръ за побѣду возвелъ Кутузова въ графское достоинство, а Наполеонъ, получивъ извѣстіе о пораженіи турокъ, сказалъ сердясь: «Какъ понять этихъ собакъ, допустившихъ побить себя? Кто могъ это предвидѣть!»

Въ продолженіе 1810 и 1811 годовъ, когда наша война съ Турціею продолжалась съ перемѣннымъ успѣхомъ, отношенія Россіи къ Франціи приняли враждебный характеръ. Наполеонъ для упроченія континентальной системы началъ съ 1810 г. расширять предѣлы своей имперіи. Уничтожена была самостоятельность голландскаго королевства и присоединены къ Франціи города ганзейскаго союза Лауенбургъ и все побережье Нѣмецкаго моря между нижними частями рѣкъ Эмса и Эльбы. Къ несчастью для Россіи, въ числѣ обиженныхъ оказался герцогъ Ольденбургскій, шуринъ Александра, по женитьбѣ своей на вел. кн. Екатеринѣ Павловнѣ. Когда французское правительство не приняло протеста, Александръ приказалъ отправить по этому поводу ноту ко всѣмъ русскимъ посольствамъ для сообщенія ея дворамъ, при которыхъ они находились. Дипломатъ Талейранъ боялся лишь одного, что война Россіи съ Наполеономъ не состоится. Графъ Жозефъ-де-Местръ писалъ, что послѣдствіемъ огромныхъ приготовленій къ войнѣ можетъ послѣдовать миръ. «Если подобное соглашеніе состоится, то, съ одной стороны, будетъ признанъ титулъ западнаго императора со всѣми его послѣдствіями, а съ другой—кто же

помѣшаетъ этимъ двумъ господамъ раздѣлить между собою Европу».

Къ политическимъ неудовольствіямъ присоединилась еще таможенная борьба. Въ положеніи о нейтральной торговлѣ на 1811 годъ дозволялся привозъ колоніальныхъ товаровъ подъ американскимъ флагомъ, а издѣлія французскихъ фабрикъ частію запрещались, частію же были обложены высокою пошлиною, чтобы оградить вывозъ звонкой монеты изъ Россіи въ уплату за предметы роскоши.

А. И. Чернышовъ.

Наполеонъ по этому поводу сказалъ присланному къ нему флигель-адъютанту Чернышову: «Вотъ большая планета, которая принимаетъ ложное направленіе; я ничего болѣе не понимаю въ ея движеніи; она можетъ такъ дѣйствовать только съ намѣреніемъ разойтись съ нами; будемъ настороже и примемъ всѣ мѣры, предписываемыя благоразуміемъ».

Съ этого момента Наполеонъ сталъ готовиться къ войнѣ, думая, что Россія рѣшилась броситься въ объятія Англіи. Въ письмѣ къ королю вюртембергскому, отъ 21 марта 1811 г., Наполеонъ такъ характеризовалъ политическое положеніе: «Война разыграется вопреки мнѣ, вопреки императору Александру, вопреки интересамъ Франціи и Россіи. Я уже не разъ былъ свидѣтелемъ этому, и личный опытъ, вынесенный изъ прошлаго, открываетъ мнѣ эту будущность. Все это уподобляется оперной сценѣ, и агличане стоятъ за машинами... Но если я не желаю войны, и, въ особенности, если я очень далеко отъ намѣренія быть Донъ-Кихотомъ Польши, то, по крайней мѣрѣ, я имѣю право требовать, чтобы Россія оставалась вѣрною союзу».

Въ августѣ 1811 года приготовленія къ войнѣ съ Россіею настолько были налажены, что Наполеонъ во время парадnаго пріема въ Тюльерійскомъ дворцѣ, вечеромъ 3 августа, бесѣдуя съ нашимъ посланникомъ кн. Куракинымъ въ присутствіи дипломатическаго корпуса и двора, позволилъ, между прочимъ, сказать: «Не понимая ничего въ ходѣ дѣлъ, которому у васъ слѣдуютъ, я поступаю, какъ человѣкъ въ первобытномъ состояніи, который, когда не разумѣетъ,

выказываетъ недовѣрчивость. Въ Россіи есть таланты; но то, что тамъ дѣлается, доказываетъ, что у васъ или потеряли голову, или таятъ заднія мысли. Въ первомъ случаѣ вы походите на зайца, у котораго дробь въ головѣ и который кружится то въ ту, то въ другую сторону, не зная, ни по какому направленію онъ слѣдуетъ, ни куда добѣжитъ». Тотъ, кого Наполеонъ сравнивалъ съ растерявшимся раненымъ зайцемъ, прекрасно сознавалъ, куда онъ идетъ, ни чуть не отрицая ожидавшей его опасности. Императоръ Александръ сказалъ: *я играю большую игру*, вполнѣ зная, что для успѣха замышленной войны нужно было заставить Наполеона вступить на русскую землю, чтобы увлечь за собою народъ русскій, не видавшій непріятеля въ своей странѣ болѣе ста лѣтъ.

Затѣмъ, послѣ такой выходки Наполеона, наступило затишье, такъ какъ обѣ стороны искали себѣ союзниковъ. Такъ насталъ 1812 годъ, который, по словамъ автора книги «Россія и Европа» Н. Я. Данилевскаго, «былъ, собственно, великою политическою ошибкою, обращенною духомъ русскаго народа въ великое народное торжество».

II.

Союзникъ Александра, король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ III, принужденъ былъ пожертвовать влеченію своего сердца и заключить договоръ съ Франціею, а Австрію постигла та же участь. Александръ успѣлъ заключить миръ съ Турціею и сблизиться со Швеціею, гдѣ въ исходѣ 1810 г. маршалъ Бернадотъ былъ избранъ наслѣднымъ принцемъ Швеціи. Завязавшаяся переписка между Александромъ и Бернадотомъ привела къ тому, что Наполеонъ потерялъ возможность разсчитывать на содѣйствіе Швеціи, которая, стремясь получить Норвегію, изъявила Александру готовность, въ февралѣ 1812 г., подписать формальный отказъ отъ Финляндіи и отъ Аландскихъ острововъ, если онъ поможетъ завоевать Норвегію. Императоръ Александръ послалъ въ Стокгольмъ въ качествѣ уполномоченнаго генерала Сухтелена. Между тѣмъ шведское правительство прислало въ Петербургъ посланника, графа Левенгельма, для заключенія союза съ Россіею, который и былъ подписанъ 24 марта 1812 года.

Подготовленіе мира съ Англіей было одною изъ заботъ Александра, но такъ какъ миръ этотъ былъ равносиленъ объявленію войны Франціи, поэтому государь принужденъ былъ дѣйствовать осторожно, выжидая вторженія Наполеона въ Россію. Но когда «великая армія» была уже у самой границы, Александръ уполномочилъ Сухтелена заключить

мирный договоръ съ Англіею, для чего англійскій уполномоченный Тортонъ находился въ Швеціи.

Въ ожиданіи грозныхъ событій 1812 г. императоръ Александръ рѣшился разстаться съ Сперанскимъ. Призвавъ рано утромъ къ себѣ де-Санглена, государь ему сказалъ: «Сперанскій самъ ускорилъ свое отправленіе. Я спрашивалъ его, какъ онъ думаетъ о предстоящей войнѣ, и участвовать ли мнѣ въ ней своимъ лицомъ? Онъ имѣлъ дерзость, описавъ мнѣ всѣ воинственные таланты Наполеона, совѣтовать, чтобъ, сложивъ все съ себя, я собралъ

Талейранъ.

Боярскую Думу и предоставилъ ей вести отечественную войну. Но что же я такое? Развѣ нуль? Изъ этого я убѣждаюсь, что онъ своими министерствами точно подкапывался подъ самодержавіе, котораго я не могу и не въ правѣ сложить съ себя самовольно къ вреду моихъ наслѣдниковъ».

Къ адмиралу Шишкову 23 марта явился фельдъегерь и сказалъ, что государь проситъ его къ себѣ. Дорогою придумывалъ Шишковъ, какъ пишетъ въ своихъ «запискахъ», причины зова, «хотя по совершенному удаленію моему отъ всякихъ дѣлъ, казалось, ничто не могло до меня касаться, однакожъ высылка Сперанскаго, отставка Мордвинова

и, наконецъ, явное неблаговоленіе ко мнѣ государя императора—приводили меня въ сильнѣйшее безпокойство». Оказалось, Александръ встрѣтилъ его словами: «Я читалъ разсужденіе ваше о любви къ отечеству. Имѣя таковыя чувства, вы можете быть ему полезны. Кажется, у насъ не обойдется безъ войны съ французами; нужно сдѣлать рекрутскій наборъ; я бы желалъ, чтобы вы написали о семъ манифестъ, въ которомъ бы побудительнымъ для народа образомъ изложена была необходимость сей предпринимаемой правительствомъ мѣры». На другой день Шишковъ отвезъ манифестъ, который государь подписалъ и отправилъ въ Сенатъ.

Затѣмъ 9 апрѣля, въ день отъѣзда Александра въ Вильну, Шишковъ былъ снова призванъ во дворецъ и государь сказалъ ему: «Я бы желалъ, чтобъ вы поѣхали со мною. Можетъ-быть, для васъ это и тяжело, но для отечества нужно». И вице-адмиралъ Шишковъ былъ назначенъ состоять при особѣ государя въ званіи государственнаго секретаря на мѣсто Сперанскаго. «Нисколько не позволяя себѣ судить,—писалъ С. Т. Аксаковъ,—на своемъ ли мѣстѣ онъ былъ, я скажу только, что въ Москвѣ и другихъ внутреннихъ губерніяхъ Россіи всѣ были обрадованы назначеніемъ Шишкова, и что писанные имъ манифесты дѣйствовали электрически на цѣлую Русь».

Главнокомандующій въ Москвѣ престарѣлый графъ Гудовичъ, по совѣту вел. кн. Екатерины Павловны, былъ замѣненъ графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ, который былъ переименованъ изъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника въ генералы-отъ-инфантеріи и назначенъ военнымъ генералъ-губернаторомъ Москвы. Отъѣздъ императора Александра къ арміи повлекъ и другія назначенія. Такъ, желая имѣть при себѣ государственнаго канцлера гр. Румянцева, государь назначилъ 29 марта фельдмаршала гр. Салтыкова предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Генералъ Вязьмитиновъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ С.-Петербургѣ, и управленіе департаментами военнаго министерства, по случаю отъѣзда военнаго министра Барклая-де-Толли, ввѣрено было князю Алексѣю Иван. Горчакову.

Всѣ войска, собранныя на западной границѣ, составили двѣ арміи, разцѣленныя на разные корпуса.

Первая армія, ввѣренная Барклаю, имѣла главную квартиру въ Вильнѣ и состояла изъ 6 пѣхотныхъ и 2 резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ. Первый корпусъ, или отдѣльный праваго крыла, подъ начальствомъ графа Витгенштейна, состоялъ изъ 5-й и 14-й пѣхотныхъ дивизій, двухъ драгунскихъ и одного гусарскаго полковъ отъ 1-й кавалерійской дивизіи, трехъ артиллерійскихъ бригадъ и 3-хъ казачьихъ полковъ.

Вторымъ корпусомъ командовалъ генералъ-лейтенантъ Багговутъ; третьимъ—генералъ-лейтенантъ Тучковъ 1-й; четвертымъ—генералъ-адъютантъ гр. Шуваловъ; пятымъ—его высочество цесаревичъ Константинъ Павловичъ; шестымъ или отдѣльнымъ лѣваго крыла—генералъ-лейтенантъ Эссенъ 1-й. Первымъ резервнымъ кавалерійскимъ—генералъ-адъютантъ Уваровъ, а вторымъ резервнымъ ка-

Наполеонъ. (Изъ русской книги: «Бичъ Франціи»).

валерійскимъ — генералъ-адъютантъ баронъ Корфъ, а третьимъ—графъ Паленъ. Всѣ эти корпуса размѣщены были: 1-й—въ Шавляхъ; 2-й—Вилькомирѣ; 3-й—въ Вильно; 4-й—въ Василишкахъ; 1-й кавалерійскій — въ Ошмяшахъ; 2-й кавалерійскій—въ Новогрудкѣ и 6-й пѣхотный корпусъ—въ Пружанахъ.

Сверхъ того, летучій корпусъ изъ 15 казачьихъ полковъ съ ротою Донской конной артиллеріи, находившійся въ Бѣлостокѣ, подъ начальствомъ войскового атамана гене-

рала-отъ-кавалеріи Платова, составлялъ часть первой арміи. Вторая западная армія находилась подъ предводительствомъ генерала-отъ-инфантеріи князя Багратіона, которому дано было приказаніе перевесть свою главную квартиру изъ Житомира въ Луцкъ. Армія Багратіона состояла изъ 4-хъ пѣхотныхъ и 2-хъ резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ, изъ которыхъ 7-мъ командовалъ генералъ-лейтенантъ Раевскій; 8-мъ — генералъ-отъ-инфантеріи Каменскій; 9-мъ—генералъ-лейтенантъ Марковъ; 10-мъ—генералъ-отъ-инфантеріи Дохтуровъ; 4-мъ резервнымъ кавалерійскимъ—генералъ-майоръ Чаплицъ; 5-мъ резервнымъ кавалерійскимъ — генералъ-адъютантъ графъ Ламбертъ. Сверхъ того, при второй арміи находилось 12 ротъ артиллеріи и 10 казачьихъ полковъ.

Всѣ пѣхотные полки обѣихъ дѣйствующихъ армій были двухбатальонные; кирасирскіе полки 4-эскадронные, а легкой кавалеріи 8-эскадронные. Только шесть пѣшихъ полковъ гвардіи выступили въ походъ въ составѣ трехъ батальоновъ. Изъ 3-хъ же батальоновъ пѣхотныхъ полковъ и 5-ти эскадроновъ кирасирскихъ полковъ, а равно 9 и 10 эскадроновъ легкихъ кавалерійскихъ полковъ были образованы резервныя войска. Кромѣ того, изъ

Наслѣдный принцъ Швеціи Бернадотъ.

Князь М. Б. Барклай-де-Толли.

гренадерскихъ ротъ, взятыхъ отъ резервныхъ батальоновъ, были составлены сводные гренадерскіе батальоны. Пѣхотныя дивизіи 5, 14, 3, 11, 7 и 24 удержали при себѣ свои сводные гренадерскіе батальоны, а батальоны гренадерскихъ пѣхотныхъ дивизій 1, 4, 17 и 23 составили сводную гренадерскую дивизію первой арміи, а батальоны отъ шести пѣхотныхъ гренадерскихъ дивизій второй арміи остались при ней, образовавъ сводную гренадерскую дивизію.

Всѣ же остальные резервные батальоны и запасные эскадроны поступили въ составъ новыхъ восьми пѣхотныхъ и четырехъ кавалерійскихъ дивизій, изъ которыхъ составлены были два корпуса: 1-й резервный корпусъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Меллера-Закомельскаго, имѣвшій главную свою квартиру въ городѣ Торопцѣ, а 2-й резервный корпусъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Эртеля, имѣлъ главную квартиру въ городѣ Ромнахъ. Дивизіи же 30 и 31 составили гарнизонъ Риги, подъ командою военнаго губернатора этого города, генералъ-лейтенанта князя Лобанова-Ростовскаго.

Между тѣмъ, какъ мы приготовлялись къ оборонѣ своихъ границъ, «великая армія» Наполеона двигалась къ рѣкѣ

Нѣману. Въ концѣ мая мѣсяца маршалъ Даву прибылъ въ Кенигсбергъ, маршалъ Удино—въ Велау, маршалъ Ней—въ Гольдапнъ, вице-король Италіи—въ Ратенбургъ, король вестфальскій—въ Варшаву, а князь Понятовскій—въ Пултускъ. Всѣ эти движенія показывали, что главныя дѣйствія произойдутъ въ нижней части рѣки Нѣмана, почему требовалась перемѣна въ составѣ и назначеніи второй арміи, т.-е. необходимость ея сближенія съ первой арміею, а для прикрытія Волыни составить третью армію. Вслѣдствіе этого князь Багратіонъ получилъ приказаніе перейти изъ Луцка въ Пружаны, при чемъ 6-й корпусъ, начальникомъ котораго былъ назначенъ генералъ Дохтуровъ, переведенъ изъ Пружанъ въ Волковыскъ и присоединенъ ко второй арміи, а командовавшій имъ генералъ Эссенъ назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Ригу, на смѣну генерала князя Лобанова-Ростовскаго, которому приказано отправиться въ городъ Владимиръ-на-Клязьмѣ для наблюденія надъ формированіемъ новыхъ резервныхъ войскъ. Послѣ сдѣланныхъ перемѣнъ въ первой арміи Барклая-де-Толли находилось 150 батальоновъ, 134 эскадрона, 18 казачьихъ полковъ и 558 орудій; всего 127.000 солдатъ.

Во второй подъ начальствомъ князя Багратіона 58 батальоновъ, 52 эскадрона, 9 казачьихъ полковъ и 216 орудій; всего 48.000 человѣкъ.

Третья обсерваціонная армія, подъ командою генерала Тормасова, 54 батальона, 76 эскадроновъ, 9 казачьихъ полковъ и 168 орудій; всего 49.000 человѣкъ.

Наполеонъ 5 іюня перевелъ свою главную квартиру изъ Кенигсберга въ Инстербургъ, 7—въ Гумбинскъ и 8—въ Вилковишки. Его «великая армія», состоявшая изъ двадцати народностей, почему и получила названіе у русскаго народа «*двунадесяти языковъ*», состояла изъ гвардейскаго корпуса, 12 пѣхотныхъ и 4 резервныхъ кавалерійскихъ, всего 603 батальона, 526 эскадроновъ и 1.372 орудій, изъ которыхъ 140 было осадныхъ, спеціально для дѣйствія противъ г. Риги. Число всѣхъ войскъ Наполеона достигало 610.000 строевыхъ, а съ нестроевыми до 700.000 человѣкъ; кромѣ того, при арміи его находилось 187.111 лошадей. Противъ такого числа составъ всѣхъ трехъ нашихъ армій простирался всего до 218.000 человѣкъ.

До переправы «великой арміи» Наполеона графъ Ростопчинъ писалъ, 11 іюня 1812 г., государю: «Ваша имперія имѣетъ двухъ могущественныхъ защитниковъ—въ обширности ея и климатѣ... Русскій императоръ всегда будетъ грозенъ въ Москвѣ, страшенъ въ Казани и непобѣдимъ въ Тобольскѣ». Это соображеніе, однако, явилось позже, а въ предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ былъ принятъ планъ генерала Фуля, который служилъ въ русской арміи съ 1806 г. Въ 1809 г.

Князь П. И. Багратіонъ Имеритинскій.

Канкринъ издалъ на нѣмецкомъ языкѣ книжечку: *Отрывки, касающіеся военнаго искусства съ точки зрѣнія военной философіи*, которая имѣла большое вліяніе, какъ говоритъ въ своемъ дневникѣ ея сочинитель: «потому что она дала мнѣ мысль въ томъ, что одержать верхъ надъ французами можно только способомъ войны Фабія Кунктатора. Книжечка моя попала въ руки прусскаго генерала Фуля, который со мною и познакомился. Онъ имѣлъ такой же взглядъ на войну 1812 года, какъ и я, и по примѣру англичанъ въ Испаніи, при Терассъ-Ведре, хотѣлъ устроить такой же укрѣпленный лагерь при Дриссѣ. Взглядовъ его придержались съ небольшими измѣненіями; я полагаю, что самъ имѣлъ во многомъ на него вліяніе, а равно на кунктаторскій походъ».

Бернадотъ, бывшій маршалъ Наполеона, тогда уже правитель Швеціи, писалъ Александру: «Въ томъ положеніи, въ которомъ находится Россія въ отношеніи съ Франціей, вся ея выгода заключается въ томъ, чтобы затянуть войну надолго, потому что она можетъ это сдѣлать, а Наполеонъ не можетъ. Слѣдуетъ менѣе всего разсчитывать на случай и потому необходимо избѣгать большихъ сраженій, а скорѣе

привести войну къ мелкимъ стычкамъ. Чтобы было много казаковъ—отнимать у него обозъ и уничтожать продовольственныя средства. Если бы пришлось отступать за Двину и, чтобы все сказать, за Неву—только бы упорно продолжали дѣйствовать—все устроится, и Наполеонъ окончитъ съ Александромъ, какъ Карлъ XII съ Петромъ I».

Свою книжечку Канкринъ показалъ также тогдашнему военному министру Барклаю-де-Толли, тому полководцу, котораго, какъ выразился А. С. Пушкинъ, *великій ликъ*

Великій князь Константинъ Павловичъ.

въ грядущемъ поколѣньѣ поэта приведетъ въ восторгъ и изумленье. Барклай оцѣнилъ пылкаго, талантливаго и образованнаго юношу—Канкрина, полнаго благородной рѣшимости отплатить новой родинѣ за данный пріютъ самопожертвованіемъ,—рѣшимости, не чуждой и Барклаю, который дружески сошелся съ Канкриномъ и былъ его руководителемъ къ достиженію высокихъ должностей. Въ 1810 г. Канкринъ написалъ для Барклая проектъ «О средствахъ продовольствія большихъ армій», каковой встрѣтилъ благопріятный отзывъ государя, что быстро повело Канкрина по

ступенямъ возвышенія. Въ февралѣ 1811 г. Канкринъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и назначеніе помощникомъ генералъ-провіантмейстера военнаго министерства. Въ 1812 г. онъ явился уже генералъ-интендантомъ 1-й арміи, а 2-й арміи былъ назначенъ сенаторъ Ланской, который въ 1809 г. занималъ мѣсто губернатора въ Москвѣ. Фуль полагалъ вести оборонительную войну двумя арміями, изъ которыхъ одна удерживала бы непріятеля съ фронта, а другая дѣйствовала бы ему въ тылъ и флангъ, но онъ упустилъ изъ виду численное превосходство арміи Наполеона, вслѣдствіе чего принятіе идеи Фуля

Князь П. Х. Витгенштейнъ.

повело къ неумѣстному раздѣленію слабыхъ силъ, занимавшихъ западную границу, на двѣ арміи. Императоръ Александръ I, получа извѣстіе о приближеніи французскихъ войскъ къ границѣ Россіи, рѣшилъ отправиться въ Вильну.

За нѣсколько дней до своего отъѣзда императоръ Алекса́ндръ I пригласилъ многихъ военныхъ чиновъ къ обѣду, по окончаніи котораго обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: «Мы участвовали въ двухъ войнахъ противъ французовъ, какъ союзники, и, кажется, долгъ свой исполнили; теперь пришло время защищать свои собственныя права, а не постороннія, и потому, уповая на Бога, надѣюсь, что всякій изъ насъ исполнитъ свою обязанность, и что мы не помрачимъ военную славу, нами пріобрѣтенную». Затѣмъ

Графъ М. И. Платовъ.

9 апрѣля, послѣ молебствія въ Казанскомъ соборѣ, въ два часа пополудни, государь выѣхалъ изъ С.-Петербурга.

Въ тотъ же день министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Румянцевъ пригласилъ къ себѣ французскаго посла графа Лористона и передалъ ему отъ государя сообщить Наполеону, что «Его Величество въ Вильнѣ такъ же, какъ и въ Петербургѣ, остается его другомъ, и что его отъѣздъ въ Вильну вызванъ извѣстіемъ о приближеніи французскихъ войскъ къ Кенигсбергу и имѣетъ цѣлью воспрепятствовать генераламъ предпринять какое-либо движеніе, которое могло бы вызвать разрывъ».

Кромѣ того, 9 апрѣля послѣдовалъ указъ, которымъ было повелѣно: «Уваживъ затрудненія Государственнаго казначейства, изготовить потребное число облигацій на 6 или 10 милл. руб. Облигаціи эти писать отъ 200 до 500 руб. каждую. Чрезъ годъ времени отъ выдачи оныхъ, по предъявленіи въ казначейство, означенныя въ тѣхъ облигаціяхъ суммы немедленно платить государственными банковыми ассигнаціями съ процентами по 6 на 100». Назначеніе этихъ облигацій было опредѣлено въ указѣ, отъ 24 апрѣля, данномъ на имя главнокомандующихъ первою и второю западными арміями, въ которомъ разъяснялось, что облигаціи эти выдаются или только за хлѣбъ, фуражъ и другіе предметы продовольствія, взимаемые для войскъ, и что эти облигаціи запрещалось выдавать въ уплату за прошедшее время. На покрытіе военныхъ расходовъ въ 1812 г. было выпущено 64.500.000 руб. ассигн., но этого выпуска было недостаточно, и указомъ 15 іюля было приказано остановить всѣ въ имперіи гражданскія строенія, какого бы они вѣдомства ни были, равно всѣ выдачи ссудъ частнымъ лицамъ изъ мѣстъ казенныхъ и всѣ свободные капиталы и суммы, городамъ принадлежащія, обратить въ Государственное казначейство.

Въ Вербное воскресенье, 14 апрѣля, императоръ Александръ прибылъ въ Вильну, въ два часа пополудни, встрѣ-

ченный громомъ пушекъ и колокольнымъ звономъ. Въ предмѣстіи города Антоколь государя ожидали магистратъ, всѣ цехи со своими значками, еврейскій кагалъ и тысячи народа. Жители Вильны толпились на площадяхъ и улицахъ, по которымъ проѣзжалъ Александръ, а равно помѣщались на крышахъ домовъ и костеловъ. На другой день своего пріѣзда государь принималъ во дворцѣ духовенство, властей и знатныхъ дворянъ-магнатовъ, купечество и еврейскій кагалъ, а въ первый день Свѣтлаго Христоваго Воскресенія Александръ присутствовалъ на парадѣ войскъ, собранныхъ подъ Вильною. Черезъ нѣсколько дней виленское дворянство дало въ честь государя блестящій балъ, и

Видъ г. Риги въ 1812 г.

когда монархъ вступилъ въ залу, хоръ пропѣлъ кантату: *Мы прославляемъ и прославитъ потомство въ тебѣ божественную благость. Свѣтъ никогда не забудетъ о Титѣ и о тебѣ.* Привлечь поляковъ къ себѣ заставлялъ государя политическій расчетъ, почему придворныя званія и ордена были розданы въ изобиліи.

Красивая наружность и очаровательное обращеніе Александра, которому было тогда всего 35 лѣтъ, были общею темою разговоровъ, какъ во время пріемовъ въ Вильнѣ, такъ и поѣздки по Сѣверо-западному краю на смотры войскъ, въ Вилькомирѣ, Шавляхъ и Гродно.

Въ ожиданіи начала военныхъ дѣйствій въ главной квартирѣ всѣ дружно интриговали и критиковали планъ Фуля, совѣтуя дать сраженіе и не отступать предъ непріятелемъ

безъ боя; но это заблужденіе разсѣялось послѣ вступленія Наполеона въ русскіе предѣлы, когда очевиднымъ стало, что наши силы далеко слабѣе силъ «великой арміи». Адмиралъ Шишковъ, находившійся въ Вильнѣ, пишетъ въ своихъ «запискахъ», что государь говорилъ о Барклаѣ, какъ главномъ распорядителѣ, а послѣдній отзывался, что онъ лишь исполнитель его велѣній. «Могло ли такое разнорѣчіе между ними служить къ благоустройству и пользѣ?» Удивляло адмирала также порученіе Фулю сдѣлать укрѣпленный лагерь при Дриссѣ и завозъ провіанта въ Вильну. «Зачѣмъ,—думалъ я,—итти въ Вильну съ намѣреніемъ оставить ее и нести какъ бы на плечахъ своихъ непріятеля внутрь Россіи, гдѣ никакихъ новыхъ силъ для обороны ея не было приготовлено? Развѣ бы непріятель безъ отступленія нашего не пошелъ къ намъ? И къ чему иному отступленіе сіе, весьма похожее бѣгство, могло служить, какъ не къ тому, чтобы слухами о немъ разливать повсюду страхъ и ужасъ?»

Наполеонъ, узнавъ о выѣздѣ императора Александра изъ Петербурга къ арміи, покинулъ Парижъ и отправился въ Дрезденъ, а къ государю отправилъ графа Нарбонна съ письмомъ, поручивъ ему узнать, не заняли ли русскія войска Восточную Пруссію или герцогство Варшавское. Нарбоннъ, убѣдясь въ напрасныхъ опасеніяхъ Наполеона, писалъ ему изъ Вильны: «Мы не настолько счастливы, чтобы они думали объ этомъ». Александръ же, бесѣдуя съ Нарбонномъ, вельможею прежняго времени, указывая на лежавшую предъ нимъ карту, сказалъ: «Я не ослѣпляюсь мечтами; я знаю, въ какой мѣрѣ императоръ Наполеонъ великій полководецъ, но на моей сторонѣ, какъ видите, пространство и время. Во всей этой враждебной для васъ землѣ нѣтъ такого отдаленнаго угла, куда бы я ни отступилъ, нѣтъ такого пункта, который я не сталъ бы защищать, прежде чѣмъ согласиться заключить постыдный миръ. Я не начну войны, но не положу оружія, пока хоть одинъ непріятельскій солдатъ будетъ оставаться въ Россіи».

Графъ Нарбоннъ, явясь къ Наполеону, передалъ свой разговоръ съ императоромъ Александромъ, послѣ чего Наполеонъ сказалъ: «Хотятъ войны, я ее начну», и немедленно приказалъ своимъ войскамъ двигаться къ границѣ Россіи.

Вступленію войскъ Наполеона въ Россію предшествовалъ случай, который могъ имѣть печальныя послѣдствія. Лица свиты государя просили разрѣшеніе дать балъ въ загородномъ домѣ Беннигсена Закретѣ (по-польски закретъ—петля, которую въ этомъ мѣстѣ образуетъ рѣка Вилія, почему и получило свое названіе это мѣстечко). За отсутствіемъ большой залы поручили мѣстному архитектору

построить деревянную галлерею въ саду. Балъ былъ назначенъ 12 іюня, а наканунѣ государь получилъ записку, гдѣ говорилось, что зала должна рухнуть во время танцевъ. Александръ поручилъ начальнику военной полиціи де-Санглену подробно осмотрѣть эту постройку. Но едва успѣлъ пріѣхать въ Закретъ Сангленъ, какъ построенная галлерея разсыпалась; уцѣлѣлъ одинъ полъ, а архитекторъ скрылся. Выслушавъ донесеніе де-Санглена, государь сказалъ: «Такъ это правда, поѣзжайте и прикажите

Маршалъ Удино.

полъ немедля очистить; мы будемъ танцовать подъ открытымъ небомъ». Во время бала, когда всѣ танцовали и веселились, Балашовъ доложилъ Александру извѣстіе о томъ, что французская армія начала свою переправу черезъ Нѣманъ. Государь приказалъ Балашову хранить втайнѣ донесеніе, а самъ продолжалъ любезно разговаривать съ приглашенными на балъ лицами. Возвратясь въ городъ, императоръ Александръ провелъ большую часть ночи въ работѣ. Призвавъ къ себѣ адмирала Шишкова, приказалъ ему написать приказъ арміямъ и рескриптъ къ фельдмаршалу Салтыкову о вступленіи непріятеля въ наши пре-

дѣлы. По изготовленіи ихъ Александръ подписалъ бумаги безъ измѣненій.

Рескриптъ гр. Салтыкову оканчивался словами: *Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ*. Это торжественное обѣщаніе Александра встрѣтило благодарный откликъ въ сердцахъ русскихъ и возвратило государю безусловную вѣру къ нему народа. Для доказательства Европѣ, что войну начинаемъ не мы, какъ сказалъ государь генералъ-адъютанту Балашову, послѣдній былъ посланъ къ Наполеону съ собственноручнымъ письмомъ Александра и съ порученіемъ подтвердить словесно Наполеону, что если онъ намѣренъ вступить въ переговоры, то они могутъ быть начаты тотчасъ, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы арміи его отошли отъ границъ Россіи. Балашовъ былъ принятъ Наполеономъ 16 іюня, по вступленіи французовъ въ Вильну; въ письменномъ своемъ отвѣтѣ Наполеонъ, отклоня предложенія Александра, писалъ: *Даже Богъ не можетъ сдѣлать, чтобы не было того, что произошло*. Выѣхавъ изъ Вильны рано утромъ 14 іюня, императоръ Александръ направился въ Свенцяны, гдѣ призвалъ графа Аракчеева и просилъ его, чтобы онъ опять вступилъ въ управленіе военными дѣлами. И «съ онаго числа,—писалъ Аракчеевъ,—вся французская война шла черезъ мои руки: всѣ тайныя повелѣнія, донесенія и собственноручные приказы государя».

Изъ занятаго войсками первой арміи, 28 іюня, дрисскаго лагеря императоръ Александръ писалъ, 4 іюля, гр. Салтыкову слѣдующія строки: «Противу нашей первой арміи, составленной изъ 12 дивизій, у Наполеона ихъ 16 или 17, кромѣ 3, направленныхъ въ Курляндію и на Ригу. Противу Багратіона, имѣющаго 6 дивизій, у непріятеля ихъ 11. Противу Тормасова одного силы довольно равны. Рѣшиться на генеральное сраженіе столь же щекотливо, какъ и отъ онаго отказаться. Въ томъ и другомъ случаѣ можно легко открыть дорогу на Петербургъ, но, потерявъ сраженіе, трудно будетъ исправиться для продолженія кампаній. На негоціаціи же намъ и надѣяться нельзя, потому что Наполеонъ ищетъ нашей гибели, и ожидать добраго отъ него есть пустая мечта. Единственно продолженіемъ войны можно уповать съ помощью Божіею перебороть его».

Къ этой цѣли и были направлены всѣ распоряженія Александра, которыя скоро измѣнили первоначальный планъ, поведшій къ соединенію второй арміи съ первой. Рѣшено было оставить дрисскій лагерь и вывести оттуда вторую армію, а первая продолжала отступленіе на Витебскъ и 22 іюля соединилась со второю въ Смоленскѣ. Пророчество Наполеона, что «Багратіонъ съ Барклаемъ. уже болѣе не увидятся», не сбылось. Императоръ Александръ

6 іюля приказалъ къ ночи готовить коляски, чтобы ѣхать черезъ Смоленскъ въ Москву. Этотъ отъѣздъ неожиданный, какъ передаетъ А. С. Шишковъ въ своихъ «запискахъ», произошелъ такимъ образомъ: флигель-адъютантъ Чернышовъ принесъ Шишкову приказъ войскамъ, который государь поручилъ ему просмотрѣть и исправить. Приказъ былъ отъ имени государя и кончался словами: *Я всегда буду съ вами и никогда отъ васъ не отлучусь*. Это выраженіе привело Шишкова въ отчаяніе; онъ подчеркнулъ

Графъ А. П. Тормасовъ.

его и сказалъ Чернышову: «Донесите государю, что это зависѣть будетъ отъ обстоятельствъ, и что онъ не можетъ сего обѣщать, не подвергаясь опасности не сдержать даннаго имъ слова». Это обстоятельство заставило Шишкова припомнить также слова Александра: «Вы бы трое (т.-е Аракчеевъ, Балашовъ и Шишковъ) сходились иногда и что-нибудь между собою разсуждали». Такимъ образомъ представлялась возможность подать монарху записку за подписью трехъ лицъ. Балашовъ немедленно согласился подписать письмо, сочиненное Шишковымъ незадолго предъ этимъ событіемъ, а Аракчеевъ колебался. Когда ему ска-

зали, что отъѣздъ государя въ Москву является единственнымъ средствомъ спасти отечество, Аракчеевъ возразилъ: *Что мнѣ до отечества! Скажите мнѣ, не въ опасности ли государь, оставаясь долѣе при арміи?*

«Конечно,—отвѣтилъ ему Балашовъ и Шишковъ,—ибо если Наполеонъ атакуетъ нашу армію и разобьетъ ее, что тогда будетъ съ государемъ? А если онъ побѣдитъ Барклая, то бѣда еще не велика!» Послѣ такого объясненія Аракчеевъ подписалъ письмо и положилъ его съ вечера на письменный столъ государя. Александръ утромъ при докладѣ Аракчеева сказалъ ему: «Я читалъ ваше посланіе», и приказалъ Шишкову написать воззваніе къ Бѣлокаменной и манифестъ о всеобщемъ ополченіи. Такимъ образомъ война съ Наполеономъ съ этого момента получила значеніе народной.

При отъѣздѣ государя въ Москву и дунайской арміи даны были предначертанія для операцій. Адмиралъ Чигаговъ предлагалъ занять Константинополь, на что Александръ 6 іюля, изъ Ляхова, близъ Полоцка, отвѣтилъ, что вопросъ о Константинополѣ можетъ быть отложенъ до будущаго времени, а теперь адмиралу предлагалось дѣйствовать въ тылъ непріятелю, «или со стороны Адріатическаго моря, приближаясь къ Тиролю и Швейцаріи, а оттуда къ сердцу Германіи и даже границамъ Франціи, или прямѣе, черезъ герцогство Варшавское, уничтожая тамъ все, что устроилъ непріятель, лишая его возможности извлекать новые способы изъ своего тыла».

Со времени отступленія отъ Дриссы войска наши довольствовались сперва взятыми изъ тамошнихъ магазиновъ запасами, а потомъ провіантомъ, принадлежавшимъ подрядчикамъ, на непріятельской сторонѣ Двины. Но когда армія двинулась далѣе по рѣкѣ Двинѣ для загражденія дороги на Москву, тогда наступилъ на нѣкоторое время довольно чувствительный недостатокъ, потому что на этомъ пути не находилось магазиновъ, а для собиранія запасовъ изъ страны не было никакой возможности. Должно было прибѣгнуть къ всевозможнымъ случайнымъ средствамъ, и страна весьма пострадала, хотя и не предполагалось добровольно ее опустошать.

Затѣмъ приступили къ болѣе дѣйствительному средству, именно: каждому крестьянину за Смоленскомъ поставлено было въ обязанность выставить опредѣленное количество сухарей, крупы и отчасти овса; все это перевозилось къ арміи на мѣстныхъ повозкахъ, собиравшихся въ большіе обозы, которые отъ времени до времени получали ближайшія указанія, куда слѣдовало имъ направляться. Начальникъ штаба А. П. Ермоловъ говоритъ въ своихъ «запискахъ», что «распоряженія Канкрина были благоразумны, который

во время пребыванія арміи въ укрѣпленномъ лагерѣ заготовилъ большое количество печенаго хлѣба, но много изъ него принужденъ былъ оставить, потому что время отступленія арміи не было опредѣлено, и невозможно было собрать средствъ, перевозкѣ соразмѣрныхъ».

Генералъ Нарбоннъ.

Вечеромъ 11 іюля государь прибылъ въ Москву, а на другой день, въ 9 часовъ утра вышелъ на Красное крыльцо, остановился и поклонился народу, который привѣтствовалъ Александра кликами «ура», сливавшимися съ звономъ церковныхъ колоколовъ. На каждой ступени Краснаго крыльца сотни рукъ хватались за ноги государя, за полы его мундира; ихъ цѣловали и орошали слезами. Народъ тѣснился все болѣе и болѣе вокругъ Александра, который кланялся на всѣ стороны, и говорилъ окружавшимъ его лицамъ, старавшимся раздвинуть ряды: «Не троньте, не троньте ихъ, я пройду». Одинъ изъ толпы, смѣлый простолюдинъ, подошелъ къ государю и сказалъ: «Не унывай! Видишь, сколько насъ въ одной Москвѣ, а сколько же по всей Россіи? Всѣ умремъ за тебя!» Шествіе государя къ Успенскому собору «продолжалось очень долго,—говоритъ генералъ-адъютантъ графъ Комаровскій,—и мы едва совершенно не выбились изъ силъ. Я никогда не видывалъ такого восторга въ народѣ, какъ въ это время».

Бывшій г. Ростова городской голова М. И. Маракуевъ въ своихъ «запискахъ» говоритъ, что 12 іюля въ Кремлѣ было назначено молебствіе о мирѣ съ турками, «но духъ народный былъ такъ встревоженъ и разстроенъ бѣдствіемъ, грозившимъ каждому изъ насъ, что не могъ дать цѣны столь драгоцѣнному подвигу Кутузова. Во время же этого молебствія, когда Кремль былъ набитъ народомъ, вдругъ разнеслась молва, будто собрали въ Кремль народъ, подъ предлогомъ молебствія, для того, чтобы какъ Кремль наполнится любопытными, то запереть всѣ ворота и брать каждаго силою въ солдаты. Едва эта вѣсть промчалась, какъ чернь ринулась вонъ, и въ нѣсколько минутъ Кремль опустѣлъ.

Изъ Кремля разнеслось это по всей Москвѣ, и множество чернаго народа изъ нея разбѣжалось». Выѣхавъ изъ Москвы 13 числа, Маракуевъ видѣлъ по дорогѣ отъ Москвы толпы мужиковъ, изъ нея ушедшихъ.

Въ храмѣ пѣвчіе, по распоряженію преосвященнаго Августина, при входѣ Александра запѣли: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его». А самъ Августинъ сказалъ рѣчь, окончивъ ее такъ: «Оружіемъ ты побѣдилъ тысящи, а благостію—тьмы. Ты и надъ нами побѣдитель, ты торжествуешь и надъ своими. Царю! Господь съ тобою: онъ гласомъ своимъ повелитъ бурѣ, и станетъ въ тишину, и умолкнутъ волны потопныя. Съ нами Богъ! разумѣйте, языцы, и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!»

15 іюля дворяне и купцы Москвы были приглашены въ Слободской дворецъ, гдѣ остановился государь. По пріѣздѣ въ дворянскую залу генералъ-губернатора графа Ростопчина государственный секретарь адмиралъ Шишковъ открылъ собраніе чтеніемъ манифеста, отъ 6 іюля, слѣдующаго содержанія:

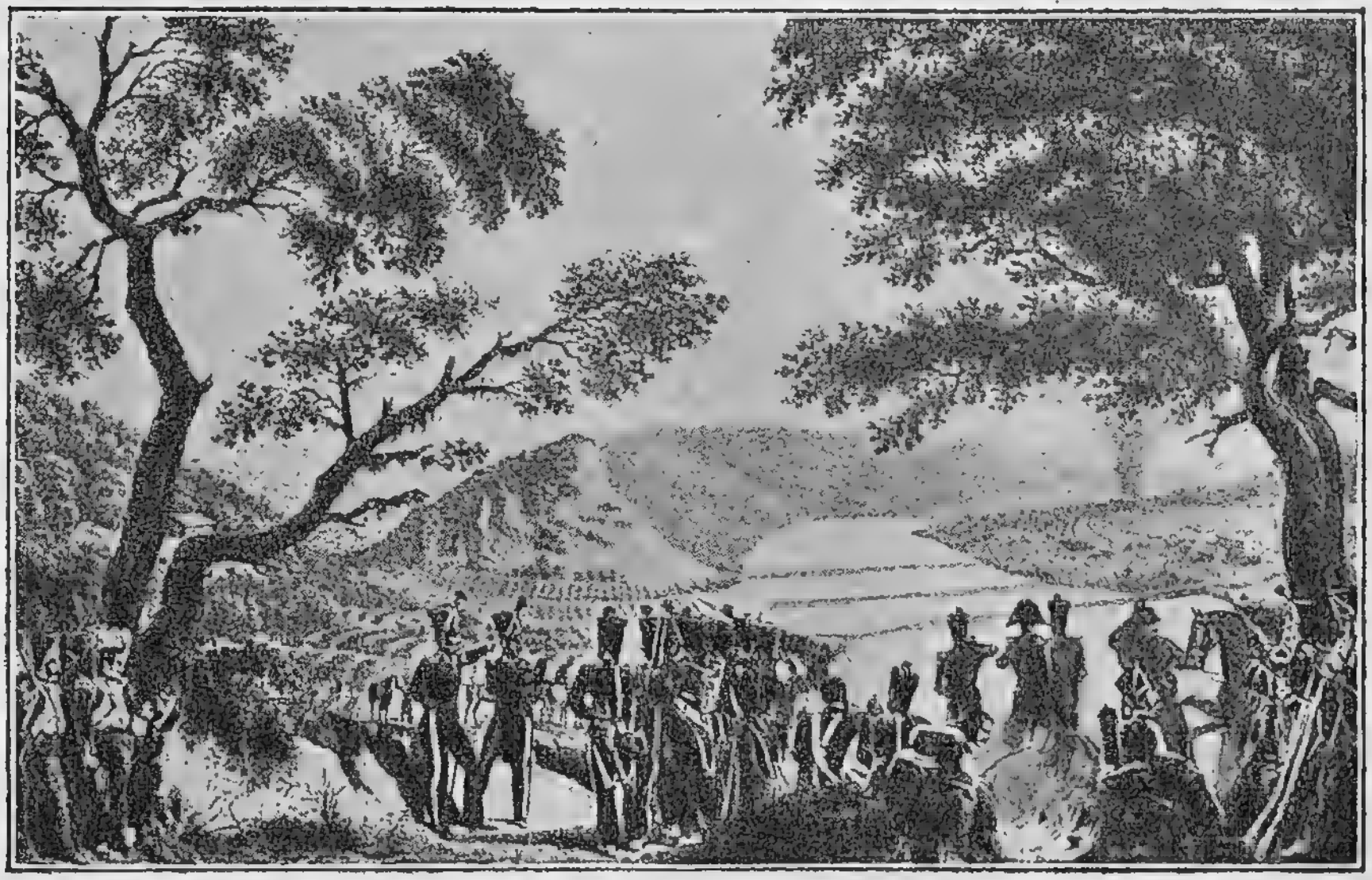
Первопрестольной столицѣ нашей Москвѣ.

Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разорять любезное наше отечество. Хотя пылающее мужествомъ ополченное Россійское воинство готово встрѣтить и низложить дерзость его и зломысліе; однакожъ, по отеческому сердоболію и попеченію нашему о всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, не можемъ оставить мы безъ предваренія ихъ о сей угрожающей имъ опасности; да не возникнетъ изъ неосторожности нашей преимущество врагу. Того ради, имѣя въ намѣреніи, для надежнѣйшей обороны, собрать новыя внутреннія силы, наипервѣе обращаемся мы къ древней столицѣ предковъ нашихъ, Москвѣ: она всегда была главою прочихъ городовъ россійскихъ; она изливала всегда изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея, изъ всѣхъ прочихъ окрестностей текли къ ней, наподобіе крови къ сердцу, сыны отечества, для защиты онаго. Никогда не настояло въ томъ вящшей надобности, какъ нынѣ. Спасеніе вѣры, Престола, Царства того требуетъ. Итакъ, да распространится въ сердцахъ знаменитаго дворянства нашего и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ духъ той праведной брани, какую благословляетъ Богъ и православная наша Церковь; да составитъ и нынѣ сіе общее рвеніе и усердіе новыя силы, и да умножатся оныя, начиная съ Москвы, во всей обширности Россіи! Мы не умедлимъ сами стать посреди народа своего въ сей столицѣ и въ другихъ государства нашего мѣстахъ, для совѣщанія и руководствованія всѣми нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе

онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую можетъ онъ низринуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи.

Александръ.

Послѣ чтенія манифеста графъ Ростопчинъ предложилъ дворянству принять дѣйствительныя мѣры къ оборонѣ страны. На это предложеніе одинъ изъ членовъ предложилъ сдѣлать наборъ со всѣхъ помѣстьевъ дворянскихъ, по десяти человѣкъ со ста, что составляло 80.000 человѣкъ. Это предложеніе было принято единогласно, и сверхъ того



Переходъ «великой арміи» Наполеона черезъ Нѣманъ.

постановлено было снабдить ратниковъ одеждою, провіантомъ и по возможности вооружить. Купечество положило собрать со всѣхъ торгующихъ сумму, соразмѣрную съ капиталомъ каждаго, на помощь ополченію. Сверхъ того, многіе купцы выразили готовность пожертвовать особыя суммы и подписывали по 20, 30 и 50 тысячъ; такимъ образомъ, не выходя изъ залы, собрали болѣе полутора милліона рублей. А всѣхъ денегъ было пожертвовано дворянами до 3-хъ милліоновъ; купечествомъ же до 10 милліоновъ рублей. Государь, узнавъ о патріотическихъ мѣрахъ дворянъ, взойдя въ залу, сказалъ: *Я ожидалъ этого, вы совершенно оправдали мнѣніе, которое я имѣлъ о васъ.* Потомъ благодарилъ въ милостивыхъ выраженіяхъ купцовъ, что вы-

звало всеобщій восторгъ. «Мы готовы жертвовать тебѣ, отецъ нашъ, не только своимъ имуществомъ, но и жизнію!» отвѣчали купцы и дворяне. Исторія народовъ мало представляетъ примѣровъ такого единенія государя съ подданными. Возвратясь въ Кремль, императоръ Александръ сказалъ графу Ростопчину, что онъ поздравляетъ себя съ тѣмъ, что посѣтилъ Москву и что назначилъ такого генералъ-губернатора. За обѣденнымъ столомъ, бывшимъ въ тотъ же день во дворцѣ, Александръ нѣсколько разъ повторилъ: *Этого дня я никогда не забуду*.

Дѣйствительно, въ Москвѣ государь изъ военачальника сталъ русскимъ царемъ и почувствовалъ силы новаго героя-народа. И по возвращеніи въ Петербургъ, въ разговорѣ съ фрейлиною Р. С. Стурдзою, коснувшись проявленной мощи народомъ, сказалъ:

— Мнѣ жаль только, что я не могу, какъ бы желалъ, отвѣчать на преданность этого дивнаго народа.

— Я васъ не понимаю,—возразила собесѣдница.

— Да, этому чудному народу нуженъ вождь, способный вести его къ побѣдамъ, а я, къ несчастью, не имѣю для этого ни опытности, ни нужныхъ дарованій. Моя молодость протекла подъ сѣнью двора; если бы тогда меня довѣрили Суворову или Румянцеву, они образовали бы меня для войны, и, можетъ-быть, я сумѣлъ бы предотвратить бѣдствія, которыя угрожаютъ намъ теперь.

— Ахъ, государь, не говорите этого! Вѣрьте, что ваши подданные знаютъ цѣну вамъ и ставятъ васъ во сто кратъ выше Наполеона и всѣхъ героевъ на свѣтѣ.

— Мнѣ пріятно вѣрить этому, потому что вы говорите это; у меня нѣтъ качествъ, необходимыхъ для того, чтобы исправлять, какъ бы я желалъ, должность, которую я занимаю, но, по крайней мѣрѣ, у меня не будетъ недостатка въ мужествѣ и силѣ воли, чтобы не погрѣшить противъ моего народа въ настоящій кризисъ. Если мы не дадимъ непріятелю напугать насъ, онъ можетъ разрѣшиться къ нашей славѣ. Непріятель разсчитываетъ поработить насъ миромъ; но я увѣренъ, что если мы настойчиво отвергнемъ всякое соглашеніе, то, въ концѣ-концовъ, восторжествуемъ надъ всѣми его усиліями.

Извѣстная г-жа Сталь, пріѣхавшая тогда же въ Петербургъ, описывая свое свиданіе съ Александромъ, замѣчаетъ: «Убѣдясь въ чистосердечіи отношеній государя къ Наполеону, я въ то же время увѣрилась, что онъ не послѣдуетъ примѣру несчастныхъ государей въ Германіи и не подпишетъ мирнаго договора съ тѣмъ, кто настолько же является врагомъ народовъ, какъ и врагомъ королей. Благородная душа не можетъ быть дважды обманута однимъ и тѣмъ же лицомъ».

Въ бытность Александра въ Москвѣ было получено извѣстіе о мирномъ трактатѣ, заключенномъ съ Великобританіею въ Эребро 18 іюля, и въ тотъ же день государь писалъ Чичагову изъ Москвы: «Направьте всѣ ваши силы къ Днѣстру и оттуда на Дубно. Тамъ вы будете подкрѣплены всею арміею Тормасова и корпусомъ Ришелье; такимъ образомъ составится армія въ 8 или 9 пѣхотныхъ дивизій и въ 4 или 5 кавалерійскихъ, и тогда вы будете въ состояніи перейти въ наступленіе или на Пинскъ или на Люблинъ и Варшаву. Подобное движеніе поставило бы подвигающагося на насъ императора Наполеона въ затруднительное положеніе и могло бы придать дѣламъ совершенно иное направленіе».

А. Д. Балашовъ.

По отъѣздѣ государя изъ Москвы графъ Ростопчинъ старался поддерживать бодрость москвичей изданіемъ афишъ, гдѣ онъ простонароднымъ языкомъ призывалъ жителей къ истребленію супостата. Афиши гр. Ростопчина, замѣчаетъ тотъ же Маракуевъ, «выводили всѣхъ изъ терпѣнія деревенскимъ сказочнымъ стилемъ, которымъ желалъ онъ приблизиться къ понятію черни. Неудачныя эти выдумки его вызывали презрѣніе, а чернь, неизвѣстно за что, питала къ нему величайшую ненависть». Г-жа Волкова также писала: «Говорятъ, Ростопчинъ вовсе не такъ безукоризненъ, какъ я полагала. Судя по послѣднимъ вѣрнымъ свѣдѣніямъ о всемъ случившемся до и по отдачѣ Москвы, я вижу, что есть причины сердиться на графа. Ему особенно повредила

его полиція, которая, выйдя изъ города въ безпорядкѣ, грабила во всѣхъ деревняхъ, лежащихъ между Москвой и Владимиромъ». По мѣрѣ приближенія французовъ Кремль и Москва принимали давно уже невиданный воинственный видъ. На гуляньяхъ и площадяхъ, гдѣ производилась вербовка въ пѣшее и конное ополченіе изъ всѣхъ сословій (за исключеніемъ крѣпостныхъ людей), устраивались палатки съ съѣстными припасами, винами и музыкой. Московскіе богачи, графы Мамоновъ и Салтыковъ, снаряжали на собственный счетъ два конныхъ полка и только что набранные въ нихъ молодые люди общества, въ гусарской формѣ, привлекательнымъ были зрѣлищемъ для московскихъ дамъ.

По словамъ М. А. Волковой, «въ полкѣ Мамонова находилась большая часть извѣстной московской молодежи, Левашовъ, Гусятниковъ и кн. Вяземскій. Сей послѣдній возымѣлъ дерзкую отвагу участвовать къ качествѣ зрителя въ Бородинскомъ сраженіи. Подъ нимъ убили двухъ лошадей и самъ не разъ рисковалъ быть убитымъ, потому что Валуевъ палъ возлѣ него. По окончаніи сраженія онъ вернулся въ Москву. Не слыхавъ никогда пистолетнаго выстрѣла, онъ затесался въ такое адское дѣло». Относительно этихъ полковъ графъ Ростопчинъ писалъ государю слѣдующее: «Во время посѣщенія Вами Москвы въ прошломъ году графъ Мамоновъ и Салтыковъ просили разрѣшенія каждому изъ нихъ сформировать на свой счетъ полкъ кавалеріи, что они отчасти и исполнили. Но въ то же время тайный совѣтникъ Демидовъ и камергеръ князь Гагаринъ просили дозволенія каждому изъ нихъ обмундировать полкъ; однако они объ этомъ не позаботились. Первый изъ нихъ пробылъ нѣкоторое время въ арміи, гдѣ его поведеніе было весьма подозрительно. Второй отправился изъ Можайска въ Нижній-Новгородъ, откуда онъ возвратился сюда. Демидовъ имѣетъ 300.000 годового дохода, Гагаринъ столько же, но они и не думаютъ выполнить обязательство, принятое ими на себя добровольно. Такъ какъ нынѣшней зимою будетъ, по всей вѣроятности, произведенъ еще одинъ наборъ, то это дастъ возможность сформировать здѣсь еще два полка пѣхоты и кстати возложить на этихъ господъ заботу обмундировать ихъ». Это письмо рисуетъ графа Ростопчина съ очень некрасивой стороны, а разсказъ г-жи Волковой въ письмѣ, отъ 17 декабря 1812 г. къ В. И. Ланской, еще непригляднѣе дѣлаетъ его личность. «Я рѣшительно отказываюсь отъ моихъ похвалъ Ростопчину вслѣдствіе его послѣдней выходки, о которой мнѣ сообщили. Ты, вѣрно, слышала, что мадамъ Оберъ-Шальме (извѣстная портниха, которая брала баснословныя цѣны съ дамъ, за что мужья послѣднихъ величали эту модистку «оберъ-шель-

мой»), бросивъ свой магазинъ, въ которомъ находилось на 600.000 рублей товара, послѣдовала за французской арміей. Государь приказалъ продать весь этотъ товаръ въ пользу бѣдныхъ. Именитый же графъ нашелъ болѣе удобнымъ подѣлиться имъ съ полиціей. Младшему изъ чиновниковъ досталось на 5.000 рублей вещей; сообрази, сколько пришлось на долю графа и Ивашкина. Это скверно до невѣроятности. Мой двоюродный братъ Волковъ отказался отъ своей доли. Спиридовъ, московскій комендантъ, и князь

Графъ А. А. Аракчеевъ.

Борисъ Андреевичъ Голицынъ, которые также были приглашены къ дѣлежу, тоже не захотѣли въ немъ участвовать; неизвѣстно, чѣмъ кончится эта исторія, но она отвратительна».

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1812 г. эта самая г-жа Оберъ-Шальме публиковала о продажѣ своего магазина, равно какъ и другія французскія фирмы, что свидѣтельствуетъ о томъ, насколько французы и француженки были освѣдомлены о нашествіи Наполеона и, быть-можетъ, даже состояли негласными его агентами. Та же г-жа Волкова сообщала: «Я знаю, что въ Москвѣ до 31 августа открыты были театры, но съ трехъ чиселъ іюня, т.-е. со времени

объявленія войны, у подъѣздовъ ихъ виднѣлись двѣ кареты, не болѣе. Между тѣмъ какъ вся Россія въ траурѣ и слезахъ, у васъ даются представленія въ театрѣ и что въ Петербургѣ въ русскій театръ ѣздятъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Что же такое Петербургъ? Русскій ли это городъ или иноземный? Какъ это понимать, ежели вы русскіе? Какъ можете вы посѣщать театры, когда Россія въ горѣ, развалинахъ и находилась на шагъ отъ гибели. И на кого смотрите вы? На французовъ, изъ которыхъ каждый радуется нашимъ несчастіямъ».

Въ письмѣ къ графу А. К. Разумовскому говоритъ О. А. Поздѣевъ: «Графъ Ростопчинъ, думаю, самъ не доволенъ, что выпросился въ командиры московскіе и зачалъ свое правленіе тѣмъ, что, пріѣхавъ къ Ѳ. П. Ключареву (почтъ-директору Москвы) и объявивъ императорскій гнѣвъ, не сказавъ причины, арестовалъ его и сослалъ въ Воронежъ. Повидимому, Ключареву было тогда великое несчастіе, а теперь онъ долженъ считать за милость, ибо не видалъ несчастія и конца Москвы. Мы такъ близко предвидимъ несчастіе наше, что за два дня до занятія Москвы былъ театръ, хотя, слышу, въ немъ было токмо 8 человѣкъ».

Изъ Москвы въ Петербургъ Александръ Павловичъ выѣхалъ въ ночь съ 18 на 19 іюля.

III.

Въ день своего отъѣзда изъ Москвы императоръ Александръ обнародовалъ манифестъ, которымъ положено было составить ополченіе лишь въ 17 губерніяхъ, ближайшихъ къ Москвѣ и Петербургу. Губерніи эти дѣлились на три округа: Московскій, С.-Петербургскій и Низовой и составили вооруженную силу въ 208.662 чел. Въ Москвѣ главнокомандующимъ ополченія былъ графъ Ростопчинъ и округъ Московскій состоялъ изъ губерній: Московской, Тверской, Ярославской, Рязанской, Тульской, Владимирской, Калужской и Смоленской.

Для скорѣйшаго образованія въ Москвѣ ополченія было учреждено два комитета: одинъ для пріема вооруженія и продовольствія людей, другой для пріема и расходованія пожертвованій. Ополченіе состояло изъ конныхъ и пѣшихъ казаковъ и пѣшихъ егерей. Конные полки дѣлились на 10 сотенъ, пѣшіе—на 4 батальона по 4 сотни. Въ первыхъ состояло по 1.200, а во вторыхъ по 2.400 ратниковъ. Полки и сотни назывались по номерамъ; штабъ и оберъ-офицерамъ даны были мундиры общіе армейскіе; егеря, конные и пѣшіе казаки одѣты были въ русскіе сѣрые кафтаны и длинныя шаровары изъ крестьянскаго сукна, кушакъ, фу-

ражку съ мѣднымъ крестомъ на тульѣ и подъ нимъ на околышѣ вензель имени Александра и надпись: «за вѣру и царя». Полковымъ и батальоннымъ командирамъ жалованья не полагалось, но недостаточные получали пособіе. Оберъ-офицерамъ положено было жалованье, а для кавалерійскихъ частей—фуражъ и деньги на покупку лошадей; нижнимъ чинамъ давалось по рублю въ мѣсяцъ и провіантъ. Полковые командиры утверждались въ должности государемъ, батальонные—командующимъ ополченіемъ генераломъ, прочіе офицеры—полковыми командирами. Производство въ чины производилось исключительно за храб-

Графъ П. А. Толстой.

рость или по особому представленію. Кромѣ ополченія Московскаго округа, четыре московскихъ богача: гр. Дмитріевъ-Мамоновъ, графъ Салтыковъ вызвались сформировать на свой счетъ по гусарскому полку, а Демидовъ и князь Гагаринъ—по полку пѣхоты, но обѣщанія своего послѣдніе два, какъ было уже выше сказано, не исполнили.

Петербургское дворянство единогласно избрало въ начальники своего ополченія Мих. Илар. Голенищева-Кутузова, на котораго съ наступленіемъ опасности указывала вся Россія, и приступило къ набору съ 100 душъ по 10 ратниковъ. Петербургское ополченіе дѣлилось не на полки, но на дружины, а послѣднія—на сотни. Каждая дружина въ числѣ 821 чел. состояла изъ людей одного уѣзда. Ружья

были выданы изъ арсенала, равно топоры и лопаты. Единовременно формировалось 15 дружинъ; одна изъ дружинъ состояла изъ мѣщанъ с.-петербургскихъ и нарвскихъ, выставленныхъ купечествомъ. Кромѣ пѣшаго ополченія, въ Петербургѣ вооружались два кавалерійскихъ казачьихъ полка изъ охотниковъ: одинъ изъ нихъ назывался «смертоноснымъ», а другой—«Александровскимъ». Лошади для нихъ были поставлены отъ города. Памятникомъ формированія и дѣйствій с.-петербургскаго ополченія сохранилась книга Штегеля, напечатанная въ 1814 г. подъ заглавіемъ: «За-

А. А. Бибиковъ, начальникъ дружинъ с.-петербургскаго ополченія.

писки касательно составленія и самого похода Санктъ-Петербургскаго ополченія противъ враговъ отечества, въ 1812 и 13 годахъ». Низовой округъ, подъ командою графа П. А. Толстого, состоялъ изъ шести губерній: Казанской, Пензенской, Костромской, Нижегородской, Симбирской и Вятской.

Ополченіе было образовано по мысли любимой сестры императора Александра, великой княгини Екатерины Павловны, которая въ Твери сформировала батальонъ изъ удѣльныхъ крестьянъ и содержала его на собственный счетъ. Ополченцы участвовали не только въ сраженіяхъ 1812 года, но и въ кампаніи 1813 и 14 годовъ. Часть полковъ перваго

округа стояла въ резервѣ въ Бородинской битвѣ и, слѣдуя потомъ за арміею, была не безъ пользы употреблена для транспорта плѣнныхъ, прикрытія подвозовъ, несенія гарнизонной службы и т. д. Дружины же второго округа храбро сражались подъ Полоцкомъ и въ другихъ дѣлахъ корпуса графа Витгенштейна подъ Данцигомъ.

Получавшіяся въ Петербургѣ извѣстія изъ арміи были неблагопріятны, и среди ряда удручающихъ событій явилось донесеніе графа Витгенштейна, оставленнаго на Двинѣ, послѣ очищенія Дрисскаго лагеря, для прикрытія дороги въ Петербургъ. 25 іюля пальба изъ пушекъ возвѣщала по-

Москва въ началѣ XIX вѣка.

бѣду, одержанную гр. Витгенштейномъ надъ маршаломъ Удино при Клястицахъ. Этотъ бой пріостановилъ движеніе французовъ на Псковъ, и Удино отступилъ къ Полоцку. За это дѣло графъ Витгенштейнъ получилъ орденъ св. Георгія 2-й степени и пенсію въ 12.000 рублей. Генералъ Кульневъ, командуя авангардомъ, преслѣдуя разбитаго непріятеля, увлекся одержанною побѣдою и потерпѣлъ пораженіе; подъ конецъ дѣла ядро оторвало ему обѣ ноги выше колѣнъ. Разсказываютъ, будто Кульневъ, умирая, сорвалъ съ шеи георгіевскій крестъ и сказалъ уносившимъ его солдатамъ: «Увезите этотъ крестъ, чтобы непріятель не зналъ, что ему удалось убить русскаго генерала». Жуковскій, говоря о Кульневѣ, сказалъ: «Тамъ смерть его

сразила, гдѣ жизнь судьба ему дала». Существуетъ преданіе, что Яковъ Петровичъ Кульневъ родился въ 1763 г. близъ Клястицъ, Полоцкаго уѣзда, на почтовой станціи Сивошино, чрезъ которую проѣзжала его мать Луиза Ивановна (уроженка прусской Помераніи), жена П. В. Кульнева. Потеря Кульнева для арміи была чувствительна, такъ его подвиги, даже причуды носили на себѣ печать высшаго духа; память о немъ до сихъ поръ сохраняется въ Финляндіи, въ завоеваніи которой участвовалъ Кульневъ.

Съ мызы Соколица (въ 5 верстахъ отъ Сивошина) прахъ Кульнева былъ перенесенъ на мызу Ильзенбергъ и погребенъ въ сооруженномъ въ память Кульнева храмѣ. Ильзенбергская церковь въ 1899 г. переименована въ Кульневскую, равно волостное правленіе и народная школа, а также Клястицкій гусарскій полкъ носитъ теперь имя героя и называется Кульневскимъ.

Перемѣна операціоннаго плана русскихъ войскъ вызвала приказаніе князю Багратіону итти на соединеніе съ первою арміею, а Платову—прикрывать маршъ. При маршѣ первой арміи къ Витебску корпусъ Дохтурова шелъ позади, прикрытый кавалеріею Корфа и графа Палена. Когда армія прошла Полоцкъ, кавалерійскій корпусъ Монбрена направился у Дисны на правый берегъ Двины и пошелъ вслѣдъ за нами. 11 іюля Барклай дошелъ до Витебска, гдѣ получилъ извѣстіе, что Могилевъ уже занятъ Багратіономъ, но оно оказалось потомъ невѣрнымъ. Считая препятствія къ соединенію со второю арміею устраненными, Барклай послалъ Багратіону приказъ начать совмѣстное наступленіе. Въ ожиданіи дальнѣйшихъ донесеній первая армія расположилась на высокомъ холмѣ передъ Витебскомъ.

Французы перешли рѣку Улу, и 12 іюля Мюратъ занялъ Бѣшенковичи, а кавалерійскій корпусъ Груши направился изъ Минска въ Оршу. 13 іюля утромъ наши аванпосты донесли, что непріятель потянулся къ Островнѣ. Нужно было удержать наступленіе французовъ, чтобы Багратіонъ имѣлъ время сблизиться. Графъ Остерманъ получилъ приказаніе итти къ Островнѣ и узнать о силѣ и намѣреніи непріятеля. Офицеръ французскаго № 2 кирасирскаго полка говоритъ: «Въ Островнѣ русская армія сдѣлала первую попытку противопоставить намъ свой фронтъ, прикрытый артилеріею и въ боевомъ расположеніи, признаннымъ ея генераломъ выгоднымъ. Съ нашей стороны было только двѣ дивизіи 1-го корпуса съ Мюратомъ во главѣ. Наши дивизіи развернулись въ нѣсколькихъ шагахъ впереди поворота дороги вправо подъ прямымъ угломъ и стали въ одну линію: легкокавалерійская—правѣе, а наша кирасирская —лѣвѣе до-

роги и параллельно расположенію русской арміи, при чемъ лѣсокъ на правомъ флангѣ русскихъ не дозволилъ имъ имѣть этотъ флангъ одинаковаго съ нами протяженія. Вся тяжесть боя легла на наши дивизіи и, въ особенности, на мой полкъ, правое крыло котораго касалось дороги, такъ какъ русскія батареи были расположены по обѣ стороны ея.

Я. П. Кульневъ.

Съ той и другой стороны завязалась ожесточенная канонада, русскіе превосходили насъ числомъ орудій, мы же, къ счастью, мѣткостью стрѣльбы, и наша артиллерія, по живости огня, покрыла себя славой. Мы видѣли, какъ наши снаряды падали на батареи и пѣхотные карре русскихъ, стоявшихъ въ прикрытіи артиллеріи, нанося имъ сильное пораженіе. Уступая намъ въ мѣткости, русская артиллерія,

тѣмъ не менѣе, нанесла намъ большія потери. Такимъ образомъ, стоя на мѣстѣ и подъ выстрѣлами, мы простояли 6 часовъ подъ рядъ и въ нашемъ полку было убито 187 лошадей; мѣсто, занимаемое нашимъ полкомъ, было обозначено двумя рядами конскихъ труповъ, а убитыхъ товарищей мы хоронили на другой день, и, согласно обычаю, каждая часть своихъ. Еще четыре часа, не мѣняя мѣста, пассивно простояли мы здѣсь, и мой 4-й взводъ понесъ наибольшія потери: изъ 27 человѣкъ у меня уцѣлѣло лишь 11. Эти потери имѣли источникомъ двѣ причины: возвышеніе, на которомъ стоялъ взводъ, что ставило его въ положеніе мишени, и расположеніе впереди взвода въ нѣсколькихъ всего шагахъ командира полка на бѣлой лошади. Полковникъ Дюбуа послужилъ мишенью для многихъ снарядовъ, изъ которыхъ ни одинъ его не задѣлъ, а его доля досталась намъ. Несмотря на всѣ наши потери, русская артиллерія еще насъ мало потрепала, такъ какъ, пуская снаряды снизу, она перебрасывала ихъ намъ черезъ головы; придорожныя въ 150 метрахъ за нами деревья буквально были срѣзаны, на что мы обратили вниманіе только вечеромъ на бивакѣ, привязывая къ этимъ обрубкамъ своихъ лошадей. Если вы спросите, чѣмъ кормили мы нашихъ лошадей, то отвѣчу, что срѣзаннымъ при помощи косъ и серповъ хлѣбомъ на корню; мы же сами, не имѣвшіе своей жатвы, поджаривали мясо убитыхъ лошадей, выбирая молодыхъ, дававшихъ болѣе нѣжное жаркое. Въ теченіе дня Мюратъ,

Бой у Островно 25 іюля.

Бой у Островно въ полдень 26 іюля.

желая прекратить огонь русской артиллеріи и выбить русскихъ, приказалъ прусскому полку черныхъ гусаръ, стоявшему на дорогѣ, атаковать. Но атака была неудачна; гусары были встрѣчены огнемъ артиллеріи и двухъ карре пѣхоты, стоявшихъ по бокамъ дороги, и отошли назадъ. Атака была произведена по дорогѣ рысью, и гусары отошли той же рысью и съ тѣмъ же спокойствіемъ. Первый разъ въ жизни я видѣлъ атаку, исполненную этимъ аллюромъ, и такое же возвращеніе безъ криковъ и безъ всякаго безпорядка. Не знаю почему, Мюратъ не посылалъ насъ въ атаку, хотя и обѣщалъ, смѣясь и нѣсколько разъ проѣзжая мимо насъ: «Сейчасъ будетъ и ваша очередь, кирасиры!» Предполагаю, что онъ разсчитывалъ вынудить русскихъ къ отступленію превосходствомъ своей конной артиллеріи».

Остерманъ вышелъ изъ критическаго положенія, благодаря своей храбрости и распорядительности, потерявъ ранеными и убитыми болѣе 2.000 чел. Затѣмъ онъ отступилъ къ деревнѣ Какувичинѣ, гдѣ былъ смѣненъ 3-ю дивизіею Коновницына.

На слѣдующій день французы возобновили атаку и послѣ упорной обороны оттѣснили Коновницына къ Витебску. Съ разсвѣтомъ дня 15 іюня французы стали подступать къ Витебску, завязавъ перестрѣлку съ нашимъ авангардомъ, которымъ командовалъ графъ Паленъ, выказавшій при этомъ свои военныя знанія и способности. Онъ отступилъ къ берегамъ Лучосы; Наполеонъ сталъ развертывать свои

силы, угрожая слабо прикрытому лѣвому флангу арміи. Барклай думалъ принять сраженіе, но пріѣздъ адъютанта отъ князя Багратіона измѣнилъ его рѣшеніе, такъ какъ Багратіонъ увѣдомлялъ, что Даву прежде него занялъ Могилевъ и пробиться 2-й арміи въ этотъ городъ не удалось, почему Багратіонъ полагалъ соединиться съ арміею Барклая, идя на Мстиславль и Смоленскъ.

Узнавъ о занятіи Могилева, Барклай-де-Толли отдалъ приказъ сниматься и отступать по дорогѣ въ Порѣчье. Это движеніе, въ ясный лѣтній вечеръ, на глазахъ непріятеля, было исполнено въ такомъ образцовомъ порядкѣ, что Наполеонъ принялъ его за передвиженіе арміи къ сраженію. И сталъ самъ устраивать свои массы войскъ,ославъ приказаніе Сенъ-Сиру и Груши спѣшить къ Витебску. Графъ Паленъ держался на р. Лучосѣ до ночи, отступая медленно, оспаривая каждый шагъ земли.

Князю Багратіону было нужно взять Могилевъ, гдѣ была лучшая переправа черезъ Днѣпръ и прямая дорога для соединенія съ арміею Барклая. Почему Багратіонъ отдалъ приказаніе Раевскому атаковать непріятеля, занявшаго хорошую позицію за рѣчкою у селенія Салтановка. Однако Раевскій не могъ одолѣть Даву, поэтому было рѣшено переправиться черезъ Днѣпръ ниже Могилева и итти на Мстиславль; для этого Раевскому было приказано отойти къ Дашкову, а Бороздину устроить мостъ у Новаго-Быхова. Платову же перейти Днѣпръ въ бродъ и прикрыть движеніе 2 арміи, слѣдуя на Чаусы и Горки. 13 іюля армія достигла Стараго-Быхова, а 14 перешла мостъ и 17, направясь на Пропойскъ и Чириковъ, достигла Мстиславля. Атаманъ Платовъ изъ Чаусы сдѣлалъ видъ, что хочетъ атаковать Могилевъ. Даву съ усталыми войсками не рѣшился итти въ глубь Россіи, полагая, что Багратіонъ возобновитъ атаку Могилева, и, боясь Платова, потерялъ изъ виду 2-ю армію нашу, которая безпрепятственно пошла къ Смоленску.

Армія Барклая шла тремя колоннами на Яновичи, Колышки и Ліозну. 16 іюля было получено извѣстіе, что Наполеонъ намѣревается пресѣчь намъ дорогу къ Смоленску, направивъ туда войска изъ Витебска, черезъ Рудню, и изъ Могилева, черезъ Горки. Барклай приказалъ Дохтурову, слѣдовавшему со своимъ корпусомъ и гвардіею на Ліозну, итти усиленнымъ маршемъ въ Смоленскъ, куда онъ и вступилъ 19-го іюля.

Наполеонъ, рѣшивъ двинуться изъ Витебска въ Смоленскъ, для обезпеченія тыла и фланговъ своей арміи приказалъ: князю Шварценбергу «разбить Тормасова и преслѣдовать его, пока не уничтожите»; Сенъ-Сиру и Удино атаковать графа Витгенштейна; маршалу Виктору, стоявшему на

Вислѣ, подвинуться къ Нѣману, а Ожеро выступить изъ Берлина къ Одеру и одну дивизію расположить на Вислѣ.

Передъ самымъ выступленіемъ Наполеона изъ Витебска онъ получилъ извѣстіе о нападеніи на его войска у Рудни, почему приказалъ Мюрату и Нею немедля сосредоточиться у Рудни; вице-королю перейти изъ Суража въ Ліозну; Даву, Понятовскому, Жюно и Латуръ-Мобуру собраться у Расасны и Романова. Гвардія и резервная кавалерія выступили изъ Витебска къ Ліознѣ. Всѣ войска Наполеона пришли въ движеніе, когда ему донесли, что русскіе послѣ удачнаго дѣла кавалеріи при Молевомъ-Болотѣ не подаются впередъ. Тогда онъ своимъ корпусамъ далъ направленіе, намѣреваясь соединить ихъ за Днѣпромъ,

Французы подъ Ліозною.

чтобы итти въ Смоленскъ лѣвымъ берегомъ, занять его ранѣе русскихъ, отбросивъ ихъ на сѣверъ, къ Торопцу или Великимъ-Лукамъ, а самому стать между нашими арміями и полуденными губерніями.

Переправа черезъ Днѣпръ была назначена у Расасны и Хамино, гдѣ немедленно наведены были три моста. Даву пришелъ къ Расаснѣ 1 августа; Понятовскій — въ Романово; за ними слѣдовали Жюно и Латуръ-Мобуръ. Послѣ полудня перваго августа началась переправа въ присутствіи самого Наполеона, выѣхавшаго наканунѣ изъ Витебска, въ которомъ онъ пробылъ двѣ недѣли. 2 августа на лѣвомъ берегу Днѣпра сосредоточилась вся армія Наполеона въ 190.000 чел. Относительно пребыванія въ Расаснѣ Наполеона разсказываютъ, что ему былъ отведенъ домъ еврея,

но, найдя въ немъ грязь, Наполеонъ велѣлъ разбить въ бору за Днѣпромъ шатеръ, изъ полосатой зеленой съ бѣлымъ шелковой матеріи, куда и удалился съ прибывшимъ изъ Дубровны маршаломъ Даву; тамъ онъ и обѣдалъ съ нимъ, а для прочихъ генераловъ постлали на землѣ зеленаго сафьяна скатерть и уставили ее серебряными приборами. Изъ Расасны въ проводники себѣ Наполеонъ взялъ еврея. Идя на Смоленскъ, французамъ въ Лядахъ пришлось проститься съ послѣдними проводниками жидами, такъ какъ за Лядами крестьяне съ женами, дѣтьми бѣжали въ лѣса, гдѣ среди болотъ строили себѣ шалаши и лишь по ночамъ, украдкою, выходили на жатву полей.

Великая армія Наполеона приближалась къ Лядамъ и Красному. Первая армія наша стояла у Волковой и Гавриковъ; Багратіонъ подходилъ изъ-подъ Смоленска къ Надвѣ, съ корпусомъ Бороздина. Раевскій долженъ былъ со своимъ корпусомъ слѣдовать за нимъ однимъ днемъ позже. Въ Красномъ стоялъ Невѣровскій съ 27-ю дивизіею, Харьковскимъ драгунскимъ и 3-мя казачьими полками. Ему приказано было наблюдать дороги Оршанскую и Мстиславскую. 2 августа донесли Невѣровскому, что къ Лядамъ подходитъ непріятельскій отрядъ. Невѣровскій поставилъ свою дивизію по ту сторону Краснаго, ближе къ Лядамъ, отправивъ вьюки и обозы въ Смоленскъ. Снова прискакали казаки, говоря, что французы «валомъ валятъ». Дѣйствительно, шелъ Мюратъ со всею кавалеріею, которая, завидя Невѣровскаго, раздѣлилась на нѣсколько частей и двинулась въ обходъ, намѣреваясь охватить его съ разныхъ сторонъ.

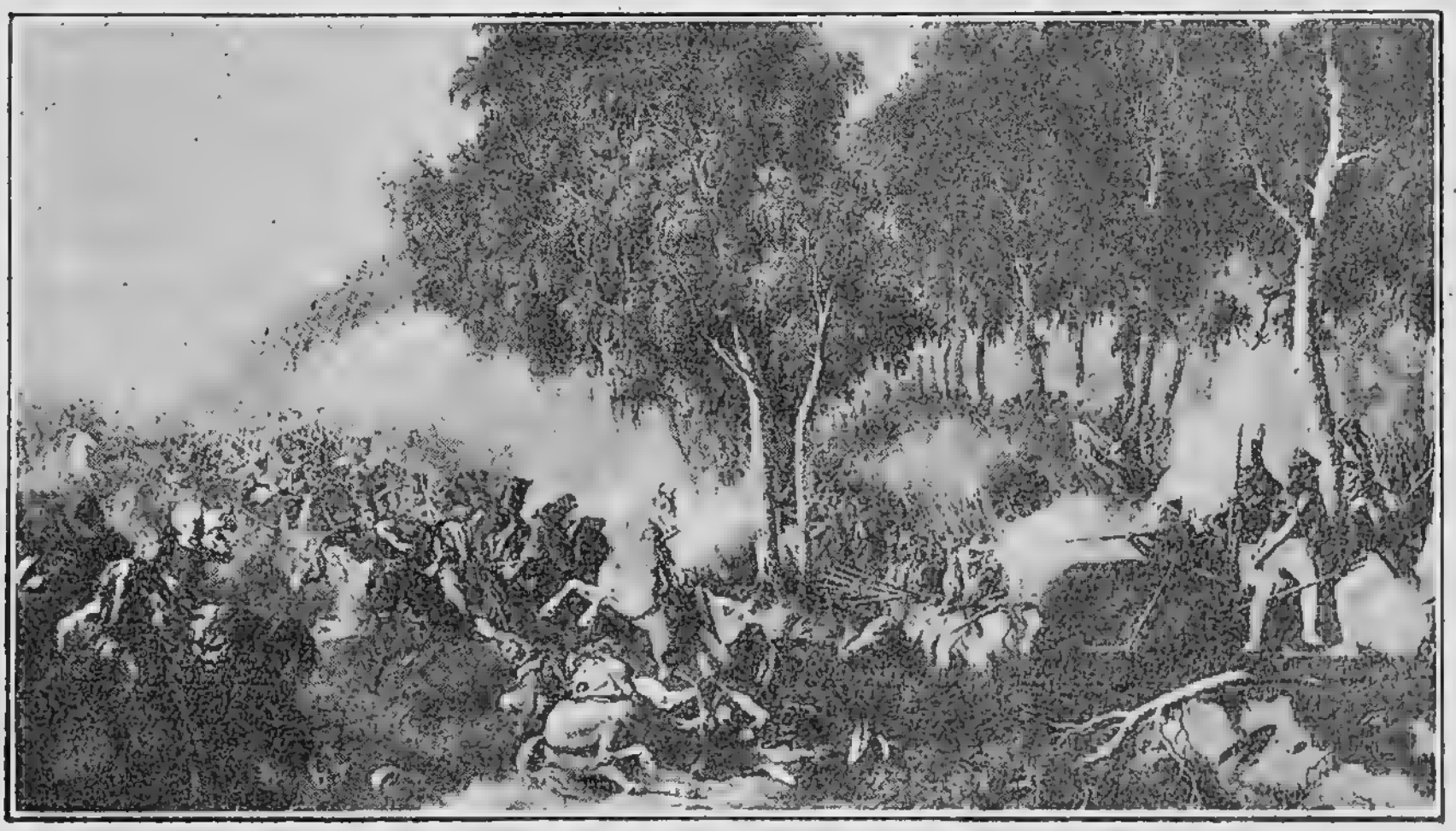
Такъ какъ за Краснымъ шла дорога по плотинѣ, то Невѣровскій оставилъ въ Красномъ батальонъ 49-го егерскаго полка съ 2-мя орудіями, а самъ съ дивизіею отступилъ за городъ, построилъ полки въ боевой порядокъ за оврагомъ, поставивъ артиллерію на лѣвомъ крылѣ, за прикрытіемъ харьковскихъ драгунъ, а казаковъ помѣстилъ на правомъ крылѣ. Желая, въ случаѣ отступленія, имѣть за собою резервъ, онъ отправилъ къ Смоленску за 12 верстъ 50-й егерскій полкъ Назимова съ двумя конными орудіями и велѣлъ ему занять тамъ переправу на небольшой рѣчкѣ. Едва дивизія построилась на новой позиціи, какъ французы атаковали Красный; нашъ батальонъ егерей поспѣшно отступилъ, бросивъ два орудія, такъ какъ лошади были перебиты.

Мюратъ съ 15.000 конницы и одною дивизіею пѣхоты началъ обходить Невѣровскаго, главнымъ образомъ, съ лѣваго фланга. Харьковскіе драгуны пошли въ атаку, но были опрокинуты, батарея осталась безъ прикрытія, и французы захватили 5 орудій; остальные успѣли уйти по Смоленской дорогѣ. Казаки тоже не выдержали атаки, и

Д. П. Невѣровскій.

Невѣровскій съ самаго начала боя остался съ одною пѣхотою, на которую съ фронта шла въ атаку пѣхота непріятеля, а съ боковъ — конница. Невѣровскій, присоединивъ къ себѣ батальонъ 49-го егерскаго полка, свернулъ батальоны въ карре и сказалъ имъ: «Ребята! помните же, чему васъ учили; поступайте такъ, и никакая кавалерія не побѣдитъ васъ: не торопитесь въ пальбѣ, стрѣляйте мѣтко во фронтъ непріятеля, третья шеренга передавай ружья не суетясь, и никто не смѣй начинать безъ моей команды!»

Непріятель былъ подпущенъ на ближайшій ружейный выстрѣлъ. Неподвижное, какъ будто бы окаменѣлое карре стояло безмолвно, стройно, какъ стѣна. Ударили «тревогу». Барабаны подхватили, батальонный огонь показался дробью, и въ мигъ ока французскіе всадники и ихъ лошади устлали землю. Одинъ полковникъ, съ нѣсколькими



Подвигъ Невѣровскаго.

удальцами, домчался до угла карре и палъ, пронзенный штыками; линіи атакующихъ повернули назадъ и въ безпорядкѣ ускакали. Невѣровскій приказалъ ударить отбой пальбѣ и сказалъ: «Видите, ребята, какъ легко исполняющей свою обязанность пѣхотѣ побѣждать кавалерію; благодарю васъ и поздравляю!» Единодушное «ура» и «рады стараться!» было отвѣтомъ на слова командира.

Мюратъ удвоилъ атаки, а Невѣровскій, идя въ карре и заслоняясь деревьями, которыми была обсажена дорога, отбивался удачно. Непріятель подскакивалъ такъ близко, что переговаривался съ нашими карре и вызывалъ ихъ положить оружіе. Солдаты Полтавскаго полка закричали: «Умремъ, а не сдадимся!» На пятой верстѣ отступленія былъ произведенъ самый сильный натискъ; но деревья и рвы помѣшали французамъ врѣзаться въ наши карре. Наконецъ батальоны дивизіи Невѣровскаго смѣшались въ одну колонну и, отстрѣливаясь, отражали атаки. Такъ прошли еще семь верстъ. Въ одномъ мѣстѣ дорога, обнесенная плетнемъ, но лишенная березъ и придорожныхъ канавъ, около деревни, чуть не разстроила молодецкаго отступленія, такъ какъ непріятель охватилъ тылъ колонны и шелъ вмѣстѣ съ нею. Невѣровскій приближался къ рѣкѣ, и когда былъ за версту отъ нея, то изъ двухъ орудій резерва, высланныхъ впередъ, открыли огонь; непріятель вообразилъ, что здѣсь ожидало русскихъ сильное подкрѣпленіе, оставилъ тылъ колонны, которая благополучно переправилась за рѣку, гдѣ и держалась до вечера. Ночью Невѣровскій отошелъ къ оврагу, въ 6 верстахъ отъ Смоленска. Сами французы писали про Невѣровскаго, что «онъ отступалъ какъ левъ».

Канонада, происходившая при атакѣ Невѣровскаго, была слышна на правомъ берегу Днѣпра, по которому тянулась вторая армія изъ Смоленска къ Надвѣ. Позади всѣхъ шелъ Раевскій. Едва прошелъ онъ нѣсколько верстъ, какъ ѣхавшій мимо него адъютантъ сказалъ, что онъ посланъ отъ Невѣровскаго съ рапортомъ къ Багратіону о напорѣ непріятеля въ большихъ силахъ на 27-ю дивизію. Пройдя 12 верстъ, Раевскій остановился для отдыха. Ночь наступила бурная, и скоро онъ получилъ приказаніе отъ Багратіона не двигаться съ того мѣста, гдѣ оно застанетъ его, и ожидать другого приказанія, которое и было немедленно прислано. Раевскому предписывалось возвратиться и итти черезъ Смоленскъ къ Красному, на помощь Невѣровскому. Раевскій велѣлъ Паскевичу взять 8 батальоновъ, составить авангардъ корпуса и поспѣшить впередъ, а самъ просилъ Багратіона дать въ его распоряженіе 2-ю кирасирскую дивизію, стоявшую недалеко отъ него, и требовалъ разрѣшенія въ случаѣ встрѣчи съ превосходными силами

непріятеля и необходимости отступленія: защищаться ли въ Смоленскѣ, или, перейдя рѣку, препятствовать непріятельской переправѣ черезъ нее? На рапортъ свой Раевскій не получилъ отвѣта и ночью продолжалъ свое движеніе къ Смоленску.

Ведя авангардъ, Паскевичъ предугадывалъ, что надо будетъ сражаться подъ Смоленскомъ, осмотрѣлъ стѣны и мѣстоположеніе города, проходя черезъ него на разсвѣтѣ 2 августа. Въ 6-ти верстахъ онъ встрѣтилъ Невѣровскаго и объявилъ ему волю Раевскаго присоединиться съ 27-ю дивизіею къ корпусу, такъ какъ Паскевичу приказано командовать всѣмъ авангардомъ, который и сталъ за оврагомъ, въ 6-ти верстахъ впереди Смоленска. Раевскій вступилъ въ городъ скоро послѣ Паскевича. Проходя его, онъ навѣстилъ находившагося тамъ Беннигсена, который сказалъ ему: «Ваше положеніе чрезвычайно затруднительно; вы идете на вѣрную погибель. Совѣтую вамъ, по крайней мѣрѣ, не переправлять артиллерію за Днѣпръ». — «Такой робкій совѣтъ,—говоритъ Раевскій въ своихъ «запискахъ», — не соотвѣтствовалъ моему положенію, почти отчаянному. Надобно было истощить всѣ средства. Я чувствовалъ, что дѣло шло не о потерѣ нѣсколькихъ пушекъ, но о спасеніи арміи—можетъ-быть, Россіи».

П. Н. Раевскій.

Осмотрѣвъ мѣстоположеніе Смоленска, Раевскій всталъ въ 3-хъ верстахъ позади Паскевича, ожидая дивизію Невѣровскаго, которая скоро къ нему и пришла.

Утро 3 августа прошло спокойно, непріятель не тревожилъ Паскевича; но въ 4 часа пополудни показались разъѣзды французовъ, а за нимъ и авангардъ, который, опрокинувъ казаковъ, подошелъ къ оврагу и остановился на пушечный выстрѣлъ отъ нашихъ батарей. Непріятель сталъ строить боевой порядокъ, при чемъ 4.000 кавалеріи обошли лѣвый флангъ Паскевича и остановились въ де-

И. Ѳ. Паскевичъ.

ревнѣ; ночь застигла ихъ движеніе. На огромномъ пространствѣ запылали бивуачные огни, по множеству ихъ нетрудно было судить о большомъ числѣ непріятеля.

Раевскій отправилъ донесенія къ Багратіону, стоявшему въ Надвѣ, и Барклаю-де-Толли, армія котораго находилась у Волоковой и Гаврикова. Его донесеніе, равно какъ и Невѣровскаго, объяснили главнокомандующимъ настоящее положеніе, и обѣ арміи выступили къ Смоленску, но были еще далеко отъ Раевскаго: первая армія въ 40, а вторая въ 30 верстахъ.

Созванные Раевскимъ на совѣщаніе генералы предлагали принять сраженіе впереди Смоленска, на той позиціи, гдѣ стоялъ корпусъ, но пріѣхавшій послѣ всѣхъ въ полночь Паскевичъ былъ противнаго мнѣнія.

— Здѣсь будемъ мы совершенно разбиты, — сказалъ онъ.—Если счастіемъ кто и спасется, то мы потеряемъ всѣ орудія, а главное — Смоленскъ будетъ въ рукахъ непріятеля!

— Почему вы такъ думаете?—спросили Паскевича.

— Вотъ мои доказательства,—отвѣтилъ онъ.—Вы занимаете точно такую же позицію, какъ и я, впереди васъ за три версты. Правый флангъ защищенъ Днѣпромъ, но лѣвый совершенно открытъ. Къ тому позади васъ рытвина, непроходимая для артиллеріи. Сегодня непріятель обошелъ кавалерію, мой лѣвый флангъ, завтра онъ повторитъ тотъ же маневръ противъ васъ. Если бы даже и отобьете французовъ съ фронта, то во время дѣла они обойдутъ васъ съ лѣваго фланга и займутъ Смоленскъ. Вы принуждены будете отступать, и, къ несчастію, на вашъ лѣвый же флангъ, т.-е. въ руки непріятеля, потому что позади васъ оврагъ, а тамъ стѣны Смоленска. Положимъ, что, ударивъ съ пѣхотою на непріятеля, при самомъ большомъ счастіи, вы даже прорветесь къ мостамъ Смоленска, но артиллеріи не провезете.

— Гдѣ же вы думаете дать сраженіе?—спросилъ Паскевича Раевскій.

— Въ самомъ Смоленскѣ,—сказалъ онъ.—Можетъ-быть, мы тамъ удержимся. При несчастіи потеряемъ артиллерію, но сохранимъ корпусъ. Во всякомъ случаѣ выиграемъ время и дадимъ возможность арміи прійти къ намъ на помощь.

Въ свѣтлую мѣсячную ночь Раевскій и Паскевичъ поѣхали осматривать стѣны Смоленска, чтобы выгоднѣе расположить войска на нихъ для сраженія. Послѣ осмотра Раевскій рѣшился защищаться въ самомъ Смоленскѣ и приказалъ пѣхотѣ отходить въ городъ съ позиціи, а кавалерію оставилъ на бивуакѣ, чтобы поддерживать костры, а въ случаѣ нападенія на нее отступить также къ Смоленску.

Ночь прошла въ размѣщеніи войскъ. Защита королевскаго бастіона, на который ожидалось нападеніе, что и случилось, поручена была Паскевичу; на правомъ флангѣ поставили двѣ пушки, для обстрѣла дороги по Днѣпру. Шесть батальоновъ 26-й дивизіи положили въ окопы; на самомъ верху помѣстили 18 пушекъ, а на стѣнѣ поставили Виленскій полкъ. Бригаду 27-й дивизіи, подъ командою Ставицкаго, расположили на кладбищѣ лѣваго форштадта, выдвинувъ 24 орудія передъ кладбищемъ. Восемь батальоновъ и 24 пушки 12-й дивизіи оставлены были въ форштадтѣ, съ приказаніемъ при нападеніи непріятеля зажечь дома и отступить въ городъ. На лѣвомъ флангѣ крѣпости поставили 2 батальона и 4 орудія, а въ резервѣ оставили бригаду 27-й дивизіи Невѣровскаго. Ночью пришли къ Раевскому два полка кавалеріи—Нижегородскій драгунскій и Литовскій уланскій, которые съ казаками были отправлены держать разъѣзды.

«Въ ожиданіи дѣла,—пишетъ Раевскій,—я хотѣлъ уснуть, но, признаюсь, что, несмотря на всю прошедшую ночь, проведенную на конѣ, не могъ сомкнуть глазъ; столько озабочивала меня важность моего поста, отъ сохраненія котораго столь многое, или, лучше сказать, вся война зависѣла».

Наполеонъ съ 3 на 4 августа ночевалъ въ загородномъ архіерейскомъ домѣ, называемомъ Новый Дворъ, въ семи верстахъ отъ Смоленска. Съ утреннею зарею 4 числа онъ поѣхалъ въ авангардъ, гдѣ завязалась перестрѣлка. При первыхъ выстрѣлахъ къ Раевскому привели плѣннаго адъютанта Мюрата, который сказалъ ему, что онъ можетъ съ балкона занимаемаго имъ дома видѣть Наполеона, разсматривающаго въ подзорную трубу русскую позицію, а равно добавилъ, что передъ Смоленскомъ стоятъ корпуса Мюрата, Нея, готовясь къ немедленному нападенію. Дѣйствительно, вскорѣ Наполеонъ приказалъ Нею атаковать, будучи увѣренъ, что въ Смоленскѣ одна лишь дивизія Невѣровскаго. Наша конница отступила къ городу; спустя полчаса показались три густыя колонны пѣхоты.

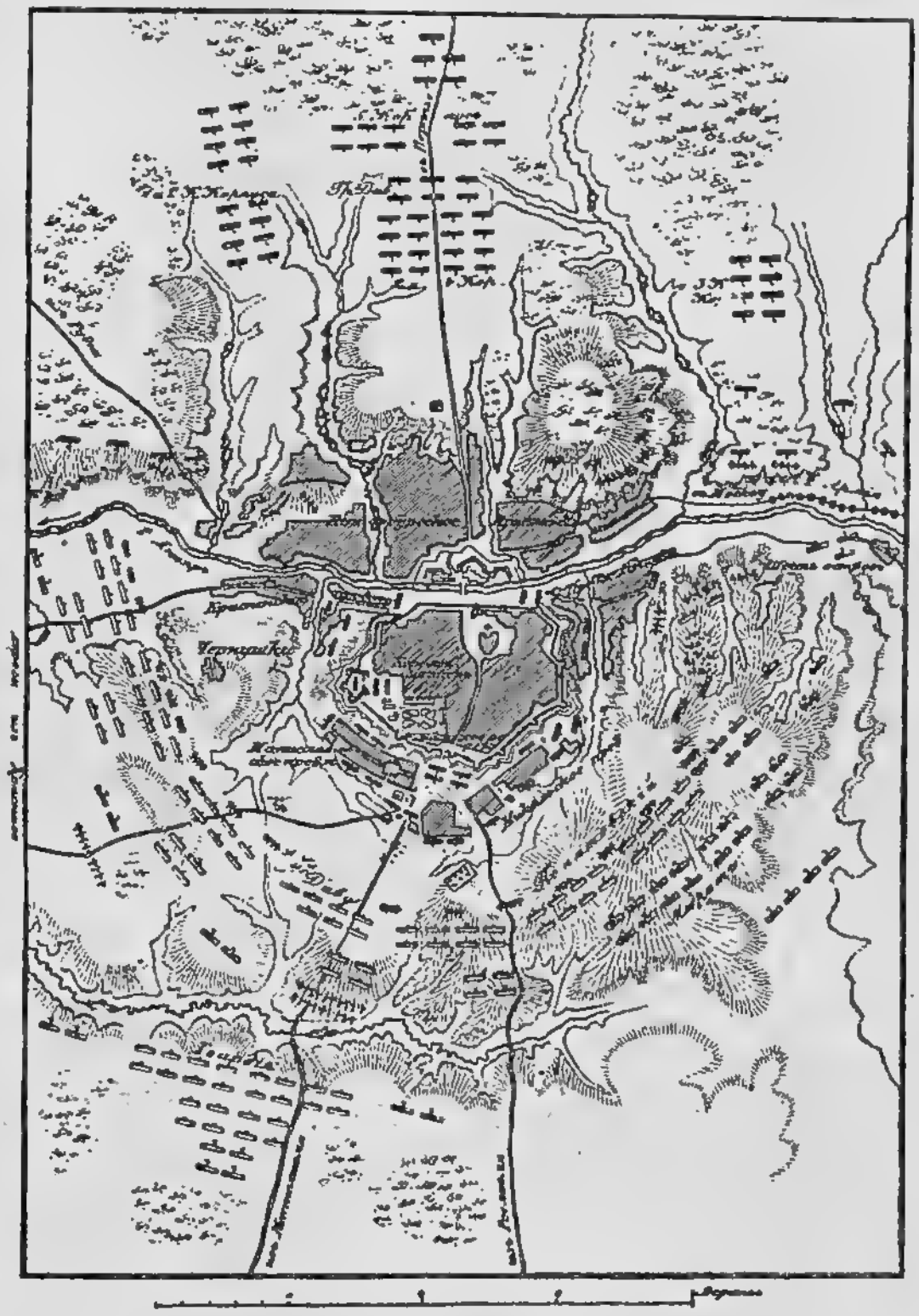
Одна шла прямо на бастіонъ, другая на кладбище, третья вдоль Днѣпра, на правый нашъ флангъ. Наши 70 орудій открыли огонь, невзирая на который непріятель приближался къ рытвинѣ, составлявшей ровъ Смоленской крѣпости. Только что Паскевичъ успѣлъ построить одинъ изъ батальоновъ, какъ французы очутились уже на гласисѣ. Орловскій полкъ открылъ ружейный огонь и удержалъ непріятеля, который нѣсколько разъ пытался выйти изъ оврага и бросался на нашу пѣхоту, но каждый разъ былъ встрѣчаемъ батальоннымъ огнемъ и принужденъ спускаться въ оврагъ. Паскевичъ, примѣтивъ, что атаки непріятеля слабѣютъ, приказалъ Орловскому полку ударить въ штыки;

Наполеонъ по дорогѣ къ Смоленску, въ Новомъ Дворѣ.

Ладожскій и Нижегородскій полки сдѣлали то же самое, и непріятель былъ выбитъ изъ рытвины, покрывъ своими трупами все пространство отъ гласиса до противоположнаго гребня оврага. Полки наши бросились было преслѣдовать непріятеля, но Паскевичъ велѣлъ ударить отбой и снова построилъ батальоны за прикрытіемъ.

На лѣвый флангъ атаку французы повели стрѣлками и колоннами, приблизились къ русскимъ батареямъ, выдвинувъ свою артиллерію. Сперва ихъ встрѣтили картечью, затѣмъ крикнули общее «ура!» И непріятель былъ опрокинутъ. На лѣвый форштадтъ, занятый 12-ю дивизіею, атака непріятелемъ не производилась.

Офицеръ французскаго № 2 кирасирскаго полка про бой у Смоленска разсказываетъ: «Канонада была ужасная, русскіе имѣли орудія большого калибра, у насъ же наибольшій калибръ имѣла гвардейская артиллерія. Весь нашъ корпусъ стоялъ внѣ сферы дѣйствія русской артиллеріи, но все же отдѣльныя ядра докатывались до ногъ нашихъ лошадей. Картина канонады и штурма, столь новая для кавалериста, вынудила меня приблизиться къ мѣсту дѣйствія, захвативъ товарища, любителя приключеній. Пройдя незамѣченными позади фронта другого полка, мы добрались до центра артиллеріи и очутились въ струѣ ядеръ и гранатъ, оцѣнивъ степень опасности, мужество и хладнокровіе артиллеристовъ. Нашу артиллерію били еще во флангъ русскія батареи того берега. Мы не постигали, какъ могли еще остаться живыми люди и лошади артиллеріи среди этой массы падающихъ снарядовъ, на открытой равнинѣ, имѣя по 6 лошадей на орудіе и ящикъ! Мы наблюдали польскую пѣхоту, спускавшуюся въ рвы крѣпости или, вѣрнѣе, въ овраги и пытавшуюся, подсаживая другъ друга, эскаладировать стѣны съ мужествомъ и упорствомъ, заслуживающими лучшей участи; французская артиллерія поддерживала ихъ, поражая стѣны, дававшія дождь каменныхъ осколковъ. На батареѣ, со свойственнымъ ему спокойствіемъ, подъ огнемъ прохаживался Мюратъ, всѣмъ улыбаясь и воодушевляя артиллеристовъ, предвѣщая столь привычный ему успѣхъ. Приблизясь къ намъ и удивленный видѣть тутъ двухъ кирасиръ, Мюратъ бросилъ намъ: «Чортъ возьми,



Планъ сраженія при Смоленскѣ.

что вы здѣсь дѣлаете, господа?» Получивъ отвѣтъ, что мы— любители и что зрѣлище осады необычно для кирасировъ, Мюратъ, крикнувъ намъ: «въ добрый часъ!» удалился смѣясь. Меня поразила тогда одна вещь: Мюратъ, всегда окруженный многочисленнымъ штабомъ, былъ на этотъ разъ совершенно одинъ, — ни адъютантовъ ни конвоя; куда дѣвалась эта всегдашняя его свита?! Были ли разосланы чины этой свиты или градъ снарядовъ произвелъ въ средѣ свиты короля-солдата опустошеніе!.. Судя по свойству мѣстности, пѣхота, видимо, не могла добраться до скалъ и вѣнчавшихъ ихъ стѣнъ, и дѣйствія ограничивались взаимной посылкой снарядовъ, а потому мы съ товарищемъ удалились».

Къ девяти часамъ утра подъ Смоленскомъ стала сосредоточиваться вся французская армія, окружая городъ. Въ это время Раевскій получилъ отъ Багратіона записку, въ которой князь писалъ: *Другъ мой! я нейду, а бѣгу; желалъ бы имѣть крылья, чтобы скорѣе соединиться съ тобою. Держись. Богъ тебѣ помощникомъ!* Цѣлые полки французовъ подходили и разсыпались въ цѣпь. Мы теряли людей немного, такъ какъ стояли за прикрытіемъ. Смоленскіе обыватели, мужчины и женщины, приходили на стѣны и уносили на рукахъ раненыхъ въ городъ.

Около полудня увидѣли 2-ю армію, шедшую по правому берегу Днѣпра; вскорѣ показались и войска Барклая-де-Толли. Съ высотъ, по которымъ шли обѣ наши арміи, имъ были видны всѣ дѣйствія непріятеля противъ Смоленска. Наполеонъ, увидя многочисленныя русскія войска, воскликнулъ: «Наконецъ они въ моихъ рукахъ!»

Въ подкрѣпленіе Раевскаго первыми пришла 2-я кирасирская дивизія, которую онъ просилъ прежде, не зная, что будетъ сражаться въ городѣ, почему имъ было послано приказаніе не переходить Днѣпра. Затѣмъ въ 7-мъ часу подошли 4 полка 2-й гренадерской дивизіи, которые также не были введены въ бой, такъ какъ непріятель ограничивался одною пушечною стрѣльбою. Въ Смоленскъ пріѣхали оба главнокомандующіе арміями и поздравили Раевскаго и Паскевича съ успѣхомъ. Багратіонъ благодарилъ обоихъ отъ души, восторгаясь ихъ геройскимъ подвигомъ. «Вотъ благополучнѣйшая минута, — говорилъ Раевскій, — всего военнаго поприща моего. Чтобы умѣть оцѣнить мое наслажденіе, надобно было перенесть безпокойство, мучавшее меня сутки». Насколько важна была рѣшимость Раевскаго защищать Смоленскъ, видно изъ записокъ Наполеона, диктованныхъ на островѣ св. Елены, въ которыхъ онъ писалъ: *Если бъ мы застали Смоленскъ врасплохъ, то, направясь черезъ Днѣпръ, атаковали бы въ тылъ русскую армію, въ*

Сраженіе при г. Смоленскѣ.

то время раздѣленную и шедшую въ безпорядкѣ. Такого рѣшительнаго удара совершить не удалось.

Съ восходомъ солнца 5-го августа Наполеонъ былъ на полѣ, среди своей арміи, ожидая, скоро ли наши войска выйдутъ изъ воротъ Смоленска для сраженія. Но Барклай-де-Толли, удостовѣрясь, что подъ Смоленскомъ собрана масса войскъ Наполеономъ, который намѣревался предупредить насъ въ окрестностяхъ Дорогобужа, чтобы завладѣть московскою дорогою, рѣшился съ кн. Багратіономъ на слѣдующее:

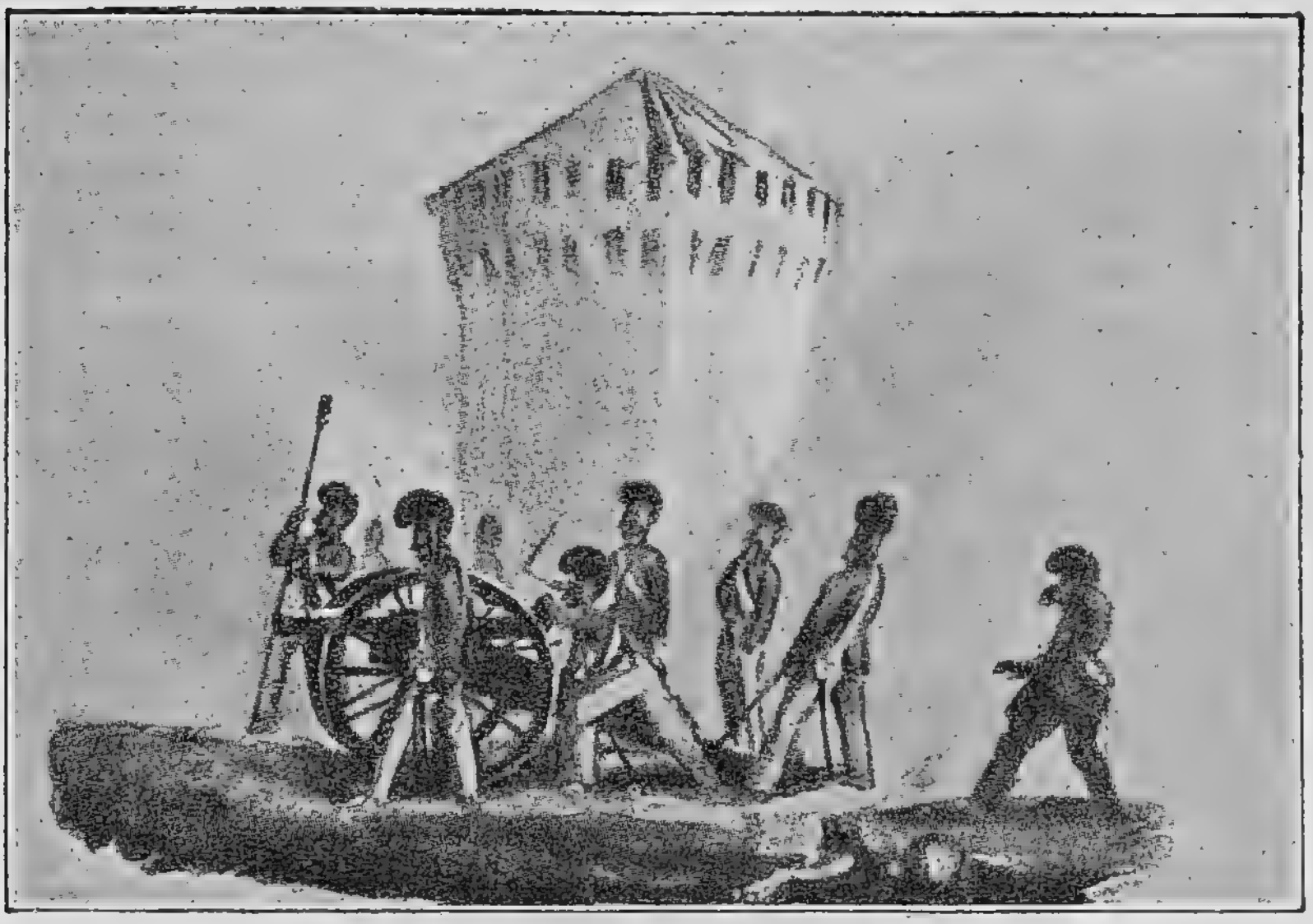
1) 2-й арміи отступить по Дорогобужской дорогѣ къ Соловьеву, оставя у Смоленска, на московской дорогѣ, впереди рѣчки Колодни, авангардъ подъ начальствомъ князя Горчакова.

2) Для прикрытія движенія князя Багратіона — 1-й арміи занять однимъ корпусомъ Смоленскъ, а прочимъ корпусамъ расположиться подлѣ города, на правомъ берегу Днѣпра.

Въ полночь корпусъ Дохтурова смѣнилъ въ Смоленскѣ Раевскаго. Самъ Дохтуровъ чувствовалъ вслѣдствіе перенесенной болѣзни слабость, но на вопросъ Барклая: въ силахъ ли онъ оборонять Смоленскъ, отвѣтилъ: «Лучше умереть въ полѣ, нежели на кровати». На усиленіе Дохтурова были назначены дивизіи Невѣровскаго и Коновницына, и бригада Колюбакина 12-й дивизіи.

Князь Багратіонъ, выступая изъ Смоленска, доносилъ государю: «Надѣюсь, что военный министръ (т.-е. Барклай-де-Толли), имѣя передъ Смоленскомъ всю 1-ю армію, удер-

Подъ стѣнами Смоленска.



Бой у башни г. Смоленска.

житъ Смоленскъ, а я, въ случаѣ покушенія непріятеля пройти далѣе, на Московскую дорогу, буду отражать его».

Свои войска Дохтуровъ расположилъ на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, которыя наканунѣ занималъ Раевскій, такъ какъ изъ опыта была видна выгода такого размѣщенія. Дивизія 24-я Лихачева стала на правомъ; 7-я Капцевича — на лѣвомъ флангѣ; 3-я Коновницына—въ резервѣ, а 27-я Невѣровскаго—въ Раченскомъ предмѣстьи. На правомъ берегу Днѣпра, гдѣ находились остальные корпуса арміи Барклая, устроены были батареи, съ цѣлью при штурмѣ бить фронтальный во флангъ.

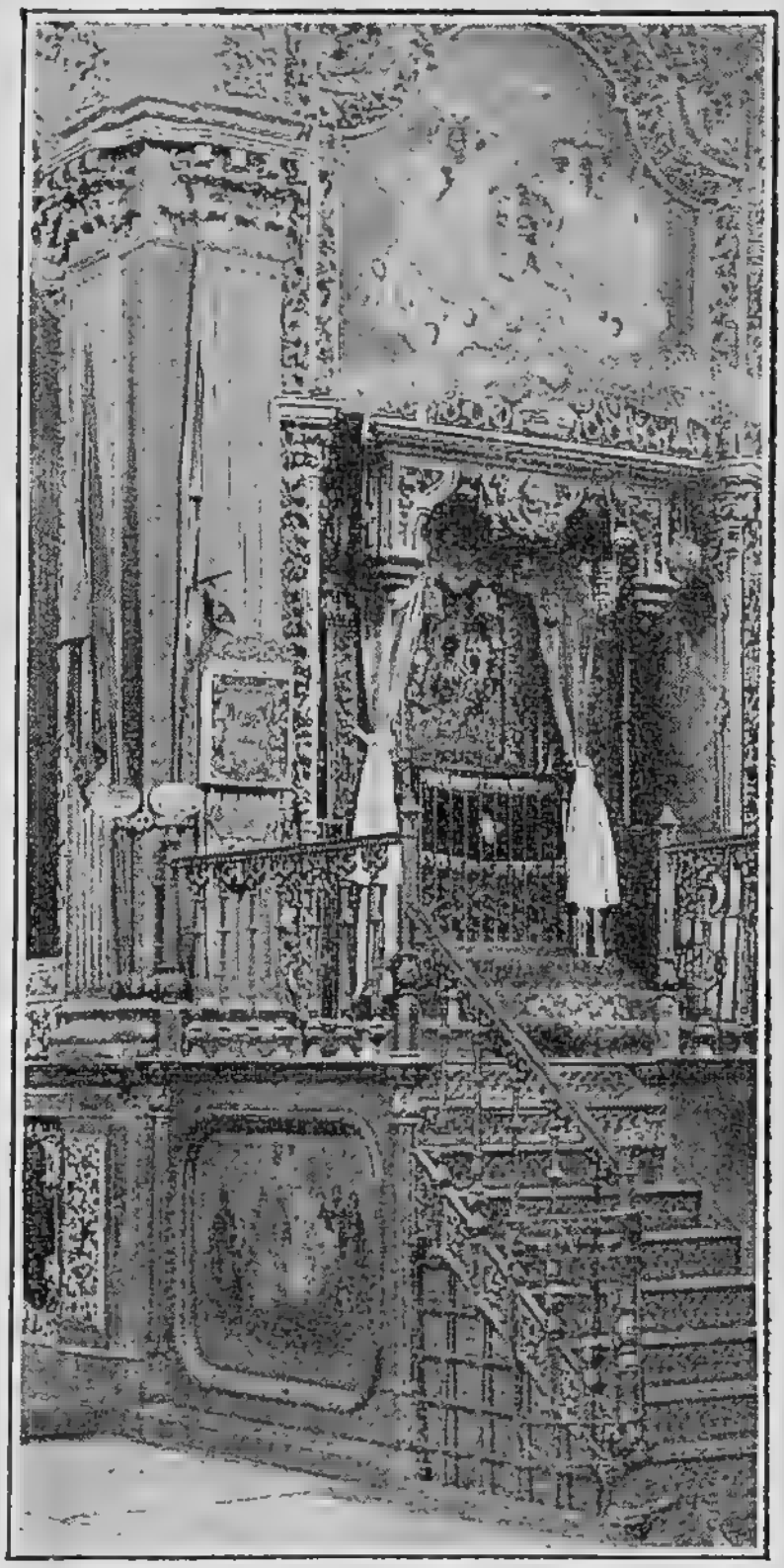
Къ 10 часамъ утра открылся огонь передовыхъ цѣпей. Было за полдень; предмѣстья остались за нами; всѣ атаки на нихъ были отбиты, а къ 2 часамъ непріятель прекратилъ огонь. Наполеонъ все еще надѣялся, что русскія войска примутъ сраженіе, выйдя за стѣны Смоленска, но скоро онъ получилъ съ праваго фланга донесеніе, что примѣтно движеніе русскихъ, отступающихъ отъ Смоленска. Наполеонъ направился къ Шеину—Острову, чтобы лично убѣдиться въ томъ. Здѣсь онъ увидѣлъ отступающія войска кн. Багратіона и рѣшилъ ихъ отрѣзать отъ тѣхъ, которыя находились въ Смоленскѣ. Разъѣзды были посланы найти бродъ, но такового они не нашли, хотя онъ существовалъ версты за четыре отъ Смоленска. Тогда Наполеонъ рѣшился овладѣть Смоленскомъ для переправы на правый берегъ Днѣпра и при-

казалъ начать общую атаку. Ней пошелъ на Красненское предмѣстье, Даву—на Мстиславское и Молоховскія ворота, Понятовскій атаковалъ Раченку. Дохтуровъ держался въ предмѣстьяхъ часа два, но принужденъ былъ войти въ городъ и поставилъ пѣхоту на стѣнахъ, а артиллерію по бастіонамъ. Главный натискъ велся на Молоховскія ворота, защищаемыя Коновницынымъ, возлѣ котораго находился Дохтуровъ. До какой степени былъ здѣсь силенъ огонь, можно судить по тому, что четыре раза были перемѣнены—4 орудія, стоявшія у воротъ, такъ какъ лошади и прислуга были уничтожаемы въ короткое время. Коновницынъ по-

Д. С. Дохтуровъ.

лучилъ рану пулею въ руку, но не оставилъ сраженія, не давъ даже сдѣлать себѣ перевязку. Барклай, видя безпрестанныя атаки непріятеля на Смоленскъ, поручилъ принцу Евгенію Вюртембергскому лично обозрѣть происходившее въ городѣ; но не успѣлъ принцъ доѣхать до мѣста, какъ получилъ новое приказаніе итти со своею 4-ю дивизіею на подкрѣпленіе въ Смоленскъ. Два полка принцъ направилъ къ Раченкѣ, а съ остальными 2-мя пошелъ къ Молоховскимъ воротамъ, куда подоспѣлъ въ самую критическую минуту: войска Дохтурова, бывшія въ цѣпи, въ разстройствѣ возвращались въ ворота. Дохтуровъ отдалъ приказъ принцу Евгенію сдѣлать вылазку и прогнать непрі-

ятеля, засѣвшаго въ домахъ, расположенныхъ близъ городской стѣны. Коновницынъ и принцъ съ трудомъ могли очистить проходъ въ воротахъ, чрезъ которыя принцъ съ 4-мъ егерскимъ полкомъ и вышелъ. Встрѣченный сильнымъ огнемъ, полкъ замѣшкался, но принцъ соскочилъ съ лошади и возстановилъ порядокъ, благодаря нѣсколькимъ храбрецамъ-егерямъ, которые побѣжали впередъ, взяли вправо, въ прикрытый путь или шанцы, за ними кинулся весь полкъ и далъ залпъ по французамъ, находившимся въ домахъ. Послѣ этого Молоховскія ворота не подвергались уже нападенію непріятеля.



Икона Смоленской Божіей Матери въ мѣстномъ соборѣ.

Не менѣе успѣшно дѣйствовалъ Невѣровскій у Раченки, подкрѣпленный гвардейскими егерями, и искуснымъ распоряженіемъ начальника артиллеріи 1-й арміи, графа Кутайсова, лично руководившаго огнемъ орудій.

Поляки корпуса Понятовскаго не разъ врывались въ ворота, группами человѣкъ 15—20, съ крикомъ: «Да здравствуетъ отчизна!» Но ни одинъ изъ нихъ не возвращался живымъ; равнымъ образомъ погибъ и генералъ Грибовскій, командовавшій отрядомъ у Раченки; онъ былъ заколотъ штыкомъ гренадеромъ Тобольскаго полка. Наполеонъ, видя безуспѣшность атакъ, приказалъ передъ штурмующими колоннами поставить батареи и громить крѣпость. Стѣны Смоленска съ 30 башнями, возведенныя еще Годуновымъ, выдержали удары ядеръ и гранатъ 150 пушекъ, но въ самомъ городѣ загорѣлись церкви и дома. Среди пожаровъ, грома пушекъ и падающихъ ядеръ жители Смоленска, объятые ужасомъ, падали на колѣни, съ воздѣтыми къ небу руками, возлѣ церквей, не затворявшихъ свои двери уже три дня, гдѣ духовенство предъ алтарями Божіими совершало непрестанно молебствія. Горѣли храмы и ихъ коло-

кольни, но всенощное бдѣніе наканунѣ праздника Преображенія Господня совершалось, какъ обыкновенно. Въ сумерки, изъ Благовѣщенской церкви, а затѣмъ изъ города, вынесенъ былъ чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери, который съ тѣхъ поръ цѣлыхъ почти три мѣсяца находился при арміи. Торжественное шествіе сопровождалось трескомъ и шумомъ падающихъ зданій и картинами битвы, кипѣвшей среди тихаго вечера. Не было ни малѣйшаго вѣтра: огонь и дымъ подымались столбомъ къ небу, окрашивая заревомъ облака. Удалилась икона Божественной Заступницы Смоленска, на стѣнахъ котораго оставались наши солдаты-молодцы, спереди громимые французами, а со спины палимые пожарищемъ...

«Приступы непріятеля,—писалъ Барклай въ своей реляціи,—были наижесточайшіе и отважные, но въ возмездіе того и потеря его столь чрезвычайна, что нашъ уронъ даже нимало не можетъ войти въ сравненіе съ непріятельскимъ, хотя и простирается до 4. 000 убитыми и ранеными». Потери французовъ простирались отъ 8—10 тысячъ. Главнокомандующій 1-ю арміею доносилъ государю: *Цѣль наша при защищеніи развалинъ смоленскихъ стѣнъ состояла въ томъ, чтобы, занимая тамъ непріятеля, пріостановить исполненіе намѣренія его достигнуть Ельни и Дорогобужа и тѣмъ предоставить князю Багратіону нужное время прибыть безпрепятственно въ Дорогобужъ. Дальнѣйшее удерживаніе Смоленска никакой не могло имѣть пользы; напротивъ того, могло бы повлечь за собою напрасное жертвованіе храбрыхъ солдатъ. Посему рѣшился я послѣ удачнаго отраженія приступа непріятельскаго ночью съ 5-го на 6-ое число оставить Смоленскъ, удержива я только его Петербургскій форштадтъ, и со всею арміею взять позицію на высотахъ противъ Смоленска, давая видъ, что ожидаю его атаки.*

Въ часъ ночи Дохтуровъ получилъ приказаніе очистить Смоленскъ, перейти на правый берегъ Днѣпра, занять егерями Петербургскій форштадтъ и истребить Днѣпровскій мостъ. Посты, находившіеся внѣ стѣнъ Смоленскихъ, были сняты; входы въ городъ заграждены, раненые по возможности вывезены. До разсвѣта Смоленскъ опустѣлъ отъ войскъ, лишь нѣсколько полковъ стали противъ бывшаго моста и при бродахъ.

Рано утромъ въ день Преображенія Господня непріятельскіе дозоры, не видя передъ собою никого, ни на стѣнахъ Смоленска, стали входить въ городъ. Не замедлилъ пріѣхать и Наполеонъ чрезъ Никольскія ворота и остановился въ домѣ Каховскаго, откуда вскорѣ отправился глухими улицами въ церковь надъ Днѣпровскими воротами. Изъ ея запертыхъ стеклянныхъ дверей Наполеонъ смотрѣлъ, какъ по ту сторону сожженнаго моста два русскія орудія

отстрѣливались и огнемъ своимъ по набережной били французовъ. Онъ приказалъ втащить въ церковь Божіей Матери двѣ пушки и, поставя ихъ въ верху балкона, самъ, какъ бывшій нѣкогда артиллеристъ, наводилъ ихъ на наши орудія. Потомъ, выйдя изъ церкви, приказалъ противъ нашихъ стрѣлковъ, занимавшихъ противоположный берегъ, поставить 4 пушки на небольшомъ земляномъ валу.

Наполеонъ провелъ въ Смоленскѣ четыре дня, занявъ домъ гражданскаго губернатора Аша. Изъ обывательскихъ домовъ и лавокъ, которыхъ было 2.250, уцѣлѣло отъ пожара всего 350. На другой день Наполеонъ отправился въ Успенскій соборъ. Дойдя до средины огромнаго и чрезвычайно

Смоленскъ въ 1812 г.

высокаго храма, Наполеонъ, пораженный его величіемъ, снялъ шляпу, и его примѣру послѣдовали всѣ окружавшіе его. Въ храмѣ спасались жители, лишенные крова пожаромъ. Передъ Наполеономъ предсталъ священникъ Мурзакевичъ, который просилъ его сохранить отъ разграбленія какъ храмъ, такъ женъ и дѣтей въ немъ укрывшихся. Наполеонъ уважилъ просьбу, приказалъ къ собору поставить часовыхъ, которые тутъ и находились во все время непріятельскаго нашествія, пока послѣдній французскій часовой не былъ снятъ 5-го ноября егерскимъ полкомъ.

Для управленія Смоленскою губерніею учреждена была Наполеономъ верховная комиссія по гражданской части,

Священникъ Мурзакевичъ.

подъ предсѣдательствомъ французскаго интенданта Вильбланша. Военными губернаторами были: сперва Коленкуръ, а потомъ генералы Шарпантье и Жомини. Кромѣ того, учредили муниципалитетъ, изъ 10-ти членовъ и 30 чиновниковъ, исправлявшихъ должности переводчиковъ, писцовъ, казначеевъ и комиссаровъ, назначаемыхъ въ разъѣзды по губерніи. Всѣ сорокъ человѣкъ, вступившіе въ муниципалитетъ, были иностранные мастеровые, шляхтичи и подьячіе.

Виконтъ де-Пюибюскъ, одинъ изъ старшихъ офицеровъ Наполеоновской арміи (потомъ взятый нами въ плѣнъ), бывъ очевидцемъ бѣдственнаго времени, пережитаго Смоленскомъ, и на шестой день послѣ отъѣзда Наполеона изъ города писалъ: «Жребій брошенъ; русскіе, ретируясь во внутреннія свои земли, находятъ вездѣ сильныя подкрѣпленія, и нѣтъ сомнѣнія, что они вступятъ въ битву лишь тогда, когда выгодность мѣста и времени дастъ имъ увѣренность въ успѣхѣ. Нѣсколько дней раздача провіанта становится весьма безпорядочной: сухари всѣ вышли, вина и водки нѣтъ ни капли; люди питаются одной говядиной отъ скота, отнятаго у жителей окрестныхъ деревень. Но и мяса надолго не хватитъ, такъ какъ жители при нашемъ приближеніи разбѣгаются и уносятъ съ собою все, что только могутъ взять, и скрываются въ густыхъ, почти недоступныхъ лѣсахъ. Солдаты наши оставляютъ свои знамена и расходятся искать пищи; русскіе мужики, встрѣчая ихъ поодиночкѣ или по нѣскольку человѣкъ, убиваютъ нашихъ дубьемъ, копьями и ружьями».

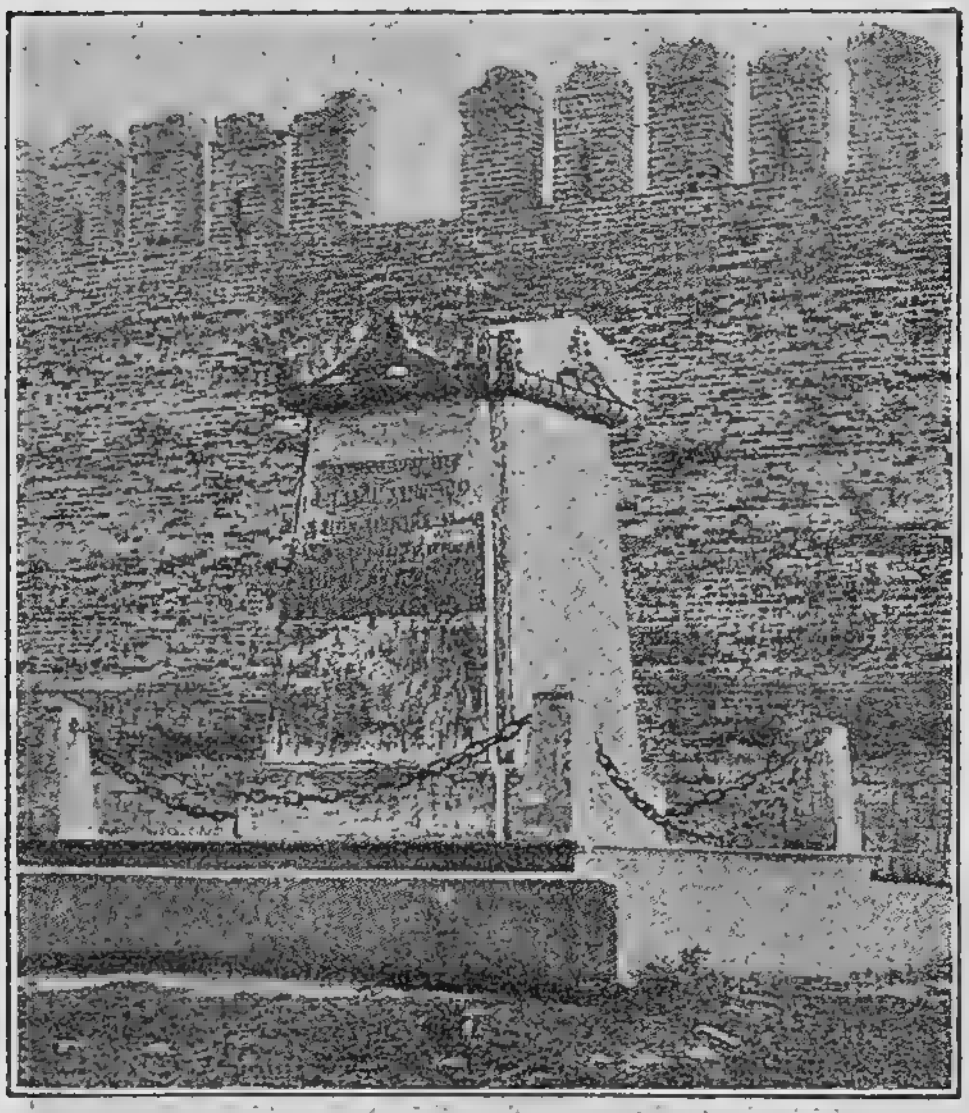
Конечно, такое отношеніе и состояніе вызывали въ французахъ озлобленіе, чѣмъ можно объяснить отчасти казнь русскихъ помѣщиковъ: подполковника Павла Ив. Энгельгардта (разстрѣлянъ 15 октября) и коллежскаго асессора Семена Ив. Шубина; послѣдній былъ разстрѣлянъ 24 октября за Свирской заставой. Относительно Энгельгардта приводимъ

письмо современника: «Полковникъ рѣшился при вторженіи французовъ остаться въ своей деревнѣ, чтобъ защитить ее отъ хищности враговъ, и успѣлъ истребить великое число сихъ разбойниковъ. Между тѣмъ злодѣи донесли на него, и онъ былъ взятъ подъ стражу. При допросахъ предъ судомъ отвѣчалъ онъ съ геройскою твердостію: «Я— русскій подданный и исполнялъ долгъ свой; мы всѣ обязаны сражаться со врагомъ, который нарушилъ наше спокойствіе и дерзнулъ напасть на законнаго нашего государя. Сожалѣю, что оковы препятствуютъ мнѣ отомстить имъ». Такимъ образомъ неустрашимый Энгельгардтъ излилъ свои чувства предъ судищилемъ враговъ и хладнокровно ожидалъ рѣшенія своей участи. На лицѣ его изображалось спокойствіе добродѣтели, когда онъ, обремененный цѣпями, ведомъ былъ по улицамъ Смоленска. Въ темницѣ написалъ онъ духовное свое завѣщаніе. Приговоръ былъ достоинъ врага нашего отечества. Сильная душа Энгельгардта тѣмъ не поколебалась: онъ не страшился смерти. По выслушаніи приговора объявилъ онъ французамъ, сколько они ошибаются, надѣясь поработить Россію, предсказалъ погибель ихъ и благодарилъ небо, наградившее его смертію, полезною для отечества. При исполненіи казни не позволилъ онъ, чтобъ завязали ему глаза, и обратилъ ихъ съ гордостію на устремленныя противъ него ружья. Сами враги сожалѣли о смерти его. Желательно, чтобъ надгробный памятникъ означалъ то

Подвигъ П. И. Энгельгардта.

мѣсто, въ которомъ покоится прахъ сего истиннаго сына отечества». Памятникъ Энгельгардту у Молоховскихъ воротъ, гдѣ онъ былъ разстрѣлянъ и брошенъ въ яму, соорудила сперва его вдова, а въ 1835 г. поставленъ нынѣшній, требующій ремонта, по повелѣнію императора Николая I, и на немъ прибавлено имя помѣщика Бѣльскаго уѣзда С. И. Шубина. При реставраціи памятника - могилы слѣдуетъ поставить на вершинѣ его крестъ.

Императоръ Александръ I по докладу Кутузова о геройскомъ подвигѣ Энгельгардта и Шубина назначилъ женѣ перваго пенсію въ 6 тысячъ руб., брату его 6 т., племянницѣ, дѣвицѣ Губиной—3 т., матери Шубина—6 т., женѣ—9 т., двумъ сестрамъ по 3 и одной 2 тысячи.



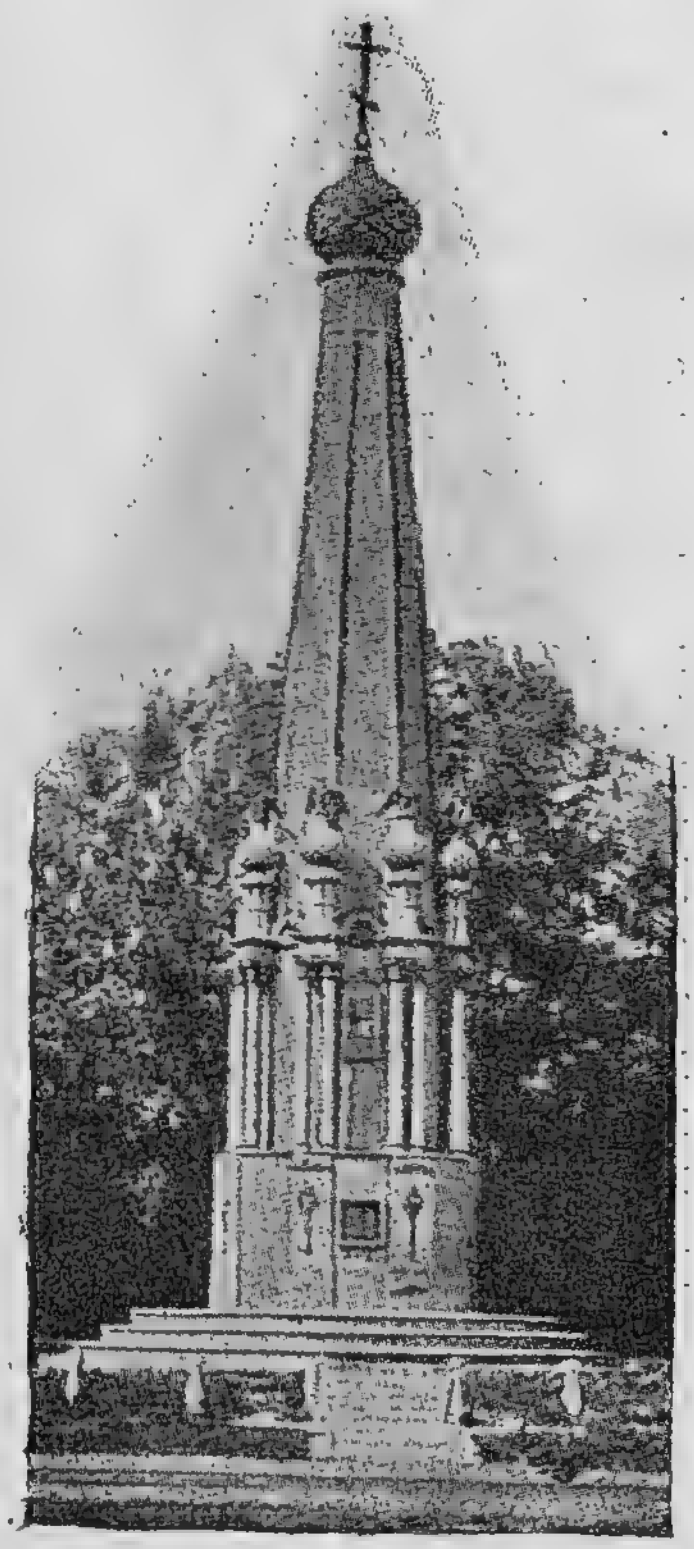
Памятникъ Энгельгардту и Шубину.

Слѣдуетъ, скажемъ мы, поставить памятникъ и генералу А. А. Скалону, убитому во время атаки дивизіею Брюйера у Молоховскихъ воротъ. Могила его, по указанію старожиловъ, въ углу, противъ Сѣвернаго бастіона. Наполеонъ, по свидѣтельству генерала Тучкова, взятаго въ плѣнъ подъ Лубинымъ, присутствовалъ на его погребеніи.

Какую картину представлялъ тогда Смоленскъ, видно изъ слѣдующихъ строкъ письма виконта де-Пюибскъ: «Всего болѣе голодъ губитъ людей. Мертвыя тѣла складываютъ въ кучу тутъ же подлѣ умирающихъ, на дворахъ и въ садахъ; нѣтъ ни лопатъ ни рукъ, чтобъ зарыть ихъ въ землю. Они начали уже гнить; нестерпимая вонь на всѣхъ улицахъ; она еще болѣе увеличивается отъ городскихъ рвовъ, гдѣ до сихъ поръ навалены большія кучи мертвыхъ тѣлъ, а также множество павшихъ лошадей покрываетъ улицы и окрестности города. Всѣ эти мерзости, при довольно жаркой погодѣ, сдѣлали Смоленскъ самымъ несноснымъ мѣстомъ на земномъ шарѣ».

IV.

Въ то время, когда Наполеонъ въѣзжалъ въ Смоленскъ, Барклай-де-Толли съ первою арміею вступалъ на позицію къ Порѣчской дорогѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Смоленска. Корфъ былъ назначенъ командовать войсками, оставшимися въ предмѣстьѣ, вмѣсто Коновницына, который по оставленіи Смоленска съ дивизіею присоединился къ своему корпусу. Избранная Барклаемъ позиція еще не была совсѣмъ занята, какъ огонь горѣвшаго моста перешелъ въ форштадтъ, откуда пѣхота нашего арьергарда, вслѣдствіе пожара домовъ, должна была выйти. Завидя отступленіе наше, непріятель, въ бродъ у самаго моста, перешелъ рѣку и оттѣснилъ нашихъ егерей и сталъ наступать по Порѣцкой дорогѣ. Поэтому Коновницыну снова приказано было очистить предмѣстье, что онъ и исполнилъ съ егерскою бригадою князя Шаховского и отступившимъ отрядомъ Корфа.



Памятникъ 1812 г. въ Смоленскѣ.

Послѣ полдня замѣтили движеніе непріятеля вверхъ по Днѣпру, отчего положеніе первой арміи дѣлалось опаснымъ, такъ какъ, занявъ Московскую дорогу, Наполеонъ могъ прервать сообщеніе арміи Барклая съ арміею Багратіона, шедшей къ Соловьеву. Хотя Багратіономъ и былъ оставленъ арьергардъ, подъ командою Горчакова, между Лубинымъ и Смоленскомъ, но онъ былъ слабъ по своей малочисленности. Барклай не пошелъ со своей арміею по дорогѣ изъ Смоленска на Москву, такъ какъ она тянется на 8 верстъ по берегу Днѣпра, почему Наполеонъ, поставивъ артиллерію свою на лѣвомъ берегу, могъ сильно бить отступавшую армію Барклая. Вотъ отчего первая армія и отступала на Порѣчскую дорогу, а для совершенія бокового марша на Московскую дорогу Барклай рѣшилъ выждать ночи, приказавъ арміи итти проселками въ двухъ колоннахъ:

1-й Тучкова I, изъ 2-го, 3-го и 4-го пѣхотныхъ и 1-го кавалерійскаго корпусовъ, черезъ Крохоткино, Жуково, Кошаево и Лубино къ Бредихину; 2-й колоннѣ Дохтурова, изъ 5-го и 6-го пѣхотныхъ, 2-го и 3-го кавалерійскихъ корпусовъ, черезъ Зыколино и Сущево на Прудище. На слѣдующій день обѣ колонны должны были продолжать маршъ къ переправѣ у Соловьева: 1-я изъ Бредихина, 2-я изъ Прудища. Платову велѣно было отдѣлить часть казачьихъ полковъ къ арьергарду первой колонны, составивъ цѣпь отрядовъ отъ Смоленска къ Порѣчью и Духовщинѣ, и при сближеніи обѣихъ колоннъ къ переправѣ черезъ Днѣпръ у Соловьева всѣ казачьи отряды соединить вмѣстѣ, составя одну общую массу, которую можно бы было направить въ любую сторону. Командовать арьергардомъ былъ назначенъ Корфъ, которому приказано отступать вслѣдъ за первою колонною, во главѣ которой велѣно итти особому отряду, въ видѣ авангарда, подъ начальствомъ Тучкова 3-го и также слѣдовать прямо къ Бредихину.

Тучковъ выступилъ съ Порѣчской дороги въ 8 часовъ вечера 6-го августа и шелъ всю ночь передъ колонною своего брата, на Полуево, Горбуново и Кошаево, по проселочнымъ дорогамъ, пролегавшимъ черезъ лѣса и болотистые ручьи, на которыхъ имѣлись мосты, сдѣланные для проѣзда лишь крестьянскихъ телѣгъ. По переходѣ чрезъ эти мосты артиллеріи ихъ приходилось перестилать, разбирая для того ближнія избы. Такая починка мостовъ страшно замедляла маршъ, какъ передового отряда, такъ и первой колонны. 7-го числа, въ 8 часовъ утра, отрядъ прибылъ на Московскую дорогу, откуда слѣдовало ему итти прямо на Бредихино. Но Тучковъ 3-ій, выйдя на Московскую дорогу, узнавъ, что Бредихино лежитъ за нѣсколько верстъ далѣе, рѣшилъ, что онъ своимъ движеніемъ откроетъ Московскую дорогу, вслѣдствіе чего непріятель, ставъ на нее, можетъ отрѣзать всю ту часть нашихъ войскъ и обозовъ, которые, слѣдуя проселкомъ, не успѣютъ еще пройти Лубина. Онъ принялъ въ соображеніе также и то, что арьергардъ, оставленный Багратіономъ впереди Лубина, подъ командою Горчакова, сходилъ съ дороги и шелъ назадъ въ то самое время, когда на нее выходилъ Тучковъ. Причиною такого отступленія было слѣдующее обстоятельство: выступя 5-го августа изъ Смоленска къ Дорогобужу, Багратіонъ приказалъ Горчакову оставаться въ верстахъ 4-хъ отъ Смоленска, для наблюденія Московской дороги, пока на его смѣну не придутъ войска первой арміи, по прибытіи которыхъ ему приказано было спѣшить на соединеніе съ 2-ю арміею. Простоявъ весь день сраженія, а также и 6-е число, Горчаковъ не получалъ никакихъ приказаній

изъ первой арміи. Наступило 7 августа. Солнце уже высоко взошло, а изъ 1-й арміи извѣстій не получалось. Между тѣмъ отъ Смоленска показался непріятель; у Прудищева на Днѣпрѣ французы строили мостъ, по которому могли зайти арьергарду въ тылъ. Наконецъ изъ главной квартиры Барклая пріѣхалъ посланный туда Горчаковымъ адъютантъ, съ донесеніемъ, что 1-я армія уже на походѣ и отрядъ Тучкова 3-го приближается изъ Кошаева къ столбовой дорогѣ. Тогда Горчаковъ приказалъ отряду своему итти назадъ къ Соловьеву, оставивъ впереди Смоленска три казачьихъ полка, подъ начальствомъ генералъ-майора Карпова. Въ это время Тучковъ 3-й вышелъ на столбовую дорогу и, видя необходимость имѣть въ своей власти Смоленскую дорогу, вмѣсто того, чтобы итти влѣво къ Бредихину, онъ поворотилъ вправо къ Смоленску, съ намѣреніемъ занять первую удобную позицію для обороны и тѣмъ прикрыть соединеніе дорогъ, чтобы дать время колоннѣ брата своего поспѣть на большую дорогу. Пройдя версты двѣ къ Смоленску, онъ увидѣлъ у рѣчки Страгани возвышенное мѣсто, удобное для защиты, гдѣ и остановилъ свой отрядъ, состоявшій изъ бригады князя Шаховского, 20-го и 21-го егерскихъ, Ре-

Баронъ Ф. К. Корфъ.

вельскаго пѣхотнаго и Елисаветградскаго гусарскаго полковъ. Затѣмъ Тучковъ поѣхалъ для обзора мѣстности и вскорѣ замѣтилъ пѣшихъ и конныхъ непріятелей, подвигавшихся противъ него изъ Смоленска. Разъѣзды Карпова донесли, что французы продолжаютъ строить мостъ у Прудищева, что подтвердилъ также перебѣжчикъ изъ полка непріятеля. Возвратясь къ отряду, Тучковъ поставилъ его въ боевой порядокъ между деревнями Топоровщиною и Латышино. Казаки пошли влѣво къ Днѣпру открывать движеніе корпуса Жюно. Между тѣмъ часть колонны Тучкова I, корпуса его, Уварова и графа Остермана, преодолѣвъ препятствія ночного марша по окольнымъ путямъ, вышла близъ Лубина на Московскую дорогу и продолжала

маршъ къ Бредихину. По просьбѣ брата, Тучковъ I послалъ къ нему въ подкрѣпленіе бригаду Желтухина, полки лейбъ-гренадерскій и графа Аракчеева.

Все шло, казалось, благополучно; ожидали только у Лубина корпуса Багговута и арьергарда Корфа, находившихся на окольной дорогѣ. Багговуту приказано было слѣдовать ночью за 4-мъ корпусомъ, который опоздалъ выступленіемъ, почему Багговутъ могъ тронуться по Порѣчской дорогѣ не ранѣе двухъ часовъ утра 7-го августа. Узнавъ объ этомъ замедленіи, главнокомандующій, для выигрыша времени, приказалъ ему итти не за 4-мъ корпусомъ, но тропинкою вправо по лѣсу, черезъ деревню Гедеонову, куда войска пришли уже совсѣмъ на разсвѣтѣ и очутились не болѣе, какъ въ полуверстѣ отъ петербургскаго предмѣстья Смоленска.

Наполеонъ 6 августа далъ арміи своей отдыхъ, лишь приказалъ вице-королю приблизиться къ Корытнѣ, такъ какъ во время приступа къ Смоленску онъ былъ отряженъ для наблюденія за Красненскою дорогою. Вечеромъ въ тотъ же день Наполеонъ послалъ Жюно къ Прудищеву, для наведенія тамъ моста чрезъ Днѣпръ, чтобы выйти на Московскую дорогу и отрѣзать тѣ русскія войска, которыя могли еще находиться между Смоленскомъ и Латышинымъ. Ней исправилъ мостъ въ самомъ Смоленскѣ, по которому его корпусъ и вся кавалерія Мюрата направились 7 августа, въ 3 часа утра, въ то самое время, когда Багговутъ былъ отъ нихъ въ полуторѣ верстѣ, у Гедеонова. Наполеонъ, не догадываясь о настоящемъ движеніи нашей арміи, велѣлъ Груши итти по Петербургской дорогѣ на Стабну и Духовщину, Мюрату поворотить вправо на Московскую дорогу, а Нея направилъ по проселку, находящемуся между этою дорогою и Петербургскою. Идя безъ проводниковъ, не находя въ деревняхъ ни одной живой души, Ней двигался ощупью. Увидавъ передъ собою у Гедеоново небольшое число русскихъ войскъ изъ корпуса Багговута, Ней выслалъ противъ нихъ стрѣлковъ и, примѣтя, что наши тянулись вправо, далъ знать о томъ Наполеону, который изъ этого донесенія убѣдился въ движеніи нашемъ къ Московской дорогѣ, а потому и велѣлъ Нею итти къ ней.

Появленіе войскъ Нея у Гедеонова, гдѣ онъ могъ отрѣзать арьергардъ Корфа, сильно встревожило Барклая, стоявшаго на высотахъ за Гедеоновымъ. Онъ приказалъ немедленно принцу Евгенію Вюртембергскому, шедшему въ хвостѣ корпуса Багговута, воротиться съ дивизіею и удержать Гедеоново, а Корфу итти какъ можно скорѣе. Принцъ выполнилъ возложенную на него задачу съ успѣхомъ, такъ какъ Ней не дѣлалъ особенно сильнаго натиска, получа отъ

Сраженіе подъ Лубинымъ или Валутиной горѣ.

Наполеона повелѣніе итти на Московскую дорогу. Барклай-де-Толли оставался у Гедеонова, пока лично не увидѣлъ приходъ корпуса Корфа. Тогда онъ приказалъ и принцу Евгенію итти на соединеніе съ другими корпусами къ Лубину, куда и самъ отправился.

Въ Лубинѣ 11-го числа, въ 11 часовъ, завязалась перестрѣлка въ передовой цѣпи корпуса Тучкова 3-го. Огонь становился все сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ изъ окрестностей Гедеонова подходилъ къ столбовой дорогѣ корпусъ Нея. Онъ открылъ пушечную пальбу и послалъ въ атаку кавалерію противъ нашей батареи. Тучковъ 3 отступилъ за рѣчку Страгань, разобралъ на ней мостъ и остановился въ позиціи, съ которой уже нельзя было сойти, не отдавъ во власть французовъ мѣста, гдѣ соединяются дороги, т.-е. пунктъ, на который должны были выходить Багговутъ и Корфъ. Ней, наблюдая за движеніемъ нашей арміи, понялъ, какой вредъ можетъ нанести ей, если ему удастся оттѣснить отрядъ Тучкова 3-го за пунктъ соединенія дорогъ, поэтому усилилъ нападеніе. Къ тремъ часамъ пріѣхалъ Барклай и приказалъ Коновницыну итти съ дивизіею на помощь Тучкову 3-му, а графу Орлову-Денисову съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ спѣшить изъ Бредихина на рысяхъ къ Заболотью, на нашъ лѣвый флангъ, откуда ожидали атаки Жюно и Мюрата, который имѣлъ намѣреніе обойти насъ слѣва, о чемъ насъ извѣстили два перебѣжчика.

Ней нѣсколько разъ пытался овладѣть поставленною на дорогѣ батареею, но не имѣя успѣха, онъ направлялъ въ обходъ насъ колонны. Французы бросались впередъ, но были обращаемы вспять Тучковымъ, Коновницынымъ и полками, подходившими изъ Бредихина. Наконецъ Ней рѣшилъ направить кавалерію на лѣвый флангъ, гдѣ графъ Орловъ-Денисовъ уже окончилъ построеніе боевого порядка. Ему было велѣно не переходить съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ черезъ болото, а поставить корпусъ позади его, на высотахъ, чтобы показать непріятелю, что тамъ будто бы находится большое количество кавалеріи. Для этого Орловъ-Денисовъ приказалъ 4-му корпусу и конной артиллеріи спѣшиться и стать на опушкѣ лѣса въ одну шеренгу, а самъ поѣхалъ къ бывшимъ налѣво отъ большой дороги полкамъ Маріупольскому, Сумскому, Елисаветградскому и 2-мъ эскадронамъ Изюмскихъ гусаръ и 5-ти казачьимъ полкамъ. Видя, что Мюратъ поведетъ атаку, а Жюно не замедлитъ приблизиться, Орловъ - Денисовъ отправилъ отъ каждаго эскадрона людей для осмотра мѣстъ, по которымъ можно было бы отходить назадъ. Это сдѣлалъ онъ нарочно, чтобы солдаты сами убѣдились въ невозможности отступленія. Когда посланные люди доложили, что болота непроходимы, Орловъ-Денисовъ предложилъ войску

Графъ В. В. Орловъ-Денисовъ.

побѣдить или умереть. Поставилъ полки въ четыре линіи и уперевъ свой правый флангъ въ пригорокъ, на который поставилъ 4 пушки, для удержанія покушеній непріятельской пѣхоты на нашъ правый флангъ. Пять полковъ казаковъ и 2 эскадрона Изюмскихъ гусаръ составили лѣвое крыло. Главная задача состояла въ томъ, чтобы воспрепятствовать Мюрату выстроить его многочисленную конницу на полянѣ, такъ какъ, если бы то удалось ему, сталобыть, пораженіе нашей кавалеріи было неминуемо, а затѣмъ Мюрату легко было бы ударить въ лѣвый флангъ нашей пѣхоты, сражавшейся на большой дорогѣ и по сторонамъ ея.

Когда два пѣхотные полка французовъ начали выходить изъ кустарниковъ и открыли огонь, графъ Орловъ-Денисовъ приказалъ первой линіи отступить на мѣсто второй, второй на мѣсто третьей и такъ далѣе. Непріятельская пѣхота, увидя отступленіе, двигалась впередъ. Тогда была послана первая линія атаковать ее, съ подтвержденіемъ уничтожить пѣхоту и затѣмъ проскакать назадъ за 4-ю линію, а 2-ой линіи снова начинать атаку, противъ кавалеріи и опрокинувъ ее, возвращаться за 4-ю линію, стараясь безпрерывными атаками не дать французамъ выстроиться на полянѣ. Первая атака Маріупольскихъ гусаръ и казаковъ была выполнена великолѣпно, французская пѣхота изрублена. Но вторая линія, не дождавшись отступленія первой, пошла также въ атаку и увлекла за собою первую, ободренную успѣхомъ, отчего произошло замѣшательство въ исполненіи сдѣланныхъ распоряженій. Обѣ линіи хотя и опрокинули кавалерію, но задержали дѣйствіе 3-й линіи. Такія атаки производились около двухъ часовъ съ неимовѣрной лихостью. Въ это время непріятельская колонна, обойдя лѣсъ, открыла по лѣвому нашему флангу пушечный и ружейный огонь. Графъ Орловъ-Денисовъ велѣлъ завернуть флангъ назадъ, что уменьшило фронтъ позиціи между болотами и дало возможность образовать резервы; присланные же по просьбѣ графа къ нему 12 орудій и два полка—

пѣхотные полка: Перновскій и Полоцкій—онъ первый изъ нихъ поставилъ въ центрѣ въ карре, а второй у пригорка праваго фланга, на который выѣхали 12 орудій. Послѣ такого размѣщенія графъ послалъ сказать Барклаю, что онъ до ночи не уступитъ Мюрату ни шагу.

Мюратъ просилъ у Наполеона подкрѣпленій и посылалъ за Жюно, который, переправясь чрезъ Днѣпръ у Прудищева, откуда могъ ударить во флангъ Орлову, не трогался съ мѣста, говоря, что въ 200 шагахъ передъ его фронтомъ непроходимое болото. Ему предлагали обойти болото и напасть на русскихъ съ тыла, но Жюно отвѣчалъ на это, что для такой атаки его корпусъ слишкомъ малочисленъ и для обхода требуется много времени, тогда какъ до наступленія ночи остается лишь четыре часа. Говорятъ, что въ этотъ день началось помѣшательство Жюно, которое потомъ и свело его въ могилу.

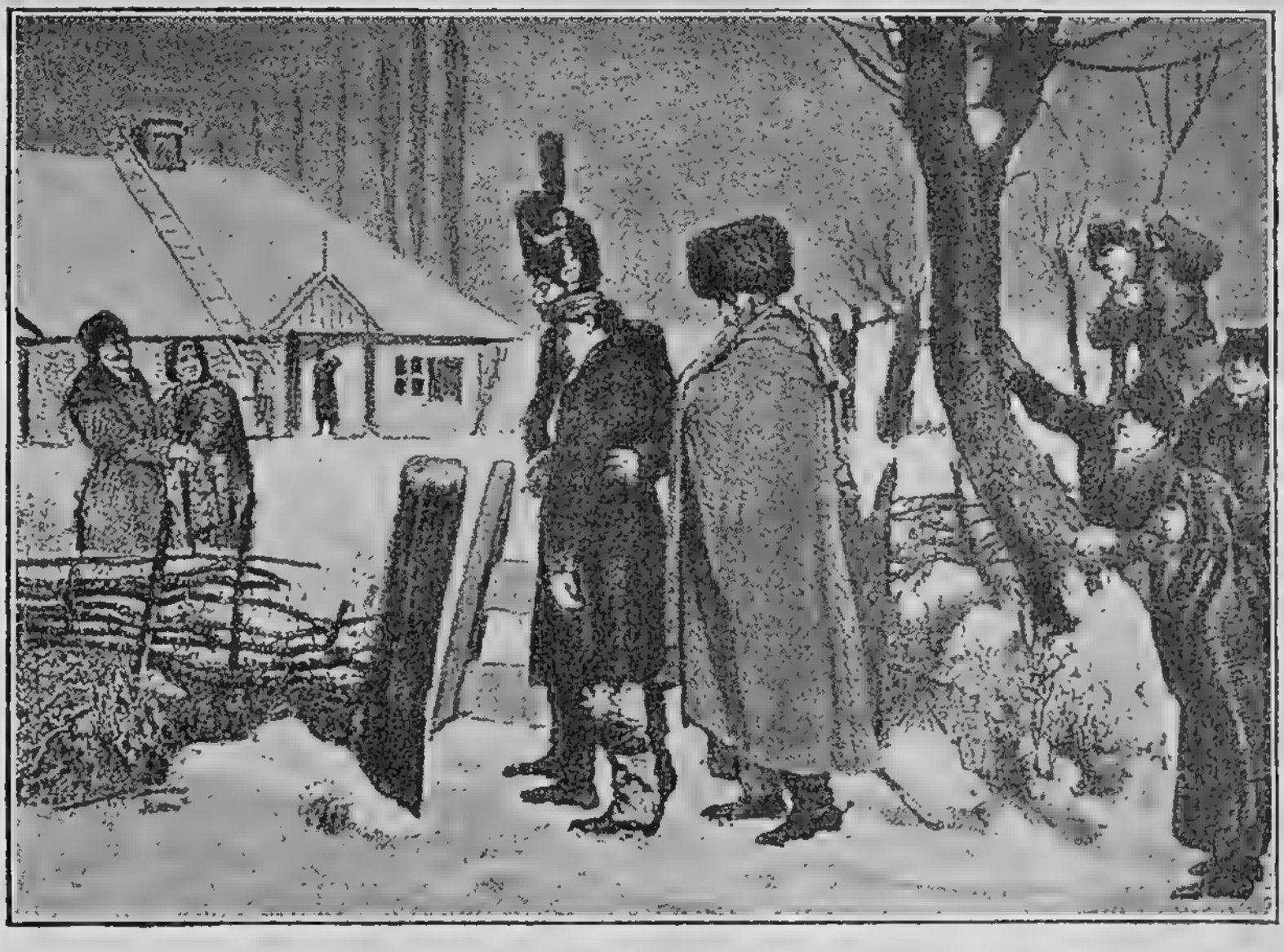
Въ продолженіе описаннаго дѣла кавалеріи Орлова-Денисова, главнокомандующій подкрѣплялъ центръ свѣжими войсками, подходившими изъ Бредихина. Мюратъ сдѣлалъ послѣднее нападеніе на Орлова, но былъ остановленъ 12-пушечною батареею и батальнымъ огнемъ Полоцкаго и Перновскаго полковъ, а Ней на правомъ флангѣ, получа въ подкрѣпленіе пѣхоту, дѣйствовалъ безъ успѣха.

Только пришедшая изъ корпуса Даву дивизія Гюдена, пользуясь сумерками, пройдя лощину, атаковала русскихъ. Тучковъ 3-ій ударилъ въ штыки съ Екатеринославскими гренадерами, но былъ опрокинутъ, при чемъ самъ упалъ съ лошади, пронзенный штыкомъ, и взятъ былъ въ плѣнъ; Гюденъ же убитъ. Но мѣсто сраженія осталось за нами; когда огонь стихъ совсѣмъ, Коновницынъ отпустилъ артиллерію и снялъ войска съ позиціи, оставя одну передовую цѣпь.

Впослѣдствіи императоръ Александръ сравнивалъ сраженіе подъ Лубинымъ или Валутиной горѣ съ Кульмскимъ боемъ, съ которымъ оно имѣетъ большое сходство. Тучковъ 3-ій точно такъ же, какъ, годъ спустя, графъ Остерманъ, безъ всякаго приказанія пошелъ совсѣмъ по другому направленію, чѣмъ то, которое ему было назначено, и преградилъ непріятелю путь къ Лубину, подобно графу Остерману, совершившему такое же движеніе на дорогѣ изъ Дрездена въ Теплицъ. Оба были они ранены, но Тучковъ 3-ій не былъ столь счастливъ, какъ гр. Остерманъ, мужество котораго было оцѣнено монархомъ, бывшимъ личнымъ свидѣтелемъ Кульмскаго сраженія. Тучкову 3-му не дали награды, по незнанію, что, по собственному соображенію, выйдя на Московскую дорогу, онъ повернулъ къ Смоленску. Когда Тучковъ упалъ съ лошади на землю, французъ замахнулъ уже надъ нимъ саблю, какъ взошла луна, и, увидя на груди Тучкова

звѣзду, роковой ударъ былъ остановленъ. Когда Тучкова велн къ Мюрату, офицеръ, взявшій его въ плѣнъ, просилъ замолвить о немъ слово. Тучковъ исполнилъ просьбу. Прощаясь съ Мюратомъ, онъ сказалъ: «Не забудьте наградить офицера, который представилъ меня къ вамъ; онъ дѣйствовалъ храбро противъ меня». Мюратъ улыбнулся, а на другой день офицеръ получилъ орденъ Почетнаго Легіона.

Потеря французовъ въ дѣлѣ подъ Лубинымъ простиралась до 6.000 чел., выбывшихъ изъ строя; мы тоже потеряли не менѣе этого числа. Наполеонъ, узнавъ отъ посланнаго для наблюденія за сраженіемъ адъютанта, сколь оно было кровопролитно, ночью же приказалъ подать себѣ карету и



Приводъ раненаго француза въ крестьянскій домъ.

въ три часа утра пріѣхалъ на поле сраженія. Осмотрѣвъ окрестности, Наполеонъ наградилъ войска, раздалъ знамена полкамъ, которые ихъ еще не имѣли, и выразилъ гнѣвъ на Жюно, благодаря которому русская армія не потерпѣла совершеннаго пораженія. 8 августа Наполеонъ съ Валутиной горы возвратился на Смоленское пепелище, а наша армія продолжала свое отступленіе къ Соловьеву двумя колоннами: Тучкова I отъ Лубина, и Дохтурова изъ Прудища. Въ Соловьевѣ приказано было обѣимъ колоннамъ перейти Днѣпръ.

Передъ сраженіемъ подъ Смоленскомъ Винцингероде отправленъ былъ къ Порѣчью и Велижу для поисковъ не-

пріятеля и сообщенія о его движеніи и для связи съ Витгенштейномъ. Отрядъ Винцингероде состоялъ изъ Казанскаго драгунскаго и 3-хъ казачьихъ полковъ. Прибывъ къ Велижу, онъ узналъ, что два батальона французовъ занимаютъ городъ. Винцингероде рѣшилъ ихъ атаковать, но предупрежденный непріятель при приближеніи русскихъ удалился, не вступая въ бой. Остановясь на нѣсколько дней въ Усвятѣ, Винцингероде посылалъ разъѣзды въ разныя стороны, которые приводили къ нему французскихъ бродягъ, оставившихъ великую армію; затѣмъ онъ направился къ Витебску, а полковника Бенкендорфа послалъ къ Полоцку.

Послѣ отступленій арміи нашихъ отъ Смоленска Винцингероде пошелъ черезъ Порѣчье въ Бѣлый. Вступя въ предѣлы Смоленской губерніи, къ его разъѣздамъ, посланнымъ на Порѣчье, присоединялись жители, которые вмѣстѣ съ казаками нападали на французовъ. Помѣщики, духовенство, купцы, крестьяне присоединялись къ отряду Винцингероде для пораженія непріятеля. «Мы,—говоритъ Бенкендорфъ,—находили вездѣ самую возвышенную преданность, самое слѣпое повиновеніе и трогательные примѣры привязанности крестьянъ къ своимъ господамъ».

Изъ Бѣлаго Винцингероде шелъ черезъ Покровъ и Воскресенскъ на Сычевку и Гжатскъ. Августа 8 армія по четыремъ мостамъ перешла Днѣпръ у Соловьевой переправы. Когда полки проходили по узкимъ мостамъ, разнесся слухъ, что сзади несутъ чудотворный образъ Смоленской Богоматери; войско разступалось, благоговѣйно молясь святой иконѣ. На правомъ берегу Днѣпра былъ оставленъ арьергардъ подъ командою Платова, чтобы заслонять армію и держать связь съ Винцингероде. Больные, обозы и раненые направлялись изъ Духовщины въ Вязьму. Вторая армія 8 августа была у Михалевки и на слѣдующее утро пошла къ Дорогобужу, а первая армія, не доходя до Дорогобужа 8-ми верстъ, заняла позицію у Умолья, гдѣ простояла два дня, такъ какъ Барклай-де-Толли думалъ тутъ принять сраженіе, для чего князь Багратіонъ вернулся изъ Дорогобужа и сталъ на лѣвомъ крылѣ 1-й арміи. Намѣреніе Барклая далѣе не отступать казалось несомнѣннымъ. Онъ писалъ графу Ростопчину:

«Нынѣшнее положеніе дѣлъ требуетъ, чтобы судьба наша рѣшена была генеральнымъ сраженіемъ. Я прежде сего полагалъ продолжать войну до окончательнаго составленія внутреннихъ ополченій, и посему надобно было вести войну общими движеніями, не на одномъ пространствѣ, гдѣ находятся 1-я и 2-я арміи, но на всемъ театрѣ войны, слѣдовательно, 3-ею арміею надлежало бы исполнить дѣятельную часть операціи, чтобы располагать въ движеніяхъ силами всѣхъ трехъ армій, по примѣру непріятеля,

который, пользуясь чрезвычайнымъ числомъ войскъ своихъ, принудилъ насъ движеніями своими къ отступленію. Находясь въ безызвѣстности о 3-й арміи и не имѣя довольнаго числа войскъ, чтобы одними движеніями прикрывались всѣ пункты, мы находимся въ необходимости возлагать надежду нашу на генеральное сраженіе».

Пока Барклай стоялъ у Умолья, раздумывая: дать сраженіе или нѣтъ, Наполеонъ жилъ въ Смоленскѣ четыре дня. «Безполезное пролитіе крови до такой степени поразило Наполеона,—говоритъ его секретарь,—что онъ рѣшился не

Наполеонъ назначаетъ пенсію сыну маркитантки послѣ убитаго солдата.

итти далѣе и остановиться въ Смоленскѣ». Кромѣ того, съ первыхъ шаговъ по русской землѣ Наполеону нетрудно было видѣть, что ждало его далѣе; вотъ почему онъ попытался обратиться къ Александру съ мирными предложеніями, избравъ для этого генерала Тучкова 3-го, взятаго въ плѣнъ; въ Смоленскѣ Бертье снабдилъ его бѣльемъ, деньгами, и вообще французы съ нимъ обращались чрезвычайно привѣтливо. Наконецъ къ Тучкову явился адъютантъ Наполеона съ приглашеніемъ императора пожаловать къ нему.

Передъ домомъ, занимаемымъ въ Смоленскѣ Наполеономъ, толпилось множество военныхъ; при входѣ по обѣимъ сторонамъ стояли конные часовые. Лѣстница и переднія комнаты были полны генералами, а у дверей кабинета стоялъ

лакей въ придворной ливреѣ. Когда Тучковъ вошёлъ въ кабинетъ, Наполеонъ былъ съ Бертье. На столѣ у окна лежала карта Россіи, на которой движенія нашихъ войскъ были обозначены воткнутыми булавками съ зелеными головками, а французскихъ синими и другихъ цвѣтовъ. Наполеонъ стоялъ посреди кабинета и, отвѣтя на поклонъ Тучкова, вступилъ съ нимъ въ разговоръ:

— Какого вы корпуса?

— Второго,—отвѣтилъ Тучковъ.

— Это корпусъ Багговута. Родственникъ ли вамъ Тучковъ, командиръ 3-го корпуса?

Маршалъ Бертье.

— Онъ мой родной братъ.

— Я не буду спрашивать васъ о числѣ вашей арміи, а скажу лишь, что она состоитъ изъ шести корпусовъ, каждый изъ двухъ дивизій въ шесть пѣхотныхъ полковъ, двухбатальоннаго состава. Могу опредѣлить даже число людей въ каждой ротѣ.

— Ваше величество, какъ видно очень хорошо освѣдомлены обо всемъ.

— Немудрено, такъ какъ всякій день, съ самаго начала отступленія вашего, мы беремъ плѣнныхъ; нѣтъ почти

ни одного русскаго полка, изъ котораго у насъ не было бы плѣнныхъ. Ихъ разспрашиваютъ о числѣ людей, записываютъ отвѣты и такимъ образомъ составляютъ свѣдѣнія.— Затѣмъ, помолчавъ, Наполеонъ продолжалъ:

— Вы, господа, хотѣли войны, а не я; знаю, что у васъ говорятъ, будто я зачинщикъ: это неправда; я докажу вамъ, что не хотѣлъ войны и что вы меня къ ней принудили, и т. д.

Затѣмъ, говоря о дѣлѣ подъ Валутиной горой, спросилъ: «Скоро ли дадите вы сраженіе, или будете все отступать?» На что Тучковъ отвѣтилъ, что ему неизвѣстны намѣренія главнокомандующаго. Наполеонъ хвалилъ русское войско и осуждалъ образъ войны:

Князь Шварценбергъ.

— Отступая безпрестанно, вы только опустошаете свою страну. Вы могли отстаивать еще долго Смоленскъ, который для меня лучше всей Польши; онъ былъ всегда и останется русскимъ. Императора вашего я люблю, несмотря на войну, которая ничего не значитъ. Государственныя выгоды часто могутъ раздѣлять и родныхъ братьевъ. Императоръ Александръ былъ и будетъ другомъ моимъ. Знаетъ ли онъ васъ лично?

— Надѣюсь,—сказалъ Тучковъ.—Я имѣлъ счастіе служить въ гвардіи.

— Можете ли вы писать къ нему?—спросилъ Наполеонъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Тучковъ,—особенно въ настоящемъ моемъ положеніи.

— Если вы не смѣете писать къ императору, можете ли написать къ вашему брату то, что я вамъ скажу?

— Къ брату—дѣло другое.

— Итакъ, — продолжалъ Наполеонъ, — вы меня обяжете, извѣстите его, что видѣли меня, и я поручилъ вамъ написать ему, что онъ сдѣлаетъ мнѣ большое удовольствіе, если самъ, или черезъ великаго князя, или главнокомандующаго, какъ ему лучше заблагоразсудится, доведетъ до свѣдѣнія государя, что я ничего болѣе не желаю, какъ заключить миръ. Мы уже довольно сожгли пороху и пролили крови; вѣдь когда-нибудь должно же кончить.

Далѣе Наполеонъ говорилъ о своихъ силахъ и свои соображенія заключилъ словами:

— Я займу Москву и, какія бы я ни принялъ мѣры для избавленія ея отъ разоренія, ничего не поможетъ. Занятая непріятелемъ столица похожа на женщину, потерявшую честь; что ни дѣлай послѣ, но чести возвратить уже нельзя. Знаю: у васъ говорятъ, что Россія не въ Москвѣ; то же самое твердили и австрійцы о Вѣнѣ, но когда я занялъ ее, они заговорили иначе. И съ вами то же случится. Столица ваша Москва, а не Петербургъ, который не что иное, какъ резиденція государя.

Наполеонъ ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ и потомъ спросилъ Тучкова:

— Вы лифляндецъ?

— Нѣтъ, я коренной русскій, изъ окрестностей Москвы.

— Вы изъ Москвы? Вы-то, господа москвичи, хотите войны со мною? Но какъ вы думаете: если бы государь вашъ захотѣлъ заключить миръ со мною, можетъ ли онъ это сдѣлать?

— Кто же въ состояніи ему воспрепятствовать?—спросилъ Тучковъ.

— А Сенатъ?—сказалъ Наполеонъ.

— Сенатъ у насъ никакой другой власти не имѣетъ, кромѣ той, какую государю угодно ему предоставить.

Продержавъ Тучкова около часа, Наполеонъ, отпуская его, приказалъ ему возвратить шпагу и совѣтовалъ не огорчаться.

— Плѣнъ вашъ безчестья вамъ сдѣлать не можетъ, такъ какъ вы взяты; берутъ только тѣхъ, кто бываетъ впереди, но не тѣхъ, кто остается назади.

Тучковъ написалъ письмо къ своему брату и показалъ его маршалу Бертье, который отправилъ его въ нашу главную квартиру, откуда представили его государю. Отвѣтомъ Наполеону было молчаніе.

Не успѣвъ до Смоленска разбить наши арміи съ тѣми войсками, съ какими Наполеонъ перешелъ Нѣманъ, онъ

отрядилъ князя Шварценберга къ Кіеву, Макдональда къ Ригѣ, поручивъ съ Сенъ-Сиромъ угрожать Петербургу, а Виктора оставилъ въ Бѣлоруссіи, самъ же пошелъ къ Москвѣ, куда двинулся онъ изъ Смоленска 11 августа. Наканунѣ этого дня авангардъ арміи Наполеона, два дня не тревожившій русской арміи, подошелъ къ Соловьеву, когда мосты были уже сняты и послѣдніе казаки переходили въ бродъ Днѣпръ. Французы кинулись преслѣдовать донцовъ, но Платовъ остановилъ ихъ, поставя батареи на лѣвомъ берегу Днѣпра. Непріятель скоро сдѣлалъ то же и подъ прикрытіемъ батарей сталъ строить мосты. Платовъ отступилъ къ Михалевкѣ, гдѣ 10 августа завязалось жаркое дѣло, продолжавшееся до вечера. Слѣдующій день прошелъ спокойно; русскіе укрѣпляли позицію у Умолья, а Наполеонъ двигалъ изъ Смоленска всѣ корпуса своей арміи. Даву, Ней, Жюно, гвардія и резервная кавалерія шли столбовою дорогою, Понятовскій правѣе, вице - король отъ Духовщины къ Дорогобужу. Это движеніе угрожало обходомъ нашему правому крылу, почему Барклай рѣшилъ не принимать сраженія у Умольи. Ночью съ 11 на 12 августа обѣ наши арміи отступили къ Дорогобужу, гдѣ Барклай и Багратіонъ все утро провели въ обзорѣ мѣстности, которая найдена была слишкомъ тѣсною. Стали исправлять недостатки позиціи и укрѣплять ее. Но намѣреніе ожидать непріятеля и здѣсь было вскорѣ отмѣнено, когда получились донесенія, что французы начинаютъ обходить наши фланги.

Маршалъ Макдональдъ.

Два дня армія продолжала отступленіе, и 14 остановилась при Семлевѣ. Ночью 13-го, послѣ отступленія казаковъ, Мюратъ вошелъ въ Дорогобужъ, и, не найдя ничего въ его амбарахъ и погребахъ, французы зажгли Дорогобужъ.

Барклай-де-Толли послалъ начальника инженеровъ, генерала Трузсона, и генералъ-квартирмейстера Толя въ Вязьму съ приказаніемъ «найти и укрѣпить такую позицію, на которой 20- или 25-тысячный корпусъ могъ бы держаться противъ непріятеля; имѣя сей городъ въ нашей власти, арміи могли бы въ то же время дѣйствовать наступательно». Въ укрѣпленномъ лагерѣ при Вязьмѣ предполагалось оставить Милорадовича, который долженъ былъ скоро прибыть туда съ сформированнымъ корпусомъ. Барклай доносилъ императору Александру слѣдующее:

«Кажется, теперь настала минута, гдѣ война можетъ принять благопріятнѣйшій видъ, потому что непріятель, невзирая на его усилія соединить всѣ силы, даже корпусъ Понятовскаго, который оставилъ Рогачевъ, Могилевъ и все пространство занимаемое, чтобы сблизиться съ Наполеономъ, слабѣетъ на каждомъ шагу, по мѣрѣ того, какъ подается впередъ, и въ каждомъ сраженіи съ нами. Напротивъ того, наши войска подкрѣпляются резервомъ, который Милорадовичъ ведетъ къ Вязьмѣ. Теперь мое намѣреніе — поставить у этого города въ позицію 20 или 25.000 человѣкъ, и такъ ее укрѣпить, чтобы этотъ корпусъ былъ въ состояніи удерживать превосходнаго непріятеля, чтобы съ большею увѣренностью можно было дѣйствовать наступательно. Этому до сихъ поръ препятствовали важныя причины; главнѣйшая та, что, доколѣ обѣ арміи не были подкрѣплены резервами, онѣ составляли почти единственную силу Россіи противъ превосходнаго и хитраго непріятеля. Слѣдовательно, надобно было по возможности сохранять арміи и не подвергать ихъ пораженію, чтобы дѣйствовать вопреки намѣренію непріятеля, который соединилъ всѣ свои силы для рѣшительнаго сраженія. Донынѣ мы имѣли счастіе достигать нашей цѣли, не теряя непріятеля изъ вида. Мы его удерживали на каждомъ шагу, и, вѣроятно, этимъ принудимъ его раздѣлить его силы. Итакъ, вотъ минута, гдѣ наше наступленіе должно начаться».

Возвратясь изъ Вязьмы, Трузсонъ и Толь донесли Барклаю, что отъ Семлева до Вязьмы и близъ нея нѣтъ позицій, такъ какъ всѣ мѣста лѣсисты, а горы покрыты кустарникомъ; но, по ихъ мнѣнію, въ 10-ти верстахъ за Вязьмою, по большой Московской дорогѣ, есть выгодная позиція, которую посредствомъ возведенія нѣсколькихъ редутовъ можно укрѣпить. Такимъ образомъ приходилось отступать и отъ Вязьмы, при которой сходились дороги изъ Бѣлаго и Калуги, т.-е. сѣверной и южной Россіи.

Обѣ наши арміи 15 августа соединились при Вязьмѣ; арьергардъ, перейдя черезъ рѣку Осму, имѣлъ кровопролитное дѣло. Всѣ войска арьергарда и 32 пушки находились въ дѣйствіи, обращая нѣсколько разъ непріятеля

П. П. Коновницынъ.

назадъ, переходившаго Осму въ бродъ. Платовъ тогда отступилъ, когда къ французскому авангарду стали подходить значительныя подкрѣпленія.

Города и селенія, въ которыхъ почти въ каждомъ держался нашъ арьергардъ, были предаваемы огню нами или непріятелемъ. Горѣли и окрестныя деревни, верстъ на 20 вокругъ, куда наѣзжали французскіе фуражиры. Наполеонъ, идя среди огня и опустошенія, вздумалъ предложить императору Александру возвратить въ занятые французами города губернаторовъ и властей; кромѣ того, онъ завѣрялъ государя въ своей дружбѣ и уваженіи, поводомъ для чего послужилъ слѣдующій случай. Для полученія свѣдѣній о взятомъ въ плѣнъ Тучковѣ былъ посланъ къ Наполеону поручикъ Орловъ. Отправляя его обратно, Наполеонъ сталъ диктовать къ Барклаю слѣдующее письмо, которое Бертье долженъ былъ подписать:

«Гвардіи офицеръ Орловъ, присланный для узнанія о генералѣ Тучковѣ, ошибочно былъ направленъ изъ авангарда въ Смоленскъ, когда совершались движенія арміи, а потому его возвращаемъ съ нашей правой передовой цѣпи, идущей на Вязьму. Теперь онъ, вѣроятно, прибылъ. Но я уже сообщилъ извѣстіе о генералѣ Тучковѣ и отправилъ его письмо. Онъ здоровъ и поѣхалъ въ Мецъ». Далѣе шли строки, собственноручно написанныя Наполеономъ:

«При семъ случаѣ возобновляю сдѣланное вамъ прежде предложеніе размѣнять плѣнныхъ, учредить сообщеніе между воюющими арміями и опредѣлить правила, какъ поступать съ переговорщиками. Его величество съ соболѣзнованіемъ видитъ несчастія края, и желалъ бы, чтобы русскій императоръ приказалъ губернаторамъ оставаться на мѣстахъ, гдѣ они могли бы пещись о жителяхъ и имуществѣ и тѣмъ уменьшать зло, причиняемое войною. Такое обыкновеніе принято во всѣхъ войнахъ. Дѣлая вамъ сіе предложеніе, я исполняю обязанность, пріятную для сердца моего монарха. Я показывалъ это письмо императору На-

полеону, и онъ велѣлъ мнѣ просить васъ кланяться отъ него императору Александру, если его величество при арміи, или съ первымъ отправляемымъ донесеніемъ. Скажите государю, что ни случайности войны и никакое обстоятельство не могутъ измѣнить уваженія и дружбы, питаемыхъ къ нему императоромъ Наполеономъ».

Отъ Вязьмы обѣ наши арміи 16 августа отошли къ селу Ѳедоровскому, намѣреваясь на другой день продолжать отступленіе къ Цареву-Займищу, гдѣ найдена была удобная позиція. Мюратъ сильно насѣдалъ на нашъ арьергардъ, поступившій въ тотъ день подъ команду Коновницына, смѣнившему Платова. Передъ Вязьмою Коновницынъ удержался до ночи; на слѣдующее утро армія тронулась къ Цареву-Займищу. На разсвѣтѣ, когда проходили послѣдніе полки нашего арьергарда, Вязьму зажгли жители. Французская артиллерія, не имѣя возможности проѣхать по улицамъ города, между горящихъ домовъ, пошла въ обходъ вмѣстѣ съ пѣхотою и кавалеріею. Мародеры пустились грабить Вязьму, въ виду которой стоялъ Коновницынъ. Завязалось снова упорное дѣло на нѣсколько часовъ. Къ вечеру наши отступили и остановились въ 18 верстахъ впереди Царева-Займища. Главная армія Наполеона стала у Вязьмы, на лѣвомъ крылѣ вице-король, въ селеніи Новомъ, а на правомъ, по дорогѣ изъ Сычевки, при селѣ Покровскомъ — Понятовскій. Наши арміи отступали совмѣстно съ населеніемъ окрестныхъ селъ и деревень, окруженныя пожарами. По обѣимъ сторонамъ выѣзжали на дороги обозы крестьянскихъ телѣгъ и экипажи помѣщиковъ. Тѣ и другіе искали защиты вблизи армій. Нѣкоторые раненые брели за арміею. Духовенство близлежащихъ къ дорогѣ церквей и монастырей, съ иконами и хоругвями, окруженное своими прихожанами, съ поникшими, непокрытыми головами, шло посреди полковъ, стройныхъ и грозныхъ своимъ безмолвіемъ. Никто не могъ равнодушно смотрѣть на безпрерывные пожары, разрушавшіе и храмы Божіи, которые оскверняемы были также нечестіемъ непріятеля. Вѣра отцовъ казалась поруганною, Россія безсильною! Жажда сраженія сдѣлалась настолько общею во всей Россіи, равно какъ и въ арміи. Помыслы и молитвы народа и войска стремились къ одной завѣтной мечтѣ: положить конецъ отступленію, которое вело врага въ сердце русскаго царства.

V.

Назначеніе одного главнокомандующаго надъ обѣими арміями стало необходимымъ послѣ соединенія первой и второй арміи въ Смоленскѣ, когда между Барклаемъ

и княземъ Багратіономъ возникло разногласіе, дошедшее до того, что Багратіонъ обвинялъ Барклая въ государственной измѣнѣ, какъ нѣмца. Избраніе главнокомандующаго всѣми арміями Александръ возложилъ на особый комитетъ, составленный изъ гр. Салтыкова, генерала Вязьмитинова, гр. Аракчеева, генералъ-адъютанта Балашова, кн. Лопухина и гр. Кочубея. Всѣ члены комитета въ засѣданіи 5 августа единогласно избрали Кутузова, которымъ было пріобрѣтено право на общественную признательность взятіемъ въ плѣнъ

Князь Мих. Илар. Голенищевъ-Кутузовъ.

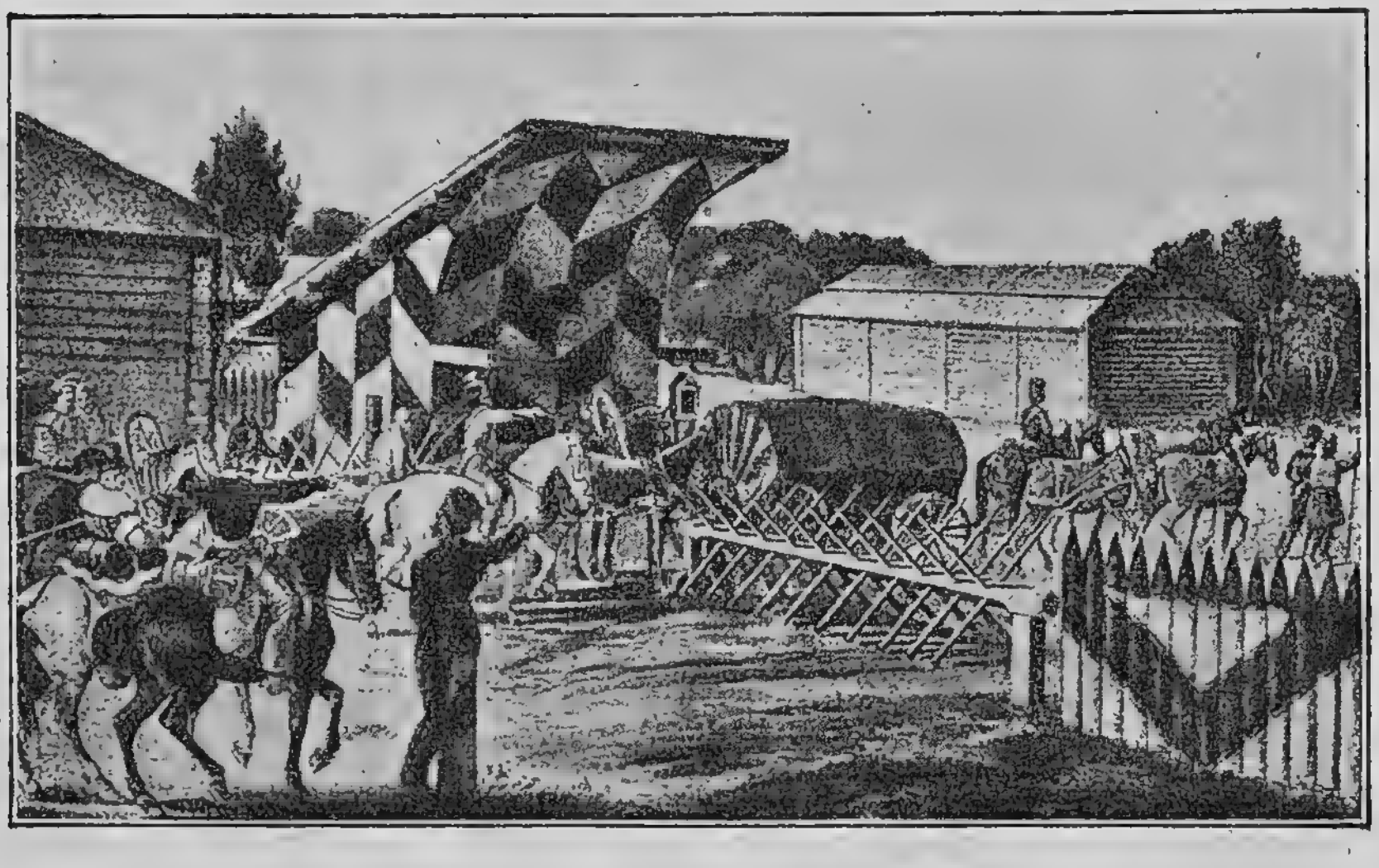
турецкой арміи въ 1811 году и заключеніемъ мира съ Портою 16 мая 1812 г., по которому къ Россіи была присоединена Бессарабія. Кромѣ того, незадолго передъ тѣмъ с.-петербургское дворянство избрало М. И. Голенищева-Кутузова начальникомъ ополченія, возведеннаго 29 іюля государемъ въ княжеское достоинство, съ титуломъ свѣтлости. Про Кутузова говорили, что онъ мудръ, какъ Фабій, проницателенъ, какъ первый Филиппъ Македонскій, одинъ въ состояніи предузнавать и уничтожать предпріятія новаго Аннибала.

Мнѣніе комитета государь утвердилъ неохотно, такъ какъ не довѣрялъ ни военнымъ способностямъ ни личнымъ свойствамъ Кутузова. Ввѣря судьбу Россіи Кутузову, Александръ сдѣлалъ уступку общественному мнѣнію, сказавъ тогда же генералъ-адъютанту Комаровскому: «Публика желала назначенія его, я назначилъ; что касается меня, то я умываю себѣ руки въ этомъ». Но гласъ народа былъ гласомъ Божіимъ, какъ сказалъ А. С. Пушкинъ:

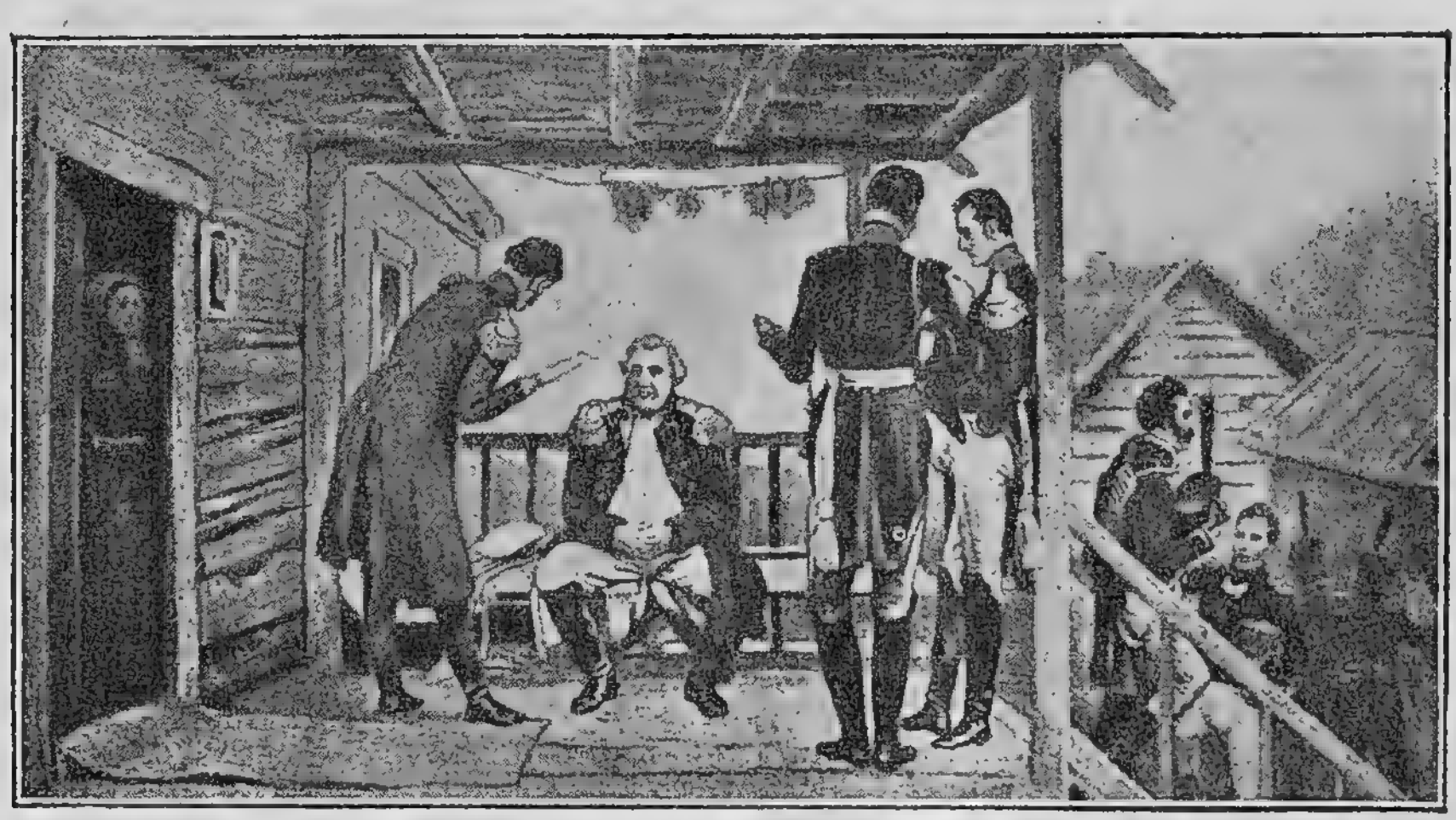
«Когда народный вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ—и спасъ».

11 августа, въ воскресенье, князь Кутузовъ, возложивъ на себя въ Казанскомъ соборѣ образъ Казанской Божіей матери, выѣхалъ изъ Петербурга къ арміи, народъ, толпившійся на улицахъ, ему кланялся, крича: *Спаси насъ! Побей супостата!*

Въ тѣсномъ кругу родныхъ Кутузовъ передъ своимъ отъѣздомъ сказалъ: «Я бы ничего такъ не желалъ, какъ обмануть Наполеона». А послѣдній, узнавъ о его назначеніи главнокомандующимъ, назвалъ *старою сѣверною лисицею*. Когда этотъ отзывъ сталъ извѣстенъ Кутузову, онъ замѣтилъ: *Постараюсь доказать великому полководцу, что онъ правъ*! 17 августа Кутузовъ прибылъ въ Царево-Займище на позицію, избранную Барклаемъ для боя. Поздоровавшись съ почетнымъ карауломъ, Кутузовъ, смотря на солдатъ, сказалъ: «Можно ли все отступать съ такими



Французы въ Гжатскѣ 24 августа 1812 г.

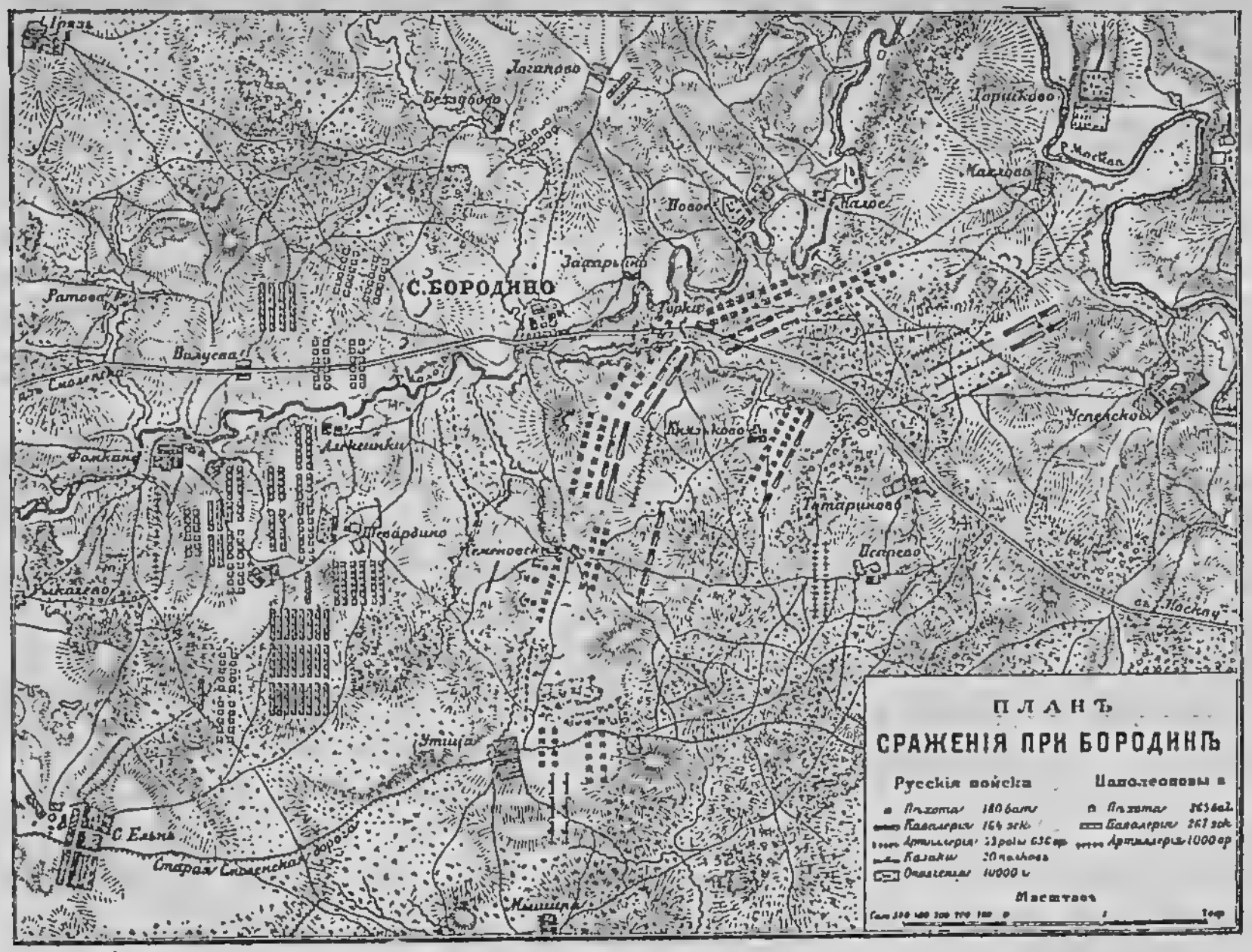


Князь Кутузовъ въ Царевѣ-Займищѣ.

молодцами». Стоустая молва разнесла эти слова по полкамъ арміи и немедленно создалась поговорка: *Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ*.

Отъ Гжатска до Москвы не было ни крѣпости, ни укрѣпленнаго лагеря, гдѣ бы было возможно, хотя на короткое время удержать превосходныя силы непріятеля. Оставалось избрать выгодное мѣсто для сраженія; съ этою цѣлью были посланы офицеры, такъ какъ мѣстность у Царева-Займища Кутузовъ не призналъ выгодною для боя. 19 августа армія выступила изъ Царева-Займища и въ тотъ же день прошла черезъ Гжатскъ, ночевавъ при деревнѣ Ивашковой; 20 продолжала отступленіе къ Дурыкину, 21 къ Колоцкому монастырю и 22 потянулась къ Можайску. Во время этихъ маршей кн. Кутузовъ пополнилъ полки резервами, приведенными Милорадовичемъ, который, сдавъ ихъ, принялъ команду надъ корпусами Багговута и графа Остермана. Въ это время офицеры, посланные въ тылъ арміи, донесли, что, не доходя 11 верстъ до Можайска, они отыскали крѣпкую позицію при селѣ Бородинѣ. Графъ Беннигсенъ въ своихъ «запискахъ» отмѣчаетъ, что «генералъ-квартирмейстеръ Толь овладѣлъ умомъ кн. Кутузова, которому его тучность не позволяла самому производить рекогносцировку мѣстности ни до сраженія ни послѣ него». Позиція при Бородинѣ была длинна, растянута на 10 верстъ отъ одного фланга до другого, «такъ что войска или резервы, находившіеся даже въ центрѣ,—какъ пишетъ Беннигсенъ,—не могли подойти своевременно, чтобы поддержать другое крыло, что и случилось 26 августа».

Бородинская позиція пересѣкалась надвое большею Смоленскою дорогою. Правый ея флангъ примыкалъ къ рощѣ, находящейся между Москвою-рѣкою и впадающею въ нее рѣчкою Колочею; лѣвый флангъ оканчивался въ кустахъ у деревни Утицы, на старой Смоленской дорогѣ, ведущей изъ Гжатска, черезъ село Ельню, въ Можайскъ. Фронтъ позиціи, занимая протяженіемъ до 7 верстъ, до Бородина прикрытъ р. Колочею, извивающеюся по глубокому оврагу; далѣе ручьемъ Семеновскимъ и кустами, тянувшимися между деревень Утицею и Семеновскою, оставляя выѣдавшійся при Бородинѣ тупой уголъ. Мѣстоположеніе, образуя общую покатость, склоняющуюся съ лѣваго



крыла на правое, къ Москвѣ-рѣкѣ и устью Колочи, представляетъ нѣсколько возвышенныхъ холмовъ у деревни Шевардино, въ 1000 саженяхъ впереди лѣваго фланга. Не желая дать непріятелю возможности овладѣть этимъ пунктомъ, чтобы обозрѣвать все расположеніе нашей арміи и вмѣстѣ съ тѣмъ удобно дѣйствовать во флангъ наступающимъ по большой дорогѣ къ Бородину колоннамъ, приказано было на одномъ изъ трехъ кургановъ у Шевардина построить пятиугольный редутъ, на 12 батарейныхъ орудій, который, однако, не былъ совсѣмъ оконченъ. Для обезпеченія же праваго фланга близъ Москвы-рѣки построены были передъ лѣсомъ три отдѣльныхъ укрѣпленія, для

Понятовскій.

обороны переправы черезъ рѣчку Колочу. На большой Смоленской дорогѣ насыпана была сильная батарея у д. Горокъ, прикрытая другой батареею, ниже ея въ 300 саженяхъ. Въ центрѣ, на курганѣ между Бородинымъ и Семеновскимъ, построенъ былъ большой люнетъ, съ флангами на 18 орудій, названный потомъ батареею Раевскаго. Цѣль этого укрѣпленія заключалась въ обстрѣлѣ всего ската къ ручью Семеновскому, и кусты, расположенные по лѣвому берегу его, составляли фланговую оборону Бородину. Лѣвѣе с. Семеновскаго устроили еще три флеши для прикрытія самаго слабаго пункта позиціи и поддержанія стрѣлковъ, занимавшихъ оврагъ передъ фронтомъ и кусты по направленію къ Утицѣ. Главная квартира помѣщена была въ с. Татариновѣ. «Когда въ первый разъ обозрѣвалъ Кутузовъ позицію передъ Бородинымъ — это было послѣ обѣда,— говоритъ князь А. Б. Голицынъ,— исполинскій орелъ парилъ надъ нимъ. Куда онъ, туда и орелъ. Аншетъ первый замѣтилъ это, и толкамъ не было конца. Послѣ выбора позиціи разсуждаемо было въ случаѣ отступленія, куда итти. Были голоса, которые тогда еще говорили, что нужно итти по направленію на Калугу, дабы перенести туда театръ войны, въ томъ предположеніи, что и Наполеонъ оставитъ Московскую дорогу и не пойдетъ болѣе на Москву, а слѣдить будетъ за арміею черезъ Верею; но Кутузовъ отвѣчалъ: *Пусть идетъ на Москву.*

На поляхъ Бородина среди только что оконченной жатвы закипѣла работа саперовъ и засверкали ряды штыковъ и пикъ.

За отступившей нашей арміей отъ Царева-Займища Наполеонъ продолжалъ свое наступательное движеніе. 19 августа авангардъ его занялъ Гжатскъ, сожженный въ ту же ночь французами. Спустя день, вступилъ въ него Наполеонъ и узналъ тутъ о прибытіи кн. Кутузова къ арміи.

Увѣренный, что насталъ теперь часъ битвы, Наполеонъ остановился на два дня въ Гжатскѣ, чтобы приготовиться къ сраженію. Выступивъ изъ Гжатска, армія Наполеона шла въ томъ же боевомъ порядкѣ, какъ и прежде: вице-король на лѣвомъ крылѣ, Понятовскій на правомъ; остальные корпуса слѣдовали столбовою дорогою, за авангардомъ, состоявшимъ подъ начальствомъ Мюрата, который 23 августа атаковалъ Коновницына, расположившагося съ арьергардомъ у Гриднева, въ 15 верстахъ отъ Бородина.

Коновницынъ упорно защищался, не уступая ни одного шага, пока подъ вечеръ вице-король не показался на его правомъ флангѣ. Тогда, пользуясь темнотою, онъ отошелъ къ Колоцкому монастырю. На слѣдующій день утромъ непріятель продолжалъ наступленіе и снова атаковалъ Коновницына. На подкрѣпленіе его Кутузовъ послалъ 1-й кавалерійскій корпусъ Уварова, который въ чинѣ былъ старше Коновницына, а потому послѣдній и явился къ нему, но Уваровъ сказалъ: *Не время считаться старшинствомъ; вамъ порученъ арьергардъ, я присланъ вамъ на помощь: приказывайте!*

Сначала Коновницынъ оборонялся съ успѣхомъ. Изюмскій гусарскій полкъ вмѣстѣ съ казаками опрокинулъ три французскіе эскадрона и изрубилъ ихъ. Но при появленіи вице-короля, который сталъ обходить, какъ и наканунѣ, нашъ правый флангъ, Коновницынъ принужденъ былъ отступить къ Бородину. Полки арьергарда начали входить въ составъ корпусовъ, къ которымъ принадлежали, и, вступая на позицію, открывали взорамъ непріятеля нашу армію, стоявшую въ боевомъ порядкѣ, доступъ къ которой защищалъ Шевардинскій редутъ. Наполеонъ приказалъ имъ овладѣть.

Непріятель шелъ, по большой дорогѣ и по сторонамъ, въ трехъ колоннахъ, державшихся на одной линіи. Часа въ два пополудни французы начали переходить Колочу у Фомкина и Валуева, направляясь на редутъ. Понятовскій слѣдовалъ туда же отъ Ельни. Въ редутѣ было 12 батарейныхъ орудій. Отрядъ, назначенный для обороны его, подъ командою князя Горчакова состоялъ изъ 27-й дивизіи, 5 гренадерскихъ полковъ, 5-го егерскаго, двухъ сводныхъ гренадерскихъ батальоновъ, двухъ драгунскихъ полковъ и 2-й кирасирской дивизіи. Горчакову приходилось защищать редутъ, вправо деревню Шевардино, а влѣво лѣсъ, на старой Смоленской дорогѣ. Завязалась перестрѣлка и, державшіеся болѣе часа, наши егеря отступили, потому что непріятель подъ личнымъ управленіемъ Наполеона пошелъ на укрѣпленіе колоннами, предварительно обстрѣлявъ редутъ огнемъ артиллеріи. Превосходство силъ, двинувшихся въ атаку, заставило Горчакова ввести тотчасъ же въ дѣло гренадеръ, но пока они подходили, редутъ и стоявшія для его

Наполеонъ на Шевардинскихъ высотахъ во время боя 26 августа.

обороны войска были засыпаны ядрами, гранатами, картечью и пулями. Французскія колонны ворвались въ укрѣпленіе, но скоро гренадерскіе полки, предъ которыми шли священники въ облаченіи, съ крестами въ рукахъ, выгнали изъ батареи непріятеля. Завязался рукопашный бой, то французы опрокидывали нашихъ, то мы ихъ отгоняли назадъ. Два раза непріятель врывался въ редутъ, но не могъ въ немъ утвердиться. Бой кипѣлъ до вечера; редутъ, село Шевардино и лѣсъ на лѣвомъ крылѣ остались за нами. Когда совсѣмъ стемнѣло, послышалось между редутомъ и Шевардинымъ приближеніе войскъ. Сначала нельзя было видѣть числа ихъ, но запылавшіе стоги сѣна озарили своимъ свѣтомъ густую колонну, шедшую косвенно на правый нашъ флангъ. Горчаковъ послалъ за 2-ю кирасирскою дивизіею и Невѣровскому съ 27-ю дивизіею велѣлъ остановить французовъ, которые въ темнотѣ ночи не могли видѣть русскихъ войскъ. Невѣровскій бывшему впереди полку велѣлъ ссыпать порохъ съ полокъ и, подойдя къ непріятелю, ударилъ въ штыки. Французы оробѣли, остановились и побѣжали. Наши смѣшались съ врагами, кололи и гнали ихъ. Подоспѣла 2-я кирасирская дивизія и довершила пораженіе непріятеля, который бросилъ 5 орудій; изъ нихъ три подбитыя пушки остались на мѣстѣ, а двѣ были вывезены кирасирами. Сраженіе прекратилось, но къ полуночи замѣтили снова приближающихся французовъ. Долѣе удерживать редутъ, по отдаленности его отъ позиціи, было безполезно и Кутузовъ приказалъ Горчакову отступить. Въ «Воспоминаніяхъ офицера французскаго кирасирскаго № 2-го полка», изданныхъ Б. М. Колюбакинымъ, находимъ слѣдующій любопытный эпизодъ изъ боя передъ Шевардинскимъ редутомъ: «Продолжая наступать, мы очутились наконецъ, въ виду возведенныхъ на равнинѣ редутовъ, что, одновременно съ развертывающейся впереди линіей кавалеріи, предвѣщало близость серьезнаго отпора, отвѣчавшаго желанію всей арміи. 5 сентября (24 августа), послѣ полудня, мы очутились передъ весьма возвышеннымъ редутомъ, расположеннымъ въ видѣ какъ бы гигантскаго передового поста при выходѣ на равнину. Дивизія легкой кавалеріи генерала Брюера стала въ первой линіи, наша кирасирская—во второй, въ нѣсколькихъ сотъ метровъ позади. До самаго вечера легкая кавалерія не переставала производить свои многочисленныя атаки во флангъ и по обѣ стороны редута, пока его не очистили русскіе и онъ не остался въ нашихъ рукахъ. Прямо впереди насъ, влѣво и нѣсколько отступя отъ редута, находился лѣсъ, и мы видѣли, какъ вдоль этого лѣса прослѣдовала линія непріятельской кавалеріи, развернулась и стала въ боевомъ порядкѣ по опушкѣ лѣса. Наступавшая темнота все же не

помѣшала намъ опредѣлить, что это за родъ войскъ. Нашъ корпусный командиръ, генералъ Нансути, не желая оставлять въ такой близости отъ насъ противника, который легко могъ насъ потомъ атаковать врасплохъ, приказалъ полку Гамбургскихъ красныхъ уланъ атаковать и отбросить эту замѣченную кавалерію. Полкъ съ мѣста и открыто пошелъ впередъ и атаковалъ, имѣя «пики въ рукахъ». Русская кавалерія встрѣтила ударъ не дрогнувъ, и не успѣли уланы коснуться остреями пикъ груди непріятельскихъ всадниковъ, какъ мгновенно повернули кругомъ и пошли къ намъ обратно, какъ будто, въ свою очередь, были атакованы и преслѣдуемы. Такъ мы и рѣшили, и нашъ 2-й и 3-й кирасирскіе полки понеслись впередъ, какъ для того,

Атака французской кавалеріи 24 августа.

чтобы поддержать уланъ, такъ и въ цѣляхъ атаки непріятельской кавалеріи. Уланы пронеслись сквозь интервалы нашихъ эскадроновъ и перестроились за нами. Мѣстность передъ нами оказалась совершенно очищенной отъ противника, но мы все еще ожидали появленія непріятельской кавалеріи, которая отбросила и преслѣдовала нашу, но, къ великому нашему удивленію, мы никого не видѣли, равнина до самаго лѣса была совершенно свободна отъ войскъ. Что же произошло? Что за причина этого безпорядочнаго отступленія нашихъ уланъ? Вотъ что, оказалось, случилось. Съ самаго начала кампаніи мы ни разу не видѣли русскихъ кирасиръ; наши уланы ихъ-то именно и атаковали, и такъ какъ русскіе кирасиры (армейскіе) были одѣты въ черные

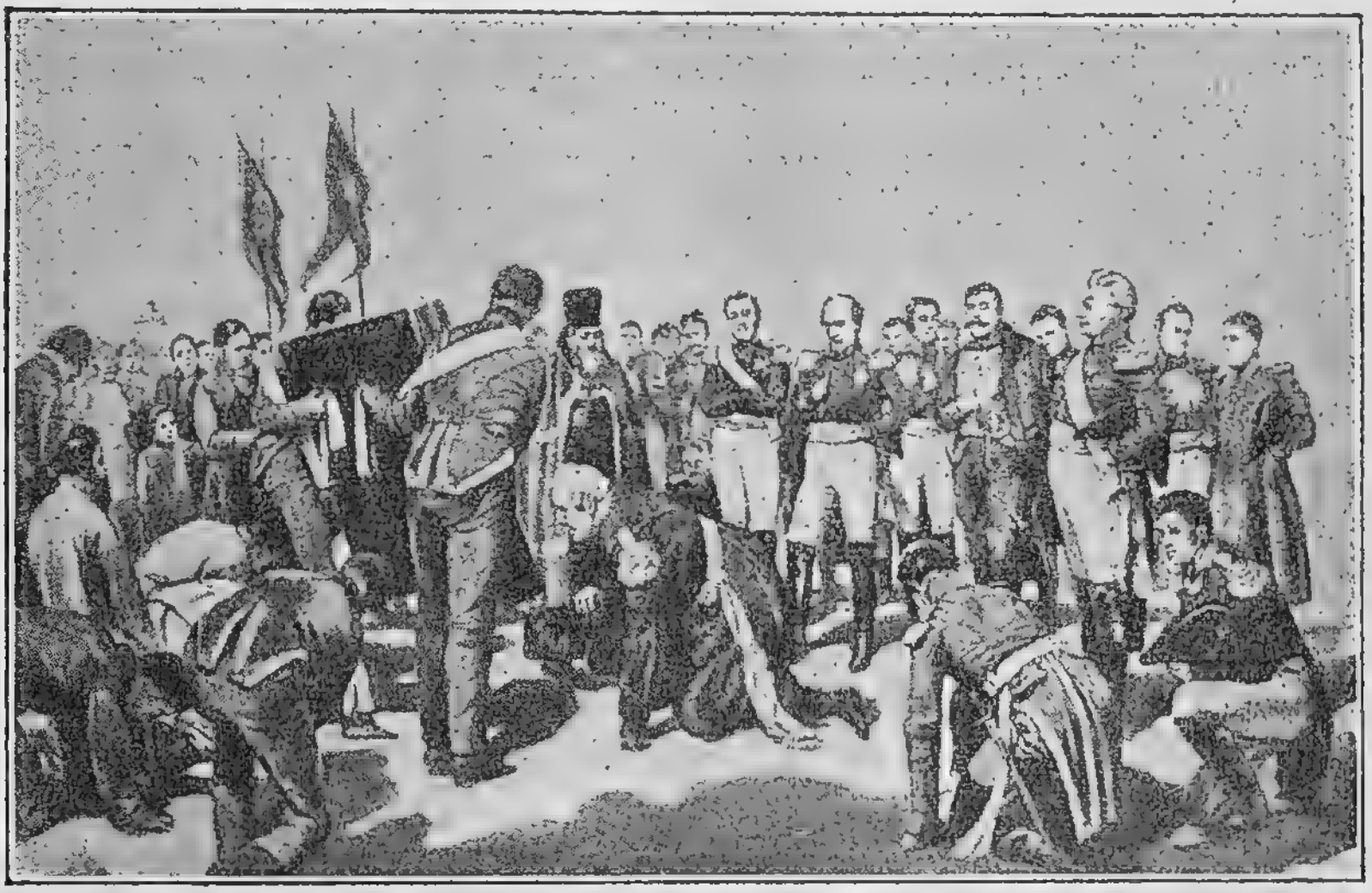
кирасы, то уланы за темнотой не разглядѣли ихъ. Только тогда, когда желѣзо ихъ пикъ зазвенѣло о кирасы, уланы поняли, съ кѣмъ имѣютъ дѣло: не проникая въ тѣло, пики издали только лязгъ, и эта случайность и неудача настолько смутили уланъ, ожидавшихъ встрѣчнаго удара кирасиръ, что они задержались, а потомъ повернули кругомъ. Фактъ этотъ даетъ возможность судить о томъ моральномъ впечатлѣніи, которое одинъ родъ кавалеріи производитъ на другой».

Во все время боя 24 августа Кутузовъ, пріѣхавшій на поле сраженія, сидѣлъ на скамейкѣ, которую всегда за нимъ возили, часто посылалъ ординарцевъ къ Багратіону, находившемуся въ огнѣ, и внимательно обозрѣвалъ мѣстоположеніе и оставался въ полѣ, пока не утихла пальба. 25 августа, разсказываетъ поэтъ В. А. Жуковскій, «наканунѣ сраженія, все было спокойно: раздавались одни ружейные выстрѣлы, которыхъ безпрестанный звукъ можно было сравнить со стукомъ топоровъ, рубящихъ въ лѣсу деревья. Солнце сѣло прекрасно, вечеръ наступилъ безоблачный и холодный, ночь овладѣла небомъ, которое было темно и ясно, и звѣзды ярко горѣли, зажглись костры, армія заснула вся съ мыслію, что на другой день быть великому бою. Тишина, которая тогда воцарилась повсюду, неизобразима; въ этомъ всеобщемъ молчаніи, въ этомъ глубокомъ темномъ небѣ, котораго всѣ звѣзды были видны и которое такъ мирно распростиралось надъ двумя арміями, гдѣ столь многіе обречены были на другой день погибнуть, было что-то роковое и несказанное. И съ первымъ просвѣтомъ дня грянула русская пушка, которая вдругъ пробудила повсемѣстное сраженіе». И началась Бородинская битва, въ которой, по мѣткому выраженію Ермолова, «французская армія расшиблась о русскую». А маститый Державинъ восклицалъ:

«Тутъ Сѣверъ съ Западомъ сражался
И ударялся громъ о громъ».

Съ укрѣпленныхъ возвышенностей, и особенно съ колокольни церкви села Бородина, было видно, какъ французскіе полки подавались вправо, какъ лѣса и кустарники занимались ихъ стрѣлками, а артиллерія, пробираясь полевыми узкими дорогами и тропинками, выѣзжала на холмы и пригорки. Замѣтя сосредоточеніе непріятеля на нашемъ лѣвомъ крылѣ, князь Кутузовъ приказалъ произвести перемѣну въ размѣщеніи войскъ: своднымъ гренадерскимъ батальонамъ второй арміи, графа Воронцова, приказано было занять укрѣпленіе у Семеновскаго, а за Воронцовымъ, во второй линіи, стать 27-й дивизіи, Невѣровскаго; позади Семеновскаго 2-й

гренадерской дивизіи, принца Мекленбургскаго; корпусу Тучкова, подкрѣпленному 7.000 московскаго ополченія, отдѣлиться отъ резерва и занять старую Смоленскую дорогу (не доходя до деревни Утицы), которая находилась въ верстѣ отъ нашего лѣваго крыла и тянулась черезъ лѣсъ въ тылъ позиціи. Остальные полки смоленскаго и московскаго ополченія разставлены были позади линій, для поданія помощи раненымъ. Четыре егерскихъ полка направлены въ лѣсъ и кусты между Утицею и Семеновскимъ, для охраны связи между корпусомъ Тучкова и второю арміею. Главную квартиру свою Кутузовъ перенесъ изъ Татаринова въ Горки. Кутузовъ, объѣзжая войска наканунѣ сраженія, говорилъ



Молебенъ передъ иконою Смоленской Божіей Матери наканунѣ Бородинскаго боя.

съ ними просто. Напримѣръ, Симбирскому пѣхотному полку сказалъ: «Вамъ придется защищать землю родную, послужить вѣрой и правдой до послѣдней капли крови. Каждый полкъ будетъ употребленъ въ дѣло. Васъ будутъ смѣнять, какъ часовыхъ, черезъ каждые два часа. Надѣюсь на васъ. Богъ намъ поможетъ; отслужите молебенъ».

Въ полдень 25 августа, чтобы приготовить войска къ битвѣ, Кутузовъ приказалъ носить по всей арміи чудотворную икону Божіей Матери, взятую 6 августа при отступленіи изъ Смоленска артиллерійскою ротою полковника Глухова и съ того времени находившуюся при полкахъ 3-й пѣхотной дивизіи. Войска съ благоговѣніемъ взирали на образъ и считали его благопріятнымъ залогомъ Все-

вышняго милосердія. При одержаніи же побѣдъ надъ непріятелемъ всегда совершали благодарственныя молебствія предъ иконою, которая около трехъ мѣсяцевъ находилась при арміи и затѣмъ была возвращена въ Успенскій соборъ Смоленска, при чемъ за совершеннымъ молебствіемъ современники услышали знаменательныя слова Евангелія отъ Луки: *Пребысть же Маріамъ съ нею яко три мѣсяцы, и возвратися въ домъ свой.*

Генералъ Коновницынъ, препровождая икону Смоленской Божіей Матери, вмѣстѣ съ тѣмъ приложилъ сдѣланные образу вклады и приношенія: 1810 руб. ассигн., 5 червонныхъ и серебра въ лому, отбитаго у непріятеля, одинъ пудъ.

Наполеонъ для воодушевленія своей гвардіи наканунѣ Бородинскаго боя выставилъ предъ своею палаткою портретъ своего сына, привезенный генераломъ Боссе къ нему изъ Парижа.

Тотъ же офицеръ французскаго кирасирскаго № 2-го полка такъ описываетъ начало дня 26 августа: «Взошло лучезарное солнце, солнце Аустерлица, оно пожелало еще разъ освѣтить этотъ достопамятный день. Съ ранняго утра войска были подъ ружьемъ, и съ музыкой во главѣ двигались корпуса занять назначенныя имъ въ боевомъ порядкѣ мѣста. Позади насъ на возвышеніи стала сосредоточенно императорская гвардія, образуя какъ бы пирамиду людей и штыковъ,—пирамиду, вершину которой составлялъ императоръ. Грандіозное и внушительное зрѣлище! У подножія возвышенія развернулась въ двѣ линіи гвардейская кавалерія: конно-егеря, уланы и драгуны въ первой, конно-гренадеры и отборныя войска во второй. Лишь только войска заняли свои мѣста, какъ былъ прочитанъ приказъ императора по арміи на 26 августа (7 сентября), еще болѣе поднявшій духъ войскъ:

Воины! Вотъ сраженіе, котораго вы столько желали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она намъ необходима; она дастъ намъ все нужное, удобныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ, Смоленскѣ. Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспомнитъ о вашихъ подвигахъ въ этотъ день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвой.

«Это энергичное и краткое воззваніе окончательно наэлектризовало армію; въ нѣсколькихъ словахъ оно затрагивало всѣ ея интересы, всѣ ея страсти, всѣ ея нужды, короче—въ нихъ было все сказано.

«Какъ только было окончено чтеніе приказа, загремѣли орудія; сраженіе началось по всей линіи; поле сраженія было слишкомъ тѣсно для огромнаго количества стянутыхъ на немъ войскъ; пришлось располагать войска въ глубо-

комъ порядкѣ нѣсколькихъ линій; почему снаряды, перелетавшіе первую линію, поражали вторую, а нѣкоторые снаряды поражали нѣсколько линій; побоище было ужасающее, и самое сраженіе явилось наиболѣе кровопролитнымъ со времени употребленія огнестрѣльнаго оружія. Странное и удивительное явленіе — современный бой: двѣ противныя арміи медленно подходятъ къ полю сраженія, открыто симметрично располагаются другъ противъ друга, имѣя въ 140 шагахъ впереди свои артиллеріи, и всѣ эти грозныя приготовленія исполняются съ спокойствіемъ, порядкомъ и точностью учебныхъ упражненій мирнаго времени; отъ одной арміи до другой доносятся громкіе голоса начальниковъ,

Э. Ф. Сенъ-Пріестъ.

видно, какъ поворачиваютъ противъ васъ жерла орудій, которыя вслѣдъ за тѣмъ понесутъ вамъ смерть и разрушеніе; и вотъ, по поданному сигналу, за зловѣщимъ молчаніемъ внезапно слѣдуетъ невѣроятный грохотъ—начинается сраженіе. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ обѣ арміи остаются неподвижны, одна только артиллерія говоритъ и дѣйствуетъ, число орудій и мѣткость стрѣльбы—вотъ что дастъ первый успѣхъ; тотъ, кто подобьетъ болѣе орудій, тотъ, кто, произведя въ линіяхъ противника болѣе опустошеній, внесетъ въ ряды его болѣе ужаса,—тотъ и вынудитъ своего противника къ отступленію».

Это чрезвычайно образное описаніе сраженій прошлой эпохи само за себя говоритъ, насколько измѣнился характеръ боя въ наше время, когда орудія начинаютъ поражать за нѣсколько верстъ, и войска своею артиллеріею ихъ ищутъ, подвергая нѣсколько орудій вѣрной гибели...

У Наполеона, считалъ Кутузовъ подъ Бородинымъ, было до 160.000 чел., а у насъ 113.000 чел., въ томъ числѣ 15.000 рекрутъ и столько же тысячъ ополченцевъ. Отдавъ послѣднія приказанія, Кутузовъ не писалъ приказа, какими обращаются къ войскамъ предъ сраженіемъ; онъ расположился

ночевать въ своей палаткѣ, влѣво отъ столбовой дороги, между Бородинымъ и Валуевымъ.

26 августа первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ изъ русскаго тяжелаго орудія, съ батареи впереди Семеновскаго, когда въ утреннемъ туманѣ показалось, что непріятель приближается.

Въ романѣ «Война и миръ» Л. Н. Толстой такъ картинно описываетъ этотъ моментъ: «Начинало свѣтать, небо расчистило, только одна туча лежала на востокѣ. Покинутые костры догорали въ слабомъ свѣтѣ утра. Вправо раздался густой одинокій пушечный выстрѣлъ, пронесся и замеръ среди общей тишины. Прошло нѣсколько минутъ. Раздался второй, третій выстрѣлъ, заколебался воздухъ; четвертый и пятый раздались близко и торжественно, гдѣ-то справа. Еще не отзвучали первые выстрѣлы, какъ раздались еще другіе, еще и еще, сливаясь и перебивая одинъ другой. Наполеонъ подъѣхалъ со свитой къ Шевардинскому редуту и слѣзъ съ лошади. Игра началась».

Услыша гулъ пушки, бодрствовавшій уже Кутузовъ, не предупредивъ своей главной квартиры, пробуждавшейся отъ сна, поѣхалъ одинъ на батарею, за деревнею Горками, гдѣ, остановясь на возвышеніи, осмотрѣлъ, при свѣтѣ догоравшихъ бивачныхъ огней, поле сраженія и армію, становившуюся въ ружье. Скоро собрались вокругъ него адъютанты, офицеры его штаба и нѣсколько генераловъ, начальствовавшихъ стоявшими вблизи войсками. У Семеновскаго загремѣла канонада, и въ самомъ Бородинѣ затрещала ружейная пальба. Наше лѣвое крыло и центръ были атакованы одновременно.

Бородино было занято гвардейскимъ егерскимъ полкомъ, находившимся въ немъ съ 24 августа, для способствованія переправѣ арьергарда чрезъ Колочу. Гвардейскимъ егерямъ велѣно было удерживать Бородино какъ можно дольше. Въ селѣ стояли два батальона, а третій держалъ впереди цѣпь и былъ внезапно атакованъ со всѣхъ сторонъ дивизіею Дельзона, изъ корпуса вице-короля. Пользуясь туманомъ, дивизія скрытно подошла къ Бородину. Барклай-де-Толли, увидя съ батареи у Горокъ превосходство силъ непріятеля, велѣлъ егерямъ отступить, которые очистили Бородино, отошли за мостъ и стали его ломать, но, тѣснимые цѣлою дивизіею, не успѣли истребить мостъ. Французскіе стрѣлки появились на правомъ берегу Колочаи, старались атаковать 12-пушечную батарею, защищавшую мостъ. Нападеніе было отбито, а батарея отвезена назадъ. Для удержанія непріятеля, начавшаго въ массѣ переходить р. Колочу, посланы были полковники Карпенковъ съ 1-мъ и полковникъ Вуичъ съ 19-мъ егерскими полками. Карпенковъ, построивъ батальоны къ атакѣ, скрытно за

бугромъ, на пистолетный выстрѣлъ отъ непріятеля, и когда гвардейскіе егеря по приказу отходили назадъ, быстро выдвинулъ свой полкъ на гребень бугра и далъ мѣткій залпъ. Дымъ ружейный клубился еще передъ ошеломленными французами, какъ наши ударили въ штыки. Непріятель бросился къ мосту, но такъ какъ на немъ было снято егерями при отступленіи болѣе десятка мостовинъ, то не могъ всею колонною перейти чрезъ него. Оставшихся французовъ на нашемъ берегу приперли къ рѣкѣ и истребили до послѣдняго.

Атака на Бородино была ложная, съ цѣлью скрыть настоящее намѣреніе Наполеона обрушиться на лѣвое крыло. Здѣсь нападеніе было поручено Даву, Нею и Жюно, имѣвшихъ подкрѣпленіе изъ трехъ кавалерійскихъ корпусовъ, подъ командою Мюрата.

Въ головѣ шли три дивизіи Даву: одна Компана двигалась по опушкѣ лѣса; другая—Дезе тянулась черезъ лѣсъ и кустарники, а третья—Фріана была въ резервѣ. Мѣстность препятствовала быстрому наступленію, такъ какъ непріятелю приходилось пробираться черезъ лѣсъ, въ которомъ не было дорогъ, и, только выходя изъ лѣса, французы стали строиться въ колонну къ атакѣ, но это построеніе совершалось подъ картечными выстрѣлами нашей артиллеріи, почему головы колоннъ, показывавшіяся передъ нашими укрѣпленіями, были остановлены огнемъ артиллеріи и егерей, разсыпанныхъ въ лѣсу. Кромѣ того, нѣсколько французскихъ генераловъ выбыло изъ строя. При самомъ началѣ боя осколокъ гранаты ударилъ Компана, который сдалъ команду Дезе, но и его скоро опасно ранило. Присланный Наполеономъ его замѣстить генералъ-адъютантъ Раппъ былъ также сраженъ пулею. Наконецъ въ то же время корпусный командиръ Даву упалъ съ лошади, пробитой ядромъ, получивъ сильную контузію. Онъ скоро оправился, но не могъ замѣнить своихъ раненыхъ дивизіонныхъ командировъ, отчего атаки его корпуса были мало успѣшны.

Въ 7 часовъ Наполеонъ приказалъ возобновить атаку. Ней вступилъ на лѣвый флангъ Даву; корпусъ Жюно, отданный Нею, сталъ во вторую линію; Мюратъ велѣлъ тронуться тремъ кавалерійскимъ корпусамъ: Нансути долженъ былъ подкрѣплять Даву, Монбренъ—Нея, Латуръ-Мобуръ слѣдовать въ резервѣ. Багратіону было ясно, что батальоны Воронцова и дивизія Невѣровскаго не въ состояніи противостоять непріятелю, почему послалъ за 3-ю дивизіею, Коновницына, находившеюся съ Тучковымъ на старой Смоленской дорогѣ, взялъ нѣсколько батальоновъ изъ 2-й линіи Раевскаго и подвинулъ изъ резерва 2-ю гренадерскую дивизію, принца Мекленбургскаго, и поставилъ

ее влѣво отъ Семеновскаго. Къ лѣвому флангу принца была придвинута 2-я кирасирская дивизія Дуки. Кромѣ того, Багратіонъ послалъ просить Кутузова о немедленной присылкѣ подкрѣпленій. Главнокомандующій направилъ къ нему генералъ-майора Бороздина съ тремя полками 1-й кирасирской дивизіи, полковника Храповицкаго съ полками л.-г. Измайловскимъ и Литовскимъ, батарейныя роты Его Высочества и гр. Аракчеева и полковника Козена, съ 8-ю орудіями гвардейской конной артиллеріи. Тогда же Кутузовъ приказалъ 2-му корпусу, Багговута, итти съ праваго крыла къ центру и на лѣвый флангъ. До прибытія корпуса Багговута изъ резерва были выдвинуты еще нѣсколько батарей къ Семеновскому. Ней, Даву, Жюно и Мюратъ повели атаку, поддерживаемую огнемъ 130 орудій. Русская артиллерія и пѣхота, выждавъ приближеніе французовъ, первая на картечный, а вторая на ружейный выстрѣлъ, поражали ихъ убійственно, но не остановили. Графъ Воронцовъ, занимая редуты, первымъ выдержалъ натискъ непріятеля, но его сопротивленіе не могло быть продолжительно, хотя онъ сражался до тѣхъ поръ, пока его батальоны не были истреблены. Во время этой борьбы французы бросались между батареями, стараясь ихъ взять съ тыла. Дивизія Невѣровскаго пошла въ штыки; кирасиры Дука, нѣсколько полковъ драгунъ и уланъ помогали пѣхотѣ въ общей свалкѣ. Даву и Ней посылали просить подкрѣпленій у Наполеона, который отвѣчалъ, что рано еще вводить въ дѣло свѣжія войска, и велѣлъ усилить огонь съ батарей своего лѣваго фланга, въ центрѣ Бородина и на всей боевой линіи, на что наши батареи отвѣчали успѣшно, имѣя прекрасныя позиціи.

На оконечность лѣваго нашего крыла двинулся Понятовскій рано утромъ, идя по старой Смоленской дорогѣ, оттѣснилъ стрѣлковъ изъ Утицы, занялъ деревню и атаковалъ 1-ю гренадерскую дивизію. Нападеніе было отбито, но непріятель возобновилъ атаку и заставилъ Тучкова отступить къ высотамъ за Утицею и, наконецъ, овладѣлъ и возвышенностью. На просимое подкрѣпленіе Тучковымъ, Кутузовъ послалъ къ нему 17-ю дивизію Олсуфьева изъ корпуса Багговута; когда та пришла, Тучковъ рѣшился прогнать французовъ съ кургана. Графъ Строгановъ съ 4-мя гренадерскими полками, съ одной стороны, а Олсуфьевъ— съ другой, и Вильманстрандскимъ и Бѣлозерскимъ полками, и самъ Тучковъ съ Павловскимъ гренадерскимъ ударили въ штыки. Высота была взята, но Тучковъ былъ раненъ пулею навылетъ и умеръ черезъ три недѣли.

У Багратіона, стоявшаго въ бою, войска и подходившія съ обѣихъ сторонъ подкрѣпленія, конницы и пѣхоты, бросались яростно на батареи и овладѣли ими. Подоспѣлъ

Коновницынъ и кинулся со своею дивизіею на непріятеля въ штыки и занялъ высоту, упорно защищаемую съ начала битвы. Тысячи труповъ покрывали батареи. Изъ нашихъ генераловъ были ранены: гр. Воронцовъ, кн. Горчаковъ и принцъ Мекленбургскій. Убиты кн. Кантакузенъ, Буксгевденъ и Тучковъ IV, ведшій свой Ревельскій полкъ съ знаменемъ въ рукѣ. Три родные брата Тучковы, участники многихъ войнъ, достигшіе генеральскихъ чиновъ, пали почти въ одно время: одинъ израненный былъ взятъ въ плѣнъ близъ Смоленска, а двое убиты подъ Бородинымъ. Мать ихъ потеряла зрѣніе отъ слезъ, а молодая жена одного изъ убитыхъ основала Спасо-Бородинскій монастырь на той

Тучковъ 4-ый ведетъ въ атаку свой Ревельскій полкъ со знаменемъ въ рукѣ.

батареѣ, гдѣ былъ убитъ ея мужъ, тѣло котораго не нашли, и укрылась въ немъ отъ свѣта.

Въ началѣ сраженія стоявшій на нашемъ лѣвомъ крылѣ вице-король увидя, что Даву, Ней и Жюно подались впередъ, нашелъ удобный моментъ для наступленія, чтобы прорвать нашъ центръ. Поручивъ защиту Бородина дивизіи Дельзона, послалъ кавалерійскую дивизію Орнано на правый берегъ Войны, для наблюденія за правымъ нашимъ крыломъ, а съ остальными 3-мя дивизіями своего корпуса и кавалеріею Груши перешелъ Колочу, направляясь противъ курганной батареи Раевскаго, которую прикрывали четыре полка 26-й дивизіи Паскевича и впереди два полка 12-й дивизіи, подъ начальствомъ Васильчикова,

занимая кустарникъ, а три егерскіе полка стояли въ резервѣ. На лѣвомъ же флангѣ Раевскаго стоялъ 3-ій кавалерійскій корпусъ, подъ командою барона Крейца.

Войска вице-короля, оттѣснивъ въ кустарникахъ нашихъ стрѣлковъ, двинулись на батарею, 18 орудій которой и стоявшія по сторонамъ ея артиллерійскія роты поражали своимъ огнемъ атакующихъ. Когда дымъ закрылъ непріятеля, вдругъ головы колоннъ французскихъ войскъ безъ выстрѣла перелѣзли брустверъ. Захваченныя 18 орудій оказались безъ зарядныхъ ящиковъ, которые заранѣе, по распорядительности Паскевича, были свезены съ батареи.

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.

Въ это время Ермоловъ и гр. Кутайсовъ, посланные Кутузовымъ на лѣвый флангъ, поравнялись съ батареею, захваченною непріятелемъ. «Высота,—говоритъ Ермоловъ,—командующая всѣмъ пространствомъ, на которомъ устроены были обѣ арміи, и 18 орудій, доставшихся французамъ, были слишкомъ важнымъ обстоятельствомъ, чтобы не испытать возвращенія сдѣланной потери. Я предпринялъ это. Нужна была дерзость и мое счастье, и я успѣлъ. Взявъ одинъ только батальонъ Уфимскаго пѣхотнаго полка, я остановилъ бѣгущихъ, и толпою, въ образѣ колонны, повелъ ихъ на курганъ и ударилъ въ штыки». Одновременно и Паскевичъ пошелъ въ штыки въ лѣвый флангъ непріятеля,

находившагося за редутомъ, а Васильчиковъ—въ правый. «Во мгновеніе ока,—пишетъ Раевскій,—опрокинули они непріятельскія колонны и гнали ихъ до кустарниковъ столь сильно, что едва кто изъ французовъ спасся». Пока Паскевичъ и Васильчиковъ вели атаку на непріятеля по сторонамъ батареи, Ермоловъ устлалъ вершину кургана трупами враговъ. На батареѣ взяли въ плѣнъ исколотаго штыками генерала Бонами.

Возвращеніе батареи возстановило дѣло въ центрѣ, но отбитіе ея отъ французовъ стоило намъ большой потери въ людяхъ, такъ какъ вице-король осыпалъ батарею и

Графъ Александръ Ив. Кутайсовъ.

мѣсто возлѣ нея ядрами. Огромною потерею была смерть графа Кутайсова, которому было всего 28 лѣтъ, но онъ уже командовалъ всей артиллеріей арміи. Во время общей атаки кургана, гр. Кутайсовъ, пожавъ руку Паскевича, повелъ пѣхоту въ штыки и болѣе не возвращался. «Во время сраженія и послѣ онаго,—говоритъ князь А. Б. Голицынъ,—Кутузовъ часто повторялъ, что со смертію Кутайсова армія много потеряла. Хотя гр. Кутайсовъ былъ во всемъ отличный человѣкъ и, конечно, на поприщѣ военномъ отличный генералъ, но слова Кутузова не относились къ лицу его; ибо онъ его мало зналъ еще, а къ тому, что на этотъ день не имѣлъ онъ при себѣ начальника артиллеріи. Неизвѣстность распоряженій, сдѣланныхъ Кутайсовымъ, произвела

то, что на всѣхъ пунктахъ у насъ стояло менѣе орудій, нежели у французовъ, и часто противъ непріятельскихъ батарейныхъ орудій дѣйствовали съ нашей стороны полевыя орудія. Упоминаю о семъ, ибо Кутузовъ неоднократно приписывалъ этому обстоятельству не полный успѣхъ, какъ бы ему быть должно, по его соображенію». Это замѣчаніе весьма справедливо, такъ какъ наши спеціалисты всеннаго дѣла, говоря, что русская артиллерія не уступала качествами французской, но употребленіе послѣдней было болѣе искусно съ точки зрѣнія сведенія ея въ массы и одновременнаго выдвиженія на позиціи; кромѣ того, въ нашей стрѣльбѣ картечью являлся нѣкоторый дефектъ въ жестянкахъ, въ которыя была заключена картечь; онѣ по вылетѣ не разлетались, почему пули не разсыпались. Офицеръ французскаго 2-го кирасирскаго полка говоритъ, что при атакѣ дивизіи Сенъ-Жермена на Семеновскій оврагъ, между флангами, «мы спустились въ оврагъ съ цѣлью выскочить на противоположную сторону, но дно оврага оказалось болотистымъ, передовыя лошади въ немъ завязли, и намъ волей-неволей пришлось вернуться обратно и стать въ боевомъ порядкѣ фронтомъ къ непріятелю, по сю сторону оврага на краю его, при чемъ мы очутились въ 100 шагахъ отъ русскихъ орудій, которыя не замедлили встрѣтить насъ бѣглымъ огнемъ. Неподвижно стоя передъ русскими, мы отлично видѣли, какъ орудія заряжались тѣми самыми снарядами, которые должны были летѣть въ нашу сторону, и какъ производилась наводка орудій фейерверкерами; требовалась извѣстная доля хладнокровія, чтобы оставаться въ этомъ неподвижномъ состояніи. Къ счастью, вслѣдствіе ли взволнованнаго состоянія прислуги, или плохой стрѣльбы, или по причинѣ близости разстоянія, но только картечь перелетала наши головы въ нераскрытыхъ еще жестянкахъ, не успѣвъ разсыпаться и разсѣяться своимъ безобразнымъ вѣеромъ. Долго простояли мы здѣсь, ожидая пѣхоты».

На батареѣ два раза перемѣняли орудія, вслѣдствіе страшнаго урона въ людяхъ, почему къ орудіямъ брали пѣхотныхъ солдатъ. На ней распоряжался Ермоловъ, а Раевскій командовалъ войсками, прикрывавшими ее, и онъ «держался до тѣхъ поръ,—какъ самъ говорилъ,—противъ повторныхъ атакъ, пока убитыми и ранеными не приведенъ былъ въ совершенное ничтожество». Тогда мѣсто Раевскаго заступила 24-я дивизія Лихачева, а Ермоловъ, сдавъ ему батарею, поѣхавъ на лѣвый флангъ, былъ раненъ. Во время этихъ атакъ Крейцъ, со 2-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, нѣсколько разъ ходилъ въ атаку на пѣхоту и конницу, получилъ три раны, но оставался въ строю, пока въ рубкѣ не былъ сброшенъ съ лошади.

Бородино (моментъ, когда былъ раненъ князь Багратіонъ).

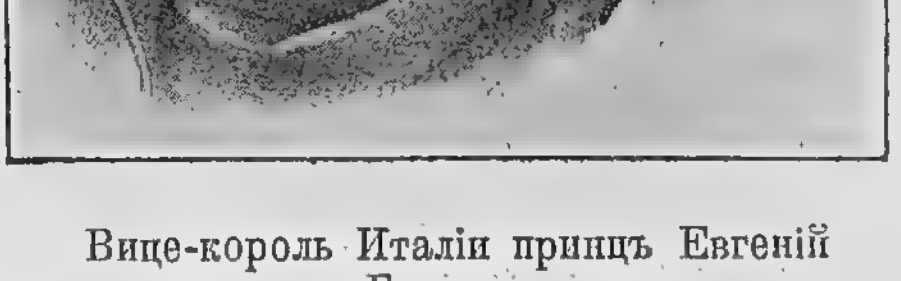
Нѣсколько ранѣе атаки вице-королемъ Раевскаго, Наполеонъ сосредоточилъ 400 орудій, подъ защитою которыхъ возобновился напоръ на Багратіона. Болѣе 300 орудій, соединенныхъ съ нашей стороны, приготовились встрѣтить врага, давъ ему подойти, и тогда уже открыли огонь, но французы смѣло шли впередъ, вызвавъ похвалу даже самого Багратіона. Видя, что орудійный огонь не останавливаетъ непріятеля, Багратіонъ направилъ весь фронтъ нашихъ колоннъ лѣваго фланга въ штыки. Все смѣшалось въ рукопашной схваткѣ, при чемъ французскіе всадники проскакали до нашихъ гвардейскихъ полковъ, гдѣ и были взяты въ плѣнъ.

Осколкомъ ядра былъ раненъ кн. Багратіонъ въ правую ногу съ поврежденіемъ берцовой кости. Онъ хотѣлъ утаить боль отъ войскъ, но потеря крови вызвала обморокъ, и князь едва не упалъ съ лошади. Коновницынъ, оставшись послѣ него старшимъ, послалъ къ Раевскому, приглашая его принять начальство, но послѣдній отвѣчалъ, что не можетъ оставить войска, не отразивъ атаки вице-короля, и просилъ Коновницына дѣйствовать самостоятельно.

Съ удаленіемъ Багратіона съ поля сраженія прекратилась общая связь въ дѣйствіяхъ, и Коновницынъ отвелъ войска за Семеновскій оврагъ; занявъ ближайшія высоты, на которыя мигомъ въѣхали батареи, чѣмъ на короткое время удержали было наступленіе французовъ. Вскорѣ начальство надъ второю арміею было поручено защитнику Смоленска—безстрашному Дорохову.

Овладѣвъ укрѣпленіями впереди села Семеновскаго, Наполеонъ приказалъ Мюрату, съ кавалерійскими корпусами Нансути и Латуръ-Мобура, атаковать наше лѣвое крыло, обойдя его, отрѣзать отъ войскъ, стоявшихъ на старой Смоленской дорогѣ, и довершить побѣду. Стройно подвигалась французская кавалерія впередъ, сперва шагомъ, потомъ рысью и, наконецъ, понеслась маршъ-маршемъ, невзирая на ядра русскихъ пушекъ. Наполеонъ, любуясь этою картиною, захлопалъ въ ладоши, говоря: «Они идутъ, идутъ!» Французскіе кавалеристы неслись на полки л.-г. Измайловскій и Литовскій, примыкавшіе къ лѣвому флангу дивизіи Коновницына; гвардейцы построились въ карре и открыли съ 60 шаговъ батальный огонь по кирасирамъ, которые показали тылъ. Конные гренадеры хотѣли исправить неудачу латниковъ, но, подпущенные на ружейный огонь, также не выдержали его и были опрокинуты. Нѣсколько конныхъ гренадеръ, правда, доскакали до карре, но были пронзены штыками. Третья атака была также безуспѣшна. Между атакъ ядра и картечь сыпались на гвардейскіе полки, почему они считали кавалерійскія атаки настоящимъ отдыхомъ, такъ какъ избавлялись отъ пушеч-

ныхъ выстрѣловъ. Командиръ л.-г. Литовскаго полка, Удомъ, давъ залпъ, закричалъ: «ура!» и бросился въ штыки, гнавъ непріятеля до ближайшаго пригорка. «По ожесточенію солдатъ,—рапортомъ доносилъ Удомъ,—въ плѣнъ никого не взяли; но эта лихая атака кавалеріи въ штыки заставила насъ изъ 1.733 человѣкъ потерять убитыми и ранеными 953». Дохтуровъ и Коновницынъ находились въ гвардейскихъ карре, и первый изъ нихъ въ своемъ донесеніи Кутузову писалъ: *Измайловскій и Литовскій полки оказали достойную русскихъ храбрость. Необыкновеннымъ своимъ мужествомъ они удержали стремленіе непріятеля и поражали ихъ повсюду штыками.*



Вице-король Италіи принцъ Евгеній Богарне.

Французская кавалерія продолжала носиться вокругъ карре нашихъ полковъ, и нѣкоторые эскадроны ея даже подскакивали къ бывшимъ въ резервѣ полкамъ л.-г. Преображенскому и Семеновскому, которые, стоя подъ ядрами, потеряли убитыми и ранеными 59 человѣкъ. Едва приближались французы, командовавшій этими полками баронъ Розенъ съ барабаннымъ боемъ велъ ихъ впередъ, встрѣчая кавалерію штыками, и послѣдняя возвращалась немедленно вспять. Пораженіе непріятеля довершили кирасиры Его и Ея Величества, Екатеринославскій, Орденскій и Астраханскій, которые много разъ ходили въ атаку, врѣзались въ пѣхоту, а кирасирскій полкъ Его Величества отбилъ два орудія. Но при всемъ мужествѣ и храбрости нашихъ войскъ ихъ стали давить своею многочисленностію французы, и Наполеонъ для подкрѣпленія Мюрата, чтобы рѣшить бой, послалъ свою молодую гвардію, но едва она успѣла пройти небольшое разстояніе, какъ Наполеонъ, замѣтя на своемъ лѣвомъ флангѣ русскую кавалерію, остановилъ гвардію и самъ поѣхалъ къ вице-королю, чтобы узнать о причинѣ замѣченнаго у него смятенія, которое произошло по слѣдующей причинѣ:

До начала атаки, въ которой былъ раненъ Багратіонъ, и до нападенія на батарею Раевскаго, Кутузовъ, находившійся возлѣ батареи на Горкахъ, немного лѣвѣе столбовой дороги, желая лично удостовѣриться въ справедливости донесеній, что непріятель все сильнѣе и сильнѣе стягиваетъ свои силы противъ нашего лѣваго крыла, въѣхалъ на пригорокъ, осыпаемый гранатами. Напрасно Кутузова уговаривали спуститься внизъ, онъ ничего не слышалъ, пока адъютантъ, взявъ его лошадь за удила, не вывелъ ея изъ сферы выстрѣловъ. Послѣ этого обзора Кутузовъ отдалъ два приказанія: во-первыхъ, Милорадовичу, съ стоявшимъ на правомъ крылѣ 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, графа Остермана, и 2-мъ кавалерійскимъ корпусомъ Корфа, сблизиться къ центру. Во вторыхъ, Платову, съ казаками, и Уварову, съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, переправиться въ бродъ черезъ Колочу, выше Бородина, и атаковать лѣвое крыло непріятеля. Этимъ движеніемъ Кутузовъ надѣялся отвлечь часть силъ Наполеона отъ нашего лѣваго фланга.

Ф. П. Уваровъ.

Мѣстность для дѣйствія кавалеріи Уварова была невыгодна. Надо было перейти черезъ оврагъ и рѣчку и затѣмъ подыматься на крутой берегъ. Деревня, на лѣвой сторонѣ, и лѣсъ, на правой, были заняты французскою пѣхотою. Перейдя Колочу, Уваровъ первую атаку поручилъ графу Орлову-Денисову, съ полками л.-г. Гусарскимъ, л.-г. Казачьимъ и Елисаветградскимъ гусаръ. Гр. Орловъ-Денисовъ принужденъ былъ спуститься въ ровъ и построить полки на противоположномъ высокомъ берегу, подъ огнемъ непріятельской артиллеріи. Все это было преодолено, и полки нашей кавалеріи атаковали стоявшую вблизи пѣхоту, которая отошла поспѣшно назадъ, при чемъ находившаяся при ней батарея едва успѣла отступить. Наши елисаветградскіе гусары отбили два орудія, но не могли ихъ увезти.

Уваровъ повторилъ атаку, но она не удалась потому, что непріятель успѣлъ усилить пѣхоту и построилъ карре, въ одномъ изъ которыхъ искалъ своего спасенія самъ вице-король, прискакавшій изъ центра, гдѣ онъ приказалъ прекратить нападенія и отправилъ часть войскъ на лѣвый берегъ Колочи.

Кутузовъ смотрѣлъ на атаку Уварова съ батареи д. Горокъ и, замѣтивъ, что цѣль, для которой была двинута кавалерія, достигнута, послалъ приказаніе Уварову немедленно отступить. Уваровъ, получа приказаніе, не отходилъ еще нѣсколько времени, пока не получилъ вторичное приказаніе Кутузова. Платовъ находился правѣе Уварова; его казаки, перейдя въ бродъ р. Войну, разсыпались въ тылу непріятеля и произвели тамъ такую тревогу, что бывшіе здѣсь обозы въ страшномъ безпорядкѣ обратились въ бѣгство. Послѣ отступленія Уварова, отошелъ назадъ и Платовъ со своими казаками.

Лихачевъ.

Когда Уваровъ возвратился, пишетъ князь А. Б. Голицынъ, то Кутузовъ, выслушавъ отъ него рапортъ, сказалъ ему: «Я все знаю,— Богъ тебя проститъ». Вслѣдствіе этой атаки упорство атакъ уменьшилось, огонь сталъ слабѣе, и можно было свободнѣе вздохнуть.

Былъ третій часъ пополудни, когда Наполеонъ возвратился съ береговъ Войны къ Шевардину и приказалъ противъ лѣваго нашего крыла ограничиться дѣйствіемъ артиллеріи и вести атаку противъ центра, чтобы овладѣть курганною батареею. Но сюда уже пришелъ корпусъ графа Остермана и Корфа. Корпусъ Остермана сталъ въ первой линіи, между курганомъ и Семеновскимъ, гдѣ въ началѣ сраженія находился корпусъ Раевскаго. Позади встали полки л.-г. Преображенскій и л.-г. Семеновскій; за ними 2-й и 3-й кавалерійскіе корпуса; въ послѣдней линіи Кавалергарды Дохтуровъ, съ остатками второй арміи и войсками, отправленными къ

ней въ теченіе утра на подкрѣпленіе, примыкалъ правымъ своимъ флангомъ къ графу Остерману, а лѣвымъ — стоя косвенно, по направленію къ старой Семеновской дорогѣ.

Корпусъ Дохтурова составляли дивизіи: 24-я Лихачева, занимавшая курганную батарею, и 7-я Капцевича, стоявшая правѣе нея. Въ такомъ положеніи находились русскія войска со своею артиллеріею, когда началась вторая половина боя. Съ правой стороны по протяженію всей нашей линіи стрѣляли французскія орудія, дѣйствовавшія противъ центра и курганной батареи, а съ лѣвой—артиллерія, поставленная Наполеономъ на позиціи, взятой у князя Багратіона.

Въ своемъ донесеніи Кутузову говорилъ Барклай-де-Толли, «что этого неудобства нельзя было избѣжать отъ того, что надо было поставить преграду непріятельскимъ успѣхамъ и удерживать занимаемыя нами мѣста. Въ противномъ случаѣ должны мы были оставить курганную батарею. Въ этомъ положеніи наши храбрыя войска выдержали страшный огонь съ удивительнымъ мужествомъ». Гранаты лопались въ воздухѣ и на землѣ; ядра гудѣли, бороздя землю рикошетами, ломая въ щепы и дребезги все, что встрѣчали на пути своего полета. Выстрѣлы были настолько часты, что не было промежутка между ударами; они рокотали не умолкая, подобно безпрерывнымъ раскатамъ грома. Наши артиллерійскія роты, прибывавшія изъ резерва, простоявъ на одномъ мѣстѣ самое короткое время, теряли прислугу и зарядные ящики; приходилось вывозить орудія изъ дѣла на двухъ лошадяхъ. Въ конной ротѣ Никитина съ небольшимъ въ часъ времени было убито 90 человѣкъ и 113 лошадей. Не хватало людей, чтобы поднимать орудія на передки; изъ пѣхоты брали солдатъ для прислуги, а ратниковъ ополченія сажали на артиллерійскихъ лошадей. Барклай, Милорадовичъ и графъ Остерманъ лично, примѣромъ своимъ, воодушевляли солдатъ, становясь на самыхъ опасныхъ мѣстахъ, гдѣ смерть косила людей. Барклай-де-Толли, увидя мѣсто, гдѣ падали сильнѣе всего ядра, несся туда, а Милорадовичъ сказалъ: «Онъ хочетъ удивить меня!» поѣхалъ еще далѣе подъ перекрестный огонь французскихъ батарей и велѣлъ сюда подать себя завтракъ. Графъ Остерманъ былъ сильно контуженъ и принужденъ оставить поле сраженія, а его оба дивизіонные командира, два брата Бахметовы, ранены; одному изъ нихъ оторвало ногу.

Желая воспользоваться дѣйствіемъ артиллеріи, Наполеонъ приказалъ своимъ кирасирамъ и уланамъ атаковать корпусъ гр. Остермана.

«Наша пѣхота,—говоритъ Барклай-де-Толли,—встрѣтила ихъ съ удивительною твердостію, подпустила на 60 шаговъ и открыла такой дѣятельный огонь, что непріятель былъ

опрокинутъ и искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Особенно отличились 34-й егерскій и Перновскій полки». Послѣдній самъ пошелъ на непріятельскую кавалерію, опрокинулъ ее и побѣжалъ за нею, бросая ружья съ примкнутыми штыками вдогонку французовъ. Это было въ 4 часа пополудни.

Полки 2-го кавалерійскаго корпуса, Сумскій и Маріупольскій гусарскіе, а за ними Иркутскій и Сибирскій драгунскіе, преслѣдовали и гнали непріятеля до его резервовъ и только, встрѣченные пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, повернули назадъ. Кавалерія французская, преслѣдуя нашу, прорвалась между интервалами пѣхотныхъ карре и зашла въ тылъ 7-й и 11-й пѣхотныхъ дивизій; но «эта безподобная пѣхота,—по словамъ Барклая-де-Толли,—нимало не разстраиваясь, встрѣтила французовъ батальнымъ огнемъ».

Конные полки 2-го корпуса вновь собрались и пошли въ атаку, опрокинувъ непріятельскую кавалерію, заставили ее отступить за пѣхоту. Но скоро французская конница показалась впереди пѣхотныхъ колоннъ. Тогда Барклай послалъ за полками Кавалергардскимъ и л.-г. Коннымъ, которые еще не были одни введены въ дѣло. Русскіе гвардейскіе кирасиры огласили воздухъ радостными криками. По-

Графъ М. А. Милорадовичъ.

ка они подвигались, непріятельская конница, подъ командою Коленкура, заступившаго мѣсто убитаго Монбрена при атакѣ редутовъ нашего лѣваго крыла, врубилась въ 24-ю пѣхотную дивизію, прикрывавшую курганную батарею, а пѣхотные колонны вице-короля подошли подъ самый курганъ. Бывшія на немъ орудія дали послѣдній залпъ и замолчали. Французская пѣхота взбиралась на валъ со всѣхъ сторонъ; ее опрокидывали штыками въ ровъ, наполнившійся трупами убитыхъ. Наконецъ саксонская конница, Тильмана, ворвалась въ редутъ съ тыла. Однимъ изъ послѣднихъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ съ нашей батареи, былъ убитъ Коленкуръ, а командиръ 24-й дивизіи, Лихачевъ, несмотря на полученные имъ раны, искалъ смерти въ рядахъ непріятеля; но фран-

цузы, уважая храбрость и мужество его, взяли генерала Лихачева въ плѣнъ и представили Наполеону, который возвратилъ ему шпагу.

Взятіе курганной батареи было послѣднимъ напряженіемъ силъ непріятеля. Французская кавалерія еще разъ пошла въ атаку на пѣхоту 4-го корпуса и 7-й дивизіи. Барклай успѣлъ присоединить къ Кавалергардскому и Конно-гвардейскому полкамъ остатки 2-го и 3-го кавалерійскихъ корпусовъ, пострадавшихъ отъ безчисленныхъ атакъ, и самъ во главѣ повелъ эти части въ дѣло. Онъ ѣхалъ впереди, въ генеральскомъ мундирѣ и шляпѣ съ черными плюма-

Взятіе главнаго редута 26 августа въ Бородинскомъ сраженіи.

жемъ. Навстрѣчу ему шла французская конница. Одна атака слѣдовала за другой, и поле битвы, наконецъ, осталось за нами. Къ 5 часамъ непріятель, нѣсколько разъ опрокинутый, отступилъ. Понятовскій, узнавъ объ успѣхѣ, одержанномъ въ центрѣ, т.-е. о взятіи батареи Раевскаго, возобновилъ нападеніе на Багговута, который послѣ жаркаго дѣла отступилъ къ вершинѣ ручья Семеновскаго. На лѣвомъ же нашемъ крылѣ, гдѣ находился Дохтуровъ, всѣ усилія французовъ не могли сбить его съ занятой имъ позиціи. Самъ Дохтуровъ, сидя на барабанѣ посреди войскъ, подавалъ имъ примѣръ необыкновеннаго хладнокровія. Часовъ въ шесть на всемъ полѣ гремѣла канонада до на-

Конецъ Бородинскаго сраженія (съ карт. В. В Верещагина).

ступленія ночи. Изнуреніе обѣихъ сражавшихся армій положило конецъ битвѣ. Послѣднею вспышкою сраженія считается дѣло, загорѣвшееся въ с. Семеновскомъ. Около девяти часовъ вечера непріятель овладѣлъ селомъ, но былъ вытѣсненъ штыками л.-г. Финляндскаго полка. Наконецъ мракъ ночи спустился на безмолвную, гробовую равнину.

«Съ нынѣшнимъ днемъ и самое сраженіе при Эйлау сравниться не можетъ», замѣтилъ Беннигсенъ князю Кутузову во время Бородинской битвы, про которую сказалъ поэтъ:

«Твоимъ святымъ холмамъ отнынѣ суждено
вѣщать: о смертный, стой! безсмертныхъ попираешь!»

А добровольный зритель Бородинскаго боя, князь Вяземскій, написалъ:

«Грозный день сей Бородинской
Имъ и намъ въ почетъ равно:
Славься битвой исполинской,
Славься ввѣкъ, Бородино!»

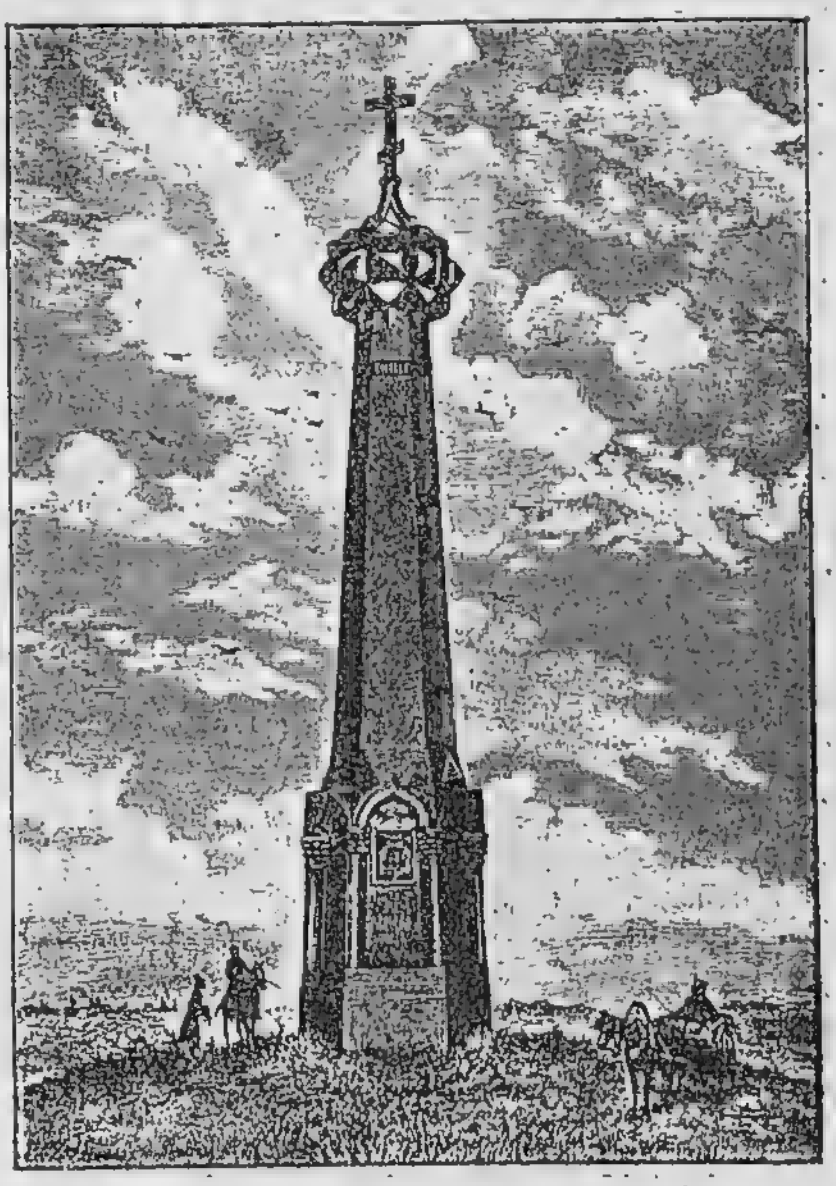
VI.

Столѣтіе «Отечественной войны» будетъ ознаменовано парадомъ войскъ на Бородинскомъ полѣ, на которомъ въ 1839 г. былъ открытъ памятникъ 1812 г., и очевидецъ этого событія, поэтъ В. А. Жуковскій, воспитатель императора Александра II, писалъ: «Я былъ въ Бородинѣ въ самый день великолѣпнаго праздника, которымъ государь удостоилъ свою армію. Палатою для пирующихъ было Бородинское поле, а украшеніемъ палаты—монументъ Бородинскаго боя съ Багратіоновымъ гробомъ у подошвы его и бородинскіе холмы, на которыхъ подъ жатвою, ихъ покрывающею, спитъ почти цѣлое войско, здѣсь погребенное со славою». По поводу этого праздника Жуковскій написалъ пѣсню, первый куплетъ которой начинается словами:

«Русскій царь созвалъ дружины
Для великой годовщины
На поляхъ Бородина,
Тамъ земля окрещена;
Кровь на ней была святая;
Тамъ престолъ и Русь спасая,
Войско цѣлое легло
И престолъ и Русь спасло».

Кромѣ пѣсни Жуковскаго, въ томъ же 1839 г. явились «Очерки Бородинскаго сраженія» Ф. Глинки и «Опытъ описанія Бородинскаго сраженія» Неелова, а въ царствованіе Бородинскаго помѣщика, императора Александра II, графъ Л. Н. Толстой написалъ романъ «Война и миръ», въ которомъ художественно изобразилъ Бородинское сраженіе, считающееся однимъ изъ кровопролитнѣйшихъ.

Потери наши убитыми и ранеными 24 и 26 августа составляли болѣе 55.000 чел. Въ первой арміи было убито и ранено: генераловъ 18, штабъ-офицеровъ 229, оберъ-офицеровъ 1.253 и солдатъ 37.006. Исчисленіе потерь второй арміи не было сдѣлано потому, что начальникъ ея главнаго штаба, генералъ-майоръ Сенъ-При, былъ контуженъ и вмѣстѣ съ Багратіономъ отвезенъ въ Москву, а послѣдній оттуда въ село Симы, Владимирской губ., гдѣ и умеръ. Многіе герои Бородинскаго боя были погребены на Дорогомиловскомъ кладбищѣ, гдѣ находится намогильный памятникъ 300 воинамъ-героямъ, а въ Можайскѣ, при церкви св. Троицы, сохранились три памятника: подъ первымъ изъ сѣраго гранита погребены «тѣла двухъ юныхъ друзей, служившихъ въ л.-г. Семеновскомъ полку» — поручика Сергѣя Никол. Татищева, 20 лѣтъ, и прапорщика Николая Алексѣевича Оленина, 18 лѣтъ, убитыхъ однимъ ядромъ на Бородинскомъ полѣ. Подъ вторымъ памятникомъ, изъ краснаго гранита, покоится прахъ капитана л.-г. Преображенскаго полка П. Ѳ. Шапошникова, 23 лѣтъ, «на службѣ царской бывшаго пять лѣтъ». И подъ третьимъ — колонна чернаго гранита — похороненъ капитанъ гвардейскаго Егерскаго полка А. П. Левшинъ, 21 года.



Памятникъ Бородинскаго боя, на курганѣ, гдѣ была батарея Раевскаго, открытъ въ 1839 г.

Вторая армія потеряла также свыше 20.000 человѣкъ. Нѣкоторыя части ея были совсѣмъ разстроены, напримѣръ, въ сводныхъ гренадерскихъ батальонахъ графа Воронцова находилось передъ началомъ сраженія 4.000 чел., а черезъ

нѣсколько часовъ осталось только 300; изъ 18 штабъ-офицеровъ 15 выбыло изъ строя, уцѣлѣло 3, но изъ нихъ два были ранены. Передъ Бородинскимъ сраженіемъ было у Кутузова подъ ружьемъ 113.000, а по прибытіи въ Тарутино 52.343 человѣка. Князь Кутузовъ не ввелъ въ огонь 6 полковъ: четырехъ егерскихъ и л.-г. Преображенскаго и л.-г. Семеновскаго; послѣдніе два стояли подъ ядрами и лишились 59 чел. убитыми и ранеными. Французы потеряли до 50.000 чел., въ томъ числѣ убитыми и ранеными 43 генерала.

Съ нашей стороны—генералы-майоры графы Кутайсовъ и Тучковъ 4-й были убиты; князь Багратіонъ и генералъ-лейтенантъ Тучковъ 1-й умерли отъ полученныхъ ранъ. Генералы-лейтенанты князь Борисъ Голицынъ и князь Горчаковъ, генералы-майоры: принцъ Мекленбургскій, графъ Воронцовъ, Ермоловъ, графъ Сенъ-При, Кретовъ, Бахметевъ 2-й, графъ Ивеличъ и Лихачевъ (взятый въ плѣнъ) — ранены.

Подъ Барклаемъ-де-Толли было въ Бородинскомъ бою убито и ранено пять лошадей; войска, уже нѣсколько недѣль не привѣтствовавшія его обычнымъ восклицаніемъ, какъ главнокомандующаго, кричали ему тутъ «ура». За день до этого сраженія Барклай писалъ:

«Государь! Съ тѣмъ большею откровенностію пишу сіи строки, что мы теперь наканунѣ кровопролитнаго и рѣшительнаго сраженія, въ которомъ, можетъ-быть, удастся мнѣ найти совершеніе моихъ желаній». Послѣ боя онъ не скрывалъ своей скорби, зачѣмъ непріятельскій свинецъ не сразилъ его. И повторялъ въ письмѣ къ Александру: «Что касается лично до меня, то съ твердостію покоряюсь моему жребію. 26 августа не сбылось мое пламеннѣйшее желаніе. Провидѣніе пощадило жизнь, которая меня тяготитъ».

Пушкинъ въ стихотвореніи «Полководецъ» отмѣтилъ это:

«И долго укрѣпленъ могучимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;
И на полпути былъ долженъ, наконецъ,
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ заслышавши впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти.—Вотще!»

Лермонтовъ также помянулъ героевъ Бородина въ своемъ первомъ стихотвореніи, явившемся въ «Современникѣ»—«Бородино», говорилъ:

«Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя.
Богатыри — не вы...
Немногіе вернулись съ поля»...

За Бородинское сраженіе Кутузовъ былъ пожалованъ званіемъ генералъ-фельдмаршала, а супруга его назначена статсъ-дамою Высочайшаго Двора; кромѣ того, ему дали въ награду сто тысячъ. Барклай-де-Толли получилъ орденъ св. Георгія 2-й степени, а 14 генераловъ получили тотъ же

Александръ Сергѣевичъ Тучковъ 4-й.

орденъ 3-й степени, и всѣмъ нижнимъ чинамъ, бывшимъ въ Бородинскомъ сраженіи, пожаловано по пяти рублей.

Послѣ битвы на Бородинскихъ поляхъ потомъ было сожжено 58.521 человѣческихъ тѣлъ и 35.478 конскихъ труповъ.

Императоръ Александръ I писалъ своей любимой сестрѣ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ слѣдующія строки: «Я хотѣлъ воспользоваться первымъ моментомъ, когда наша армія одержитъ какое-нибудь существенное превосходство надъ непріятелемъ, и заставить его отступить, чтобы пріѣхать въ Москву. Я бы выѣхалъ даже тотчасъ по полученіи извѣстія о сраженіи 26 числа, если бы Кутузовъ въ томъ же донесеніи не сообщилъ мнѣ, что онъ рѣшилъ отступить за 6 верстъ, чтобы собраться съ силами. Эти роковыя 6 верстъ,

отравивъ все удовольствіе, доставленное мнѣ побѣдою, заставили меня обождать слѣдующаго донесенія».

«Кутузовъ,—говоритъ князь А. Б. Голицынъ,—никогда не думалъ дать сраженія на другой день послѣ Бородинскаго, но говорилъ это изъ одной политики. Ночью я объѣзжалъ съ Толемъ позицію, на которой усталые воины наши спали мертвымъ сномъ, и онъ донесъ, что невозможно думать итти впередъ, еще менѣе защищать, съ 45 тысячами тѣ мѣста, которыя заняты были 96 тысячами, особенно, когда у Наполеона цѣлый гвардейскій корпусъ не участвовалъ въ сраженіи. Кутузовъ все это зналъ, но ждалъ этого донесенія и, выслушавъ его, велѣлъ немедленно отступать, поручивъ арьергардъ Платову. Онъ такъ быстро отходилъ, что въ $2^1/_2$ часа навелъ почти всю армію французскую на позицію къ Можайску, гдѣ предположено было защищаться и не уступать ея французамъ до другого дня, но дѣло обошлось безъ этого. Кутузовъ, посылая въ арьергардъ, приказывалъ всякому смотрѣть, въ какомъ положеніи армія французская, и доносить ему со всею подробностію, кто что видѣлъ. Когда онъ узналъ, что непріятельскія кавалерійскія колонны составлены изъ сборныхъ войскъ, т.-е. что въ томъ же фронтѣ уланъ стоитъ гусаръ, а рядомъ кирасиръ возлѣ конно-егеря и т. д., то онъ говорилъ: «каково ихъ потрясли».

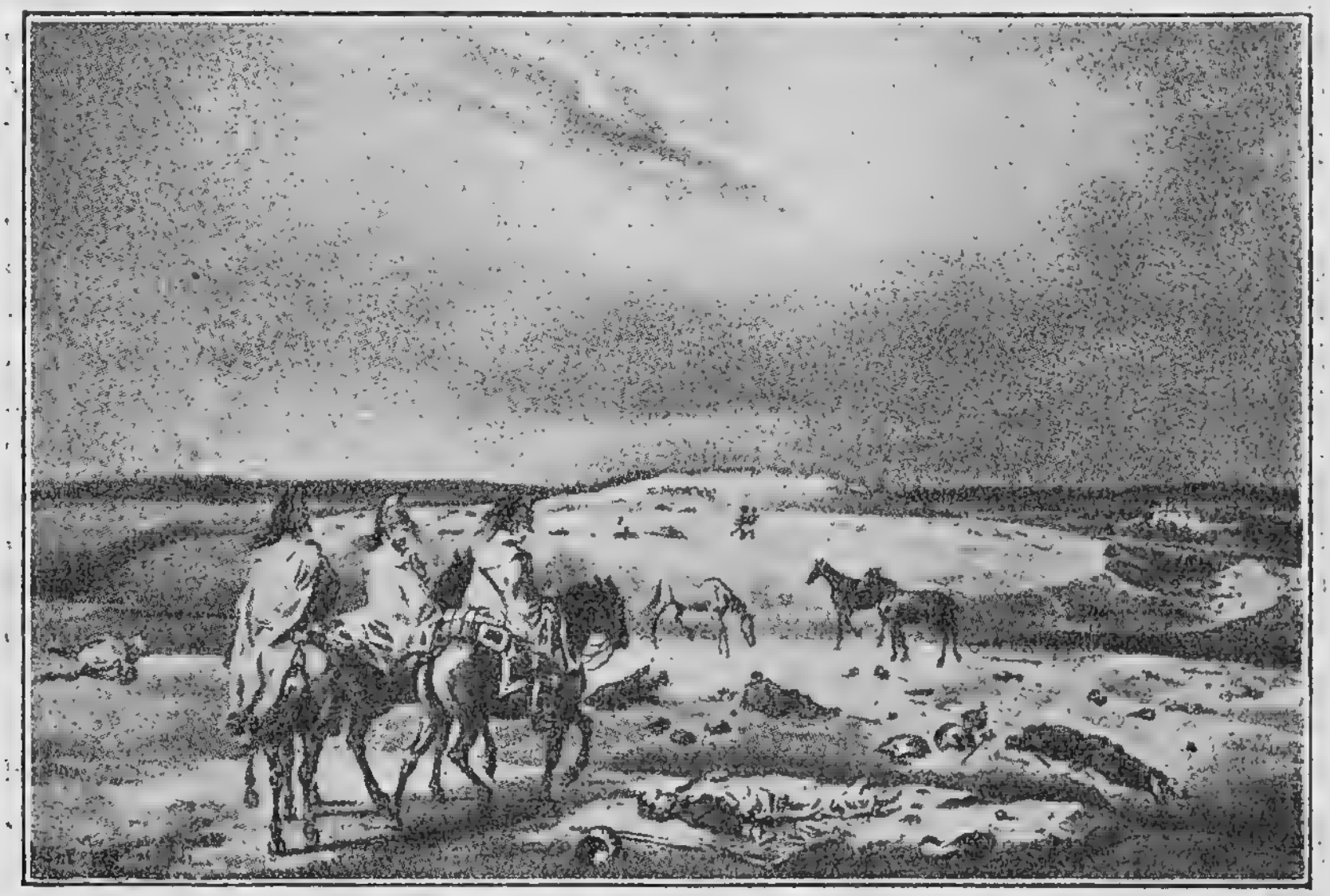
Донесеніе князя Кутузова отъ 27 августа было прочитано княземъ Горчаковымъ въ Невскомъ монастырѣ С.-Петербурга передъ благодарственнымъ молебствіемъ въ присутствіи Ихъ Величествъ и напечатано въ «Сѣверной Пчелѣ», за исключеніемъ слѣдующихъ строкъ: «Ваше Императорское Величество, извольте согласиться, что послѣ кровопролитнѣйшаго и 15 часовъ продолжавшагося сраженія наша и непріятельская армія не могли не разстроиться, и за потерею, сей день сдѣланною, позиція, прежде занимаемая, естественно, стала обширнѣе и войскамъ несовмѣстною, а потому, когда дѣло идетъ не о славѣ выигранныхъ только баталій, но вся цѣль будетъ устремлена на истребленіе французской арміи, я взялъ намѣреніе отступить 6 верстъ, что будетъ за Можайскомъ». Если Бородинское сраженіе нельзя считать нашею побѣдою, то во всякомъ случаѣ въ немъ, какъ сказалъ А. С. Пушкинъ:

Но стали жъ мы пятою твердой
И грудью приняли напоръ
Племенъ послушныхъ волъ гордой,
И равенъ былъ неравный споръ.

Кутузовъ, отступая шагъ за шагомъ, привелъ армію къ Москвѣ. «Первое свиданіе графа Ростопчина съ Кутузовымъ, говоритъ тотъ же князь Голицынъ, было въ 25 верстахъ

отъ Москвы, въ деревнѣ Мальсоновѣ; послѣ разныхъ обоюдныхъ комплиментовъ говорили о защитѣ Москвы и рѣшили драться подъ стѣнами ея; резервъ долженъ былъ состоять изъ дружины московскихъ жителей съ крестами и хоругвями.

«Ростопчинъ уѣхалъ въ восторгѣ; какъ ни былъ уменъ, но не разобралъ, что въ этихъ увѣреніяхъ и распоряженіяхъ Кутузова былъ потаенный смыслъ. Ясно, что Кутузову нельзя было обнаружить преждевременно, подъ стѣнами Москвы, что ее оставятъ, хотя онъ намекалъ въ разговорѣ Ростопчину: потеря Смоленска влечетъ за собою потерю Москвы». И на военномъ совѣтѣ въ Филяхъ, Кутузовъ приказалъ отступать.



Поле Бородинскаго сраженія 27 августа.

Когда Кутузовъ въѣхалъ въ Москву, онъ, обратясь къ свитѣ, спросилъ: «Кто изъ васъ знаетъ Москву?»

Явился князь А. Б. Голицынъ, которому Кутузовъ сказалъ: «Проводи меня такъ, чтобы, сколько можно, ни съ кѣмъ не встрѣтились». Онъ ѣхалъ верхомъ отъ Арбатскихъ воротъ вдоль по бульварамъ до Яузскаго моста. Итакъ, все время его проѣзда до моста, никто его не видалъ и онъ ни отъ кого не получилъ ни одного донесенія. У Яузскаго моста суматоха была невѣроятная. «Мы застали,—пишетъ князь Голицынъ,—тутъ графа Ростопчина, который въ мундирномъ сюртукѣ, въ эполетахъ съ нагайкой въ рукѣ, прогонялъ всѣхъ и старался очистить мостъ, ибо и жители и часть арміи,—все должно было переходить чрезъ него. Свиданіе было сухое. Ростоп-

чинъ начиналъ говорить, но Кутузовъ не отвѣчалъ, а приказывалъ скорѣе очищать мостъ для прохода войскъ. Отъ Яузскаго моста до Коломенской заставы движеніе народа, смѣшаннаго съ войскомъ, произвело нѣкоторые безпорядки: ломали кабаки и лавки. Народъ русскій пьетъ и съ горя и отъ радости одинаково. Но все было тутъ же приведено въ порядокъ, и городъ очищался, понемногу. Народъ и армія походили на морскую волну, ибо все тѣснилось за нами. Выѣхавъ за заставу, нѣкоторые корпуса уже были расположены на привалѣ по обѣимъ сторонамъ большой дороги, около старообрядческаго кладбища. На самой же большой дорогѣ избралъ себѣ мѣсто Кутузовъ. Сѣлъ на скамейку въ ожиданіи донесенія отъ Милорадовича. Прискакиваетъ отъ него адъютантъ съ извѣстіемъ, что онъ долженъ будетъ драться въ городѣ, если сдѣланныя имъ предложенія Мюрату не будутъ приняты; въ такомъ случаѣ онъ просилъ подкрѣпленія. Это встревожило старика, но въ продолженіе четверти часа былъ присланъ полковникъ Як. Алексѣев. Потемкинъ съ донесеніемъ о выговоренныхъ условіяхъ. Тутъ же Кутузовъ велѣлъ арміи продолжать отступать, и въ этотъ день она дошла до Панки. Длинный переходъ отъ Кулакова до Подольска продолжался въ теченіе цѣлаго дня. Будучи отправленъ къ Милорадовичу,—замѣчаетъ кн. Голицынъ,—я догналъ главную квартиру на привалѣ подъ вечеръ, уже въ деревнѣ Ломѣ. Первый разъ зарево Москвы было намъ такъ видно; Кутузовъ сидѣлъ и пилъ чай, окруженный мужиками, съ которыми говорилъ. Онъ давалъ имъ наставленія, и когда съ ужасомъ говорили они о пылающей Москвѣ, то, ударивъ себя по шапкѣ, Кутузовъ сказалъ: «Жалко—это правда, но подождите, я ему голову проломаю». На другой день Кутузовъ старался собрать усталыхъ и, не дожидаясь болѣе однѣхъ сутокъ, перешелъ въ Красную Пахру, на среднюю Калужскую дорогу, гдѣ начался цѣлый рядъ достопамятнѣйшихъ сраженій. Въ Пахрѣ главная квартира была нѣсколько дней; тутъ разстался съ арміей Барклай-де-Толли, на мѣсто котораго назначенъ былъ Тормасовъ.

Современники говорили, что Барклай по службѣ моложе Платова, Багратіона и 12 генералъ-лейтенантовъ, которые у него подъ командою, завѣдывалъ всѣмъ войскомъ и велъ себя такъ, что возбудилъ къ себѣ общую ненависть. Винили также императора Александра, уничтожившаго порядокъ, существовавшій испоконъ вѣка, по которому вчерашній начальникъ не могъ сегодня поступить подъ команду къ своему подчиненному. Такія правила были взяты у французовъ.

Кутузовъ каждый день, просыпаясь, спрашивалъ: «А, что непріятель, гдѣ? Не видать еще его?» На третій день послѣ свиданія съ корпусными командирами онъ былъ веселъ,

такъ какъ они донесли ему, что собраны всѣ отсталые, что все въ полкахъ въ порядкѣ. За обѣдомъ Кутузову подали превосходную уху изъ стерлядей.

— Откуда рыба эта?—спросилъ онъ.

— Калужскіе купцы прислали,—былъ отвѣтъ,— и обѣщались доставлять такую же каждый день.

— Ну, спасибо имъ. Видно, что мы теперь дома у себя.

Императоръ Александръ лишь 7 сентября получилъ черезъ Ярославль краткое донесеніе графа Ростопчина о рѣшеніи Кутузова оставить Москву, а на слѣдующій день

Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ.

пришла роковая вѣсть о занятіи Наполеономъ Бѣлокаменной въ донесеніи Кутузова, отъ 4 сентября, привезенномъ полковникомъ Мишо. На маршѣ къ Боровскому мосту, изъ селенія Жилина, фельдмаршалъ писалъ: «Послѣ столь кровопролитнаго, хотя и побѣдоноснаго съ нашей стороны, отъ 26 числа августа, сраженія, долженъ я былъ оставить позицію при Бородинѣ по причинамъ, о которыхъ имѣлъ счастіе донести Вашему Императорскому Величеству. Послѣ сраженія того армія была весьма ослаблена. Въ такомъ положеніи приближались мы къ Москвѣ, имѣя ежедневно большія

дѣла съ авангардомъ непріятельскимъ, и на семъ недальнемъ разстояніи не представлялось позиціи, на которой могъ бы я съ надежностью принять непріятеля. Войска, съ которыми надѣялись мы соединиться, не могли еще подойти; непріятель же пустилъ двѣ новыя колонны, одну по Боровской, а другую по Звенигородской дорогамъ, стараясь дѣйствовать на тылъ мой отъ Москвы; а потому не могъ я никакъ отважиться на баталію, которой невыгоды имѣли бы послѣдствіемъ не только разрушеніе арміи, но и кровопролитнѣйшую гибель и превращеніе въ пепелъ самой Москвы. Въ такомъ крайне сомнительномъ положеніи, по совѣщанію съ первенствующими нашими генералами, изъ которыхъ нѣкоторые были противнаго мнѣнія, долженъ я былъ рѣшиться попустить непріятеля взойти въ Москву, изъ коей всѣ сокровища, арсеналъ и всѣ почти имущества, какъ казенныя, такъ и частныя, вывезены, и ни одинъ почти житель въ ней не остался. Осмѣливаюсь всеподданнѣйше донести вамъ, всемилостивѣйшій государь, что вступленіе непріятеля въ Москву не есть еще покореніе Россіи, напротивъ того, съ арміею дѣлаю я движеніе на Тульской дорогѣ. Сіе приведетъ меня въ состояніе прикрывать пособія, въ обильнѣйшихъ нашихъ губерніяхъ заготовленныя. Всякое другое направленіе пресѣкло бы мнѣ оныя, равно и связь съ арміями Тормасова и Чичагова. Хотя не отвергаю того, чтобы занятіе столицы не было раною чувствительнѣйшею, но, не колеблясь между симъ происшествіемъ и событіями, могущими послѣдовать въ пользу нашу съ сохраненіемъ арміи, я принимаю теперь въ операцію со всѣми силами линію, посредствомъ которой, начиная съ дороги Тульской и Калужской, партіями моими буду пресѣкать всю линію непріятельскую, растянутую отъ Смоленска до Москвы, и тѣмъ самымъ отвращая всякое пособіе, которое бы непріятельская армія съ тылу своего имѣть могла, и, обративъ на себя вниманіе непріятеля, надѣюсь принудить его оставить Москву и перемѣнить всю свою операціонную линію. Генералу Винцингероде предписано отъ меня держаться самому по Тверской дорогѣ, имѣя между тѣмъ по Ярославской казачій полкъ для охраненія жителей отъ набѣговъ непріятельскихъ партій. Теперь въ недальнемъ разстояніи отъ Москвы, собравъ свои войска твердою ногою могу ожидать непріятеля, и пока армія Вашего Императорскаго Величества цѣла и движима извѣстною храбростію съ нашимъ усердіемъ, дотолѣ еще возвратная потеря Москвы не есть потеря отечества. Впрочемъ, Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше согласиться изволите, что послѣдствія сіи нераздѣльно связаны съ потерею Смоленска и съ тѣмъ разстроеннымъ совершенно состояніемъ войскъ, въ которомъ я оныя засталъ».

Военный совѣтъ въ Филяхъ.

Извѣстіе, привезенное Мишо, ничуть не поколебало рѣшимости монарха продолжать войну; выслушавъ донесеніе Мишо, государь сказалъ ему: «Возвратитесь въ армію, скажите нашимъ храбрецамъ, объявляйте всѣмъ моимъ вѣрноподданнымъ вездѣ, гдѣ вы проѣзжать будете, что если у меня не останется ни одного солдата, я стану во главѣ моего дорогого дворянства и моихъ добрыхъ крестьянъ и пожертвую всѣми средствами моей имперіи. Она представляетъ мнѣ болѣе способовъ, чѣмъ мои враги думаютъ. Но если Божественнымъ Провидѣніемъ предопредѣлено, чтобы когда-либо моя династія перестала царствовать на престолѣ моихъ предковъ, тогда, истощивъ всѣ средства, которыя въ моей власти, я отращу себѣ бороду и лучше соглашусь питаться картофелемъ съ послѣднимъ изъ моихъ крестьянъ, нежели подпишу позоръ моего отечества и дорогихъ моихъ подданныхъ, жертвы коихъ умѣю цѣнить. *Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать; я научился понимать его, онъ болѣе не обманетъ меня*». Императрица Елизавета Алексѣевна вполнѣ раздѣляла такой взглядъ на событія своего супруга, и въ письмѣ къ своей матери, маркграфинѣ Амаліи, между прочимъ, сообщала: «Старики, потерявшіе все или почти все свое состояніе, говорятъ: мы найдемъ средства къ жизни, все предпочтительнѣе постыднаго мира. Женщины, у которыхъ всѣ близкіе находятся въ арміи, считаютъ опасности, коимъ тѣ подвергаются, лишь второстепенными и опасаются только мира. Этотъ миръ, который былъ бы смертнымъ приговоромъ Россіи, къ счастью, не можетъ быть заключенъ; императоръ не допускаетъ и мысли о немъ, а если бы даже онъ и желалъ его, то не могъ бы осуществить своего желанія. Вотъ прекрасная героическая сторона нашего положенія».

Сторонниками мира, впрочемъ, былъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, графъ Румянцевъ, графъ Аракчеевъ, выражая сомнѣніе въ успѣхѣ войны съ Наполеономъ. Это не мѣшало императору Александру оставаться непреклоннымъ въ принятомъ рѣшеніи, и онъ напоминалъ Кутузову, что тотъ еще обязанъ отвѣтить оскорбленному отечеству за потерю Москвы.

Офицеръ французскаго кирасирскаго № 2 полка говоритъ: «Мы подходили къ Москвѣ, совершенно того не замѣчая. 2 сентября мы увидали редуты и окопы, возведенные на равнинѣ; ни одинъ ружейный выстрѣлъ не послѣдовалъ при нашемъ приближеніи, и мы безъ сожалѣній прошли мимо этихъ оборонительныхъ сооруженій. Мѣстность къ городу нѣсколько возвышалась (это были Воробьевы горы). Громадное кладбище съ надгробными памятниками и мавзолеями предвѣщало близость большого города, мы взобрались на небольшое возвышеніе, и оттуда передъ нашими взорами

развернулась панорама Москвы, съ золотыми куполами ея многочисленныхъ церквей. Наконецъ мы достигли Москвы, предмета нашихъ вожделѣній, о которомъ мы говорили сто разъ на день. Видъ этотъ, который долженъ былъ преисполнить насъ радостью, не произвелъ, однако, на насъ всего ожидаемаго впечатлѣнія. Вмѣсто населенія, которое должно было, казалось, жадно созерцать этихъ пришедшихъ на завоеваніе ихъ страны людей Запада, насъ встрѣтило мертвое молчаніе,—молчаніе, тѣмъ тяжелѣе насъ поразившее, что веселый и любезный отъ природы французскій солдатъ полагаетъ, что и другія народности обладаютъ тѣми же свойствами своихъ характеровъ.

Французы подъ Можайскомъ.

«Съ этой возвышенности намъ оставалось сдѣлать только нѣсколько шаговъ, чтобы вступить въ Москву, и наши трубачи были уже на мосту у входа въ городъ, когда крикъ: «Голова колонны, стой!», шедшій сзади и переходившій изъ устъ въ уста, донесся до насъ. Мы остановились, и мимо насъ проскакалъ галопомъ императоръ, окруженный многочисленнымъ штабомъ и конвоированный гвардейскими конно-егерями. Онъ остановился въ трехъ или четырехъ шагахъ отъ нашей колонны, на правомъ флангѣ и впереди своей свиты. Такъ какъ я лично могъ передвигаться по желанію, то проѣхалъ вдоль колонны и всталъ наравнѣ съ его величествомъ, вправо въ трехъ всего отъ него шагахъ, чтобы

разглядѣть его поближе: интересно было наблюдать впечатлѣніе, производимое на него видомъ того, къ достиженію чего онъ стремился больше всѣхъ насъ!.. Что долженъ былъ онъ думать объ оставленіи Москвы русскою арміею, объ этомъ пустынномъ безмолвіи, объ этомъ полномъ отсутствіи жителей?! Вооружившись подзорной трубой, онъ молча разсматривалъ всю эту массу домовъ, церквей и дворцовъ. Наконецъ изъ Москвы явился адъютантъ начальника штаба арміи (Бертье) въ сопровожденіи какого-то штатскаго, одѣтаго, подобно пажу герцога Мальборо, во все черное; длинный и худой, лѣтъ сорока, штатскій оказался живущимъ въ Москвѣ негоціантомъ-французомъ. Онъ поклонился императору и со шляпой въ рукѣ всталъ у головы его лошади у лѣваго стремени и такимъ образомъ очутился лицомъ ко мнѣ, и императоръ оставался между нами. Сначала онъ только отвѣчалъ на предложенные вопросы, и я очень сожалѣлъ что не слышалъ ни вопросовъ ни отвѣтовъ, но мало-по-малу онъ оживился, лѣвой рукой взялъ гриву лошади его величества и началъ размахивать правой рукой, держа въ ней шляпу. Вотъ какимъ образомъ узналъ императоръ объ оставленіи Москвы ея жителями, исключая малочисленныхъ иностранцевъ. Послѣ этого разговора, длившагося около получаса,

Наполеонъ на Поклонной горѣ.

Вступленіе арміи Наполеона въ Москву.

императоръ все же не могъ опредѣлить направленія, принятаго русской арміею, и измѣнилъ свой приказъ движенія части арміи. Я слышалъ, какъ, позвавъ нашего генерала, онъ сказалъ ему: «Вмѣсто вступленія въ Москву вы поднимететесь вверхъ по теченію рѣки до деревни въ полъ-лье отсюда, тамъ вы найдете бродъ, перейдете имъ съ дивизіей на тотъ берегъ и станете на позиціи при въѣздѣ въ городъ, съ этой стороны и вдоль рѣки, и немедленно вышлете разъѣзды по всѣмъ дорогамъ, идущимъ отъ васъ къ лѣсамъ вокругъ. Разъѣзды пройдутъ впередъ на два лье, и, какъ только вернутся обратно, вы пошлете донесеніе начальнику главнаго штаба и будете ждать приказаній». Мы, повернувъ налѣво, пошли по дорогѣ вверхъ и вд ль рѣки и нашли указанную деревню. Намъ не пришлось искать брода: свѣжіе конскіе слѣды и колеи телѣгъ достаточно указывали мѣсто брода; двѣ телѣги съ русскими ранеными застряли у рѣки, и мы прослѣдовали мимо и около нихъ. Лишь только дивизія, согласно приказанію, стала у рѣки въ боевомъ расположеніи, какъ были высланы разъѣзды по всѣмъ дорогамъ и дорожкамъ, выходившимъ на равнину, на которой расположена Москва».

Жители Москвы еще до Бородинскаго сраженія выѣзжали изъ столицы. Такъ изъ письма отъ 16 августа г-жа Волкова сообщала, что братъ ея съ женой, «чтобы проѣхать 30 верстъ

до имѣнія Віельгорскихъ, заплатилъ 450 руб. за девять лошадей. Въ городѣ почти не осталось лошадей, и окрестности Москвы могли бы послужить живописцу образцомъ для изображенія бѣгства Египетскаго».

Когда же въ Москвѣ было получено извѣстіе, что она оставляется непріятелю, драгоцѣнности Кремля, казенныя и духовныя вещи и дѣла изъ архивовъ и присутственныхъ мѣстъ стали отправлять во Владимиръ, Вологду, Нижній-Новгородъ и другіе болѣе дальніе города. Но времени было мало, средствъ еще того меньше, почему далеко не все успѣли увезти и спасти; такъ, въ Успенскомъ соборѣ осталось въ добычу непріятеля до 325 пудовъ серебра и 18 пудовъ золота, въ окладахъ на иконахъ, лампадахъ и паникадилахъ. Многіе стали покидать Москву, и улицы были наполнены экипажами и телѣгами со всякимъ скарбомъ; тысячи пѣшеходовъ съ узлами и котомками за плечами спѣшили выходомъ изъ Москвы.

Дворецкій М. А. Волковой, по ея словамъ, въ письмѣ къ В. И. Ланской, выйдя 2 сентября въ 11 часовъ утра изъ ихъ дома, «до Владимирской заставы пробирался цѣлыхъ шесть часовъ» среди войскъ, возвращавшихся съ Бородинскаго поля. «Передъ выходомъ изъ Москвы онъ услышалъ первый выстрѣлъ французской пушки на Кремлевской площади».

Наканунѣ вступленія въ Москву французовъ архіепископъ Августинъ совершалъ обѣдню и молебствіе въ Успенскомъ соборѣ. Въ понедѣльникъ, 2 сентября, къ вечеру французы вступили въ Москву. По приказу Наполеона, Кремль былъ занятъ маршаломъ Лефевромъ съ корпусомъ молодой гвардіи; ему же была поручена организація полиціи въ Москвѣ. Генералъ Дюрокъ былъ назначенъ губернаторомъ столицы. Когда французы уже вошли въ Москву, толпа пьяныхъ людей вбѣжала въ Кремль, направляясь къ арсеналу, чтобы захватить тамъ оружіе, которымъ графъ Ростопчинъ обѣщалъ вооружить москвичей и вести ихъ на бой съ французами. Толпа расхватала въ арсеналѣ разное старое, заржавленное оружіе. Случайнымъ зрителемъ этой сцены былъ проходившій мимо чиновникъ Сената Бестужевъ-Рюминъ. Идя въ сопровожденіи одного изъ своихъ сослуживцевъ, Бестужевъ-Рюминъ встрѣтилъ «пьянаго господскаго человѣка», который, ворча и сильно шатаясь, несъ въ одной рукѣ ружье со штыкомъ, а въ другой карабинъ. Бестужевъ, улыбаясь, замѣтилъ своему спутнику: «Вотъ видишь, что значитъ безначаліе!» Въ отвѣтъ на эти слова полетѣло въ него сперва ружье, пролетѣвшее мимо, а затѣмъ карабинъ, сильно ушибшій ему ногу. Бестужевъ принужденъ былъ возвратиться назадъ. Подобные буйные и нетрезвые люди, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, разобравши въ арсеналѣ не-

годное, испорченное оружіе, находились въ Кремлѣ, когда къ его Троицкимъ воротамъ подошли войска французскаго авангарда съ генераломъ Себастьяни. Генералъ, увидавъ вооруженную толпу, подозвалъ къ себѣ одного молодого человѣка, который ради любопытства вышелъ посмотрѣть, что творится въ Кремлѣ. Такъ какъ онъ говорилъ по-французски, Себастьяни поручилъ ему уговорить толпу не вступать въ неравный бой и сложить оружіе. Но вдругъ изъ толпы раздались нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, на которые французы отвѣтили двумя пушечными. Произошла послѣ того свалка, и Бестужевъ-Рюминъ видѣлъ изъ окна Сената, какъ французскіе уланы начали рубить саблями стоявшихъ у арсенала вооруженныхъ людей. Человѣкъ десять упало, а остальные, побросавъ оружіе и упавъ на колѣни, просили пощады... Уланы спѣшились, взяли оружіе, а людей, имѣвшихъ его, посадили подъ арестъ въ Оружейной палатѣ. По другимъ разсказамъ, эпизодъ этотъ происходилъ иначе. Говорятъ, что по вступленіи французовъ въ Кремль кучка людей, стоявшихъ у арсенала, примѣтивъ генерала впереди войска, думая, что это и есть самъ Наполеонъ, дала залпъ и была разсѣяна двумя пушечными выстрѣлами, а часть изрублена уланами.

Графъ Ростопчинъ, застигнутый врасплохъ, въ противность своимъ прежнимъ завѣреніямъ и похвальбамъ, успѣлъ лишь наскоро озаботиться раздачею народу оружія изъ арсенала, да выливаніемъ на улицы водки изъ бочекъ и спасеніемъ собственной своей персоны. Послѣднее казалось

Графъ Ростопчинъ выдаетъ народу купеческаго сына Верещагина.

не легко исполнимымъ, какъ показалъ случай убійства купеческаго сына Верещагина, вызванный этимъ отъѣздомъ. Эпизодъ этотъ разсказанъ въ «запискахъ» Д. П. Рунича. Извѣстный художникъ Тончи, переселившійся на жительство по приглашенію Ростопчина въ его домъ, 2 сентября былъ свидѣтелемъ убійства Верещагина, обвиненнаго Ростопчинымъ въ распространеніи непріятельскихъ прокламацій отъ Наполеона къ Рейнскому союзу, которыя начинались: «Вѣнценосные друзья Франціи!» будто бы взятыхъ изъ иностранныхъ газетъ. Полиція увѣдомила Ростопчина, что народъ, прослыша о приготовленіи его къ отъѣзду, валитъ толпами къ его дому. Ростопчинъ велѣлъ вывести къ бушевавшей толпѣ купеческаго сына Верещагина и указалъ на него, какъ измѣнника, изъ-за котораго якобы гибнетъ Москва. Толпа, не видя связи между измѣной Верещагина и отъѣздомъ Ростопчина, не рѣшалась его тронуть. Тогда Ростопчинъ приказалъ драгуну рубить Верещагина палашомъ... Трепещущій трупъ несчастнаго юноши привязали къ лошадиному хвосту, и чернь, глумясь надъ нимъ, бѣжала по улицамъ. «Скоро послѣ этого,—говоритъ Руничъ,—Ростопчинъ поручилъ моему брату, директору его канцеляріи, отвезти Тончи въ городъ Владиміръ, такъ какъ художникъ, пораженный кровавымъ зрѣлищемъ, совершенно помѣшался. На одной изъ станцій Тончи, пользуясь темнотой, ушелъ въ лѣсъ. Сторожа, карауливше лѣсъ, приняли его за шпіона, связали и привели къ исправнику, который послалъ его въ Владиміръ». Братъ Рунича помѣстилъ его у себя, но Тончи однажды отказался встать съ постели подъ предлогомъ болѣзни, взялъ бритву и хватилъ себя по горлу. Рана оказалась неглубокою, а быстро оказанная помощь спасла его жизнь. Впослѣдствіи Тончи совершенно выздоровѣлъ. Разсудокъ вернулся къ нему, и онъ въ благодарность за исцѣленіе пожелалъ оставить городу на память даръ, написавъ огромную картину, изображающую крещеніе св. Владимира, которая находилась ранѣе въ мѣстномъ соборѣ, а теперь перенесена въ Археологическій музей города

Художникъ Тончи.

Владимира, гдѣ находятся миніатюрные на кости портреты самого Тонти и его жены, урожденной княжны Гагариной.

Въ ночь со 2 на 3 сентября въ Москвѣ уже начались пожары; начался также и грабежъ французами домовъ и оставшихся въ городѣ обывателей. Сержантъ Бургонь въ своихъ «Воспоминаніяхъ» разсказываетъ: «Послѣ перехода, длившагося около часа, мы очутились передъ первой оградой Кремля. Но насъ заставили круто повернуть налѣво, и мы вступили въ улицу еще лучше и шире первой; та привела насъ на Губернаторскую площадь. Въ ту минуту какъ остановилась колонна, мы увидали трехъ дамъ, выглядывавшихъ изъ окна нижняго этажа. Я очутился на тротуарѣ, вблизи

Пожаръ Москвы.

одной изъ нихъ; она подала мнѣ кусокъ хлѣба, чернаго, какъ уголь, и перемѣшаннаго съ мякиной. Я поблагодарилъ ее и, въ свою очередь, подалъ ей кусокъ бѣлаго хлѣба, полученный мной отъ тетки Дюбуа, маркитантки нашего полка. Дама покраснѣла, а я засмѣялся; тогда она, не знаю зачѣмъ, тронула меня за рукавъ, и я продолжалъ путь. Наконецъ пришли мы на губернаторскую площадь; мы сомкнулись въ массу, противъ дворца Ростопчина, губернатора города, того самаго, который распорядился поджечь его. Намъ объявили, что весь нашъ полкъ назначенъ пикетомъ и что никто ни подъ какимъ видомъ не смѣетъ отлучаться. Но, несмотря на это, черезъ полчаса вся площадь была покрыта всякой

всячиной, чего только душѣ угодно; тутъ были разныхъ сортовъ вина, водка, варенье, громадное количество сахарныхъ головъ, немного муки, но хлѣба не было. Солдаты входили въ дома на площади, чтобы потребовать ѣды и питья, но, не находя ни души, сами брали, что имъ было нужно. Мы расположили нашъ постъ подъ главными воротами дворца, гдѣ направо находилась комната для помѣщенія караула и нѣсколько плѣнныхъ русскихъ офицеровъ, которыхъ привели къ намъ, найдя ихъ въ городѣ. Что касается офицеровъ, проведенныхъ нами вплоть до Москвы, то мы всѣхъ ихъ, по приказанію начальства, оставили у входа въ городъ. Дворецъ губернатора былъ довольно великъ и совершенно европейской конструкціи. Въ глубинѣ входа помѣщались справа двѣ прекраснѣйшихъ лѣстницы, онѣ сходились въ бель-этажѣ, гдѣ имѣлся большой залъ, съ овальнымъ столомъ посрединѣ; въ глубинѣ висѣла большая картина, изображающая русскаго императора Александра на конѣ. Позади дворца обширный дворъ, окруженный зданіями, предназначенными для прислуги. Часъ спустя, послѣ нашего прибытія начался пожаръ: на правой сторонѣ показался густой дымъ, потомъ взвился вихрь пламени; никто, однако, не зналъ, откуда это происходитъ. Вскорѣ намъ сообщили, что горитъ базаръ, кварталъ купцовъ. «Вѣроятно,—объяснили нѣкоторые,—это мародеры арміи по неосторожности заронили огонь, входя въ лавки за продовольствіемъ». Въ семь часовъ загорѣлось за губернаторскимъ домомъ; полковникъ сейчасъ же пришелъ къ намъ въ караулъ и приказалъ немедленно выслать патруль въ 15 человѣкъ; въ томъ числѣ былъ и я. Цезарисъ отправился съ нами, во главѣ патруля. Мы двинулись въ ту сторону, гдѣ горѣло, но едва сдѣлали шаговъ триста, какъ насъ салютовали ружейными выстрѣлами справа и слѣва. Въ первую минуту мы не придали этому значенія, все еще думая, что это пьяные солдаты арміи. Но пятьдесятъ шаговъ дальше изъ какого-то тупика опять раздались выстрѣлы, направленные прямо въ насъ. Въ ту же минуту возлѣ меня послышался крикъ, и я убѣдился, что одинъ изъ солдатъ раненъ. Дѣйствительно, пуля попала ему въ ляжку, но рана была неопасная, такъ какъ не мѣшала ему итти. Рѣшено было тотчасъ же вернуться къ мѣсту стоянки полка; но едва успѣли мы повернуть, какъ еще два выстрѣла изъ того же закоулка заставили насъ измѣнить намѣреніе. Рѣшили поближе посмотрѣть, въ чемъ дѣло. Мы подошли къ дому, откуда замѣтили выстрѣлы, выломали ворота и очутились лицомъ къ лицу съ девятью дюжими молодцами, вооруженными копьями и ружьями,—они не пускали насъ войти. Завязался во дворѣ бой, довольно неравный, такъ какъ насъ было 19 человѣкъ противъ 9, но думая, что ихъ тамъ больше, мы первымъ дѣломъ уложили

на мѣстѣ троихъ, первыхъ подвернувшихся намъ подъ руку. Въ одного капрала попалъ ударъ пикой между кожаной амуниціей и одеждой; не чувствуя себя раненымъ, онъ схватилъ пику своего противника, бывшаго несравненно сильнѣе, такъ какъ у капрала только одна рука была свободна, въ другой онъ принужденъ былъ держать ружье; поэтому онъ съ силой былъ отброшенъ къ двери подвала, не выпуская, однако, изъ руки древка пики. Въ эту же минуту русскій упалъ, сраженный двумя ударами штыковъ. Офицеръ своей саблей отсѣкъ кисть руки у другого русскаго, чтобы заставить его выпустить пику, но такъ какъ тотъ все еще угрожалъ, то его живо усмирили пулей въ бокъ и отправили къ Плутону.

Обѣдня въ храмѣ Евпла въ присутствіи французовъ.

Пройдя шаговъ двѣсти, мы увидали по правую руку какую-то улицу; но прежде, чѣмъ войти въ нее, мы, ради любопытства, пожелали осмотрѣть домъ, откуда раздавались ружейные выстрѣлы,—съ виду онъ показался намъ очень красивымъ. Но вдругъ раздались тревожные крики и нѣсколько человѣкъ выскочило съ зажженными факелами въ рукахъ; пройдя черезъ большой дворъ, мы убѣдились, что мѣсто, гдѣ мы находимся, не простой домъ, а великолѣпный дворецъ. Раньше, чѣмъ войти въ него, мы оставили у воротъ двухъ часовыхъ, съ приказаніемъ предупредить насъ въ случаѣ нападенія врасплохъ. У насъ были свѣчи, мы зажгли ихъ нѣсколько и вошли: отроду я не видывалъ жилища съ такой

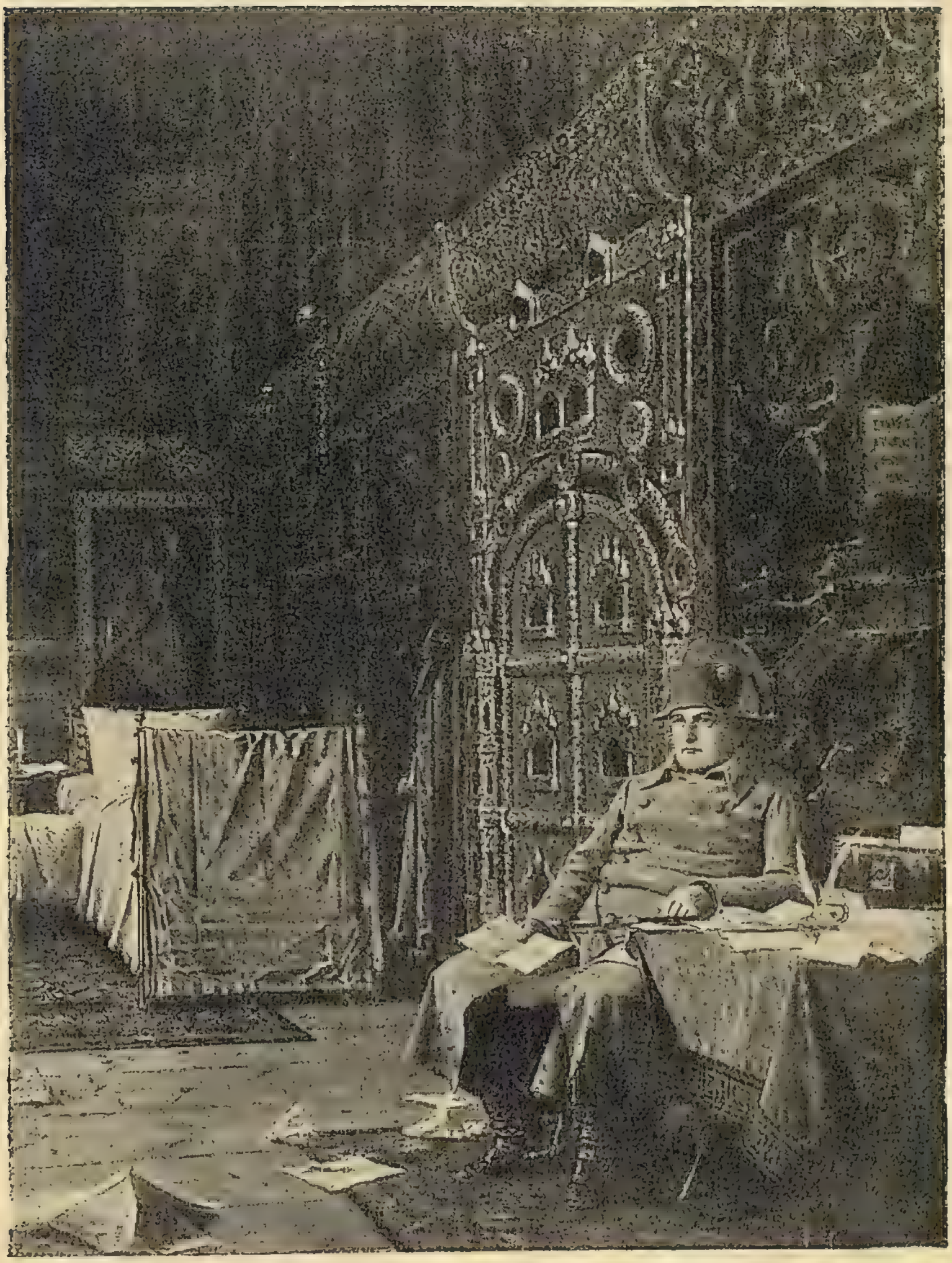
роскошной меблировкой, какъ то, что представилось нашимъ глазамъ; въ особенности поражала коллекція картинъ голландской и итальянской школы. Между прочими богатствами особенно привлекъ наше вниманіе большой сундукъ, наполненный оружіемъ замѣчательной красоты, которое мы и растащили. Я взялъ себѣ пару пистолетовъ въ оправѣ, украшенной жемчугомъ. Уже около часа мы бродили по обширнымъ, роскошнымъ хоромамъ, въ стилѣ для насъ совершенно новомъ, какъ вдругъ раздался страшный взрывъ; онъ шелъ откуда-то снизу изъ-подъ того мѣста, гдѣ мы находились, Сотрясеніе было страшно сильное; мы думали, что будемъ погребены подъ развалинами дворца. Мы проворно спустились внизъ, со всякой осторожностью, но были поражены, не заставъ нашихъ двухъ часовыхъ. Довольно долго проискали мы ихъ, наконецъ нашли на улицѣ. Они сказали намъ, что въ моментъ взрыва они поскорѣе убѣжали, думая, что весь домъ обрушится на насъ. Передъ уходомъ мы хотѣли узнать причину напугавшей насъ катастрофы; оказывается, въ обширной столовой обрушился потолокъ, хрустальная люстра разлетѣлась вдребезги, и все это произошло отъ того, что нарочно были положены ядра въ большую изразцовую печь. Русскіе разсудили, что для того, чтобы истреблять насъ, всякое средство годится. Пока мы были въ домѣ, размышляя о многихъ вещахъ, которыхъ еще не понимали, какъ услыхали крики: «горимъ! горимъ!» Это наши часовые замѣтили, что дворецъ загорѣлся.—Идя далѣе, мы встрѣтили гвардейскихъ егерей и отъ нихъ узнали, что это сами русскіе поджигаютъ городъ, и что встрѣченнымъ нами людямъ поручено выполнять этотъ замыселъ. Дѣйствительно, минуту спустя, мы увидали троихъ русскихъ, поджигавшихъ православный храмъ. Замѣтивъ насъ, двое побросали свои факелы и убѣжали; мы подошли къ третьему—онъ не бросилъ факела, а, напротивъ, старался привести въ исполненіе свое намѣреніе; но ударъ прикладомъ ружья въ затылокъ сломилъ его упрямство. Въ ту же минуту мы встрѣтили патруль егерей, заблудившихся точно такъ же, какъ и мы. Командовавшій ими сержантъ разсказалъ мнѣ, что они видѣли каторжниковъ, поджигавшихъ нѣсколько домовъ, и что одному изъ нихъ онъ принужденъ былъ отсѣчь кисть руки саблей, чтобы заставить его бросить факелъ, но когда факелъ выпалъ у него вмѣстѣ съ правой рукой, онъ лѣвой поднялъ его съ намѣреніемъ продолжать поджогъ; они принуждены были убить его».

Г-жа Волкова въ своемъ письмѣ разсказываетъ: «Нашъ московскій домъ сгорѣлъ ночью съ 4 на 5 сентября, сгорѣлъ также домъ Шаховскихъ и смежные дома. 2 числа вечеромъ нѣсколько голодныхъ негодяевъ пришли просить хлѣба у нашихъ людей и у дворецкаго. Утоливъ голодъ,

они ушли. Точно та же исторія повторилась на другой день при чемъ они украли вещи дворецкаго, который имѣлъ глупость разложить ихъ передъ ихъ глазами. День прошелъ довольно спокойно. Ночью подожгли Нѣмецкую слободу и лавки. 4 числа пришли требовать вина; у насъ въ погребахъ было много винъ и варенья, потому угощенье долго продолжалось, и гостей было много. Потомъ они все обобрали у людей и велѣли открыть кладовыя; не найдя въ нихъ ничего съѣдобнаго, они ничего не взяли, хотя тутъ находилось тысячъ на 30 вещей. Въ этотъ вечеръ подожгли Большую Никитскую, Арбатъ, Пречистенку, Остоженку и всѣ смежные кварталы. Нашъ домъ все держался. Наконецъ въ часъ толпа негодяевъ ворвалась въ домъ; сломавъ двери, они поднялись въ мои комнаты, гдѣ я оставила книги, фарфоръ и множество другихъ вещей. Они начали все рвать, ломать, люди внизу слышали адскій шумъ, потомъ эти каннибалы подожгли мои комнаты и ушли, ничего не взявъ. Такъ какъ сосѣднія зданія уже были въ огнѣ, то нашъ домъ сгорѣлъ вскорѣ со всѣмъ, въ немъ заключавшимся, чему я рада очень, ибо по-моему лучше, что все наше добро сгорѣло, нежели сдѣлалось бы добычею адскихъ чудовищъ». Офицеръ французскаго кирасирскаго № 2 полка пишетъ: «Весь этотъ день у насъ царила полная распущенность, но вотъ пришла Императорская гвардія, разошлась по всему городу, заняла всѣ дома и не дозволила нашимъ людямъ заниматься мародерствомъ. Императорская гвардія была идоломъ своего шефа— императора, который до нельзя ее баловалъ, почему она стала заносчивой и дерзкой по отношенію арміи, которая ее не любила и къ тому же упрекала въ томъ, что она не ходила въ огонь и не несла тягостей сраженій. Упрекъ заслуженный, но его слѣдовало отнести болѣе къ императору, который не хотѣлъ ее пускать въ бой. Гвардія была его резервомъ и онъ не хотѣлъ, чтобы говорили, что онъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ этому резерву, не допуская мысли, чтобы тѣла его гвардейцевъ покрывали собой поля сраженій. Если бы въ день Бородинскаго сраженія вечеромъ императоръ двинулъ бы впередъ, намъ на смѣну, свою свѣжую, нетронутую гвардейскую кавалерію, о чемъ напрасно его умоляли, то, повторяю, исходъ сраженія былъ бы другой; мы же, вслѣдствіе невѣроятнаго утомленія и истощенія людей и въ особенности лошадей, уже не были способны рѣшить участь дня; остатки русской арміи были бы уничтожены, тогда какъ ей была предоставлена возможность спокойнаго отступленія. Но императоръ хотѣлъ вступить въ Москву съ своею гвардіею, столь же прекрасной и столь же многочисленной, какъ и при ея выступленіи изъ Парижа, и если только онъ хотѣлъ похвалиться ею передъ жителями Москвы, гвардія рѣшительно всѣмъ овладѣла, отодвинула чиновъ

арміи и жила въ полномъ довольствѣ, такъ какъ послѣ пожара, вернувшись на развалины домовъ, гвардейцы рылись въ подвалахъ, въ которыхъ жители припрятали всякаго рода провизію, вина, ликеры и всякаго рода предметы; и вотъ гвардейцы устроили себѣ лавочки и открыли для арміи торговлю чѣмъ только можно. Подобное поведеніе окончательно вооружило противъ нихъ всю армію, которая въ насмѣшку называла ихъ «московскими купцами» и «московскими жидами». Конечно, далеко не всѣ гвардейцы этимъ занимались, но упреки, сыпавшіеся на гвардію, имѣли свои основанія. То, что говорю, могу подтвердить, такъ какъ самъ купилъ себѣ сукна на одномъ подобномъ базарѣ, устроенномъ гвардейскими гренадерами. Непріязнь эта принесла свои плоды во время отступленія, и солдаты арміи за это главенство гвардіи, которымъ она такъ грубо злоупотребляла, жестоко отомстили «московскимъ купцамъ» впослѣдствіи. Отрываясь или отставая отъ своего корпуса, что случалось съ людьми и другихъ частей, гвардейцы брели обыкновенно совершенно одинокими и отовсюду, куда бы они ни подсаживались или ни пристраивались, къ костру или другому какому пріюту, ихъ грубо отгоняли, ругая жидами и купцами». Наполеонъ, озлобленный противъ графа Ростопчина, называлъ его поджигателемъ, Геростратомъ, сумасшедшимъ; впослѣдствіи Ростопчинъ въ Парижѣ издалъ брошюру «Правда о московскомъ пожарѣ» («La vérité sur l'incendie de Moscou»), гдѣ онъ отказывается отъ пожара Москвы, но немногіе повѣрили ему и продолжали считать его главнымъ виновникомъ этого событія, чему какъ бы подтвержденіемъ служило его воззваніе, прибитое къ дверямъ церкви его имѣнія—села Воронова, въ которомъ выразилъ французамъ свое удивленіе тому, что они повинуются насильнику, каковъ Наполеонъ, и что онъ самъ сжегъ свой домъ и избы своихъ крестьянъ (отправленныхъ въ воронежское имѣніе), чтобы этотъ ужасный человѣкъ не могъ похвастаться, что сидѣлъ на его стулѣ. Узнавъ объ этомъ, Наполеонъ, говорятъ, обѣщалъ три милліона тому, кто ему принесетъ голову Ростопчина.

Мортье съ частію гвардіи занялъ Кремль и дѣлалъ приготовленія къ пріѣзду Наполеона, принимая мѣры для его безопаснаго тамъ пребыванія. Французы, жившіе въ Москвѣ, пустили слухъ, что въ Кремлѣ зарыта большая часть церковныхъ сокровищъ, которыхъ русскій генералъ-губернаторъ не успѣлъ вывезти. Французскіе солдаты бросились отыскивать богатства, обшаривая дворцы, подвалы и чердаки. Не находя добычи, они стали пытать при допросахъ оставшихся при дворцѣ сторожей. Одинъ полякъ, не зная какъ отомстить русскимъ, рвалъ бархатъ съ трона. Отыскали типографію и въ ней наскоро напечатали на французскомъ

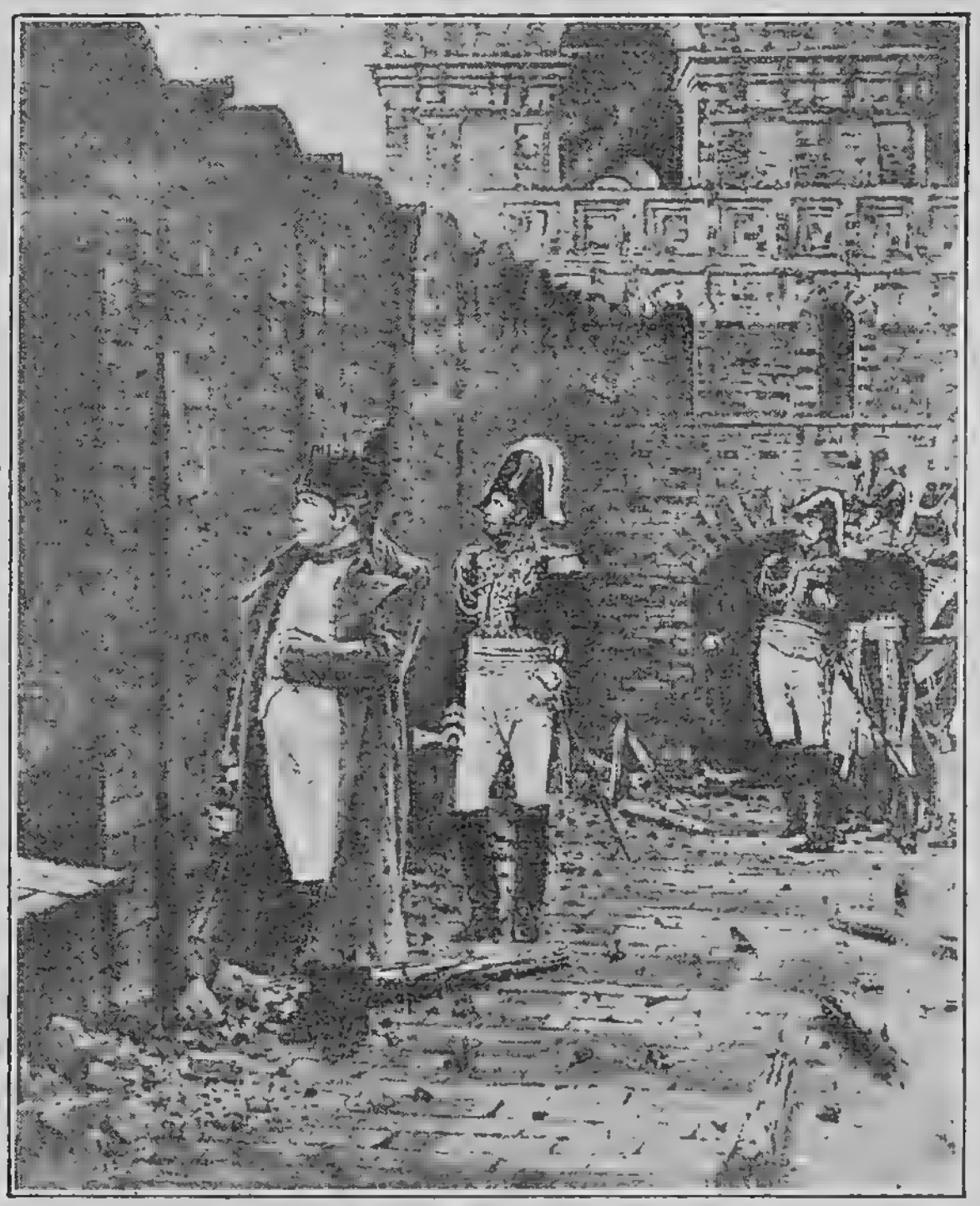


Наполеонъ на ночлегѣ въ Успенскомъ соборѣ.

языкѣ слѣдующее извѣщеніе: «Большое сраженіе 7 числа поставило русскихъ въ невозможность защищать Москву, и они оставили столицу. Теперь половина четвертаго. Побѣдоносная армія только что вступила въ Москву, куда его величество императоръ Наполеонъ прибылъ сію минуту съ своею главною квартирою». До наступленія темноты въ городѣ сохранялся порядокъ, но когда наступила ночь, насилія стали повсюду. Цѣлые полки произвольно занимали нѣсколько домовъ, другіе располагались бивуаками на улицахъ. Изнуренные солдаты врывались въ дома и, утоливъ голодъ и жажду, предавались всѣмъ страстямъ. Офицеры подавали примѣръ. Ночью запылалъ москотильный рядъ и въ Китай-городѣ распространился пожаръ, послужившій сигналомъ французскимъ войскамъ пуститься на грабежъ по всей Москвѣ. Переночевавъ въ Дорогомиловской заставѣ, въ ямской и не дождавшись тамъ ожидаемой депутаціи, Наполеонъ 3 сентября, въ 11 часовъ утра, поѣхалъ въ Москву. Арбатъ былъ совершенно пустъ. Наполеонъ ѣхалъ на маленькой арабской лошади, въ сѣромъ сюртукѣ, безъ всякаго знака отличія; за нимъ слѣдовала многочисленная свита и три русскихъ плѣнныхъ: лѣкарь Черниговскаго пѣхотнаго полка, чиновникъ Министерства Финансовъ и ратникъ московскаго ополченія. Лицо Наполеона выражало гнѣвъ, но оно нѣсколько прояснилось, когда онъ черезъ Боровицкія ворота въѣхалъ въ Кремль. Вступивъ во дворецъ, приготовленный для его жительства, Наполеонъ сказалъ: «Вотъ эти гордыя стѣны! Наконецъ-то я въ Москвѣ, въ древнемъ дворцѣ царей, въ Кремлѣ».—«Русскіе,—продолжалъ Наполеонъ, обращаясь къ окружавшимъ,—еще сами не знаютъ, какое произведетъ на нихъ впечатлѣніе занятіе Москвы. Посмотримъ, что они станутъ дѣлать? Если они еще не войдутъ въ мирные переговоры съ нами, мы сдѣлаемъ свое дѣло, представимъ міру небывалое явленіе спокойно пирующей арміи посреди враждебнаго ей народа, окружающаго ее со всѣхъ сторонъ. Наши зимнія квартиры обезпечены. Наша армія, пребывающая въ Москвѣ, будетъ походить на корабль, охваченный льдами, но съ возвращеніемъ весны мы снова начнемъ войну. Впрочемъ, до этого не дойдетъ; императоръ Александръ не доведетъ меня до этого. Мы войдемъ съ нимъ въ соглашеніе, и онъ подпишетъ миръ».

Едва Наполеонъ расположился въ чертогахъ царей, какъ запылали Гостиный дворъ и Каретный рядъ. Пожаръ Москвы начался во многихъ мѣстахъ и въ первое время не возбуждалъ вниманія французовъ. Но это продолжалось недолго. Пожаръ, начавшійся на Солянкѣ, перешелъ на скобяные и моск тильные ряды и новый Гостиный дворъ, или такъ называвшіеся Чернышевскіе ряды, которые теперь не существуютъ, расположенные вдоль кремлевской стѣны,

между Никольской и Спасскою башнями. Невозможно было справиться съ пожаромъ, все больше и больше распространявшимся по Москвѣ. Когда Наполеонъ вступилъ въ Кремль, уже горѣли москотильныя и масляныя лавки, Зарядье, Балчугъ, и пламя все сильнѣе захватывало большой Гостиный дворъ на Красной площади. Опасность отъ пожара для Кремля, гдѣ находился Наполеонъ съ молодой гвардіей и гдѣ были сосредоточены артиллерійскіе снаряды, принудила принять рѣшительныя мѣры. Наполеонъ приказалъ маршалу Мортье упо-



Наполеонъ со стѣнъ Кремля смотритъ на пожаръ Москвы (съ карт. В. В. Верещагина).

требить всѣ усилія, чтобы потушить пожаръ, за что дѣятельно принялся Мортье, но пламя при встрѣчномъ вѣтрѣ находило себѣ обильную пищу въ легко воспламеняющихся веществахъ, находившихся въ лавкахъ и подвалахъ свѣчного, масляного и москотильнаго рядовъ, не покоряясь тушенію. Къ вечеру 3 сентября маршалу Мортье удалось, если не совсѣмъ затушить угрожавшій Кремлю пожаръ, то, по крайней мѣрѣ, значительно ослабить силу огня и районъ его захвата.

Первую ночь Наполеонъ провелъ спокойно; на другой день, въ 7 часовъ утра, онъ позвалъ къ себѣ своего доктора Метивье и задалъ ему свой обычный вопросъ: «Что новаго?» Когда докторъ сказалъ, что вокругъ Кремля распространяются пожары, Наполеонъ равнодушно отвѣтилъ: «Это неосторожность солдатъ: вѣроятно, они разложили огни для приготовленія пищи слишкомъ близко къ деревяннымъ домамъ». Но затѣмъ его взглядъ остановился неподвижно, и выраженіе лица, «сперва исполненное благорасположенія, стало суровымъ»; онъ быстро вскочилъ съ постели, поспѣшно одѣлся, не произнося ни слова, толкнулъ ногой съ такою силою прислуживавшаго ему мамелюка, который неловко надѣлъ сапогъ, такъ что онъ упалъ навзничь. Наполеонъ, очевидно, вспомнилъ слухи и разговоры на тему о томъ, что русскіе намѣрены сжечь Москву.

Въ эту самую ночь не совсѣмъ потушенный наканунѣ пожаръ Зарядья и рядовъ снова разгорѣлся и перешелъ на главный Гостиный дворъ, который къ утру былъ весь охваченъ огнемъ. Пылали дома на Ильинкѣ и Никольской; видны были также пожары Китая и Бѣлаго города. Сильный сѣверо-восточный вѣтеръ нѣсколько разъ обращалъ пламя въ сторону Кремля, который освѣщался порою такъ ярко и сильно, что казалось, будто бы въ стѣнахъ Кремля начался пожаръ. Между тѣмъ въ Кремлѣ по распоряженію начальника французской артиллеріи, генерала Ларибуасьера, фуры съ боевыми снарядами стояли какъ разъ напротивъ оконъ дворца, въ которомъ ночевалъ Наполеонъ. Въ Кремлѣ всю ночь царила тревога. Вотъ что разсказываетъ очевидецъ, графъ Сегюръ: «Въ то время, какъ наши солдаты боролись съ пожаромъ, Наполеонъ, котораго сонъ не смѣли потревожить въ теченіе ночи, былъ разбуженъ двойнымъ свѣтомъ— дня и пожара. Первымъ движеніемъ Наполеона былъ гнѣвъ: онъ хотѣлъ властвовать даже надъ стихіями. Это завоеваніе, для котораго онъ принесъ въ жертву, исчезало въ его глазахъ въ облакахъ дыма и пламени. Имъ овладѣло страшное безпокойство; казалось, его самого пожиралъ огонь, который насъ окружалъ. Ежеминутно онъ вставалъ, ходилъ и снова садился. Быстрыми шагами онъ пробѣгалъ дворцовыя комнаты; его движенія, порывистыя, обличали внутреннюю жестокую тревогу. Онъ оставлялъ нужную работу, принимался снова за нее и вновь бросалъ для того, чтобы взглянуть въ окно на непрекращающееся распространеніе пожара. Изъ стѣсненной груди вырывались короткія, отрывистыя восклицанія: «Какое ужасное зрѣлище! Это они сами поджигаютъ! Сколько прекрасныхъ зданій!.. Какая необычайная рѣшимость... Что за люди: это — скиѳы, варвары!»

Пожаръ становился все сильнѣе и страшнѣе... Изъ оконъ Кремлевскаго дворца все Замоскворѣчье, охваченное пла-

PROCLAMATION.

Habitans paisibles, Artisans et Ouvriers de Moscou, que des malheurs ont éloigné de cette ville, et vous Cultivateurs égarés, qu'une vaine frayeur retient encore dans vos campagnes, écoutez!

La tranquillité renait dans cette capitale, et l'ordre s'y rétablit; vos compatriotes sortent librement de leurs asiles et sont respectés; toute violence, exercée contre eux et leurs propriétes, est, à l'instant, punie.

Sa Majesté l'Empereur et Roi les protège et ne voit, parmi vous, d'ennemis que ceux qui désobéissent à ses ordres.

Il veut mettre un terme à vos malheurs et vous rendre à vos foyers et à vos familles.

Répondez donc à ses bienfaisantes intentions et venez avec sécurité auprès de nous.

Que l'habitant rentre avec confiance dans sa demeure; il y trouvera bientôt les moyens de pourvoir à ses besoins.

Que l'ouvrier, que l'artisan laborieux, retourne à ses métiers; des logemens, des boutiques, des sauve-gardes sont prêts à le recevoir, et son travail obtiendra le salaire qui lui est dû.

Que le paysan, enfin, sorte des bois où la terreur le retient, qu'il regagne sans effroi sa chaumière, et qu'il sache qu'il y sera protegé.

Des marchés sont préparés pour y recevoir le superflû de ses besoins et les produits de la terre.

Les moyens que le Gouvernement a pris pour lui en assurer un libre debit, se trouvent développés dans les dispositions suivantes:

1°. A dater de ce jour, les paysans cultivateurs ou habitans, des environs de Moscou, pourront, en toute sureté, porter leurs denrées, de quelque nature qu'elles soient, dans les marchés de la capitale, ci-après indiqués, savoir: dans la place nommée *Makhavoïe*, dans celle appelée *Okhotnoï-red*.

2.° Ces denrées leur seront payées au taux convenu entre l'acheteur et le vendeur, et ce dernier sera le maître, s'il n'en trouve pas le prix qu'il leur a fixé, d'après des bases raisonnables, de les remporter dans son village sans qu'on puisse, sous aucun prétexte, l'en empecher.

3.° Les Dimanches et Mercredis de chaque semaine sont les jours désignés pour les grands marchés. En conséquence, des troupes suffisantes seront, dès le mardi et le samedi, disposées sur toutes les grandes routes et à une distance déterminée de la ville, afin de protéger ces transports.

4°. Les mêmes mesures seront prises pour que le retour des paysans chez eux, avec leurs voitures et leurs chevaux, n'éprouve aucune difficulté.

5°. Des moyens seront incessamment employés pour assurer l'établissement des marchés ordinaires.

Habitans de la ville et des campagnes, et vous, ouvriers et artisans, de quelque nation que vous soyez! vous êtes sommés de répondre aux vues paternelles de Sa Majesté l'Empereur et Roi, et de contribuer, avec lui, au bien-être de tous. Portez à ses pieds respect et confiance et ne tardez pas à vous réunir à nous.

Moscou, le 6 Octobre 1812.

L'Intendant de la ville et de la province de Moscou,

LESSEPS.

ПРОВОЗГЛАШЕНІЕ

Вы спокойные Московскіе жители, мастеровые и рабочіе люди, которыхъ несчастія удалили изъ города, и вы, разсѣянные земледѣльцы, которыхъ неосновательной страхъ еще задерживаетъ въ поляхъ, слушайте!

Тишина возвращается въ сію столицу и порядокъ въ ней востановляется. Ваши земляки выходятъ смѣло изъ своихъ убѣжищъ, видя что ихъ уважаютъ. Всякое насильствіе учиненное противъ нихъ и ихъ собственности немедленно наказывается.

Его Величество Императоръ и Король ихъ покровительствуетъ и между вами никого не почитаетъ за своихъ неприятелей, кромѣ тѣхъ кои ослушиваются его повелѣніямъ.

Онъ хочетъ прекратить Ваши несчастія и возвратить Васъ вашимъ дворамъ и вашимъ семействамъ.

Соотвѣтствуйтеже его благотворительнымъ намѣреніямъ и приходите къ намъ безъ всякой опасности.

Жители! возвращайтесь съ довѣріемъ въ ваши жилища, вы скоро найдете способы удовлетворить вашимъ нуждамъ!

Ремесленники и трудолюбивые мастеровые! приходите обратно къ вашимъ рукодѣліямъ, домы, лавки, охранительные караулы васъ ожидаютъ, а за вашу работу получите должную вамъ плату!

И вы наконецъ крестьяне выходите изъ лѣсовъ, гдѣ отъ ужаса скрылись, возвращайтесь безъ страху въ ваши избы, въ точномъ увѣреніи что найдете защищеніе!

Лабазы учреждены въ городѣ куда крестьяне могутъ привозить излишные свои запасы и земельныя растенія.

Правительство приняло слѣдующія мѣры чтобъ обеспечить имъ свободную продажу

1° Щитая отъ сего числа, крестьяне, земледѣльцы и живущіе въ окрестностяхъ Москвы, могутъ безъ всякой опасности привозить въ Городъ свои припасы, какогобы роду не были, въ двухъ назначенныхъ лабазахъ, то есть на Моховую; и въ Охотной рядъ.

2° Оныя продовольствія будутъ покупаться у нихъ по такой цѣнѣ на какую покупатель и продавецъ согласятся между собою; но естьли продавецъ не получитъ требуемую имъ справедливую цѣну, то волѣнъ будетъ повезти ихъ обратно въ свою деревню, въ чемъ никто ему ни подъ какимъ видомъ препятствовать не можетъ.

3° Каждое Воскресенье и Середа назначены еженедѣльно для большихъ торговыхъ дней; по чему достаточное число войскъ будетъ разставлено по вторникамъ и субботамъ на всѣхъ большихъ дорогахъ въ такомъ разстояніи отъ города, чтобъ защищать тѣ обозы.

4° Таковыежъ мѣры будутъ взяты чтобъ на возвратномъ пути крестьянамъ съ ихъ повозками и лошадьми не послѣдовало препятствія.

5° Немедленно средства употреблены будутъ для востановленія обыкновенныхъ торговъ.

Жители Города и деревень, и вы работники и мастеровые какой бы вы націи не были! васъ взываетъ исполнять отеческіе намѣренія Его Величества Императора и Короля и способствовать съ нимъ къ общему благополучію. Несите же его стопамъ почтеніе и довѣріе и не медлите соединиться съ нами.

Москва $\frac{24 \text{ Сентября}}{6 \text{ Октября}}$ 1812го году.

Интендантъ или управляющій городомъ и провинціею Московскою,

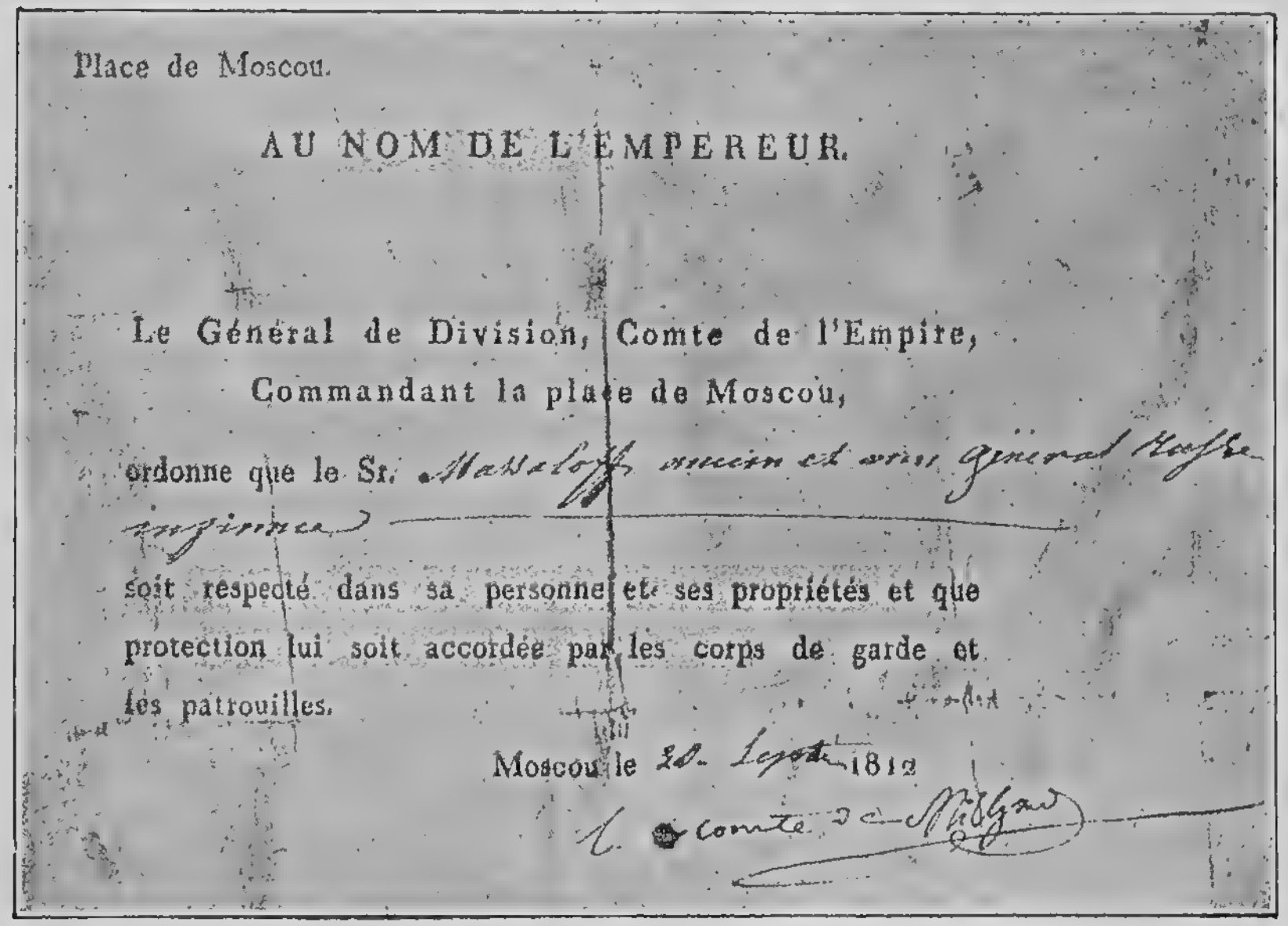
ЛЕССЕПСЪ.

Воззваніе Лессепса къ жителямъ Москвы (изъ музея П. И. Щукина).

менемъ, казалось огненнымъ моремъ. Несмотря на большое разстояніе, отдѣлявшее кремлевскій дворецъ отъ этого пожара, оконныя стекла дворца до того накалились, что къ нимъ нельзя было прикоснуться. Поставленные на крышахъ солдаты едва успѣвали тушить и сбрасывать головни, сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ на дворецъ. Наполеонъ молчалъ, когда окружавшія его лица совѣтовали ему удалиться изъ Кремля. Казалось, онъ не хотѣлъ оставить дворца русскихъ царей. Пожаръ Замоскворѣчья, бывшій прямо передъ окнами дворца, произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Въ ночь съ 5 на 6 сентября загорѣлось Замоскворѣчье. Мосты на рѣкѣ, также барки съ хлѣбомъ охватились огнемъ. Общее пламя какъ будто слилось раскаленной лавой и обвилось яркимъ вѣнцомъ [illegible] ъ несчастной Москвою. Глазамъ Наполеона представилось волнующееся огненное море, въ волнахъ котораго погибали городскія зданія. Отъ разрѣженія воздуха образовались страшные вихри съ огнемъ, кружившимся надъ Замоскворѣчьемъ и далеко несшимъ горящія головни пожара.

Съ колоколенъ обрывались колокола и падали съ глухимъ стонущимъ звономъ... Особенно ярко горѣлъ казенный винный дворъ и сальный заводъ. Пламя впилось въ нихъ и охватило жадно своими огненными языками. Змѣями извивалось оно по крышамъ зданій, выкидываясь въ окна; при чемъ выбрасываемыя силою газовъ винныя бочки съ трескомъ лопались въ воздухѣ, объятыя пирамидальнымъ голубымъ огнемъ, словно огромныя римскія свѣчи фейерверка. По улицамъ потекли огненныя рѣки. Голуби кружились надъ огнемъ, ища спасенія. Собаки, воя, метались по улицамъ, а разнузданныя лошади съ ржаніемъ неслись въ разныя стороны, спасаясь отъ огня. Особенно безпокойно провелъ Наполеонъ вторую ночь въ Кремлѣ. Въ сильномъ волненіи расхаживалъ онъ по заламъ дворца и нѣсколько разъ изъ кабинета императора Александра выходилъ на террасу, обращенную къ Москвѣ-рѣкѣ; но видъ огненнаго океана производилъ на него страшное впечатлѣніе, и онъ, глубоко взволнованный, возвращался въ комнаты дворца. Въ весьма немногихъ мѣстахъ пожара можно было разсмотрѣть крыши еще не загорѣвшихся строеній и колоколенъ; а вправо отъ Грановитой палаты, за кремлевской стѣной, подымалось до небесъ облако густого чернаго дыма и слышенъ былъ трескъ разрушавшихся стѣнъ и падавшихъ крышъ. Весь Кремль былъ наполненъ солдатами Наполеоновской гвардіи, одни изъ которыхъ тушили искры и головни, а другіе стояли наготовѣ къ выступленію изъ Кремля. Лошади были осѣдланы и запряжены,—все было готово оставить Кремль и вывезти изъ него снаряды и военные запасы. Но Наполеонъ не хотѣлъ оставить Кремля... Вдругъ разнесся слухъ, что

подъ Кремлемъ устроены мины и раздался крикъ: «Кремль горитъ!» Наполеонъ вышелъ изъ дворца на Сенатскую площадь, чтобы лично убѣдиться въ опасности. Оказалось, что горѣла Троицкая башня, близъ арсенала. Хотя усиліями гвардіи этотъ пожаръ скоро былъ потушенъ, но всякую минуту могли вспыхнуть новые. Мюратъ, Евгеній Богарне и Бертье умоляли Наполеона выѣхать изъ Кремля, но всѣ просьбы были напрасны. Наконецъ загорѣлся арсеналъ... Тамъ нашли русскаго, привели къ Наполеону, который самъ допрашивалъ его и отдалъ на штыки солдатамъ—это былъ арсенальный сторожъ!



Place de Moscou.

AU NOM DE L'EMPEREUR.

Le Général de Division, Comte de l'Empire,
Commandant la place de Moscou,

ordonne que le Sr. Massaloff ancien et vrai général russe ingénieur

soit respecté dans sa personne et ses propriétés et que protection lui soit accordée par les corps de garde et les patrouilles.

Moscou le 20 Septbre 1812

Le Comte de Mikhaud

Пропускъ, выданный генералу Масолову на выѣздъ изъ Москвы французскимъ комендантомъ столицы.

«Слово «невозможно»,—говорилъ обыкновенно Наполеонъ,—не находится въ моемъ словарѣ», но теперь пришлось и его включить туда, когда Бертье представилъ, что если онъ не выѣдетъ изъ Кремля, а Кутузовъ атакуетъ армію, то онъ, императоръ, окажется отрѣзаннымъ отъ нея...

Наполеонъ рѣшился оставить Кремль и приказалъ провести себя въ Петровскій дворецъ, но легче было приказать, чѣмъ это сдѣлать: кругомъ было цѣлое море огня, закрывавшее всѣ выходы изъ Кремля. Наконецъ нашли проходъ къ Москвѣ-рѣкѣ, черезъ который Наполеонъ и его свита, и гвардія вышли. Офицеры свиты предлагали Наполеону

покрыть его плащомъ и пронести на рукахъ, но онъ отказался и разрѣшилъ вопросъ о томъ, какъ выбраться, смѣло кинувшись впередъ. Приходилось пройти черезъ огненную арку пламени, обжигавшаго лицо, а главное руки, которыми закрывались отъ искръ, поминутно падавшихъ на платье и голову.

На счастье, солдаты, грабившіе поблизости, узнали Наполеона и указали ему дорогу изъ огня. Его волосы были опалены, платье прожжено во многихъ мѣстахъ, обожжены руки... За Наполеономъ все главное начальство перешло

Наполеонъ, идущій сквозь пожаръ Москвы.

также въ Петровскій дворецъ. Генералъ-интендантъ Дюма такъ разсказываетъ о своемъ бѣгствѣ туда. «Мы вышли изъ Москвы подъ настоящимъ огненнымъ дождемъ; вѣтеръ былъ такъ силенъ, что срывалъ съ крышъ и разбрасывалъ раскаленное желѣзо; наши лошади пережгли свои ноги. Нельзя себѣ даже представить безпорядка этого стремительнаго бѣгства. Шумъ пожара можно было уподобить только реву волнъ— это была настоящая буря на огненномъ морѣ. Вся дорога до Петровскаго дворца была усѣяна всевозможными обломками, особенно осколками бутылокъ, набросанныхъ солдатами. Мы стали бивуакомъ на опушкѣ лѣса, откуда смотрѣли на это настоящее подобіе ада. Весь громадный городъ

представлялъ одну сплошную огненную равнину, пылали небо и весь горизонтъ».

Послѣ пятидневнаго пребыванія въ Петровскомъ дворцѣ Наполеонъ снова возвратился въ Москву. Надобно замѣтить, что съ самаго вступленія своего въ Кремль и за время пребыванія въ Петровскомъ Наполеонъ не сдѣлалъ ни одного военнаго распоряженія, очевидно, настолько онъ былъ подавленъ впечатлѣніемъ пожара, что не зналъ, на что рѣшиться. Пріѣхавъ снова въ Москву, Наполеонъ былъ пораженъ, что отъ огромнаго города остались только груды развалинъ да кое-гдѣ торчали трубы; тяжелая, невыносимо-смрадная атмосфера стояла надъ этимъ обуглившимся городомъ. Горы золы и пепла и остатки полуразрушенныхъ стѣнъ или колоннъ да обгорѣлыхъ деревьевъ садовъ указывали направленіе улицъ.

Наполеонъ увидѣлъ, что вся его гвардія разбрелась по Москвѣ, такъ какъ его проѣздъ былъ затрудненъ множествомъ мародеровъ, искавшихъ добычи. Солдаты толпились у входовъ во всѣ погреба богатыхъ домовъ. Ему поминутно преграждали дорогу обломки всевозможной мебели, и разныя награбленныя вещи, брошенныя грабителями въ виду чего-нибудь болѣе цѣннаго. Онъ молча проѣхалъ мимо всего этого. Однако скоро безпорядокъ достигъ крайнихъ предѣловъ, и Наполеонъ рѣшился принять суровыя мѣры, нѣсколько помогшія дѣлу. Вообще послѣ возвращенія изъ Петровскаго дворца въ Москву Наполеонъ сталъ бодрѣе, веселѣе, что отразилось и на всѣхъ къ нему приближенныхъ. Даже въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ домовъ, именно Позднякова, на Никитской улицѣ, былъ устроенъ театръ для солдатъ и офицеровъ.

VII.

Въ теченіе трехъ дней сгорѣло въ Москвѣ 6.496 зданій. 5 сентября пожары начали утихать, а въ ночь на 6-е число пошелъ сильный дождь, продолжавшійся еще съ большей силой и весь день 6 сентября. Вѣтеръ стихъ, и пожары прекратились. Въ воскресенье, 8 сентября, Наполеонъ возвратился въ кремлевскій дворецъ. Но по всей Москвѣ продолжался необузданный грабежъ; многіе обыватели прибѣгали съ жалобами и за помощью къ французскому начальству. Французы не только отнимали у погорѣльцевъ ихъ имущество, спасенное отъ пожара, но часто ихъ же самихъ заставляли тащить за собою ограбленныя у нихъ вещи, сопровождая свои приказанія ругательствами и побоями. Женщины не только подвергались грабежу, но и насилію. Въ своихъ «Запискахъ» С. Я. Масловъ говоритъ: «Двѣ до-

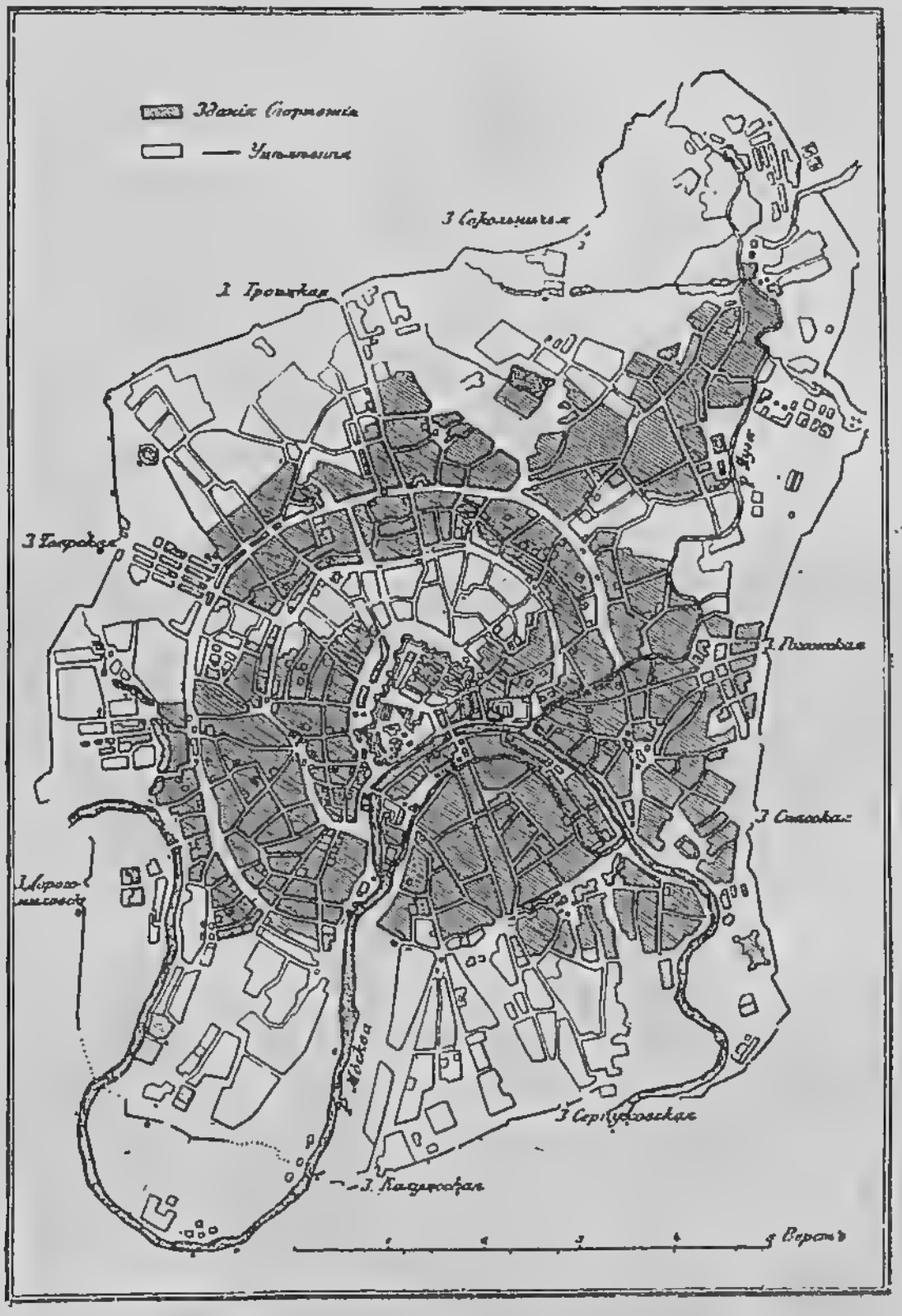
чери одного почтеннаго гражданина, будучи преслѣдуемы злодѣями, бѣжали отъ нихъ къ берегу Москвы-рѣки и, не видя себѣ ниоткуда спасенія, бросились одна за другою въ глубину, и смертію своею сберегли честь и невинность. Въ церквахъ отправлялась служба, стеченіе народа было невѣроятное, и кажется, что многіе давно такъ усердно не маливались, какъ въ тотдашнее время. Каждый день, какъ узналъ я послѣ, было множество причастниковъ, и всѣ русскіе исповѣдывались, какъ бы ежеминутно ожидая смерти».

Нѣкоторые москвичи скрывались въ уцѣлѣвшихъ отъ огня домахъ, занятыхъ французами. Нашедшіе себѣ пріютъ охотно принимали къ себѣ и другихъ несчастныхъ и братски дѣлились съ ними и помогали имъ всѣмъ, чѣмъ могли. Многіе жители скрывались въ кое-гдѣ уцѣлѣвшихъ развалинахъ, въ надворныхъ постройкахъ, въ сараяхъ, ямахъ и погребахъ, откуда выходили только по ночамъ для добыванія себѣ пищи. Много народа оставалось подъ открытымъ небомъ, въ садахъ, огородахъ, пустыряхъ и на кладбищахъ.

Девяностодвухлѣтній старецъ, дѣйствит. ст. сов. Вас. Вас. Нероновъ жилъ въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ. Уже нѣсколько лѣтъ не оставлялъ онъ постели своей и при занятіи столицы непріятелемъ не имѣлъ времени выѣхать изъ Москвы. Домъ его уцѣлѣлъ отъ пожара, но назначенъ былъ для жилья одному французскому генералу, который приказалъ выбросить бѣднаго старика на улицу. Вся его прислуга со страха разбѣжалась; при немъ осталось лишь два лакея, которые отнесли его въ ближнюю церковь. Тамъ пролежалъ онъ между мертвыми и умирающими людьми, посреди дохлыхъ лошадей около недѣли. Между тѣмъ, какъ одинъ служитель не оставлялъ одра несчастнаго старца, другой ходилъ въ городъ по-міру и все, что могъ собрать, приносилъ своему господину. Наконецъ, видя, что церковь не доставляетъ имъ безопаснаго убѣжища, рѣшились они выйти изъ города. Въ одну темную ночь подняли господина своего на руки, прошли благополучно черезъ заставу и пронесли его такимъ образомъ болѣе сорока верстъ до деревни, гдѣ удалось имъ сдѣлать носилки, нанять людей и донести Неронова до Рязани.

Въ своихъ письмахъ къ Ланской г-жа Волкова разсказываетъ, что старикъ Кульманъ, «не будучи извѣщенъ полиціей о сдачѣ Москвы, остался въ городѣ. Въ первые же три дня по вступленіи французовъ его ограбили, сожгли его домъ,—словомъ, онъ всего лишился. Въ лохмотьяхъ, питаясь тѣмъ, что французы выбрасывали на улицу, въ отчаяніи, онъ просилъ принять его въ лѣкаря въ одинъ изъ Наполеоновскихъ госпиталей. Это доставило ему способъ существовать въ теченіе ужасныхъ шести недѣль, которыхъ не забудетъ ни одинъ русскій. Когда французы удалились, и наши

власти вернулись въ городъ, Кульмана схватили и посадили въ тюрьму. Оттуда онъ написалъ матушкѣ письмо, раздирающее душу. Этотъ несчастный человѣкъ, служившій сорокъ лѣтъ на мѣстахъ, на которыхъ онъ могъ разжиться въ теченіе года, не взялъ ни гроша. Уѣзжая изъ Москвы, мы оставили его въ довольно жалкомъ положеніи. Несмотря на свою честность и безкорыстіе, онъ попалъ въ такое положеніе, изъ котораго лишь Богъ можетъ его вывести, и все это благодаря вѣтрености и неразумію, столь стран-

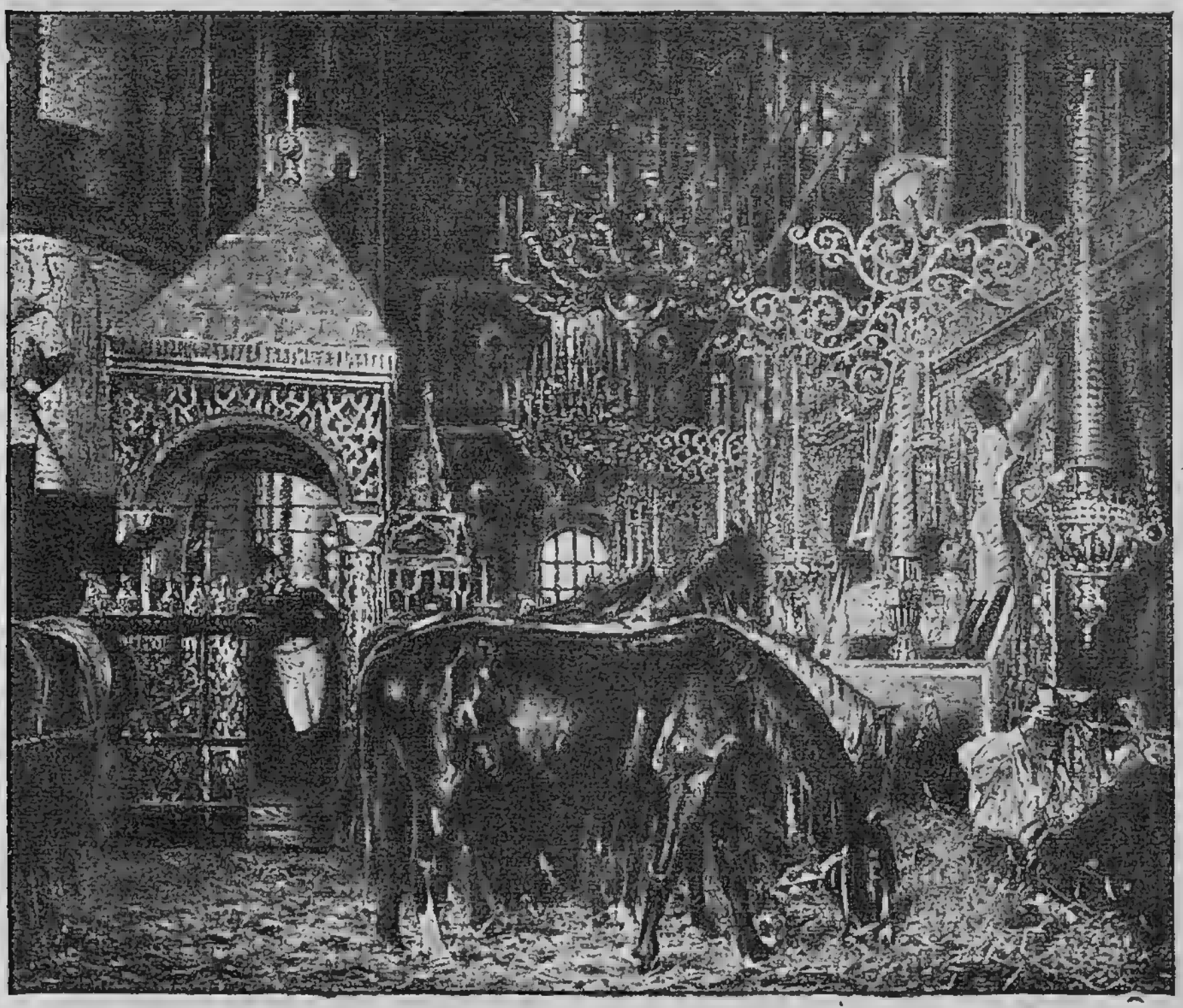


Планъ сгорѣвшихъ зданій Москвы.

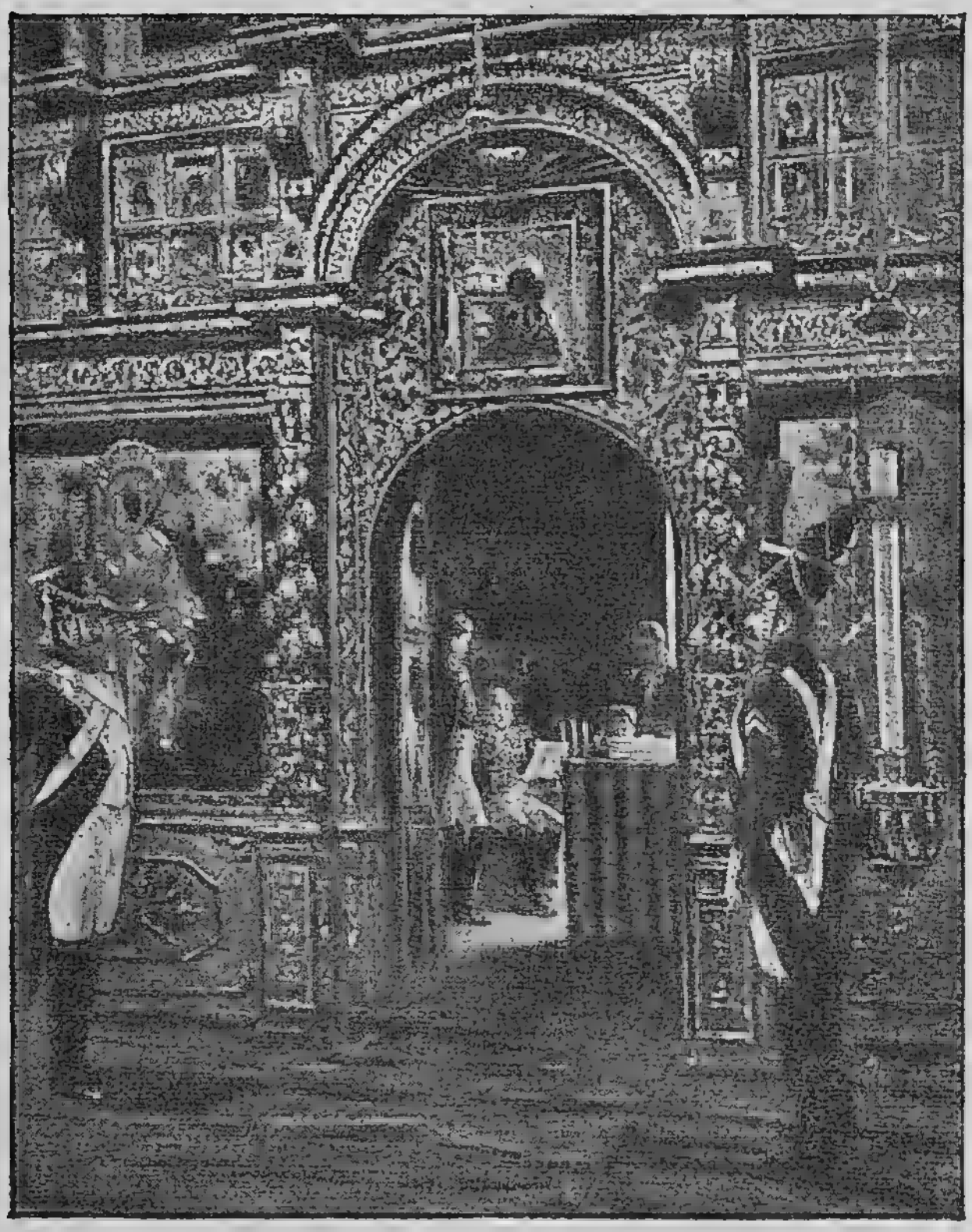
нымъ въ старикѣ и столь намъ извѣстнымъ.—Знаешь ли, что сдѣлали французы изъ гостиныхъ Разумовскихъ, о которыхъ ты упоминаешь въ письмахъ твоихъ (надѣюсь, что мы когда-нибудь въ нихъ встрѣтимся). Въ третьемъ этажѣ, въ кабинетѣ графа они устроили бойню; по уходѣ ихъ тамъ нашли зарѣзанныхъ коровъ и телятъ. Въ нижнемъ этажѣ были конюшни; въ среднемъ, на убранство котораго графъ прошлымъ лѣтомъ положилъ огромныя деньги, они все истребили. Петровское исчезло; тамъ происходили ужасы,

отъ которыхъ дыбомъ становятся волосы. Московскія кладовыя были въ цѣлости до октября; въ эту пору одна изъ служанокъ влюбилась въ какого-то негодяя-поляка, открыла ихъ разбойникамъ, равно и погреба,—словомъ, мѣста, гдѣ что-либо хранилось. Потеря Разумовскихъ простирается почти до двухъ милліоновъ. Ежели желаешь составить себѣ понятіе объ образованнѣйшемъ народѣ, называющемъ насъ варварами, прими къ свѣдѣнію, что во всѣхъ домахъ, гдѣ жили французскіе генералы и высшіе чины, спальни ихъ служили также чуланами, конюшнями и даже кое-чѣмъ хуже. У Валуевыхъ въ этомъ отношеніи такъ домъ отдѣлали, что въ немъ дышать нельзя и все ломать надо».

Не одни дома во время пребыванія въ Москвѣ французовъ подверглись разграбленію и поруганію,—храмы Кремля не избѣжали этого. Всѣ церкви были ограблены; въ Успенскомъ соборѣ вмѣсто паникадила висѣли большіе вѣсы, на которыхъ французы взвѣшивали выплавленное золото и серебро изъ награбленныхъ церковныхъ сокровищъ, ризъ, окладовъ, чашъ и проч. Тутъ же стояли плавильные горны и были устроены стойла для лошадей. Въ храмахъ Спаса-на-Бору и



Конюшня въ Успенскомъ соборѣ.



Даву въ Чудовомъ монастырѣ.

Николы Гостунскаго находились склады овса, сѣна и соломы для лошадей самого Наполеона. Въ Верхоспасскомъ соборѣ стояли кровати, а престолъ его служилъ обѣденнымъ столомъ. Маршалъ Даву не разъ устраивалъ себѣ спальню въ алтарѣ главнаго храма въ Чудовомъ монастырѣ. Мало этого, иконы употребляли на дрова или бросали въ ретирады, а въ церкви Голицынской больницы, на алтарѣ, нашли мертвую дѣвочку одиннадцати лѣтъ, бывшую жертвою самаго гнуснаго злодѣйства. Относительно жившихъ въ Москвѣ старообрядцевъ сохранилось преданіе, что они отправили отъ себя депутатовъ въ Кремль съ подарками и съ переводчикомъ, которому поручили объяснить, что они составляютъ общество древнихъ христіанъ, притѣсняемое русскимъ правительствомъ, но имѣющее во всей Россіи своихъ единовѣрцевъ, къ числу которыхъ принадлежитъ почти весь русскій народъ, и что, покоряясь Наполеону и признавая его власть, они просятъ оградить ихъ, равно и ихъ жилища и собственность

отъ грабежа и насилія. Преданіе утверждаетъ, что Наполеонъ посѣтилъ Преображенское кладбище съ Мюратомъ и свитою, и старики, подъ предводительствомъ попечителя секты «безпоповцевъ», Алексѣя Никифорова, поднесли при этомъ Наполеону хлѣбъ-соль. Измѣнниковъ изъ числа русскихъ, оставшихся въ Москвѣ, было немного, а изъ дворянъ почти никого, за исключеніемъ шталмейстера Загряжскаго, нарочно оставшагося въ столицѣ, чтобы услуживать французамъ, особенно другу будто бы своему Коленкуру, и часто бывавшаго въ своемъ шитомъ золотомъ мундирѣ у Наполеона; можно еще назвать также Самсонова, прислуживавшаго Даву.

Московское духовенство держало себя съ достоинствомъ за исключеніемъ священника Новинскаго монастыря Пылаева, который вызвался отслужить въ Успенскомъ соборѣ литургію подъ архіерейскимъ облаченіемъ, такъ какъ Наполеонъ пожелалъ видѣть архіерейскую службу.

Были проходимцы, эксплуатировавшіе затруднительное положеніе непріятеля и самаго Наполеона; такъ явился въ Кремль полякъ, казавшійся человѣкомъ хорошаго общества, и заявилъ, что онъ подосланъ русскимъ главнокомандующимъ для развѣдокъ. Наполеонъ лично продиктовалъ ему отвѣты на всѣ вопросы, будто бы заданные русскимъ генераломъ, вручилъ ихъ незнакомцу, хорошо наградивъ его, а тотъ не возвратился. Также нѣкая красивая дама, музыкантша, назвавшаяся нѣмецкою баронессой, предложила тоже свои услуги, получила нѣсколько тысячъ франковъ и пропала.

Московскій купецъ Осиповъ поднесъ Наполеону хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ, за что домъ его не велѣли трогать и ему данъ былъ подрядъ по поставкѣ продовольствія. Но когда для исполненія даннаго ему порученія онъ потребовалъ необходимое число подводъ, Наполеонъ приказалъ ему сказать, что повѣситъ его, если онъ станетъ разсуждать.

Купецъ Находкинъ, принявшій на себя должность городского головы, былъ награжденъ за свои услуги ста тысячью рублями фальшивыми ассигнаціями, но деньги впрокъ ему не пошли.

Совсѣмъ иное поведеніе было купца Жданова. По внушенію вышеупомянутаго Самсонова, прислужника маршала Даву, ему было поручено этимъ послѣднимъ итти въ Калугу, разсмотрѣть и разспросить, сколько русской арміи, кто начальникъ ея, кто начальникъ частей, куда идетъ армія. Укомплектованы ли полки послѣ Бородинскаго сраженія? подходятъ ли еще войска? Что говоритъ народъ о мирѣ? Разгласить, что въ Москвѣ хлѣбъ весь цѣлъ. Распустить слухъ, что хотятъ зимовать въ Москвѣ. Если русская армія идетъ на Смоленскую дорогу, то, не доходя до Калуги, возвратиться въ Москву какъ можно скорѣе. Вернувшись, ни въ чемъ

Возвращеніе Наполеона въ Кремль изъ Петровскаго дворца.

не лгать, говорить только о томъ, что подлинно видѣлъ и слышалъ. Данное порученіе никому не открывать и даже женѣ не говорить, куда идетъ. Явившись назадъ, на первомъ французскомъ постѣ объявить о себѣ, для представленія князю Экмюльскому. Въ случаѣ успѣшнаго возвращенія Жданову было обѣщано 1.000 червонцевъ награды и домъ въ Москвѣ, а въ случаѣ его измѣны должно было отвѣтить за него семейство, оставшееся въ Москвѣ въ видѣ заложника. Ждановъ не испугался явиться къ Милорадовичу открыть причину, по которой былъ выпущенъ изъ Москвы, и разсказалъ о данномъ ему порученіи французами. Его успокоили, обласкали, вдобавокъ, какимъ-то чудомъ и семья Жданова осталась цѣла. Тревожное положеніе и неизвѣстность будущаго смущали Наполеона, его маршаловъ и солдатъ. Исторія говоритъ, что во время своего пребыванія въ Кремлѣ Наполеонъ задумывалъ походъ на Петербургъ, но затѣмъ оставилъ эту мысль, убѣдясь въ ея полной неосуществимости. Между тѣмъ упадокъ и разстройство дисциплины въ рядахъ французской арміи увеличивались. Недостатокъ въ Москвѣ съѣстныхъ припасовъ и наступившіе ранніе холода еще болѣе усиливали деморализацію арміи.

Наполеонъ, желая отклонить отъ себя нареканія въ пожарѣ Москвы, учредилъ комиссію для суда надъ 26 русскими, которыхъ французы назвали поджигателями. Комиссія въ своемъ опредѣленіи говорила: «Послѣ сраженія при Можайскѣ графъ Ростопчинъ, увѣренный въ скоромъ прибытіи французской арміи, рѣшился сжечь столицу всѣми средствами, находившимися въ его власти». Между разными объявленіями его къ жителямъ, примѣчательны слѣдующія: «Вооружитесь, чѣмъ бы то ни было, особливо вилами; оружіе это тѣмъ болѣе способно противъ французовъ, что оно не тяжелѣе соломеннаго снопа; если не побѣдимъ враговъ, то сожжемъ ихъ въ Москвѣ, когда они осмѣлятся войти въ столицу». Для вѣрнѣйшаго достиженія цѣли графъ Ростопчинъ прежде своего отъѣзда велѣлъ выпустить изъ тюрьмы до 800 преступниковъ. Свобода дана имъ была съусловіемъ—поджечь городъ въ 24 часа послѣ вступленія французскихъ войскъ. Офицеры русской арміи и полицейскіе получили тайно приказъ остаться въ Москвѣ, переодѣтыми, чтобы дать сигналъ къ пожару и распоряжаться имъ. Доказано, что графъ Ростопчинъ для отнятія всѣхъ средствъ къ тушенію огня приказалъ вывезть поутру 2 сентября всѣ пожарныя трубы, крючья и ведра. Разные зажигательные составы, особенно замки или пузыри, наполненные фосфоромъ и обвернутые въ холстину, обсыпанную сѣрою, которые были запрятаны въ домахъ, явно доказываютъ, что пожаръ произошелъ отъ намѣренія, принятаго заблаговременно. Фитили и ракеты, найденные у многихъ солдатъ и захваченныхъ людей разнаго

званія, открыли настоящихъ зачинщиковъ пожара. Большая часть ихъ, пойманные при самомъ преступленіи, тотчасъ были разстрѣляны французскими патрулями или убиты на мѣстѣ жителями. Комиссія совѣщалась при закрытыхъ дверяхъ, въ присутствіи только прокурора, приговорила 10 обвиняемыхъ къ смертной казни, которая немедленно и была приведена въ исполненіе, а остальныхъ 16 осудила къ тюремному заключенію.

Масловъ въ «Запискахъ» описываетъ казнь этихъ поджигателей: «Подъ карауломъ одной роты солдатъ обвиненные, въ числѣ 18 человѣкъ, были приведены на дворъ г. Кожина,

Разстрѣлъ поджигателей.

что недалеко отъ дома главнокомандующаго. Поставивъ ихъ на равное мѣсто, французы отошли на нѣсколько шаговъ, зарядили ружья и ждали приказанія. Блѣдность обвиненныхъ показывала ихъ жалостное состояніе. Въ безмолвномъ отчаяніи они обращали взоры свои на ближайшую Козьмы и Даміана церковь и, молясь со слезами предъ образомъ Спасителя, рѣшительно дожидались послѣдней минуты. Наконецъ приговоръ совершонъ, и обвиненныхъ не стало; но когда еще многіе изъ нихъ боролись со смертью, привели на казнь одного молодого человѣка, коего отчаяніе, вопль и слезы обращали на себя вниманіе даже самихъ исполнителей

оной. Заклиная всѣмъ, что есть свято, свою невинность, онъ падалъ къ ногамъ офицера, умолялъ его пощадить жизнь хотя для несчастнаго семейства, хотѣлъ увѣрить, что онъ обвиненъ несправедливо. Но что значатъ жалобы предъ людьми, жаждущими крови невинныхъ!»

Распространенію пожара Москвы способствовали и французскіе поджигатели, чему можетъ служить неоспоримымъ доказательствомъ донесеніе начальника воспитательнаго дома—Тутолмина, который по повелѣнію императрицы Маріи Ѳеодоровны остался въ Москвѣ, съ малолѣтними воспитанниками, отправивъ заблаговременно въ Казань имѣвшихъ отроду болѣе 11 лѣтъ. При вступленіи непріятеля въ Москву, французскій комендантъ Дюронель, по просьбѣ Тутолмина, поставилъ въ воспитательный домъ для охраны 12 жандармовъ съ офицеромъ. Когда загорѣлась Москва, Тутолминъ, стараясь сохранить отъ огня зданіе воспитательнаго дома, разставилъ воспитанниковъ и надзирателей, съ шайками и вѣниками, гасить искры, сыпавшіяся, какъ снѣгъ, и заливать загоравшіяся мѣста. «Такимъ образомъ былъ спасенъ домъ,—доносилъ онъ императрицѣ,—но невозможно было спасти нашей аптеки, со всѣмъ строеніемъ и медикаментами, ибо, когда я и подчиненные мои съ помощью пожарныхъ трубъ старались загасить огонь, тогда французскіе зажигатели поджигали съ другихъ сторонъ вновь. Нѣкоторые изъ стоявшихъ въ домѣ жандармовъ, оберегавшихъ меня, сжалившись надъ нашими трудами, сказали мнѣ: *оставьте, приказано сжечь*. Послѣ чего все обратилось въ пламя, и не было возможности спасти аптеки. По окончаніи того ужаснаго пожара я все еще оставался въ величайшей опасности, ибо не переставали ходить французскіе зажигатели около дома».

Мародерство французовъ заставило губернатора Лессепса возложить на муниципалитетъ, члены котораго носили на рукавахъ перевязи изъ бѣлыхъ и красныхъ лентъ, слѣдующія рубрики: «Спокойствіе и тишина», «Закупки», «Правосудіе», «Попеченіе», «Надзоръ за бѣдными» и т. д. Прокламаціи же къ жителямъ самого Лессепса, напечатанныя на русскомъ и французскомъ языкахъ, съ восхваленіемъ мудрости, милосердія и великодушія Наполеона, приглашавшія возвратиться въ свои дома, мирно предаться прежнимъ занятіямъ, не имѣли никакого дѣйствія. Вступить въ торговыя сношенія съ окрестными жителями точно такъ же не удалось отчасти изъ-за недостатка безопасности въ городѣ, отчасти оттого, что сами крестьяне строго относились къ тѣмъ изъ нихъ, кто пробовалъ завязывать эти сношенія: ихъ наказывали смертью, какъ измѣнниковъ родинѣ и царю.

Вотъ почему французамъ приходилось мародерствовать въ деревняхъ, расположенныхъ близко отъ Москвы. Г-жа Ланская пишетъ, что имѣніе ихъ Высокое, расположенное между Клиномъ и селомъ Пятницей, осталось цѣлехонько, тогда какъ «въ деревняхъ, находящихся верстахъ въ 12 и 14 отъ него, ежегодно убивали сотни мародеровъ, а въ Высокомъ не видали ни одного солдата, какъ будто война велась въ Америкѣ», но такихъ имѣній было немного, такъ какъ сама владѣлица его добавляетъ въ своемъ письмѣ, что «во всей Московской губерніи врядъ ли найдется два имѣнія, уцѣлѣвшія подобно нашему».

Другое было такое имѣніе М. И. Прянишниковой, сельцо Владимирово, по Серпуховской дорогѣ, въ 40 верстахъ отъ Москвы, которое осталось невредимо отъ общаго разоренія благодаря вѣрности и находчивости крестьянъ. Когда явились въ него французы, которые стали перерывать книги въ библіотекѣ, ища въ нихъ денегъ, крестьяне прибѣгли къ хитрости: собрались толпою и крикнули: «Казаки, казаки!» Французы бросились на лошадей и ускакали.

Наполеонъ, живя въ кремлевскомъ дворцѣ, предавался различнымъ фантазіямъ; такъ онъ велѣлъ собрать свѣдѣнія о Пугачевѣ, чтобы произвести волненіе въ Россіи среди крѣпостныхъ людей. Съ тою же цѣлью—возбудить волненіе среди татаръ противъ Россіи—онъ посылалъ своихъ шпіоновъ въ Казань, но всѣ эти планы успѣха не имѣли.

Обѣды Наполеона въ Кремлѣ длились долго, вопреки прежнему обыкновенію недолго сидѣть за столомъ. По вечерамъ, окруженный свитою, онъ иногда игралъ въ двадцать одно или ходилъ взадъ и впередъ по ярко освѣщенной залѣ дворца, говоря о литературѣ и театрѣ. Впрочемъ, въ Кремлѣ театральныхъ представленій не было, но въ устроенномъ концертномъ залѣ пѣлъ итальянскій пѣвецъ, жившій въ Москвѣ и ранѣе, Тарквиніо и игралъ піанистъ Мартини. За завтракомъ Наполеонъ слушалъ доклады объ успѣхѣ театральныхъ представленій и даже еще 7 октября, т.-е. наканунѣ оставленія Москвы, разсуждалъ о томъ, чтобы выписать изъ Парижа въ Москву нѣсколько актеровъ и актрисъ, и составлялъ ихъ списокъ.

Разсуждая съ графомъ Нарбонномъ о характерѣ Петра Великаго, Наполеонъ сказалъ: «Какую трагедію могъ бы создать даровитый писатель изъ Петра Великаго, этого гранитнаго мужа, твердаго, какъ основаніе Кремля, человѣка, который создалъ просвѣщеніе Россіи и ея вліяніе на Европу и который заставилъ меня, черезъ сто лѣтъ послѣ его смерти, предпринять эту ужасную экспедицію. Я прихожу въ изумленіе, когда думаю, что въ этомъ самомъ дворцѣ 20-лѣтній Петръ безъ совѣтниковъ, почти безъ образованія, въ виду гордой правительницы и старыхъ русскихъ бояръ, захваты-

ваетъ власть и, задумавъ сдѣлать ее побѣдоносною и завоевательною, уничтожаетъ стрѣльцовъ. Какой примѣръ нравственной силы! Какъ бы хорошо было увидать на сценѣ, какъ молодой Петръ, котораго считали преданнымъ грубымъ удовольствіямъ, приводитъ въ исполненіе дѣло 18 Брюмера при своемъ дворѣ, посылаетъ въ монастырь гордую Софью и въ одно время создаетъ мирныя и военныя учрежденія, начинаетъ войну, устраиваетъ армію и флотъ и строитъ новую столицу Россіи! Что касается до особенностей его генія, то онѣ никѣмъ не были поняты. Не замѣтили, что онъ пріобрѣлъ то, чего недостаетъ рожденнымъ на престолѣ,—славу новаго человѣка, достигшаго до трона со всѣми испытаніями, соединенными съ этой славой. Онъ добровольно сдѣлался артиллерійскимъ поручикомъ, чѣмъ и я былъ. Это не была комедія. Онъ оставилъ страну, чтобы освободить себя на нѣкоторое время отъ короны, чтобы испытать жизнь частнаго человѣка и постепенно дойти до величія. Онъ самъ сдѣлалъ для себя то, что дала мнѣ судьба. И несмотря на то, какое было испытаніе этому генію! Подумайте: такой человѣкъ на берегахъ Прута, во главѣ войскъ, имъ самимъ созданныхъ, допустилъ себя окружить турецкой арміи, лишить способовъ продовольствія и едва не взять себя въ плѣнъ! Такія необъяснимыя затменія случаются съ великими людьми».

Воспоминаніе о Петрѣ на Прутѣ намекало на положеніе самого Наполеона и его арміи въ Кремлѣ. Но на замѣчаніе объ этихъ обстоятельствахъ Нарбонна, графъ получилъ такой отвѣтъ Наполеона:

«Я имѣю причины надѣяться на заключеніе мира; но заключимъ мы его или нѣтъ, во всякомъ случаѣ есть предѣлъ нашему пребыванію въ Москвѣ. Наши войска отдохнули и переустроены; время стоитъ хорошее, и мы имѣемъ возможность отойти къ Смоленску, соединиться на пути съ нашими подкрѣпленіями и расположиться на зимнихъ квартирахъ въ Польшѣ и Литвѣ. Есть еще и другой способъ, который предлагаетъ Дарю, и я называю его *львинымъ совѣтомъ*: собрать провизію, убить и посолить всѣхъ нашихъ лошадей, зимовать въ Москвѣ и весною снова начать наступательныя дѣйствія. Но я не соглашаюсь съ этимъ предложеніемъ. Можно ходить далеко, но не слѣдуетъ оставаться долго внѣ своего дома. Парижъ призываетъ меня сильнѣе, нежели манитъ Петербургъ. Будьте довольны, любезный графъ: скоро уйдемъ съ миромъ или безъ него». Однако попытки, сдѣланныя Наполеономъ заключить миръ съ императоромъ Александромъ, оказались неудачными, какъ и слѣдовало ожидать. Письмо Наполеона, отправленное имъ чрезъ отставного гвардейскаго капитана И. А. Яковлева (братъ котораго былъ нашимъ посломъ при Гессенъ-Кассельскомъ дворѣ), осталось безъ отвѣта, точно такъ же, какъ и посылка

генерала графа Лористона, бывшаго ранѣе французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, къ Кутузову съ мирными предложеніями не имѣла никакого успѣха.

Государь, получивъ донесеніе Кутузова о появленіи Лористона въ русской главной квартирѣ, изъявилъ ему свое неудовольствіе въ собственноручномъ слѣдующемъ письмѣ: «Изъ донесенія вашего, съ княземъ Волконскимъ полученнаго, извѣстился я о бывшемъ свиданіи вашемъ съ французскимъ генералъ-адъютантомъ Лористономъ. При самомъ отправленіи вашемъ къ ввѣреннымъ вамъ арміямъ, изъ личныхъ моихъ съ вами объясненій, извѣстно вамъ было твердое и настоятельное желаніе мое устраняться отъ всякихъ переговоровъ и клоня-
щихся къ миру сношеній съ непріятелемъ. Нынѣ же, послѣ сего происшествія, долженъ съ такою же рѣшимостью повторить вамъ, дабы сіе принятое мною правило было во всемъ его пространствѣ строго и непоколебимо вами соблюдаемо. Всѣ свѣдѣнія, отъ меня къ вамъ доходящія, и всѣ предначертанія мои, въ указахъ на имя ваше изъясняемыя, и, однимъ словомъ, все убѣждаетъ васъ въ твердой моей рѣшимости, что въ настоящее время никакія предложенія непріятеля не побудятъ меня прервать брань и тѣмъ ослабить священную обязанность: отомстить за оскорбленное отечество».

Князь Волконскій.

Императоръ Александръ, получа извѣстіе о Бородинскомъ сраженіи, отправилъ 31 августа къ Кутузову флигель-адъютанта Чернышева съ общимъ планомъ военныхъ дѣйствій, имѣвшимъ цѣлью запереть Наполеону выходъ изъ Россіи. Для этого предполагалось арміямъ, дѣйствовавшимъ на флангахъ театра войны, на Двинѣ и Западномъ Бугѣ, оттѣснить стоявшаго противъ нихъ непріятеля, затѣмъ направиться въ тылъ арміи Наполеона, атакованной одновременно съ фронта нашими главными силами. Планъ, привезенный Чернышевымъ, былъ выполненъ въ его основныхъ чертахъ, но главная задача, предначертанная государемъ, заградить Наполеону выходъ на берегахъ Березины, вслѣдствіе оши-

бокъ исполнителей, не была достигнута, и затравленный, хищный матерый звѣрь силою ума сумѣлъ обмануть бдительность Чичагова.

Наполеонъ, находясь въ Москвѣ, въ виду наступающей зимы дѣлалъ нѣкоторыя приготовленія, чтобы покинуть Бѣлокаменную. Въ это время съ колокольни Ивана Великаго въ Кремлѣ сняли крестъ, предполагая, что онъ золотой, чтобы увезти его въ числѣ трофеевъ въ Парижъ; точно такъ же Наполеонъ велѣлъ обобрать всѣ серебряныя и золотыя украшенія кремлевскихъ соборовъ. Мѣдныя деньги, найденныя въ Москвѣ, приказано было раздать французскимъ войскамъ; имъ же раздавались и фальшивыя русскія ассигнаціи сторублеваго достоинства, которыя хотѣли пустить въ обращеніе среди русскаго народа, но ассигнацій этихъ никто не бралъ, такъ какъ поддѣлка ихъ была груба и примѣтна съ перваго взгляда. Въ первыхъ числахъ октября больные и раненые французы были вывезены изъ Москвы по Смоленской дорогѣ. Однако Наполеонъ не желалъ, чтобы знали о его рѣшеніи оставить Москву. Онъ поручилъ Мюрату укрѣплять Кремль. Рѣшаясь бросить Москву, Наполеонъ въ злобѣ на непокорную столицу задумалъ сжечь въ ней всѣ уцѣлѣвшія зданія и взорвать Кремль съ его древними стѣнами, башнями, дворцами и святыми соборами. Исполненіе такой мысли поручено было маршалу Мортье. За часъ до оставленія Кремля Наполеонъ писалъ герцогу Бассано въ Вильну: «Съ выступленіемъ арміи въ походъ, завтра я рѣшу взорвать Кремль». Вспоминая этотъ фактъ, поэтъ Лермонтовъ сказалъ:

«Напрасно думалъ чуждый властелинъ
Съ тобою, семисотлѣтнимъ русскимъ великаномъ,
Помѣриться главою и обманомъ
Тебя низвергнуть. Тщетно поражалъ
Тебя пришлецъ: ты вздрогнулъ — онъ упалъ».

Пораженіе Мюрата подъ Тарутинымъ заставило Наполеона поспѣшно покинуть Москву. Съ высоты Воробьевыхъ горъ приказано было начальнику артиллеріи Ларибуассьеру всѣ оставшіеся въ Москвѣ, по выходѣ изъ нея французовъ, боевые снаряды, свинецъ, порохъ сосредоточить въ Кремлѣ. «Можетъ-быть, я еще возвращусь въ Москву», писалъ Наполеонъ, хотя самъ менѣе всѣхъ вѣрилъ этому возврату въ Кремль, наполненный порохомъ съ подведенными подъ него минами.

«Нельзя понять,—говоритъ Лабомъ,—какъ могъ Наполеонъ ослѣпнуть въ такой мѣрѣ, чтобы не понять необходимости немедленно уйти. Вѣдь онъ видѣлъ, что столица, на которую онъ разсчитывалъ, уничтожена, и что зима подходитъ; должно-быть, Провидѣніе, чтобы наказать его гордыню, по-

разило его разумъ. Какъ онъ могъ думать, что народъ, рѣшившійся все сжечь и уничтожить, будетъ настолько малодушенъ и недальновиденъ, что приметъ его тяжелыя условія и заключитъ миръ на дымящихся развалинахъ своихъ городовъ. По мѣрѣ упадка нашихъ силъ и энергіи дерзость казаковъ возрастала въ такой степени, что вблизи Москвы они наскочили на артиллерійскій транспортъ, слѣдовавшій изъ Вязьмы, и снова продѣлали такую же штуку съ артиллерійскимъ транспортомъ, шедшимъ изъ Италіи. Малѣйшій промежутокъ между войсками тотчасъ же захватывался этою татарскою ордой, пользовавшеюся всѣми выгодами позицій для проявленія самаго дерзкаго набѣга». Неаполитанскій король, кавалерія котораго была почти вся истреблена, ежедневно просилъ, чтобы что-нибудь было сдѣлано: или заключенъ миръ, или предпринято отступленіе. Но Наполеонъ не хотѣлъ ничего ни видѣть ни слышать...

«Очарованіе исчезло!—восклицаетъ графъ Сегюръ.—Простой казакъ разсѣялъ его: этотъ варваръ выстрѣлилъ въ Мюрата на аванпостахъ. Мюратъ разсердился и объявилъ Милорадовичу, что перемиріе, которое постоянно нарушается, не должно долѣе продолжаться и что съ этихъ поръ всякій будетъ заботиться о своихъ выгодахъ».

Положеніе французской арміи стало невыносимо, но Наполеонъ все-таки находилъ возможнымъ описывать положеніе дѣлъ Франціи и Европѣ тѣмъ же лаконическимъ языкомъ: «Одни думаютъ, что императоръ сожжетъ общественныя зданія, пойдетъ на Тулу и приблизится къ Польшѣ, чтобы оставаться на зимнихъ квартирахъ въ странѣ дружественной, въ которую все легко можно будетъ доставлять изъ магазиновъ Данцига, Ковно, Вильны и Минска. Другіе разсуждаютъ, что отъ Москвы до Петербурга 180 лье плохой дороги, а отъ Витебска до Петербурга только 130, что отъ Москвы до Кіева 218 лье, а отъ Смоленска до Кіева лишь 112 лье. Отсюда заключаютъ, что Москва, какъ стратегическій пунктъ, непригодна. Что же касается ея политической важности, то она ее утеряла, будучи сожжена и разорена на сто лѣтъ». «У непріятеля оказывается много казаковъ, которые безпокоятъ кавалерію... Все указываетъ на то, что надобно позаботиться о зимнихъ квартирахъ. Кавалерія особенно нуждается въ нихъ». Наконецъ сраженіе подъ Тарутинымъ открыло глаза Наполеону на игру съ нимъ русскихъ, и онъ немедленно рѣшился тогда уйти.

Придя къ селу Тарутино, на старой дорогѣ изъ Москвы въ Калугу и въ равномъ разстояніи отъ названныхъ городовъ, когда наша армія отступала сюда отъ Красной Пахры, «то существовала,—говоритъ А. Б. Голицынъ,—еще во всѣхъ движеніяхъ обѣихъ армій большая неопредѣленность. Движеніе Наполеона ничего рѣшительно не обнаруживало;

русская же армія, имѣя цѣлью защищать южныя губерніи и получать продовольствіе и подкрѣпленія свои, также держала Кутузова въ невѣдѣніи о будущихъ дѣйствіяхъ ея; всѣ соображенія такой небывалой кампаніи развивались съ каждымъ днемъ. Достигнута была одна цѣль: настоящая безошибочная центральная операціонная линія, которая преимуществомъ своимъ ободряла всѣхъ и давала Кутузову вѣрнѣйшія надежды въ будущихъ успѣхахъ. Такое положеніе заставило рѣшиться послѣдовать совѣту Беннигсена, чтобы атаковать авангардъ французской арміи, какъ вдругъ Толю донесъ подполковникъ Гартингъ, что подъ Тарутинымъ есть позиція, на которой можно будетъ дать сраженіе и твердо ожидать непріятеля».

Простое извѣщеніе это заставило Кутузова приказать продолжать отступленіе, чѣмъ онъ огорчилъ чрезвычайно Беннигсена, который вынудилъ Кутузова дать ему слово на наступательное дѣйствіе. Выиграть время и усыпить, елика можно долѣе, Наполеона, не тревожа его изъ Москвы,— вотъ чего добивался Кутузовъ. Все, что содѣйствовало къ этой цѣли, было имъ предпочитаемо пустой славѣ имѣть нѣкоторое превосходство надъ авангардомъ.

Въ день осмотра позиціи, которая вполнѣ удовлетворяла плану кампаніи Кутузова, старикъ былъ очень веселъ и въ первый разъ расчелъ важность предстоящей зимней кампаніи. Онъ позвалъ Толя и Коновницына и тутъ же отдалъ приказъ, чтобы губернаторы озаботились снабдить полушубками армію. Онъ сидѣлъ на скамейкѣ, пилъ чай и диктовалъ подробности этого распоряженія и много говорилъ о будущей зимней кампаніи, какимъ образомъ надобно беречь людей. Вдругъ пріѣзжаетъ Беннигсенъ съ лѣваго фланга этой позиціи и началъ доказывать невозможность принять на этомъ мѣстѣ сраженіе, возражая, впрочемъ, очень справедливо, какъ лѣвый флангъ слабъ, что все сраженіе, если оно будетъ, сосредоточено предъ нимъ, и что французская армія легко проберется на Малоярославецъ и будетъ имѣть свободную операціонную линію къ отступленію, куда пожелаетъ. Разговоръ продолжался долго, сперва разсуждали хладнокровно, потомъ Кутузовъ, разгорячась и не имѣя, что возразить на представленіе Беннигсена, сказалъ ему по-французски: «Вамъ нравилась ваша позиція подъ Фридландомъ, а я доволенъ этой, и мы на ней останемся, потому что я здѣсь командую и отвѣчаю за все».

Дѣло оправдало Кутузова. «Но въ Плоцкѣ,—замѣчаетъ князь Голицынъ,—мнѣ случилось слышать его разсужденіе, почему онъ рѣшился остановиться на Тарутинской позиціи. У него были въ комнатѣ Паулуччи, Толь и я».

«Помимо расчета во времени, которое я долженъ былъ такъ или иначе выиграть, мнѣ нельзя было и думать ми-

новать Калугу. Куда это привело бы насъ? Затѣмъ у насъ всегда было бы время, въ случаѣ если бы непріятель насъ атаковалъ. Мнѣ необходимо было оставаться на мѣстѣ, чтобы укомплектовать армію и не безпокоить особенно Наполеона. Эта позиція во всякомъ случаѣ была не хуже всякой другой. Притомъ же я былъ почти увѣренъ, что онъ не захочетъ наткнуться на эту позицію, ибо въ его расчетахъ было маневрировать, а не давать сраженія. Никто не могъ предвидѣть, что онъ изъ упрямства такъ долго пробудетъ въ Москвѣ и что для отступленія изберетъ большую Смоленскую дорогу. Каждый день, проведенный нами на этой позиціи, былъ драгоцѣненъ для меня и для арміи, и мы этимъ воспользовались».

Въ Тарутинѣ армія наша расположилась лагеремъ на берегу рѣки Нары (впадающей въ Оку), у опушки лѣса и по обѣимъ сторонамъ большой дороги въ Калугу. Фронтъ позиціи былъ прикрытъ крутыми берегами Нары и нѣсколькими флешами, правое крыло обезпечивалось крѣпкимъ мѣстоположеніемъ, а для лѣваго, болѣе открытаго фланга построили прочныя засѣки на оконечности лѣса. Армія размѣстилась въ три линіи съ резервомъ: въ 1-й линіи стали корпуса Багговута и Дохтурова, во 2-й линіи — Остермана, Строганова и Раевскаго, въ 3-й—Бороздина (гвардейскій), Лаврова и кавалерія, въ резервѣ двѣ кирасирскія дивизіи, а за ними резервная артиллерія. Пять егерскихъ полковъ заняли лѣсъ на лѣвомъ крылѣ, а два—на правомъ. Главная квартира фельдмаршала Кутузова была сперва въ Тарутинѣ, а потомъ переведена въ Леташево. Французской авангардъ подъ командою короля Неаполитанскаго (вся резервная кавалерія и 4 пѣхотныхъ дивизіи, всего до 25.000 чел.), слишкомъ выдвинутый впередъ, безъ всякаго подкрѣпленія стоялъ на правомъ берегу р. Чернишны, отъ впаденія ея въ Нару до селеній Тетерники и Дмитріевки. Правый его флангъ и фронтъ были защищены Нарою; лѣвый же флангъ, находившійся по ту сторону Чернишны, которая дѣлала тутъ значительный изгибъ, шелъ мѣстами открытыми безъ природной и искусственной обороны. Аванпостную службу французскія войска несли небрежно, такъ что наши разъѣзды и казачьи партіи незамѣтно пробирались во флангъ и тылъ ихъ лагеря. Сущность плана атаки Беннигсена состояла въ томъ, чтобы, скрытно обойдя съ одною частью нашей арміи лѣвый флангъ Мюрата, внезапно ударить на него съ этого фланга съ тыла, между тѣмъ какъ остальныя войска, наступая съ фронта, должны были поддерживать эту атаку и развлекать вниманіе непріятеля.

Превосходство силъ и мужество нашихъ войскъ ручались за успѣхъ. Кутузовъ поручилъ самому Беннигсену руководить обходомъ и атакою непріятеля, для чего назначилъ 2-й, 3-й и 4-й

пѣхотные корпуса, 1-й кавалерійскій корпусъ и 10 казачьихъ полковъ подъ командою графа Орлова-Денисова. Остальная часть арміи должна была двинуться впередъ по Московской дорогѣ.

Летучему отряду Дорохова послано было предписаніе ударить французамъ съ тыла, направляясь къ Воронову. Кутузовъ пріѣхалъ въ лагерь къ вечеру 5 октября; при немъ переправились колонны черезъ р. Нару. Смерклось, облака покрыли небо, но ночь была сухая. Запретили людямъ разговаривать, курить трубки, высѣкать огонь. Наконецъ при свѣтломъ заревѣ костровъ непріятеля, указывавшихъ мѣсто его расположенія, остановились колонны, составили ружья въ козлы и улеглись на холодной землѣ. Графъ Орловъ-Денисовъ находился у крайней опушки лѣса на тропинкѣ изъ Стромилова въ Дмитріевское въ тылу французовъ. Одинъ дезертиръ, польскій унтеръ-офицеръ, вызывался захватить Мюрата, ночевавшаго въ деревнѣ Рожественѣ, если дадутъ ему конвой. Начало свѣтать. Гр. Орловъ-Денисовъ, въѣхавъ на лежащій впереди лѣса пригорокъ, откуда наши колонны должны были наступать, не видѣлъ ни одной изъ нихъ. Между тѣмъ въ непріятельскомъ лагерѣ начинали вставать Опасаясь быть открытымъ и ожидая ежеминутно появленія нашей пѣхоты, онъ отмѣнилъ данное уже Грекову приказаніе поспѣшить въ Рожествено и, не дождавшись сигнальныхъ выстрѣловъ, понесся со всѣми 10 Донскими полками прямо на непріятеля. Неожиданность нападенія едва дала возможность французамъ поворотить пушки и, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, броситься въ бѣгство за Рязановскій оврагъ. Весь лагерь лѣваго крыла непріятеля съ 38 орудіями былъ захваченъ казаками.

Пока гр. Орловъ-Денисовъ собиралъ разсыпавшихся по бивуаку казаковъ, чтобы вести ихъ далѣе, показались изъ-за лѣса Багговутъ и начальникъ 4-й пѣхотной дивизіи принцъ Евгеній Вюртембергскій съ егерскою бригадою Пиллара, Тобольскимъ пѣхотнымъ полкомъ и полуротою артиллеріи. Маршъ корпуса Багговута былъ задержанъ въ лѣсу разными противорѣчащими приказаніями, присылаемыми къ войскамъ, а 17-я дивизія Олсуфьева впотьмахъ сбилась съ дороги, отчего ни она ни слѣдовавшій за нею корпусъ графа Строганова не поспѣли во-время на назначенныя имъ мѣста. Выйдя изъ лѣсу, Багговутъ тотчасъ открылъ огонь изъ орудій, но былъ убитъ однимъ изъ первыхъ ядеръ непріятельской батареи при Тетерникѣ. Съ смертью этого превосходнаго генерала общая связь дѣйствій прервалась. Егеря разсыпали стрѣлковъ, которые нападали храбро, но не были своевременно поддержаны запоздавшими колоннами. Мюратъ успѣлъ перемѣнить фронтъ и осадить лѣвый флангъ назадъ. Кирасиры его слѣва отбивали атаки казаковъ, съ фронта дѣй-

ствовали батареи, а онъ между тѣмъ отправлялъ обозы назадъ, чтобы не мѣшали его отступленію. Движеніе 4-го корпуса графа Остермана было также медленно. Не видя его появленія въ урочный часъ, Беннигсенъ приказалъ корпусу графа Строганова остановиться у лѣваго фланга Багговута для обезпеченія сообщенія съ арміею. Наконецъ и 4-й корпусъ выступилъ изъ лѣса, опрокинулъ два батальона поляковъ, стоявшихъ впереди непріятельской линіи и этимъ возстановилъ связь между всѣми войсками. Загремѣла пальба бата-

Мюратъ, король неаполитанскій.

рей, но минута удачнаго нападенія была уже пропущена, и Мюратъ успѣлъ отступить.

Графъ Орловъ-Денисовъ, поддержанный частью дивизіи принца Евгенія, нѣсколько разъ пытался отрѣзать французамъ дорогу на Спасъ-Куплю, но не могъ исполнить этого.

Нападеніе казаковъ Орлова-Денисова такъ описываетъ офицеръ Кирасирскаго N 2 полка: «6 октября, на разсвѣтѣ, насъ поразилъ необычайный шумъ на нашемъ флангѣ, по ту сторону ручья, впереди 2 кавалерійскаго корпуса Себастіани. Этотъ первый шумъ, за которымъ быстро послѣдовали звуки выстрѣловъ, указалъ намъ, что мы атако-

ваны непріятелемъ. Живо вскочили мы на коней, ежеминутно ожидая атаки, но таковой не послѣдовало; всѣ силы русскихъ устремились на нашихъ сосѣдей, которые не были, подобно намъ, ограждены съ фронта оврагомъ ручья, перейти который впереди насъ и скрытно отъ нашихъ постовъ было не только трудно, но прямо невозможно. Мюратъ немедленно бросился къ атакованному пункту и своимъ присутствіемъ духа и мужествомъ пріостановилъ начавшееся отступленіе. Онъ бросался на всѣ бивуаки, собиралъ всѣхъ попадавшихся ему всадниковъ и, какъ только успѣвалъ набрать таковыхъ съ эскадронъ, мгновенно бросался съ ними въ атаку. Наша кавалерія обязана своимъ спасеніемъ именно этимъ послѣдовательнымъ и повторнымъ на нѣсколькихъ пунктахъ атакамъ, которыя, остановивъ непріятеля, дали войскамъ время и возможность осмотрѣться, собраться и пойти на непріятеля. Въ теченіе всей своей военной карьеры Мюратъ, прозванный «баловнемъ побѣды», не былъ никогда раненъ до этого дня, когда впервые пролилъ онъ свою кровь. Онъ получилъ ударъ пикой въ бедро, и только его короткій плащъ, которымъ онъ былъ прикрытъ, скрылъ слѣды его крови. Онъ умолчалъ о своей, впрочемъ, легкой ранѣ и только по окончаніи дѣла показалъ ее своему доктору. Заслуги Мюрата въ эту ночь и послѣдующій день мало извѣстны и не оцѣнены должнымъ образомъ. Мюратъ соединялъ въ себѣ одновременно искусство генерала, лихость оберъ-офицера и отвагу солдата.

Кутузовъ другіе наши корпуса, при которыхъ находился онъ самъ, долго держалъ неподвижно на мѣстѣ. По диспозиціи было имъ назначено быстрымъ наступленіемъ опрокинуть непріятеля, но при началѣ сраженія Кутузовъ, несмотря на убѣдительныя просьбы Милорадовича и другихъ генераловъ, не ввелъ ихъ въ дѣло. По всей вѣроятности, фельдмаршалъ разсчитывалъ, что Беннигсенъ одинъ въ состояніи разбить Мюрата; въ противномъ же случаѣ надѣялся однимъ появленіемъ главныхъ силъ своихъ, готовыхъ къ бою, остановить могущее быть наступленіе французовъ; притомъ Кутузовъ получилъ именно въ тотъ день достовѣрное извѣстіе о скоромъ выступленіи Наполеона изъ Москвы, почему не хотѣлъ развивать частнаго сраженія, а желалъ сберечь свои войска для важнѣйшихъ событій. Беннигсенъ же вообразилъ, что Кутузовъ оставилъ половину арміи въ бездѣйствіи изъ недоброжелательства къ нему и для того, чтобы лишить его успѣха въ битвѣ, имъ предложенной и имъ же веденной.

«Размолвка на Тарутинской позиціи съ Беннигсеномъ была причиною,—говоритъ кн. Голицынъ,—той непримиримой вражды между ними, которая не прекращалась до конца дней Кутузова. Въ числѣ обвиненій, взводимыхъ на Кутузова, еще есть нерѣшительность его преслѣдовать короля Неаполитанскаго при разбитіи его авангарда подъ Чернишнею.

Сраженіе подъ Тарутинымъ.

Кутузовъ былъ разстроенъ оттого, что не удалось ему привести въ исполненіе намѣренія своего наканунѣ сего дня. Атака была назначена однимъ днемъ прежде. Въ диспозиціи назначено было Дорохову выйти на дорогу у Спасъ-Купли, соединясь съ отрядомъ гр. Орлова-Денисова, дѣйствовать непріятелю въ тылъ. Перемѣна дня для атаки не дозволила Дорохову участвовать въ дѣлѣ и это обстоятельство сердило старика.

«Предположенную атаку сохраняли въ такой тайнѣ, что даже никто изъ корпусныхъ командировъ не былъ о томъ предваренъ. Когда Кутузовъ сѣлъ на дрожки въ сопровожденіи всей свиты своей, никто не зналъ, куда онъ поѣдетъ и зачѣмъ. Распоряженіе послано было къ генералу Ермолову, который былъ въ то время начальникомъ Главнаго штаба 1-й арміи и квартировалъ вблизи Леташевки. Ермолова не было дома, а правившій дѣлами у него полковникъ Эйхенъ не рѣшился распечатать конверта. Ермоловъ былъ на обѣдѣ у генерала Шепелева, который съ 1-й бригадой гвардейскихъ кирасиръ стоялъ на правомъ флангѣ позиціи въ с. Спасскомъ. Возвратясь домой, немедленно было имъ сдѣлано распоряженіе, и не только время не было упущено, но атака еще лучше могла бы удасться, ибо никакихъ приготовленій для нея не дѣлали и дѣлать не слѣдовало.

«Все было на мази. Но какъ часто случается, отъ бездѣльныхъ причинъ бываютъ важнѣйшія послѣдствія. Кутузовъ отправился въ Тарутино передъ вечеромъ, чтобы ночевать тамъ и самому распоряжаться всѣми войсками. Подъѣзжая къ лагерю, его встрѣтили солдатскія пѣсни, музыка и совершенное спокойствіе. Узнавъ причину, что о походѣ для занятія мѣстъ передъ атакою не было еще приказанія—онъ былъ въ такомъ изступленіи, въ которомъ еще его никогда не видали. Все оборвалось на бѣдномъ Эйхенѣ, который безвинно сдѣлался виновнымъ: онъ его ругалъ, велѣлъ выгнать изъ арміи, и атака была отмѣнена. Въ то же самое время корпусные командиры явились къ нему съ докладомъ, что, получивъ въ ту же минуту приказаніе, они готовы выступить немедленно, и заявили, что какъ распоряженіе предшествовало нѣсколькими часами назначенію, то выступленію арміи никакой остановки или перемѣны въ распоряженіи быть не можетъ и умоляли его дозволить имъ итти. Но сколько убѣжденія таковыя не казались основательными, однакоже ничто не могло заставить Кутузова перемѣнить даннаго приказанія отложить походъ до другого дня, и тутъ же отправилъ онъ повелѣніе Дорохову не дѣйствовать, дабы не возбудить вниманіе непріятеля. Такому упорству Кутузова можно предположить одну только причину. Онъ боялся возбудить дѣятельность Наполеона и придерживался своей мысли выиграть время, чтобы не тревожить его изъ Москвы. Рѣшив-

шись дать сраженіе это, онъ какъ бы проявилъ согласіе свое вопреки внутренняго убѣжденія своего: что время поражать Наполеона еще не настало. Этимъ взрывомъ на Эйхенѣ онъ выигралъ цѣлыя сутки и этимъ случаемъ прикрылъ невниманіе свое къ справедливымъ настояніямъ корпусныхъ командировъ. Въ день сраженія неудача всѣми обходными корпусами прибыть во-время на тѣ пункты, гдѣ предполагалось каждому, раздражила Кутузова до чрезвычайности. Началась атака, непріятель побѣжалъ; всѣ его преслѣдуютъ, и при Кутузовѣ не осталось никого кромѣ его адъютантовъ. Вдругъ пріѣзжаетъ урядникъ Жирова казачьяго полка, находящагося въ партизанскомъ отрядѣ у князя Кудашева подъ Подольскомъ. Онъ привезъ перехваченное предписаніе Бертье къ г. д'Аржану, чтобы немедля всѣ тяжести шли къ Можайску. Вотъ обстоятельство, которое укрѣпило Кутузова въ истинѣ, что Наполеонъ рѣшительно ретироваться будетъ, но куда и въ какое время—было ему еще неизвѣстно. Опасеніе, не обходитъ ли онъ насъ по дорогѣ къ Калугѣ,—вотъ что занимало старика, — и въ этомъ тайномъ совѣщаніи съ собою онъ рѣшился не преслѣдовать. Упорство его было непонятно, негодованіе всѣхъ чрезвычайно. Кутузовъ молчалъ. И здѣсь оправдалась его предусмотрительность. Вскорѣ потомъ Беннигсенъ, Милорадовичъ, Толь, Коновницынъ, Ермоловъ, — всѣ явились съ одною просьбою, чтобы дозволилъ преслѣдовать. Вотъ его слова: *Коль скоро не умѣли мы его вчера живымъ схватить и сегодня прійти во-время на тѣ мѣста, гдѣ было назначено, преслѣдованіе сіе пользы не принесетъ и потому не нужно,—это насъ отдалитъ отъ позиціи и операціонной линіи нашей.*

Партизанъ Д. В. Давыдовъ.

Наконецъ, примѣтя, что наше правое крыло начало подаваться впередъ и непріятель отступаетъ, Кутузовъ приказалъ центру и лѣвому крылу, предшествуемымъ кава-

леріею Корфа, двинуться къ Чернишнѣ, Васильчикова послалъ на правый флангъ непріятеля. Вся линія двинулась впередъ стройно, какъ на парадѣ. Мюратъ пытался нѣсколько разъ остановиться для устройства своихъ войскъ, но всякій разъ былъ опрокидываемъ. Такое преслѣдованіе продолжалось на 7 верстъ, до Спаса-Купли, гдѣ Мюратъ занялъ позицію, прикрывъ ее батареями. Къ вечеру онъ потянулся къ Воронову. Наша кавалерія и корпуса Остермана и бывшій Багговута остановились, не доходя до Спаса-Купли, а всѣ другіе корпуса—на Чернишнѣ.

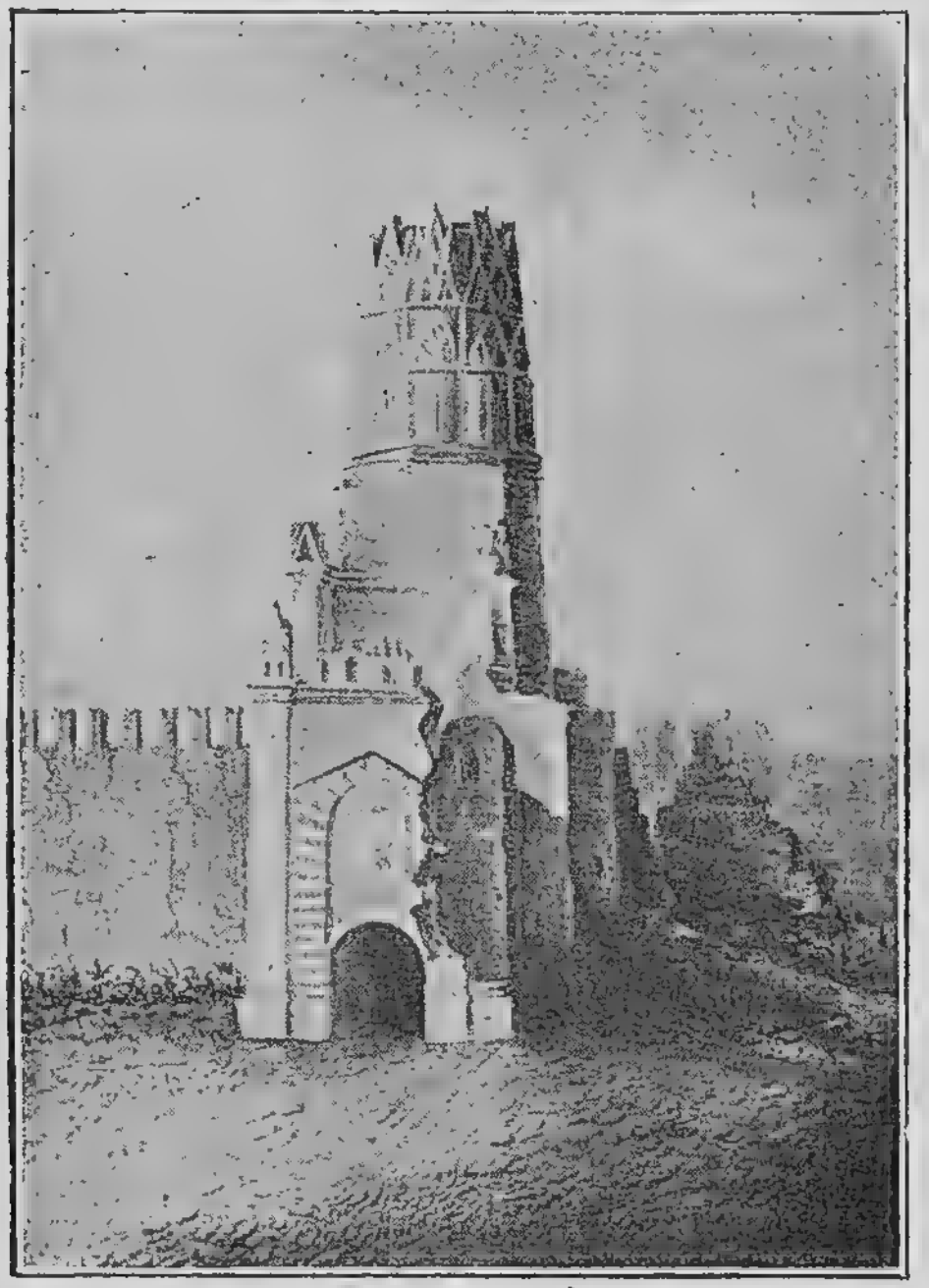
Въ сраженіи при Тарутинѣ было взято нами 38 пушекъ, одно знамя, 40 зарядныхъ ящиковъ и 1.500 чел. плѣнныхъ. Въ числѣ убитыхъ французовъ около 600 чел. находились генералы Фишеръ и Дери.

Авторъ «Походнаго журнала» («Journal de la guerre») разсказываетъ: «Наша артиллерія была взята въ плѣнъ въ битвѣ подъ Тарутинымъ, артиллеристы обезоружены и уведены. Въ тотъ же вечеръ захватившіе ихъ казаки, празднуя побѣду и уже изрядно выпившіе, вздумали закончить день, радостный для нихъ и горькій для насъ, національными танцами, при чемъ, разумѣется, выпивка не была забыта. Сердца ихъ подобрѣли, они захотѣли всѣхъ сдѣлать участниками веселья и радости, вспомнили и о своихъ плѣнникахъ и пригласили ихъ принять участіе въ праздникѣ. Наши бѣдные артиллеристы сначала воспользовались этимъ приглашеніемъ только какъ отдыхомъ отъ смертельной усталости, но потомъ мало-по-малу, подъ впечатлѣніемъ дружескаго обращенія и братанья, присоединились къ танцамъ и приняли искреннее въ нихъ участіе. Казакамъ такъ это понравилось, что они совсѣмъ размякли, и когда обоюдная дружба дошла до высшей точки, французы одѣлись въ полную форму, взяли оружіе и послѣ самыхъ сердечныхъ рукопожатій, объятій и поцѣлуевъ разстались съ казаками—ихъ отпустили на всѣ четыре стороны и они возвратились къ своимъ частямъ».

Вѣсть о Тарутинскомъ сраженіи Наполеонъ получилъ отъ Мюрата во время одного изъ смотровъ войскъ на кремлевскомъ дворѣ. Это было 6 октября. Война возобновлялась по понятіямъ французовъ—по словамъ же Кутузова только что начиналась.

При извѣстіи объ этомъ нападеніи въ Наполеонѣ сказалась вся прежняя энергія; тысячи приказаній сразу вылились изъ его головы. Къ вечеру этого дня вся армія уже пришла въ движеніе. До свѣта 7 октября Наполеонъ покинулъ Кремль и отправился по старой Калужской дорогѣ. Онъ хотѣлъ добраться до границъ Польши черезъ Калугу, Медынь, Ельню и Смоленскъ. Одинъ изъ свиты его, Раппъ, замѣтилъ, что «уже поздно и что зима захватитъ ихъ въ дорогѣ, но Наполеонъ возразилъ, что нужно было дать

солдатамъ время отдохнуть и поправиться, а больнымъ изъ Можайска, Москвы и Колоцкаго монастыря выбраться къ Смоленску. Указывая затѣмъ на чистое, голубое небо, онъ спросилъ: «Развѣ они не узнаютъ его счастливой звѣзды въ этомъ солнцѣ, въ чудной погодѣ, которая продолжала держаться?»—«Нехорошее выраженіе его лица,—говоритъ одинъ очевидецъ,—прямо противорѣчило этимъ словамъ надежды и напускной увѣренности». И тутъ, какъ всегда, даже приближеннымъ его трудно было разобраться въ правдѣ или лжи его словъ.



Видъ взорванной Никольской башни.

Маршалъ Мортье, оставшійся съ небольшимъ отрядомъ въ Кремлѣ, дѣлалъ тамъ необходимыя приготовленія для его взрыва. Въ Кремлѣ старательно рыли рвы и канавы, устраивали мины и наполняли ихъ порохомъ. Въ ночь съ 11 на 12 октября Мортье покинулъ Москву и, отойдя на незначительное разстояніе отъ нея, пушечнымъ выстрѣломъ далъ сигналъ къ взрыву Кремля.

Земля заколебалась, дрогнули всѣ зданія; даже въ большомъ разстояніи отъ Кремля полопались стекла въ окнахъ. Во многихъ домахъ Бѣлокаменной обрушились потолки и стѣны домовъ и внутри ихъ ничего не осталось на своемъ

мѣстѣ; обыватели даже были сброшены съ кроватей. Жители бросились на улицы и площади, полуодѣтые, а нѣкоторые израненные осколками стеколъ и каменьевъ. Ужасъ овладѣлъ всѣми. Въ ночной темнотѣ, освѣщенной пожаромъ Кремля и другихъ подожженныхъ въ городѣ зданій французами, слышались плачъ и стоны. Новые взрывы слѣдовали одинъ за другимъ, но ужъ не столь сильные, какъ первый.

Эти взрывы были, однако, для Кремля не такъ разрушительны, какъ можно было ожидать. Разрушенными оказались часть арсенала и примыкавшая къ нему восточная кремлевская стѣна и верхъ башни у Никольскихъ воротъ, но здѣсь уцѣлѣлъ не только надворотный образъ чудотворца Николая, но даже и самое стекло кіота и висѣвшая передъ ней лампада. Взорвана была также часть южной стѣны Кремля съ тремя башнями: Петровскою съ упраздненной въ ней церковью московскаго святителя Петра митрополита, Рождественскою съ бывшей въ ней церковью и Филаретовскою, что близъ Ивановской колокольни. Сама же Ивановская колокольня треснула сверху донизу и заколебалась въ своемъ основаніи, но устояла и стоитъ съ тѣхъ поръ уже цѣлое столѣтіе. Угольная водозводная башня взлетѣла на воздухъ и своими кирпичами завалила набережную и рѣку; на ея мѣстѣ взвился высоко вверхъ столбъ пыли и дыма. Къ общему удивленію и радости, въ Кремлѣ уцѣлѣли всѣ дворцы, соборы, церкви и монастыри. Хлынувшій во время взрыва дождь залилъ нѣсколько минъ и подкоповъ въ Кремлѣ, откуда было потомъ вынуто до 60 бочекъ пороха; другіе же подкопы были засыпаны камнями и землей отъ перваго взрыва, почему и остались безъ дѣйствія. Дождь, конечно, много ослабилъ разрушительную силу подкоповъ, но, кромѣ того, существуетъ еще показаніе одного французскаго офицера Фезензака, что маршалъ Мортье нарочно отпустилъ для взрыва лишь негодный порохъ, не желая точно исполнить варварское распоряженіе Наполеона—взорвать весь Кремль.

Въ декабрѣ 1812 г. въ Кремль, пишетъ Маракуевъ, «еще никого не пускали. Спасскія ворота какъ были перерыты непріятелемъ въ аркѣ, струбомъ деревяннымъ и землею въ него насыпанною, такъ и оставались. Взорванный арсеналъ представлялъ картину совершеннаго ужаса; на великое около него пространство кирпичи и камни покрывали улицы, особенно Моховую и Неглинную! Между грудами камней торчали огромныя бревна, концами вверхъ; все это болѣе чѣмъ на полувершка было покрыто сѣдою пылью. Боровицкая башня взорвана до самой подошвы, такъ что и слѣдовъ ее не осталось. Кремлевская стѣна отъ Москвы-рѣки такъ же взорвана была въ двухъ мѣстахъ, и отъ силы взрыва каменная мостовая и набережная дрогнули, часть плитъ и желѣзная рѣшетка скинуты въ рѣку, Кремлевскій дворецъ и Грано-

витая палата стояли обгорѣлые и представляли болѣзненную для сердца картину; а Иванъ Великій стоялъ какъ сирота, лишенный подпоръ своихъ. Въ какомъ видѣ тогда остались и были кремлевскіе соборы, я не видалъ,—говоритъ Маракуевъ,—но разсказываютъ ужасы ужасовъ». А. Ратшинъ въ «Полномъ собраніи о всѣхъ бывшихъ и нынѣ существующихъ монастыряхъ и церквахъ Россіи» разсказываетъ, что «есть преданіе о томъ, что на средней главѣ Благовѣщенскаго собора крестъ сдѣланъ изъ аравійскаго золота; слухъ этотъ дошелъ и до Наполеона, который, однакоже, къ счастію, не зналъ навѣрное, гдѣ находится золотой московскій крестъ, и обратилъ вниманіе на крестъ Ивана Великаго, сочтя его золотымъ, и Благовѣщенскій уцѣлѣлъ. Крестъ же Ивана Великаго,—говоритъ г. Ратшинъ,—и былъ найденъ въ грудахъ кирпича»; новый крестъ имѣетъ 2 сажени и 2 аршина, т.-е. онъ на одинъ аршинъ короче снятаго Наполеономъ и, по всей вѣроятности, сдѣланъ изъ стараго.

Въ письмахъ О. А. Поздѣева къ Ланскому говорится: «Плѣнные французы разсказывали, что когда они были въ Москвѣ, то всегда чувствовали какой-то страхъ. Когда кто изъ нихъ всходилъ на колокольню Ивановскую, то къ сторонѣ Троицы Сергія видѣли великое ополченіе, а потому въ этой сторонѣ не были, даже и въ Алексѣевскомъ, которое отъ Москвы въ 5 верстахъ. Какое же ополченіе наводило этотъ страхъ, извѣстно это только тѣмъ, кто вѣдаетъ о войскахъ при Елисеѣ, который державшему при немъ сказалъ: «Видишь ли, что большее число съ нами, нежели съ ними». Замоскворѣчье все было выжжено и, кромѣ церквей, представляло гладкое поле, покрытое пепломъ и развалинами. Воздухъ во всей Москвѣ былъ смраденъ и душенъ». Изъ писемъ г-жи Волковой узнаемъ, что изъ уцѣлѣвшихъ казенныхъ зданій былъ Запасный дворецъ у Красныхъ воротъ, «это единственное казенное зданіе, оставшееся неповрежденнымъ. Поэтому всѣ городскія власти, какъ высшія, такъ и низшія, помѣстились въ этомъ дворцѣ; всѣхъ ихъ тамъ до 500 человѣкъ».

VIII.

Французская армія, отступая изъ Москвы, растянулась на далекое разстояніе. «Можно было подумать,— говоритъ очевидецъ,—что это подобіе, одной изъ древнихъ армій, возвращающейся послѣ набѣга съ рабынями и всякимъ скарбомъ». Несмотря на ширину дороги и крики конвоя, Наполеонъ едва успѣвалъ протиснуться чрезъ эту безконечную толпу, которая начинала уже мало на него обращать вниманія. Молча онъ пробрался впередъ и направился по старой Калужской дорогѣ; въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ

Наполеонъ ѣхалъ по ней, потомъ, въ серединѣ дня, на высотѣ Красной Пахры, вдругъ свернулъ съ арміей направо и черезъ поля, въ три перехода, дошелъ до новой дороги въ Калугу, прикрывъ свое движеніе корпусами Нея и остатками кавалеріи Мюрата. Письмо маршала Бертье къ Кутузову, помѣченное днемъ выхода изъ Москвы, въ которомъ говорилось о вопросахъ человѣколюбія, было военною хитростью, имѣвшею цѣлью усыпить бдительность русскихъ и дать возможность выиграть день-другой спокойнаго отступленія.

Хитрость едва не удалась; но партизанъ Фигнеръ высмотрѣлъ отступавшую армію и увѣдомилъ о выходѣ ея изъ Москвы стоявшаго въ Леташевкѣ князя Кутузова, двинувшагося тотчасъ параллельно съ нею, къ Калугѣ

Несомнѣнно, если бы Наполеонъ меньше заботился о сохраненіи награбленнаго добра и шелъ скорѣе, то онъ предупредилъ бы русскихъ; но, двигаясь не спѣша, какъ позволяли обстоятельства, онъ сдѣлалъ непоправимую ошибку и опоздалъ. «Никогда,—замѣчаетъ Фензензакъ,—французская армія не таскала за собой столько повозокъ. Всякая рота запаслась телѣгой для провизіи, и когда не могла увезти всю, которую имѣла, то лишнее сжигала, на что полковые командиры не обращали вниманія».

«Всѣ и гвардія въ особенности,—пишетъ Буржуа,—были нагружены золотомъ, серебромъ и массою драгоцѣнныхъ вещей, набитыхъ всюду, въ ущербъ провизіи, такъ что, уже въ недалекомъ разстояніи отъ Москвы, армія стала нуждаться въ предметахъ первой необходимости. У рѣдкаго офицера не было мѣховъ, но у большинства солдатъ не было другой одежды, кромѣ шинели, а обувь—въ самомъ печальномъ видѣ. У рѣдкаго офицера не было также въ каретѣ или повозкѣ подруги сердца, француженки или русской». «Только что разсвѣло,—пишетъ сержантъ Бургонь,—какъ мы опять пустились въ путь. Сдѣлавъ около одного лье, мы снова попали въ пресловутый обозъ, обогнавшій насъ за то короткое время, пока мы отдыхали. Большая часть повозокъ уже теперь пришла въ полную негодность, другія не могли двигаться вслѣдствіе того, что дорога была песчаная и колеса увязали въ пескѣ. Слышались крики на французскомъ языкѣ, руготня—на нѣмецкомъ, молитвы—по-итальянски, призывы Богородицы—по-испански и по-португальски.

«Миновавъ всю эту сутолоку, мы принуждены были остановиться, чтобы дождаться лѣваго фланга нашей колонны. Я воспользовался досугомъ, чтобы осмотрѣть свой ранецъ, казавшійся мнѣ черезчуръ тяжелымъ, и удостовѣриться, нельзя ли что-нибудь выкинуть, чтобы облегчить свою ношу. Въ ранцѣ было порядочно-таки запасовъ: я взялъ съ собой нѣсколько фунтовъ сахара, рису, немного сухарей, полбутылки водки, костюмъ китаянки изъ шелковой матеріи,

затканной золотомъ и серебромъ, нѣсколько серебряныхъ и золотыхъ бездѣлушекъ, между прочимъ, обломокъ креста Ивана Великаго, т.-е. кусочекъ покрывавшей его серебряной вызолоченной оболочки; мнѣ далъ его одинъ солдатъ изъ команды, наряженной для снятія креста съ колокольни. Я забылъ упомянуть,—замѣчаетъ Бургонъ,—что среди большого креста Ивана Великаго былъ другой изъ массивнаго золота, около фута въ длину.

«Со мной былъ также мой парадный мундиръ и длинная женская амазонка для верховой ѣзды; далѣе двѣ серебря-

Партизанъ А. С. Фигнеръ.

ныхъ картины, длиною въ одинъ футъ на 8 дюймовъ ширины, съ выпуклыми фигурами: одна картина изображала судъ Париса на горѣ Идѣ, на другой былъ представленъ Нептунъ на колесницѣ въ видѣ раковины, везомой морскими конями. Все это было тонкой работы. Кромѣ того, у меня было нѣсколько медалей и усыпанная брильянтами звѣзда какого-то русскаго князя. Всѣ эти вещи предназначались для подарковъ дома и были найдены въ подвалахъ или домахъ, обрушившихся отъ пожаровъ. Какъ видите, мой ранецъ долженъ былъ вѣсить не мало, но, чтобы облегчить его тяжесть, я выкинулъ изъ него свои бѣлыя лосиныя брюки, предвидя, что онѣ не скоро мнѣ понадобятся. На мнѣ же былъ надѣтъ

сверхъ рубахи жилетъ изъ стеганнаго на ватѣ желтаго шелку, который я самъ сшилъ изъ женской юбки, а поверхъ всего большой воротникъ, подбитый горностаемъ; черезъ плечо у меня висѣла сумка на широкомъ серебряномъ галунѣ; въ сумкѣ было также нѣсколько вещей, между прочимъ, распятіе изъ серебра и золота и маленькая китайская ваза. Эти двѣ вещицы избѣгли крушенія какимъ-то чудомъ, и я до сихъ поръ храню ихъ, какъ святыню. Кромѣ того, на мнѣ была моя амуниція, оружіе и шестьдесятъ патроновъ въ лядункѣ; прибавьте ко всему этому большой запасъ здоровья, веселости, доброй воли и надежду засвидѣтельствовать свое почтеніе дамамъ монгольскимъ, китайскимъ и индійскимъ—и вы будете имѣть понятіе о сержантѣ Императорской гвардіи.

«Только что успѣлъ я окончить осмотръ своей добычи, какъ мы услыхали впереди нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ; намъ скомандовали взяться за оружіе и ускорить шагъ. Полчаса спустя, мы прибыли на то мѣсто, гдѣ часть обоза, эскортируемая отрядомъ красныхъ улановъ гвардіи, подверглась нападенію партизановъ. Нѣсколько улановъ были убиты, а также нѣсколько русскихъ и нѣсколько лошадей. Возлѣ одного экипажа лежала на спинѣ какая-то миловидная молодая женщина, умершая отъ испуга и волненія. Мы продолжали путь по довольно хорошей дорогѣ. Вечеромъ мы сдѣлали привалъ и расположились ночевать.

«9, рано поутру, мы снова пустились въ путь, а среди дня повстрѣчали отрядъ регулярныхъ казаковъ; ихъ разогнали пушечными выстрѣлами. Промаршировавъ часть этого дня по полямъ, мы остановились на лугу, у берега ручья, и тамъ провели ночь».

Такъ двигалась великая армія Наполеона къ Малоярославцу. Послѣ Тарутинскаго дѣла, говоритъ князь Голицынъ, Кутузовъ «велѣлъ Дохтурову итти къ Боровску, но не прежде, какъ сваривши кашу солдатамъ. Дохтуровъ вышелъ поздно и дошелъ только на 4-й день до Аристова, откуда поворотилъ на Малоярославецъ, узнавши о занятіи Боровска корпусомъ вице-короля. Сеславинъ первый подтвердилъ, что непріятель тянется по дорогѣ на Боровскъ; онъ слѣдилъ корпусъ вице-короля, вскарабкался на дерево и видѣлъ, какъ онъ проходилъ мимо него. Послѣ того, схвативъ нѣсколько мародеровъ итальянской гвардіи и узнавъ отъ нихъ движеніе арміи, поспѣшилъ о томъ дать знать. Вслѣдъ за этимъ пришли донесенія отъ Дорохова и Дохтурова, подтверждающія одно и то же, а отъ Милорадовича, что непріятеля предъ нимъ нѣтъ. Надобно одному только удивляться, что Кутузовъ, имѣя въ самый день сраженія (подъ Тарутинымъ) въ рукахъ своихъ глухое предписаніе сосредоточить тяжести французской арміи къ Можайску и вслѣдствіе этого остановить

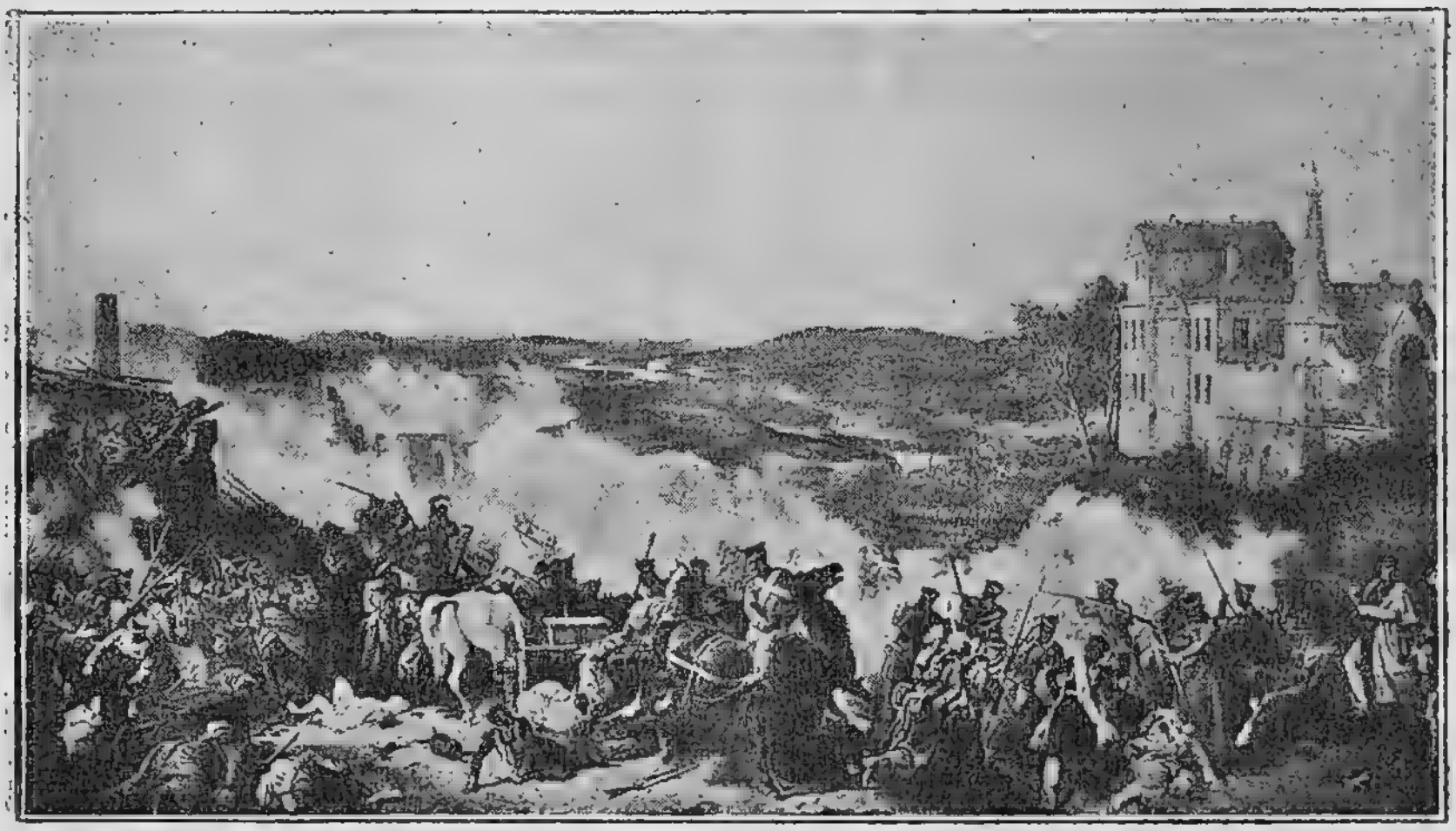
преслѣдованія непріятеля, не принялъ никакихъ мѣръ къ занятію Малоярославца и не приготовилъ арміи къ походу».

Небольшой уѣздный городокъ Калужской губерніи Малоярославецъ, расположенный на правомъ берегу рѣки Лужи, сталъ пунктомъ, куда 11 октября направились обѣ арміи—Наполеона и Кутузова. Дохтуровъ былъ ближе всѣхъ къ Малоярославцу, такъ какъ находился въ Аристовѣ. Получивъ отъ Кутузова 11 октября бумагу, онъ съ пѣхотою прямо выступилъ на Спасское, а кавалерію отдавъ Дорохову, приказалъ итти внизъ по Протвѣ и наблюдать Боровскую дорогу. Дорохову было видно, какъ тянулся непріятель, слѣдуя къ Малоярославцу, которому предстоялъ кратчайшій путь, чѣмъ Дохтурову. Кромѣ того, французы шли столбовою дорогою, а Дохтуровъ принужденъ былъ пробираться проселками. Пѣхота наша ускорила шагъ, надѣясь прійти въ Малоярославецъ прежде Наполеона, какъ вдругъ встрѣтилось неожиданное затрудненіе. При извѣстіи о занятіи непріятелемъ Боровска жители села Спасскаго разрушили плотины на р. Протвѣ, отчего рѣка быстро стала глубокою отъ спущенныхъ запрудъ мельницъ, такъ что безъ моста нельзя было переправиться войскамъ. Узнавъ объ этомъ, Кутузовъ подтвердилъ Дохтурову приказъ прибыть въ Малоярославецъ до разсвѣта, употребивъ всѣ средства къ скорѣйшей наводкѣ мостовъ на Протвѣ, и, переправясь, оставить при нихъ два батальона, съ двумя орудіями. Въ мостахъ при Спасскомъ являлась прямая необходимость, такъ какъ черезъ нѣсколько часовъ по нимъ предстояло проходить всей арміи на маршѣ изъ Тарутина. Надъ постройкой мостовъ проработали шесть часовъ, и въ $2^1/_2$ часа ночи Дохтуровъ перешелъ Протву, послѣ чего примкнула къ нему кавалерія; онъ продолжалъ маршъ ночью, и за часъ до наступленія дня, 12 октября пришелъ къ Малоярославцу. Въ виду города стоялъ уже Платовъ съ казаками и ротою конной артиллеріи, ранѣе отправленный сюда изъ Тарутина; придя къ Малоярославцу Платовъ немедленно послалъ генералъ-майора Иловайскаго и полковника Быхасова наблюдать дорогу изъ Можайска въ Калугу, идущую черезъ Медынь.

Войска Наполеона заняли Малоярославецъ незначительными силами, какъ ни спѣшилъ Дохтуровъ. Наполеонъ, выступя изъ Москвы 7 октября, черезъ четыре дня, 11 числа, былъ только въ Боровскѣ, пройдя отъ Москвы всего $88^1/_2$ верстъ. Не видя съ лѣвой стороны появленія Кутузова, Наполеонъ велѣлъ продолжать движеніе къ Малоярославцу, думая все-таки, что онъ будетъ атакованъ съ лѣваго фланга, почему приказалъ находившейся въ головѣ авангарда дивизіи Дельзона отступить, какъ скоро позади ея у Боровска послышатся пушечные выстрѣлы. Вотъ почему Дельзонъ, подойдя 11 октября къ Малоярославцу, направилъ въ

него лишь два батальона и не занялъ всею дивизіею города, а остановился на лѣвомъ берегу рѣки Лужи, чтобы имѣть возможность скорѣе отойти къ Боровску, если то будетъ надо. Если бы Наполеонъ не останавливалъ своей арміи въ Ѳоминскомъ и Боровскѣ, а шелъ прямо на Малоярославецъ, то тутъ встрѣтилъ бы только Дохтурова и Платова. Настало 12 октября. Дохтуровъ далъ войскамъ отдыхъ послѣ перехода изъ Аристова; затѣмъ онъ послалъ въ Малоярославецъ два егерскіе полка, въ 5 часовъ темнаго утра, чтобы выбить французовъ изъ занятаго ими квартала. Егеря прогнали непріятеля до нижней части города, но успѣхъ ихъ былъ кратковременъ, такъ какъ Дельзонъ пустилъ въ огонь всю свою дивизію и отбросилъ нашихъ егерей, къ которымъ пошли на поддержку свѣжіе полки. Пріѣхавшій вице-король приказалъ спѣшить къ полю сраженія остальнымъ тремъ дивизіямъ своего корпуса: Брусье, Пино и гвардейской, до прибытія которыхъ, т.-е. до 11 часовъ утра, Малоярославецъ пять разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, при чемъ былъ убитъ Дельзонъ. Подошла дивизія Брусье и вступила въ городъ, куда Дохтуровъ посылалъ полкъ за полкомъ. Завязался въ улицахъ упорный бой. Полки Софійскій и Либавскій нѣсколько разъ бросались въ штыки. Батареи наши, расположенныя влѣво отъ Малоярославца, били по французамъ во время перехода ихъ черезъ мость. Для дѣйствія кавалеріи не было мѣста въ городѣ, и она осталась

Сраженіе подъ Малоярославцемъ, маршалы совѣтуютъ Наполеону отступить.



Сраженіе при Малоярославцѣ 12 октября.

наблюдая броды и дороги къ Спасскому, откуда должна была подойти главная армія. Дохтуровъ ожидалъ прихода ея съ большимъ нетерпѣніемъ, такъ какъ у него оставалось мало пѣхоты въ резервѣ, а между тѣмъ онъ видѣлъ ясно, стоя на возвышенности, какъ свѣжія непріятельскія колонны подходили къ Малоярославцу. Это были: дивизія Пино, Итальянская гвардія и корпусъ Даву, который Наполеонъ направилъ для подкрѣпленія, когда на дорогѣ изъ Боровска получилъ донесеніе вице-короля о боѣ. Самъ императоръ явился въ полдень къ Малоярославцу и остановился на берегу Лужи. Оглядѣвъ мѣсто битвы, онъ велѣлъ навесть понтонный мостъ выше города; скоро онъ увидѣлъ приближеніе русской арміи. Изъ-за облаковъ пыли, которыя обыкновенно поднимаются впереди движенія огромныхъ массъ войскъ, заблестѣла щетина штыковъ. Всю ночь Кутузовъ шелъ изъ Тарутина съ корпусами: графа Строганова, Раевскаго, Бороздина, гвардіею и всею кавалеріею, бывшею въ Тарутинѣ. Милорадовичъ съ корпусами князя Долгорукаго, графа Остермана и кавалеріею авангарда былъ позади. Когда войска выступили изъ Тарутина, имъ показалось, что ихъ ведутъ назадъ, но на разсвѣтѣ послышался гулъ выстрѣловъ, и съ каждымъ шагомъ громъ пушечныхъ выстрѣловъ становился слышнѣе, и войска увидѣли, что они идутъ къ полю сраженія.

Съ восходомъ солнца сталъ виденъ Малоярославецъ; переправясь черезъ Протву и не доходя до города 5 верстъ, Кутузовъ приказалъ сдѣлать привалъ, а самъ сѣлъ посреди колоннъ на скамейку. Только корпусъ Раевскаго пошелъ къ городу. Желая узнать о положеніи дѣла, фельдмаршалъ

послалъ впередъ Коновницына, который, по своей привычкѣ, не удовольствовался обзоромъ, но съ первыми имъ встрѣченными войсками ударилъ на непріятеля. Потомъ подошелъ Раевскій и возстановилъ бой въ нашу пользу Въ 6-й разъ городъ перешелъ къ намъ, за исключеніемъ крайнихъ домовъ близъ р. Лужи.

Вице-король пустилъ дивизію Пино, которая, не бывъ еще съ начала похода въ дѣлѣ, атаковала русскихъ яро. Въ головахъ колоннъ шли офицеры генеральнаго штаба, принадлежавшіе къ лучшимъ фамиліямъ Италіи, которые хотѣли блеснуть своею храбростью предъ французами, но большинство изъ нихъ было убито. Вслѣдъ за дивизіею Пино пришла Итальянская гвардія и двѣ дивизіи корпуса Даву, переправлявшіяся по понтонному мосту. Невзирая на огонь нашихъ батарей, непріятель ворвался по мостамъ въ городъ и овладѣлъ имъ; среди загорѣвшихся домовъ Дохтуровъ и Раевскій отступили за городъ, гдѣ поставили батареи.

Въ густыхъ колоннахъ высыпалъ непріятель изъ города и атаковалъ нашу линію, но, будучи встрѣченъ картечью, повернулъ вспять, преслѣдуемый батареями, стрѣлками и колоннами. Командовавшій гвардейскою конною артиллеріею, полковникъ Козенъ приказалъ зарядить 4 орудія картечью, выѣхалъ съ ними маршъ-маршемъ къ Калужской заставѣ, гдѣ едва могъ сняться съ передковъ по причинѣ лежавшихъ на землѣ цѣлыхъ грудъ мертвыхъ тѣлъ и такъ удачно стрѣлялъ, что до конца боя не позволилъ непріятелю показываться изъ заставы. Въ улицахъ кипѣлъ ожесточенный рукопашный бой; случалось, что французы брали верхъ, но никакъ не могли выйти на нашу сторону изъ города, подвергаясь перекрестному огню нашихъ пушекъ.

Но русскія войска встрѣчали препону каждый разъ, когда, оттѣснивъ непріятеля, бросались къ мосту, такъ какъ по нему били французскія батареи, поставленныя на лѣвомъ берегу Лужи; одна изъ нихъ стрѣляла подъ личнымъ наблюденіемъ Наполеона.

Часть французовъ, переправясь черезъ понтонный мостъ, стала лѣвѣе города. Всѣ же наши корпуса, пришедшіе изъ Тарутина, выстроились на новой Калужской дорогѣ, подъ непріятельскими ядрами, перелетавшими даже черезъ Кутузова, вокругъ котораго свистѣли также пули. Напрасно упрашивали его удалиться; онъ не внималъ просьбамъ, желая удостовѣриться собственными глазами въ намѣреніяхъ Наполеона, такъ какъ дѣло шло объ оборотѣ всей кампаніи; вотъ почему ни въ одномъ сраженіи 1812 г. Кутузовъ не оставался такъ долго подъ непріятельскими выстрѣлами.

Скоро подоспѣлъ и Милорадовичъ, пройдя въ одинъ день лошкомъ 50 верстъ. Обрадованный его приходомъ, Кутузовъ сбнялъ его и сказалъ: «Ты ходишь скорѣе, чѣмъ летаютъ

ангелы». Къ вечеру съ обѣихъ сторонъ стояли свѣжія войска въ виду сраженія, которое должно было рѣшить вопросъ: въ состояніи ли будетъ великая армія Наполеона открыть себѣ дорогу черезъ полуденныя губерніи.

Кутузовъ хотѣлъ не дать французамъ укрѣпиться въ Малоярославцѣ. Призвавъ Коновницына, фельдмаршалъ сказалъ ему: «Ты знаешь, какъ я тебя берегу и всегда прошу не кидаться въ огонь, но теперь прошу тебя очистить городъ».

Коновницынъ взялъ 3 дивизію Шаховского и, подкрѣпивъ ею сражавшихся въ городѣ, оттѣснилъ французовъ. Вслѣдъ за Коновницынымъ пошелъ 8-й корпусъ Бороздина на смѣну утомленныхъ сраженіемъ войскъ, чтобы на ночь остаться

И. С. Дороховъ.

въ городѣ. Одна часть испепеленнаго Малоярославца осталась за непріятелемъ, другая—за нами. Во французской и нашей арміи выбыло изъ строя тысячъ по пяти. У французовъ убито 2 генерала и 3 ранено. Изъ нашихъ генераловъ раненъ былъ одинъ Дороховъ, пулею въ пятку. Онъ страдалъ болѣе двухъ лѣтъ; передъ смертію Дороховъ въ письмѣ къ верейскимъ жителямъ просилъ похоронить его около той церкви, которую онъ защищалъ.

Просьба Дорохова была исполнена, и тѣло его погребено въ Рождественскомъ соборѣ. Дохтуровъ за сраженіе подъ Малоярославцемъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 2-й степени. Когда въ нашемъ лагерѣ все стихло, какъ вдругъ послѣ полуночи донесли Кутузову, что передовая цѣпь

Бороздина, безъ выстрѣла и приказанія, отступила изъ города, который и заняли французы. Возобновить ночью бой было нельзя, почему Кутузовъ приказалъ арміи занять, до восхода солнца, новую позицію, въ $2^1/_2$ верстахъ позади первой. Передвиженіе войскъ было произведено ночью съ12 на 13 октября. Одному Милорадовичу велѣно было не трогаться и стоять въ виду города, на прежней позиціи.

Донося императору Александру о происшествіяхъ дня, Кутузовъ писалъ: «Завтра, полагаю, должно быть генеральное сраженіе, безъ котораго я ни подъ какимъ видомъ Наполеона въ Калугу не пущу».

Жители Калуги за два дня передъ тѣмъ были увѣдомлены фельдмаршаломъ о движеніи французовъ на Малоярославецъ, почему всѣ калужане переправились на правый берегъ Оки, на который наведены были два моста и стояло много судовъ и лодокъ. На нихъ перевозили за рѣку хлѣбные запасы, снаряды и казенное имущество. Раненыхъ и больныхъ отослали въ Бѣлевъ и Одоевъ. Въ самый день сраженія при Малоярославцѣ, въ 58 верстахъ отъ губернскаго города, калужане толпами стояли у костровъ, разложенныхъ на возвышенныхъ берегахъ Оки, ожидая своей участи, съ твердымъ намѣреніемъ бѣжать отъ нашествія непріятеля и ничего не оставлять ему въ добычу...

«Выгода боя подъ Малоярославцемъ,—говоритъ Фезензакъ,—осталась на сторонѣ французовъ, но Кутузовъ занялъ позицію сзади и укрѣпилъ ее редутами. Одинъ изъ его отрядовъ началъ уже обходить нашъ правый флангъ по Медынской дорогѣ. Надобно было или дать большую битву, или прямо отступить».

Совѣщаніе по этому поводу происходило въ деревнѣ Городнѣ, на пути къ Малоярославцу. Маршалъ Бессьеръ и другіе генералы были того мнѣнія, что надобно отступать— не то, чтобы они сомнѣвались въ побѣдѣ, но боялись разстройства арміи и деморализаціи арміи. Кавалерійскія и артилерійскія лошади были обезсилены работой и безкормицей— какъ замѣнить тѣхъ, что будутъ потеряны? Какъ везти артиллерію, амуницію, массу раненыхъ, которыхъ, конечно, будетъ не мало. Въ этомъ положеніи движеніе на Калугу представлялось очень рискованнымъ и осторожность говорила отступить къ Смоленску черезъ Можайскъ. Сначала Бессьеръ, за нимъ и другіе маршалы совѣтовали отступить. Наполеонъ долго молчалъ, но, наконецъ, проведя цѣлый день въ осмотрѣ и изученіи мѣстности, такъ же какъ въ выслушиваніи мнѣній и совѣтовъ своихъ генераловъ, рѣшился отойти назадъ къ Можайску и затѣмъ отступать по старой разоренной дорогѣ.

Какъ мало бюллетени Наполеона согласовались съ дѣйствительностью, это показываетъ его XXII бюллетень, въ которомъ было сказано о битвѣ подъ Малоярославцемъ

и послѣдовавшемъ рѣшеніи отступить по старому пути: «Подъ Малоярославцемъ русскіе имѣли двѣ трети арміи въ дѣлѣ, но напрасно, городъ былъ взятъ и непріятель отступилъ такъ безпорядочно, что побросалъ 20 пушекъ въ рѣку... Императоръ поѣхалъ въ Малоярославецъ, осмотрѣлъ непріятельскія позиціи и приказалъ наступать, но непріятель отошелъ ночью—тогда и императоръ поворотилъ на Верею къ Смоленску, т.-е. на старую дорогу... Погода превосходная, дороги прекрасныя. Итальянская гвардія отличилась. Генералъ баронъ Дельзонъ, отличный офицеръ, убитъ 3 пулями. Старая русская пѣхота истреблена. Люди знающіе говорятъ, что только первые ряды русскихъ состоятъ изъ солдатъ, другіе же—изъ рекрутъ и милиціонеровъ, которыхъ удержали подъ знаменами, несмотря на слово, имъ данное».

Утромъ 13 октября Кутузовъ приказалъ Милорадовичу отойти назадъ и присоединиться къ арміи. Полки авангарда, стоявшіе всю ночь подъ ружьемъ, медленно отступали. Французы пустили имъ вслѣдъ нѣсколько гранатъ, которыя не причинили вреда. Одна легкая наша кавалерія осталась передъ Малоярославцемъ, откуда непріятель, послѣ отступленія Милорадовича, вывелъ нѣсколько полковъ и протянулъ свой правый флангъ по направленію на Медынь.

Кутузовъ, въ готовности принять сраженіе, ожидалъ отъ Платова извѣстій о движеніяхъ Наполеона, такъ какъ атаманъ Донцовъ съ 20-ю казачьими полками, наканунѣ сраженія подъ Малоярославцемъ, стоялъ влѣво отъ арміи, по берегу Лужи, откуда онъ долженъ былъ наблюдать дорогу изъ Боровска въ Малоярославецъ и тревожить непріятеля въ тылъ и правый флангъ. Въ продолженіе дня 12 октября Платовымъ не было сдѣлано наступательнаго движенія, потому Кутузовъ послалъ ему приказаніе непремѣнно произвести ночной набѣгъ.

Платовъ, въ ночь съ 12 на 13 октября, отрядилъ три сильныя партіи на лѣвый берегъ рѣки Лужи, которыя, выступя изъ лагеря, шли на одной высотѣ, въ разстояніи одной версты между собою. Часу въ 4-мъ пополуночи, переправясь черезъ Лужу, двинулись тихо по столбовой дорогѣ и остановились, увидя за нею бивуачные огни. Стали всматриваться и увидали тянувшуюся по дорогѣ пѣхоту и артиллерію. Командиры партій съѣхались, переговорили и рѣшили ударить на орудія. Сперва шли шагомъ, потомъ рысью, наконецъ съ обычными криками лавою бросились на непріятельскую артиллерію, которая, завидя враговъ, своротила въ сторону, стараясь спастись по полямъ, но была настигнута, при чемъ взято болѣе 50 пушекъ. Пока одни изъ казаковъ поворачивали пушки, чтобы увезти ихъ, другіе кинулись на обозы, а иные

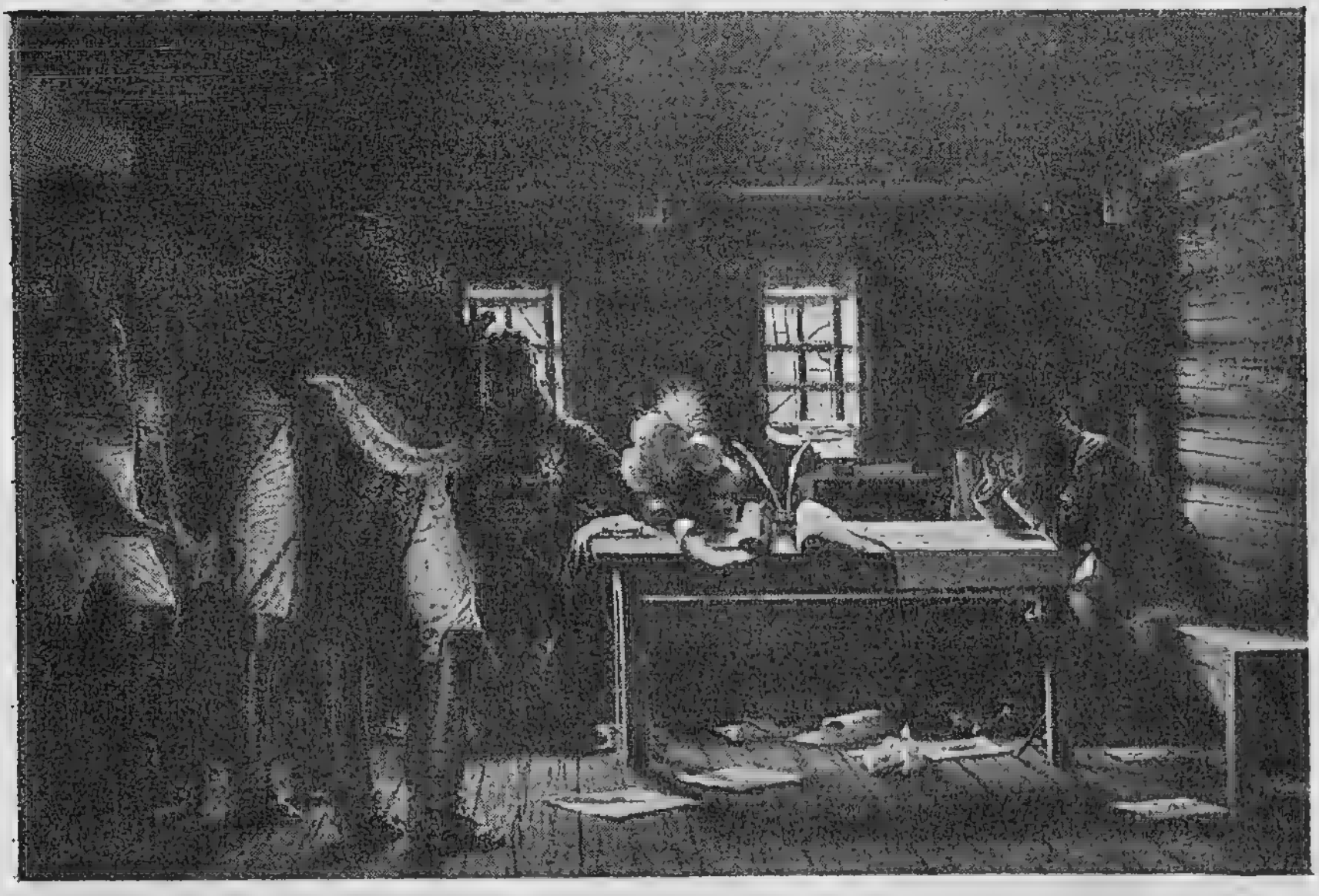
понеслись далѣе за дорогу и наскакали прямо на три кавалерійскіе взвода, стоявшіе неподвижно на мѣстѣ, среди которыхъ находился Наполеонъ. На зарѣ при туманѣ нельзя было примѣтить его.

Императоръ Франціи очутился тутъ слѣдующимъ образомъ: въ 5 часу утра поѣхалъ онъ изъ Городни въ Малоярославецъ, въ сопровожденіи лишь 3-хъ взводовъ, такъ какъ остальной конвой не успѣлъ отправиться за нимъ. Дорогою, у одного изъ генераловъ свиты Наполеона, именно Паца, упалъ эполетъ. Онъ сошелъ съ лошади поднять его и, наклонясь къ землѣ, услышалъ справа конскій топотъ и ржаніе лошадей. Едва успѣлъ онъ сказать о томъ Наполеону, какъ все поле наполнилось казаками. Наполеонъ обнажилъ шпагу, принялъ влѣво и остановился. Суматоха подлѣ дороги была страшная, и тщетны были крики казачьихъ офицеровъ, старавшихся собрать сотни, такъ какъ они нашли въ обозахъ боченки съ золотомъ. Между тѣмъ изъ Городни явились драгуны и конные гренадеры, которые атаковали донцовъ и заставили ихъ отступить.

Этотъ эпизодъ сержантъ Бургонь описываетъ такъ: «13 октября утромъ я стоялъ на дежурствѣ у маленькаго уединеннаго домика, гдѣ помѣстился императоръ и провелъ ночь; солнце проглядывало сквозь густой туманъ, какіе часто бываютъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, вдругъ императоръ, никого не предупредивъ, сѣлъ на коня и поскакалъ, сопровождаемый только нѣсколькими ординарцами. Едва успѣлъ онъ отъѣхать, какъ мы услыхали какой-то шумъ: сперва мы вообразили, что это привѣтственные крики: «да здравствуетъ императоръ!» Но вскорѣ разобрали, что это команда къ оружію». Болѣе 6000 казаковъ Платова, пользуясь туманомъ и рвами, произвели нападеніе. Тотчасъ же очередные эскадроны гвардіи пустились на равнину; мы послѣдовали за ними и для сокращенія пути перескочили черезъ ровъ. Въ одну минуту мы очутились передъ стаей дикарей, которые ревѣли, какъ волки, но скоро должны были ретироваться. Наши эскадроны настигли ихъ и отняли все, что они захватили багажа, зарядныхъ ящиковъ и т. п., нанеся имъ большой уронъ.

«На равнинѣ мы увидали императора почти посреди казаковъ, окруженнаго генералами и ординарцами, изъ которыхъ одинъ былъ опасно раненъ, благодаря роковому недоразумѣнію: въ ту минуту, какъ эскадроны вступили на равнину, многіе изъ офицеровъ принуждены были, защищаясь и охраняя императора, который находился среди ихъ и чуть не попалъ въ плѣнъ, вступить въ сабельный бой съ казаками. Одинъ изъ ординарцевъ, убивъ одного казака и ранивъ нѣсколькихъ, потерялъ въ схваткѣ свою шапку и уронилъ саблю. Очутившись безъ оружія, онъ бросился на одного казака, вырвалъ у него пику и сталъ ею обороняться.

«Тутъ на него обратилъ вниманіе одинъ конный гренадеръ гвардіи; введенный въ заблужденіе зеленой шинелью и пикой, онъ принялъ своего за казака, ринулся на него и хватилъ его саблей. Этого офицера звали Лольтеръ. Несчастный гренадеръ, убѣдясь въ своей ошибкѣ, съ отчаянія искалъ смерти, бросаясь въ самую чащу боя, ранитъ направо, налѣво—все бѣжитъ передъ нимъ. Наконецъ, убивъ нѣсколькихъ непріятелей и все-таки не найдя смерти, онъ возвращается назадъ, весь обрызганный кровью, узнать объ офицерѣ, котораго ранилъ по ошибкѣ. Тотъ потомъ выздоровѣлъ и вернулся во Францію. Помню, что, нѣсколько минутъ спустя, императоръ, смѣясь, разсказывалъ королю Мюрату, что



Въ Городнѣ.

чуть-чуть не попалъ въ плѣнъ. Гренадеръ Монфоръ изъ Валансьена и тутъ имѣлъ случай отличиться, убивъ и выбивъ изъ строя нѣсколькихъ казаковъ».

Наши благополучно переправились черезъ рѣку Лужу, увезя съ собою богатую добычу деньгами и 11 орудій, заблаговременно, при началѣ нападенія, отправленныхъ въ лагерь Платова. Въ то же самое время генералъ-майоръ Кутейниковъ сдѣлалъ набѣгъ близъ Боровска, взялъ массу плѣнныхъ, отбилъ обозъ съ церковною утварью и между бумагами одну весьма важную, о которой скажемъ далѣе.

«Послѣ сраженія подъ Малоярославцемъ,—пишетъ князь Голицынъ,—взята была позиція въ 4-хъ верстахъ. Она выбрана была подполковникомъ Гартингомъ, когда генералъ

Бороздинъ пріѣзжалъ съ испуганнымъ лицомъ на биваакъ, гдѣ ночевалъ Кутузовъ, разбудилъ Коновницына и донесъ, что французы опять заняли городъ. Такимъ образомъ они какъ бы находились на одной линіи съ нашей позиціей, и для того положено было до разсвѣта оставить ее. Въ случаѣ атаки со стороны французовъ дано было приказаніе отступить за арьергардомъ на армію и занять свои мѣста. Диспозиція же была итти 3 колоннами навстрѣчу его, начать сраженіе, гдѣ бы ни встрѣтился непріятель. Кутузовъ хотѣлъ цѣлою арміею опрокинуть головы колоннъ французской арміи, когда онѣ выходить будутъ изъ Малоярославца, разбивъ ихъ, вступить въ городъ и тогда уже держаться въ этой позиціи. Но когда Милорадовичъ далъ знать, что непріятель покоенъ, и летучіе отряды донесли о направленіяхъ его къ Верѣ, Кутузовъ рѣшилъ отступить въ Гончарово. Переходъ этотъ, дознанный всѣми ненужнымъ и заставившій насъ потерять трое сутокъ, былъ послѣ единственнымъ обвиненіемъ, которое возводимо было на него. Сужденіе о событіи семъ и послѣ времени не оправдало Кутузова въ глазахъ императора Александра, даже когда онъ пожалъ лавры побѣды и изгналъ французовъ изъ Россіи, несмотря на совершенное уничтоженіе арміи. Первая встрѣча ихъ, когда они увидѣлись въ Вильнѣ, была, что государь съ негодованіемъ потребовалъ отъ старика отчета въ такъ называемомъ имъ бездѣйствіи арміи». Послѣ нападенія казаковъ Платова Наполеонъ продолжалъ путь къ Малоярославцу, осматривалъ поле сраженія и русскую позицію, но не сдѣлалъ распоряженія къ бою. Всѣ сопровождавшіе его маршалы, безъ исключенія, совѣтовали ему не завязывать дѣла и поскорѣе отступать. Свои заключеніи маршалы основывали на двухъ основаніяхъ: 1) что Кутузовъ, несомнѣнно, приметъ сраженіе, которое, какъ бы ни кончилось, разстроитъ французскую армію; 2) раненые останутся безъ пріюта, а потому единогласно находили нужнымъ поспѣшнѣе отступать къ Смоленску.

Долго длились совѣщанія. Наполеонъ ни на что не рѣшался, поѣхалъ обратно въ Городню, въ 5 часовъ послѣ обѣда.

Бездѣйствіе Наполеона привело Кутузова къ заключенію, что противникъ имѣетъ новые замыслы, и не успѣвъ при Малоярославцѣ пробраться въ Калугу, по всей вѣроятности, думаетъ открыть себѣ туда путь чрезъ Медынь на Юхновъ. Въ этомъ Кутузовъ еще сильнѣе убѣдился, получа рапортъ находившагося на Медынской дорогѣ генералъ-майора Иловайскаго 9-го о томъ, что авангардъ Понятовскаго появился при Медыни, и удачномъ съ нимъ столкновеніи, подробности котораго заключались въ слѣдующемъ:

Стоявшій между Медынью и Кременскимъ казачій полковникъ Быхаловъ увѣдомилъ Иловайскаго, что непріятель

съ 4-мя полками кавалеріи, однимъ пѣхотнымъ и артилле-ріею, выступилъ изъ Кременского къ Медыни. Иловайскій двинулся немедленно туда со своимъ отрядомъ и, увидя французовъ на маршѣ, въ 6 верстахъ отъ Медыни, устроилъ засаду, поставивъ одинъ казачій полкъ на лѣвомъ крылѣ, а другой—на правомъ, и въ такомъ положеніи выжи-далъ поляковъ, тянувшихся по большой дорогѣ. Какъ только они поравнялись съ засадою, было сдѣлано нападеніе на нихъ съ фланговъ, а Быхаловымъ съ фронта; французы обратились въ бѣгство, потерявъ 5 пушекъ и много плѣн-ныхъ, среди которыхъ былъ взятъ генералъ Тышкевичъ, который заявилъ, что онъ составляетъ авангардъ корпуса Понятовскаго. Разбитые поляки отступили къ Кременскому. Тогда же была получена Кутузовымъ найденная генералъ-

Взятіе въ плѣнъ казаками польскаго генерала Тышкевича.

майоромъ Кутейниковымъ, въ отбитомъ близъ Боровска обозѣ, собственноручная записка маршала Бертье къ на-чальнику топографическаго депо Сансону, слѣдующаго со-держанія:

«Постарайтесь собрать свѣдѣнія о старой дорогѣ изъ Москвы чрезъ Боровскъ, Малоярославецъ и Песокъ, изъ Песокъ на Медынь, изъ Медыни въ Вязьму, изъ Вязьмы и Калуги въ Мосальскъ, изъ Мосальска въ Ельню, изъ Ельни въ Смоленскъ».

Эта записка, а также появленіе Понятовскаго на Медын-ской дорогѣ и предположеніе Кутузова, что для своего отступленія Наполеонъ долженъ избрать какой-либо другой путь, кромѣ разоренной Смоленской дороги, заставила Наполеона итти на Медынь и Юхновъ. Поэтому, чтобы пре-

дупредить Наполеона со стороны Медыни и не упускать изъ вида новой Калужской дороги, Кутузовъ отошелъ, въ ночь съ 13-го на 14-е, къ Детчину, а на позиціи при Малоярославцѣ оставилъ Милорадовича. Платову и партизанамъ, князю Кудашеву, Сеславину и Фигнеру было приказано наблюдать непріятеля, приближаясь къ нему какъ можно ближе.

Князь Кутузовъ доносилъ государю о своемъ движеніи такъ: «Легкія наши войска, простиравшіяся до дороги, ведущей къ Медыни, по которой непріятель могъ еще пробраться въ Калугу, стали единогласно увѣдомлять, что корпуса его стремятся по сей дорогѣ. Сіе тѣмъ вѣроятнѣе, что на ней были уже сраженія между нашими легкими войсками и непріятелями. Очевидно, что намѣреніе Наполеона клонится къ тому, чтобы всѣми способами обойти насъ къ Калугѣ, почему, оставя сильный авангардъ подъ командою Милорадовича, 14 числа пошелъ я къ селу Детчину».

Удержаніе Малоярославца было необходимо для прикрытія нашего марша изъ Тарутина на новую Калужскую дорогу, но когда маршъ былъ совершенъ удачно, дѣло шло уже не въ обладаніи Малоярославцемъ, но о прегражденіи пути Наполеону на Калугу и Юхновъ, что было удобнѣе исполнить, стоя у Детчина.

Когда Кутузовъ со своею арміею прибылъ къ Детчину, 14 октября поутру Наполеонъ отправился снова изъ Городни къ Малоярославцу. За нимъ шла гвардія и 2 кавалерійскіе корпуса. На половинѣ дороги ему привезли изъ авангарда донесеніе объ отступленіи передовыхъ постовъ нашихъ отъ Малоярославца. Наполеонъ сдѣлалъ привалъ, велѣлъ на полѣ разложить огонь и сѣлъ возлѣ него. Куда отходилъ Кутузовъ, было неизвѣстно Наполеону, потому надо было рѣшиться, или итти слѣдомъ за русскою арміею, чтобы съ ней сразиться и оттѣснить ее, для обезпеченія своего движенія на Юхновъ, или безъ боя отступать къ Днѣпру, куда вели два пути: на Медынь и Ельню или Можайскъ и Вязьму. Дорога на Ельню была короче, край цѣлъ, но Наполеонъ чуялъ, что на ней встрѣтитъ русскую армію. Отъ его прозорливости не ускользнуло намѣреніе Кутузова, который хотѣлъ преградить ему всѣ пути къ южнымъ губерніямъ. Итакъ, Наполеонъ рѣшилъ вернуться на Смоленскую дорогу, предпочитая бороться на ней съ лишеніями въ продовольствіи, чѣмъ пробиваться силою туда, куда задумывалъ итти, выступя изъ Москвы. Приказанія, отданныя тутъ же на полѣ между Городнею и Малоярославцемъ, заключались въ слѣдующемъ:

1) Даву съ двумя пѣхотными дивизіями и кавалеріею его корпуса итти весь день за русскимъ арьергардомъ, а вечеромъ, въ 10 часовъ, слѣдуя общему отступленію арміи, возвратиться къ ней черезъ Боровскъ и Верею, истребляя

дорогою все, что только можно, чтобы тѣмъ остановить русскихъ и замедлить ихъ преслѣдованіе. 2) Гвардіи, корпусамъ Нея и вице-короля и всѣмъ тяжестямъ итти черезъ Верею на Можайскъ. 3) Понятовскому остановиться на Медынской дорогѣ у Егорьевскаго, для прикрытія отступленія, а затѣмъ повернуть на Гжатскъ. 4) Корпусу Жюно, стоявшему въ Можайскѣ, и всѣмъ войскамъ, высланнымъ по прежде даннымъ приказаніямъ изъ Вязьмы къ Юхнову и Ельнѣ, возвратиться въ Вязьму; и 5) Выслать изъ Вязьмы какъ можно болѣе провіанта на встрѣчу арміи, возвращающейся отъ Малоярославца къ Вязьмѣ.

Разославъ приказанія эти, Наполеонъ произносилъ смертный приговоръ своей арміи и заносилъ первый шагъ своего низверженія съ безпримѣрной высоты могущества.

Посреди печальныхъ своихъ полковъ ѣхалъ Наполеонъ задумчивый, разсчитывая съ Бертье время, когда можно будетъ достигнуть Смоленска и Минска, единственныхъ на пути до Вильны городовъ, гдѣ были заготовлены запасы и снаряды. Только Даву остался у Малоярославца и прошелъ впередъ еще нѣсколько верстъ. Милорадовичъ, замѣтя, что непріятельская армія отступила, вскорѣ остановился. Съ обѣихъ сторонъ открылась пушечная пальба и безъ всякихъ послѣдствій продолжалась нѣсколько часовъ, послѣ чего Даву тихо пошелъ назадъ къ Малоярославцу, переправился черезъ рѣку Лужу и расположился въ 5 верстахъ за нею, на дорогѣ къ Городнѣ.

Милорадовичъ занялъ Малоярославецъ, откуда писалъ Кутузову: «Я оставилъ противъ Даву казаковъ, 4 полка регулярной кавалеріи и 4 конныхъ орудія для преслѣдованія. Пѣхоту размѣстилъ по сю сторону города; егерей съ подкрѣпленіемъ двухъ полковъ, за городомъ на высотахъ, тоже по сю сторону Лужи». Въ Малоярославцѣ изъ 200 дворовъ сгорѣло 180. Улицы были устланы трупами, обгорѣлыми и раздавленными проѣздомъ чрезъ нихъ французскихъ пушекъ. Сотни раненыхъ и умиравшихъ лежали среди смрада курившихся домовъ. Одна церковь осталась на площади, сверху до половины обгорѣвшая; въ каменныхъ стѣнахъ нижней ея части были пробиты французами бойницы. Входъ ея былъ такъ усѣянъ русскими пулями, что едва былъ виденъ ликъ надъ нимъ Спасителя. Содранные съ образовъ мѣдные оклады, позолоченные или посеребренные, своимъ блескомъ обманули грабителей, бросившихъ ихъ тутъ же на полу. Царскія двери были выломаны, алтарь испорченъ, утварь разбросана. Образъ Богородицы лишенъ очей, а Спасителя изъязвленъ оружіемъ. На одной изъ церквей была прибита надпись: «Конюшня генерала Гильемино». Видя все это, могли ли русскіе не призывать небеснаго гнѣва на святотатцевъ?

Кутузовъ остановился 14 октября у Детчина, ожидая донесеній о движеніи непріятеля. Отсюда онъ отправилъ на Медынскую дорогу младшаго изъ всей арміи по лѣтамъ, но уже извѣстнаго своими заслугами, дивизіоннаго командира Паскевича, усиливъ 26-ю дивизію его однимъ драгунскимъ полкомъ, батарейною и конною артиллеріею и давъ ему такой приказъ: «Вы назначены слѣдовать къ Полотнянымъ-Заводамъ, на дорогу, идущую изъ Медыни въ Калугу. Прибывъ къ Заводамъ, сдѣлайте привалъ на два часа, слѣдуйте потомъ къ Медыни и, не доходя 15 верстъ, остановитесь въ удобномъ мѣстѣ. Казачьи полки Быхалова и Иловайскихъ 9-го и 11-го, находящіеся въ Медыни, имѣютъ состоять въ вашей командѣ. Предметъ назначенія вашего заключается въ томъ, чтобы имѣть сію дорогу во власти нашей, и воспрепятствовать покушенію непріятеля, который былъ бы въ равныхъ силахъ съ вами, и имѣющаго намѣреніе итти по сей дорогѣ въ Калугу, для чего давайте какъ можно чаще извѣстія о непріятелѣ. Если всѣ силы Наполеона оставятъ новую Калужскую дорогу, въ такомъ случаѣ наша армія перейдетъ къ Полотнянымъ-Заводамъ».

Приходъ Кутузова съ арміею къ Детчину, находящемуся въ 37 верстахъ отъ Калуги, страшно перепугалъ калужанъ. Они присылали нарочныхъ въ главную квартиру фельдмаршала, чтобы узнать о предстоявшей имъ участи. Чтобы ихъ успокоить, Кутузовъ написалъ городскому головѣ слѣдующія строки:

«Именемъ моимъ поручаю вамъ успокоить купеческое и мѣщанское сословія, которыя, какъ я слышалъ, пустыми слухами приведены въ волненіе и опасность. Увѣрьте ихъ, что я ищу дать врагу сраженіе, но никакъ не ретируюсь, и что цѣль моя не въ томъ состоитъ, чтобы выгнать непріятелей изъ предѣловъ нашихъ, но чтобъ, призвавъ на помощь Всемогущаго Бога, изрыть имъ могилы въ нѣдрахъ Россіи. Уповайте на Бога, молите его о поддержаніи храбрости нашего воинства, исполняйте ваши обязанности и будьте спокойны. Вы есть и будете защищены».

Завѣренія фельдмаршала не были напрасны. Только что Паскевичъ, на разсвѣтѣ 15 октября, двинулся къ Медыни, какъ въ 6 часовъ утра было получено увѣдомленіе Милорадовича объ отступленіи французовъ отъ Малоярославца къ Боровску.

Кутузовъ немедленно отдалъ три приказа: 1) Паскевичу какъ можно скорѣе итти на Медынскую дорогу, къ Полотнянымъ-Заводамъ. 2) Милорадовичу фланговымъ движеніемъ перейти отъ Мало рославца въ Медынь, оставя для наблюденія за непріятелемъ между Малоярославцемъ и Боровскомъ генералъ-майора Карпова, съ бригадою пѣхоты и 3-мя полками казаковъ и нѣсколькими орудіями. Самъ Куту-

зовъ съ арміею утромъ 15 октября двигался къ Полотнянымъ-Заводамъ, откуда можно было дѣйствовать кратчайшимъ путемъ на Юхновъ и Вязьму. Къ фельдмаршалу между тѣмъ каждый часъ стали поступать донесенія, что армія Наполеона потянулась къ Верѣ и отправляетъ обозы на Смоленскую дорогу. Отступленіе Наполеона обозначилось ясно, но нельзя еще было видѣть: пойдетъ ли онъ изъ Боровска на Верею и Можайскъ или на Медынь и Юхновъ, а потому въ ожиданіи полнаго развитія движенія Наполеона, Кутузовъ сдѣлалъ дневку въ Полотняныхъ-Заводахъ, которая была также необходима для присоединенія къ арміи парковъ и фуръ

Крестьяне ведутъ плѣнныхъ французовъ.

провіантскихъ, отставшихъ отъ арміи при быстромъ ея переходѣ со старой Калужской дороги на новую.

Стараясь не упустить Наполеона изъ вида, Кутузовъ послалъ впередъ Платова съ 15-ю казачьими полками, а партизаны: Кайсаровъ, князь Кудашевъ, Сеславинъ, Ефремовъ и Фигнеръ, должны были, съ самой близкой дистанціи, наблюдать непріятеля и тѣснить его. Графу Орлову-Денисову, съ 6-ю казачьими полками, приказано было итти къ Гжатску, имѣя для подкрѣпленія 26-ю пѣхотную дивизію Паскевича. Давыдову, находившемуся съ партизанскою партіею близъ Вязьмы, было послано въ подкрѣпленіе два казачьихъ полка. Тогда же наши партизаны увѣдомляли отовсюду, что французы при своемъ отступленіи взрываютъ зарядные и патронные ящики.

Атаманъ Платовъ доносилъ Кутузову такъ: «По всему видно, что гордый и дерзкій непріятель испошевалъ и поколебался; теперь направилъ лыжи. Богъ да поможетъ! Еще не то ему будетъ: по повелѣнію его свѣтлости, фельдмаршала нашего, и совсѣмъ побѣжитъ».

Дѣйствительно, Наполеонъ шелъ уже страшно скоро, постоянно дѣлая выговоры Даву за медленность и задержки арьергарда. Какова была эта медленность, видно изъ донесенія того же Платова, отъ самаго Можайска шедшаго позади Даву и доносившаго, что «непріятели бѣгутъ такъ, какъ никакая армія никогда ретироваться не могла—покидаютъ по дорогѣ раненыхъ, больныхъ и тяжести».

Французская армія, миновавъ Можайскъ, прошла мимо Бородинскаго поля, на которомъ лежало около 30.000 тѣлъ. При приближеніи войска стаи воронъ съ страшнымъ крикомъ поднялись съ полурасклеванныхъ и истерзанныхъ труповъ, несмотря на холодную погоду, издававшихъ невыносимый, отвратительный запахъ. Наполеонъ не повернулъ головы, не сказалъ ни слова, только ускорилъ шагъ, такъ какъ шелъ пѣшкомъ.

Сержантъ Бургонь говоритъ: «15 октября, сдѣлавъ переходъ почти безъ остановки до самаго вечера, ночевали подъ самымъ Можайскомъ; въ эту ночь начало морозить. 16 числа мы выступили спозаранку и днемъ, переправясь черезъ какую-то рѣчонку, очутились на знаменитомъ полѣ сраженія, все еще покрытомъ мертвыми тѣлами и обломками разнаго рода. Кое-гдѣ изъ земли торчали руки, ноги, головы; почти всѣ трупы принадлежали русскимъ—нашихъ, по мѣрѣ возможности, мы всѣхъ предали землѣ. Но такъ какъ все это было сдѣлано на скорую руку, то наступившіе вслѣдъ за тѣмъ дожди размыли часть могилъ. Нельзя себѣ представить ничего печальнѣе, какъ видъ этихъ покойниковъ, уже почти утратившихъ человѣческій образъ; послѣ битвы прошло 52 дня. Мы расположились бивуакомъ подальше, впереди, и прошли мимо большого редута, гдѣ былъ убитъ и похороненъ генералъ Коленкуръ. Остановившись, мы занялись устройствомъ себѣ убѣжищъ, чтобы, какъ можно, провести ночь.

«Мы развели костры при помощи обломковъ оружія, пушечныхъ лафетовъ, зарядныхъ ящиковъ; относительно воды встрѣтилось затрудненіе: рѣчка, протекавшая возлѣ нашей стоянки, очень маловодная, была вся полна гніющими трупами; пришлось итти на $^1/_4$ лье повыше, чтобы добыть воды, годной для питья. Когда мы окончательно устроились, я отправился съ однимъ пріятелемъ, сержантомъ Гранжье, осматривать поле битвы; мы дошли до рва, до того самаго мѣста, гдѣ на другой день послѣ сраженія король Мюратъ раскинулъ свои палатки. Между тѣмъ пронесся слухъ, что на полѣ сраженія найденъ еще живымъ одинъ французскій гренадеръ,

у котораго были оторваны обѣ ноги. Онъ пріютился за остовомъ убитой лошади и все время питался ея мясомъ, а воду доставалъ изъ ручья, зараженнаго трупами. Говорятъ, будто его спасли; пока, на время—это весьма вѣроятно, но что касается будущаго, то едва ли: вѣрнѣе всего, несчастнаго пришлось бросить на произволъ судьбы, какъ стольких ъ другихъ.

«Вечеромъ началъ чувствоваться голодъ среди тѣхъ частей, которыя успѣли истощить всѣ свои запасы. До тѣхъ поръ всякій разъ, какъ варили супъ, каждый давалъ порцію своей

На пути къ Можайску.

муки, но когда замѣчено было, что не всѣ участвуютъ въ складчинѣ, то многіе стали прятаться, чтобы съѣстъ, что у нихъ было; ѣли сообща только супъ изъ конины, который стали варить за послѣдніе дни. На слѣдующій день мы проходили мимо монастыря, служившаго госпиталемъ для части нашихъ раненыхъ въ Бородинскомъ сраженіи. Многіе находились тамъ и до сихъ поръ. Императоръ отдалъ приказъ везти ихъ на всѣхъ подводахъ, не исключая и его собственныхъ, но маркитанты, которымъ поручены были нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ, побросали ихъ на дорогѣ подъ раз-

ными предлогами—и все для того, чтобы не лишиться добычи, которую везли изъ Москвы и которой были нагружены всѣ повозки. Ночь мы провели въ лѣсу позади Гжатска, гдѣ ночевалъ императоръ; ночью въ первый разъ шелъ снѣгъ».

Разсказываютъ, что, когда императорская колонна приближалась къ Гжатску, она вездѣ по дорогѣ встрѣчала трупы только что убитыхъ русскихъ, у которыхъ головы были размозжены одинаковымъ ударомъ, въ упоръ, съ разметаннымъ кругомъ мозгомъ,—знали, что двѣ тысячи русскихъ плѣнниковъ шли впереди, подъ конвоемъ, и поняли, что это были ихъ отсталые, для упрощенія дѣла пристрѣленные. Нѣкоторые изъ свиты Наполеона пришли въ негодованіе, другіе молчали, третьи даже оправдывали эти хладнокровныя убійства. Около императора никто не высказывалъ своихъ чувствъ, только Лористонъ разразился: «Это просто невозможная жестокость! Вотъ она, цивилизація, которую мы принесли въ Россію! Вѣдь непріятель отплатитъ намъ за эти варварства: у него на рукахъ масса нашихъ раненыхъ и плѣнныхъ, и онъ имѣетъ всѣ средства отомстить намъ за нихъ».

Наполеонъ угрюмо молчалъ, но со слѣдующаго дня эти убійства прекратились—безъ сомнѣнія, онъ распорядился болѣе этого не дѣлать.

По поводу убійствъ русскихъ плѣнниковъ, всѣ очевидцы главной квартиры повторяютъ то же самое: «Колонна русскихъ плѣнныхъ шла передъ нами, подъ карауломъ солдатъ Рейнскаго союза,—говоритъ Фянъ.—Имъ кидали обрывки лошадинаго мяса, и караульнымъ было приказано убивать тѣхъ, что изнемогали и не могли итти дальше. По дорогѣ валялись ихъ трупы съ разбитыми головами».

«Баденскимъ гренадерамъ,—пишетъ Роосъ,—которые провожали обозъ Наполеона, былъ данъ приказъ: тѣхъ русскихъ плѣнныхъ, которые изнемогали и далѣе итти не могли, сейчасъ же пристрѣливать. Двое изъ этихъ гренадеръ говорили мнѣ, что самъ Наполеонъ далъ этотъ приказъ».

Лабомъ сообщаетъ, что «дорогой не имѣли чѣмъ кормить три тысячи русскихъ плѣнныхъ, захваченныхъ въ Москвѣ, которыхъ загоняли какъ скотъ, ни подъ какимъ предлогомъ не позволяя выходить изъ тѣснаго пространства, имъ назначеннаго. Безъ огня, замерзающіе, они бросались на ледъ и снѣгъ и, чтобы хоть сколько-нибудь утолить голодъ, не желавшіе умирать ѣли своихъ только что умершихъ товарищей». Плѣнные эти не были взяты съ оружіемъ въ рукахъ и представляли сбродъ разныхъ сословій, попавшихся на улицахъ Москвы.

Офицеръ Перовскій, впослѣдствіи графъ, тамъ же задержанный вопреки военнымъ правиламъ, такъ описываетъ эти убійства: «Вдругъ за нѣсколько шаговъ позади насъ

раздался ружейный выстрѣлъ, на который я сначала не обратилъ вниманія... Унтеръ-офицеръ донесъ офицеру, что пристрѣлилъ одного изъ плѣнныхъ. Я не вѣрилъ ушамъ своимъ и просилъ офицера объяснить мнѣ слышанное. «Я имѣю письменное повелѣніе,—сказалъ онъ вѣжливо,—пристрѣливать плѣнныхъ, которые отъ усталости, или по какой другой причинѣ отстанутъ отъ хвоста колонны болѣе 50 шаговъ. Конвойнымъ приказано объ этомъ разъ навсегда»... Въ продолженіе дня пристрѣлено было человѣкъ 6 или 7, въ числѣ которыхъ одинъ штатскій чиновникъ. Иногда слышали мы до 15 выстрѣловъ въ день. Мнѣ случилось видѣть разъ стараго сол-

Съ оружіемъ въ рукахъ—разстрѣлять!

дата, упавшаго въ дорогѣ отъ усталости; французъ, оставшійся, чтобы пристрѣлить его, три раза прикладывалъ дуло своего ружья къ головѣ русскаго, три раза спускалъ курокъ: ружье осѣкалось! Наконецъ онъ ушелъ и прислалъ другого, у котораго ружье было исправнѣе. Плѣнные, предчувствуя свою участь, завидя издали по дорогѣ церковь, старались дотянуться до нея, останавливались по нѣсколько человѣкъ рядомъ, на паперти, у дверей, молились и ихъ разстрѣливали». Перовскій, несомнѣнно, испыталъ бы ту же участь, если бы отрядъ казаковъ подъ командой флигель-адъютанта Чернышева не спасъ бы его вмѣстѣ съ Винцингероде,

взятаго въ плѣнъ французами, который хотѣлъ не дозволить взорвать Кремль, поскакалъ въ Москву для того, чтобы пригласить Мортье на переговоры, и былъ захваченъ.

Супруга императора Александра I, императрица Елизавета Алексѣевна, писала своей матери слѣдующія строки:

«Я имѣла удовольствіе сегодня видѣть Винцингероде, который былъ взятъ въ плѣнъ мѣсяцъ тому назадъ и теперь освобожденъ по пути въ Варшаву полкомъ казаковъ, которымъ командовалъ Чернышевъ,—тотъ самый, о которомъ такъ часто говорилось въ газетахъ по поводу его поѣздокъ изъ Парижа въ Петербургъ и обратно. Освобожденіе Винцингероде есть опять-таки eine Fugung des Himmels. Четверть часа позже они уже не встрѣтились бы на той дорогѣ, по которой проѣзжалъ Чернышевъ со своимъ отрядомъ совершенно случайно. Винцингероде, какъ уроженецъ Гессена, безъ сомнѣнія, былъ бы разстрѣлянъ въ Вестфаліи; его разстрѣляли бы и во французской арміи, если бы французскіе генералы, боясь отвѣтственности, не убѣдили Наполеона не дѣлать этого. Мы получили извѣстіе объ его освобожденіи третьяго дня, а часъ тому назадъ я имѣла удовольствіе его видѣть. Все, что онъ разсказываетъ, весьма любопытно. Онъ говорилъ мнѣ, между прочимъ, что баденскимъ войскамъ было поручено вести плѣнныхъ, и что недавно они разстрѣляли, по Высочайшему повелѣнію, цѣлый транспортъ, подъ предлогомъ, будто солдаты шли слишкомъ тихо. Это одна изъ тѣхъ подробностей, которыя доказываютъ дьявольскіе поступки этого чудовища».

IX.

Наполеонъ подошелъ къ Вязьмѣ 18 октября. Въ первый разъ по выходѣ изъ Москвы онъ ѣхалъ въ каретѣ и былъ одѣтъ въ собольей шапкѣ, зеленой шубѣ, обшитой соболями съ золотыми бранденбургами, и мѣховыхъ сапогахъ. Такъ одѣвался онъ потомъ во все время отступленія, и когда настали большіе холода, не позволявшіе сидѣть въ сѣдлѣ, Наполеонъ ѣхалъ въ каретѣ или шелъ пѣшкомъ. Пѣхота старой гвардіи попрежнему располагалась бивуакомъ въ карре около его главной квартиры, устраивавшейся преимущественно въ уцѣлѣвшихъ домахъ.

Сержантъ Бургонь разсказываетъ: «Мы прибыли въ Вязьму, водочный городъ, какъ прозвали его наши солдаты вслѣдствіе того, что на пути въ Москву мы добыли тамъ водки. Императоръ остановился въ городѣ; нашъ полкъ двинулся впередъ. Я забылъ сказать, что передъ прибытіемъ въ Вязьму мы сдѣлали продолжительный привалъ и, отойдя направо отъ дороги, возлѣ сосноваго лѣса, я встрѣтилъ одного знако-

маго сержанта гвардіи (Пикара). Онъ воспользовался разведеннымъ костромъ, случившимся на мѣстѣ, чтобы сварить котелъ риса, и пригласилъ меня участвовать въ трапезѣ. При немъ была полковая маркитантка, венгерка, съ которою онъ находился въ наилучшихъ отношеніяхъ; она имѣла особую повозку, запряженную парою лошадей и хорошо снабженную продовольствіемъ, мѣхами и деньгами. Я оставался съ ними все время привала, больше часа. Тутъ подошелъ къ намъ погрѣться одинъ португальскій унтеръ-офицеръ; я спросилъ, гдѣ его полкъ. Онъ отвѣтилъ, что полкъ разсѣялся, на что ему поручено съ отрядомъ конвоировать отъ семи до восьмисотъ русскихъ плѣнныхъ, которые, не имѣя

Наполеонъ по дорогѣ отступленія.

чѣмъ питаться, были принуждены поѣдать другъ друга, т.-е., когда одинъ изъ нихъ умиралъ, другіе рѣзали его на куски и съѣдали. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ предложилъ мнѣ посмотрѣть самому; но я отказался. Эта сцена происходила въ какихъ-нибудь ста шагахъ отъ насъ; мы узнали, нѣсколько дней спустя, что этихъ плѣнныхъ принуждены были оставить, не имѣя возможности прокормить ихъ». Наполеонъ изъ Вязьмы пришелъ въ Землево. Маршалъ Ней находился въ Вязьмѣ, вице-король и Понятовскій—въ селѣ Ѳедоровскомъ (въ 12 верстахъ отъ города, въ сторонѣ Гжатска), куда подходилъ изъ Царева-Займища арьергардъ Даву.

Кутузовъ, слѣдуя съ главными силами изъ Медыни, чрезъ Ельню для отрѣзыванія французовъ боковымъ движеніемъ,

былъ въ Дубровѣ, въ 27 верстахъ отъ Вязьмы. Авангардъ Милорадовича, состоявшій изъ корпусовъ князя Долгорукова и графа Остермана и кавалерійскихъ корпусовъ Корфа и Васильчикова съ казаками Карпова, всего до 17.000 чел. находился въ Спасскомъ, въ 7 верстахъ лѣвѣе Ѳедоровскаго, а Платовъ съ 5.000 казаковъ и пѣхотною дивизіею Паскевича, шелъ по большой дорогѣ позади Даву.

Генералы Корфъ и Васильчиковъ, подойдя къ большой дорогѣ, взошли на сельскую колокольню, откуда въ подзорную трубу увидѣли непріятельскую армію, шедшую въ большомъ безпорядкѣ. На ихъ глазахъ генералъ-майоръ Карповъ сдѣлалъ набѣгъ на столбовую дорогу и выхватилъ нѣсколько обозовъ изъ самой середины французскихъ корпусовъ. Желая использовать такое разстройство великой арміи, Васильчиковъ и Корфъ предложили Милорадовичу атаковать всѣмъ авангардомъ, при чемъ Корфъ, отлично знавшій мѣстоположеніе, вызвался подвесть отрядъ скрытно отъ непріятеля къ удобному мѣсту для нападенія. Милорадовичъ согласился, но, такъ какъ день клонился къ вечеру, рѣшилъ атаковать въ слѣдующее утро.

22 октября до разсвѣта кавалерія Васильчикова и Корфа выступила изъ Спасскаго и проселочными дорогами прошла на столбовую дорогу чрезъ деревню Максимову. Пѣхота находилась въ нѣкоторомъ разстояніи сзади.

У Вязьмы, близъ Крапивны, стоялъ Ней, наблюдаемый нашими партизанами—Фигнеромъ и Сеславинымъ. Вице-король и Понятовскій начинали входить въ городъ, и Даву находился при Ѳедоровскомъ, гдѣ обозы и отсталые затрудняли движеніе. Милорадовичъ поравнялся съ французами у Максимова, и, пройдя это селеніе, на разсвѣтѣ, приказалъ Васильчикову атаковать. Полковникъ Эмануэль съ Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ и Кіевскимъ драгунскимъ бросился на столбовую дорогу въ интервалъ между колоннами Даву и вице-короля, разсѣялъ и частью взялъ въ плѣнъ бригаду генерала Нагеля и сталъ поперекъ дороги. Полковникъ Юзефовичъ, съ Харьковскимъ драгунскимъ полкомъ, перешелъ дорогу лѣвѣе Эмануэля, за которой Милорадовичъ поставилъ три конныя батареи. За ними встали прочіе кавалерійскіе полки въ ожиданіи пѣхоты. Платовъ со своей стороны, шедшей по слѣдамъ Даву, узнавъ о нападеніи Милорадовича, велѣлъ посадить на крупы казачьихъ лошадей 300 человѣкъ, стоявшаго вблизи 5-го егерскаго полка и отправилъ ихъ, съ двумя драгунскими и нѣсколькими казачьими полками и Донскою артиллеріею, впередъ, подъ командою начальника главнаго штаба арміи Ермолова, находившагося тогда въ авангардѣ.

Паскевичу было дано приказаніе спѣшить. Ермоловъ насѣлъ на арьергардъ французовъ въ Ѳедоровскомъ, кото-

рый оказалъ сильное сопротивленіе. Даву, видя себя окруженнымъ и путь въ Вязьму въ нашихъ рукахъ, остановился, собралъ свои войска и готовился итти напроломъ. Вице-король и Понятовскій, заслышавъ сильную пальбу, поняли, что Даву находится въ опасности, пошли на его выручку изъ Вязьмы. Отъ ихъ движенія успѣхъ перешелъ на сторону французовъ, по причинѣ превосходства ихъ силъ, а также потому, что еще не пришла вся пѣхота нашего авангарда, а только прибыли двѣ дивизіи: 17-я Олсуфьева и 4-я принца Евгенія Вюртембергскаго, которая немедленно заняла поперекъ дорогу, для преграждения Даву пути отступленія.

Партизанъ А. Н. Сеславинъ.

Такимъ образомъ Милорадовичу пришлось имѣть дѣло съ тремя французскими корпусами, но начавшееся сраженіе онъ не хотѣлъ прекратить, имѣя въ виду подходъ нашей арміи Кутузова изъ Дубровы. Было 10 часовъ утра, когда Даву выступилъ изъ Ѳедоровскаго въ сомкнутыхъ колоннахъ. Вице-король и Понятовскій пришли къ Мясоѣдову, поставили батареи и открыли огонь, а Даву разсыпалъ стрѣлковъ, что заставило Милорадовича отступить, подавъ лѣвый флангъ назадъ. Пришлось также убрать съ дороги дивизію Евгенія и кавалерію Эмануэля. Стрѣлки вице-короля, подкрѣпленные колоннами, такъ быстро подавались впередъ, что Харьковскому драгунскому полку, находившемуся за столбовою до-

рогою, отрѣзали сообщеніе съ авангардомъ. Но храбрые драгуны маршъ-маршемъ проскакали мимо непріятельскихъ колоннъ, которыя отъ изумленія не сдѣлали по нимъ ни одного выстрѣла.

Главное вниманіе вице-короля было обращено на наши батареи, обстрѣливавшія дорогу, но атаки его и Понятовскаго не имѣли успѣха, потому что подошла уже вся пѣхота Милорадовича. Кромѣ того, вице-король не имѣлъ уже задачи атаковать, такъ какъ отступленіе Даву было обезпечено.

Разстроенный повторными атаками Платова и батарей Милорадовича, Даву бросилъ обозы и прошелъ стороною отъ большой дороги, лѣвымъ берегомъ рѣчки Черногрязья, въ тылъ корпуса вице-короля, и выстроился за нимъ.

Не имѣя возможности отрѣзать непріятеля, Милорадовичъ двинулъ войска впередъ и въ полдень соединился вправо съ Платовымъ, разсѣявшимъ остатки арьергарда Даву. Французы остановились на позиціи между Ржавцомъ и усадьбою Рибопьера, а наша кавалерія, къ которой присоединились отряды Сеславина и Фигнера, обходила французовъ съ фланговъ, угрожая отрѣзать ихъ отъ Вязьмы. Скоро положеніе непріятеля стало еще опаснѣе, такъ какъ прибылъ къ городу Уваровъ съ двумя кирасирскими дивизіями, посланными Кутузовымъ въ подкрѣпленіе Милорадовича. Уваровъ развернулъ свои дивизіи противъ деревни Крапивны, лежавшей за болотистою рѣчкою Улицею, на которой былъ мостъ сожженъ. Французы, тѣснимые съ фронта, угрожаемые на своемъ пути сообщенія, рѣшились сосредоточиться передъ самою Вязьмою и, давъ отпоръ русскимъ, затѣмъ продолжить свое отступленіе. Милорадовичъ шелъ по пятамъ французовъ. Съ обѣихъ сторонъ открылась сильная пушечная стрѣльба, продолжавшаяся цѣлый часъ. Милорадовичъ построилъ колонны къ атакѣ и повелъ ихъ впередъ. Непріятель ушелъ въ городъ, а арьергардъ его засѣлъ въ домахъ и за заборами. Несмотря на сумракъ и начавшійся въ городѣ пожаръ, Милорадовичъ приказалъ дивизіямъ Чеглокова и Паскевича выбить непріятеля. Находившіеся въ головѣ полки Перновскій и Бѣлозерскій, съ музыкою, барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами, ворвались въ Вязьму. Съ другой стороны, самъ Милорадовичъ вводилъ въ городъ войска; французы храбро защищались, но были выгнаны штыками, а засѣвшіе въ домахъ перебиты или взяты въ плѣнъ. Такимъ образомъ начавшееся съ разсвѣтомъ сраженіе кончилось въ семь часовъ вечера. Французы, пройдя мостъ на рѣкѣ Вязьмѣ, уничтожили его и свой арьергардъ поставили въ лѣсахъ, а сами послѣ отдыха, въ полночь продолжали отступленіе къ Семлеву.

Отрядъ Платова сталъ за городомъ близъ рѣки, а войска нашего авангарда—параллельно Юхновской дорогѣ, правымъ

крыломъ къ Вязьмѣ, объятой пожаромъ, а лѣвымъ—къ Краснивнѣ. Французы потеряли три пушки, два знамени, большое количество обозовъ; 3.000 человѣкъ убитыми и ранеными и 2.000 взятыми въ плѣнъ, въ числѣ которыхъ былъ генералъ артиллерійскій Пеллетье.

Милорадовичъ шагъ за шагомъ преслѣдовалъ непріятеля, сражаясь безпрерывно 10 часовъ, и ему принадлежитъ честь, что онъ первый изъ русскихъ генераловъ подъ Вязьмою поднялъ завѣсу, скрывавшую разстройство великой арміи. Не даромъ вице-король принцъ Евгеній, въ письмѣ къ своей женѣ изъ Семлева, говоритъ, что «подъ Вязьмою было только два нашихъ корпуса, а русская армія была тамъ полностью вся».

Сраженіе при Вязьмѣ 22 октября.

Сержантъ Бургонь пишетъ: «23 октября мы форсированнымъ маршемъ направились въ Дорогобужъ—«капустный» городъ; такъ мы прозвали его за огромное количество капусты, найденной нами, когда мы шли въ Москву. Въ 7 часовъ вечера были еще въ двухъ лье отъ города; съ большимъ трудомъ мы добрались туда; огромное количество выпавшаго снѣга мѣшало намъ итти. Одно время мы даже заблудились, и, чтобы людямъ, оставшимся позади, можно было нагнать насъ, мы больше двухъ часовъ били ночной сборъ, пока не дошли до мѣста, гдѣ когда-то былъ городъ; теперь онъ весь выгорѣлъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ домовъ. Было часовъ 11, когда мы окончили устраиваться на бивуакахъ и, благодаря остаткамъ отъ сгорѣвшихъ домовъ, нашли достаточно топлива, чтобы развести костры и погрѣться. Но мы

терпѣли во всемъ недостатокъ и были до такой степени измучены, что не имѣли даже силъ найти лошадь и украсть ее, чтобы потомъ съѣсть»... Французскія войска, имѣя приказанія все выжигать, выламывали въ домахъ окна, двери, кидали въ нихъ горящія головни, патроны съ порохомъ, даже патронные ящики, тѣшась взрывами ихъ. Въ городахъ и селахъ нельзя было дышать отъ дыма пожаровъ и гнившихъ труповъ. Даву, не находя способовъ для сохраненія людей въ такихъ условіяхъ, писалъ Наполеону: «Слѣдуетъ одному арьергарду предоставить сожженіе оставляемыхъ селеній». Ежедневныя потери арміи въ людяхъ и лошадяхъ дѣлались отъ этого истребленія жилья еще большими.

«Начались для насъ,—говоритъ офицеръ французскаго кирасирскаго № 2-го полка,—всякаго рода бѣдствія только тогда, когда мы вступили на большую (Смоленскую) дорогу, по которой двигался императоръ съ гвардіею и частью арміи. Холодъ увеличивался по мѣрѣ того, какъ мы слабѣли, очутившись безъ обуви, безъ одежды, безъ другой, кромѣ конины, пищи и даже безъ питья, такъ какъ вода уже замерзала. Все то, что писалось объ этомъ продолжительномъ отступленіи, никогда не передастъ всей о немъ истины и никогда не передастъ во всей ясности всѣхъ нашихъ разнообразныхъ бѣдствій и лишеній. Въ началѣ отступленія мнѣ посчастливилось найти небольшую, запряженную четырьмя небольшими же русскими лошадками, колясочку, очевидно, брошенную своимъ хозяиномъ въ одной тѣснинѣ, когда войска, очищая себѣ дорогу, нѣсколько грубо сдвинули въ сторону массу экипажей. Я поручилъ колясочку двумъ своимъ кирасирамъ, одинъ сѣлъ править на козлы, другой сѣлъ во внутрь. Въ экипажѣ мой предшественникъ обязательно оставилъ намъ прекрасный окорокъ и полмѣшка муки. Въ теченіе 10 сутокъ обладанія экипажемъ, каждый вечеръ разыскивавшимъ меня на бивуакѣ, мы пекли лепешки, подобныя шотландскимъ гайклендарамъ: мука разводится водой, замѣшивается довольно крутое тѣсто, изъ котораго дѣлаютъ круглую и плоскую лепешку, она ставится въ огонь на горячіе, покрытые золой уголья, и минутъ черезъ 25 готова очень вкусная лепешка. Въ одинъ прекрасный вечеръ коляска моя на бивуакъ не явилась, и съ этой поры ни о колескѣ ни о моихъ кирасирахъ ни слуху ни духу. Словно въ вознагражденіе моей потери, на другой день, проходя по равнинѣ, наткнулись мы на обширное и уединенное зданіе необычной конструкціи. Оказался свекло-сахарный заводъ, до того полный сахара, что всѣ имъ воспользовались: мы нагрузили лошадей, а артиллерія набила сахарными головами зарядные ящики, а такъ какъ у всѣхъ былъ изъ Москвы чай, то мы замѣнили имъ нашъ вечерній супъ, прозвавъ его «чайнымъ супомъ».

Далѣе офицеръ разсказываетъ: «Мой командиръ далъ мнѣ почетное, но и тяжелое порученіе—нести полковой штандартъ. Я шелъ, окруженный тѣми немногими кирасирами, которые еще оставались на коняхъ, но съ каждымъ днемъ число ихъ уменьшалось. Пришелъ конецъ и моему коню, котораго до сихъ поръ я тащилъ за собой въ поводу; послѣ двухъ ночей, проведенныхъ безъ всякаго другого корма, кромѣ коры тѣхъ деревьевъ, къ которымъ я его привязывалъ, несчастное животное пало отъ истощенія и голода, и пулей въ голову я сократилъ агонію моего вѣрнаго товарища. Не желая, чтобы мое вооруженіе досталось непріятелю, я бросилъ подъ мостъ (въ воду) и мою кирасу, и саблю, и, взваливъ на плечи штандартъ и двухстволку, купленную

Брошенныя французами повозки.

въ Москвѣ, началъ отнынѣ свое отступленіе по образу пѣшаго хожденія».

Такъ какъ штандартъ страшно давилъ кирасирскому офицеру плечи, то онъ убѣдилъ командира избавить его отъ несенія полковой реликвіи; командиръ согласился спрятать штандартъ. «Я отвинтилъ орла и положилъ его въ чемоданъ полкового адъютанта, полотнище и ленты—въ чемоданъ командира полка, а древко мы сожгли; всѣ эти операціи облегчили меня морально и физически. Послѣ нѣсколькихъ дней марша по большой дорогѣ, я замѣтилъ, что рядомъ со мной идетъ молодая, хорошо одѣтая женщина, поразившая меня своимъ убогимъ видомъ. По всему ея облику, по костюму

по труду, съ какимъ она шагала въ своей тонкой обуви, я призналъ въ ней покинувшую Москву француженку. Я разговорился съ ней и узналъ, что она—жена французскаго негоціанта, была принуждена покинуть Москву съ французской арміею, что наканунѣ, во время замѣшательства при скопленіи войскъ, была оттѣснена отъ мужа, котораго напрасно разыскиваетъ въ толчеѣ колонны, что она въ отчаяніи отъ своего положенія, одна, безъ вещей, безъ денегъ, не зная, что ждетъ ее среди арміи,—вѣроятно, смерть отъ усталости, холода и голода! Сказавъ ей все, что только могло ее успокоить, я сообщилъ, что когда мы пріостановимъ отступленіе, то дорога освободится и тогда она найдетъ мужа, а пока если она пожелаетъ остаться около меня, то я всячески постараюсь быть ей полезнымъ. Она была недурна собой, лѣтъ 25—28, родомъ изъ Нанси, звали ее мадамъ Оберъ, и я бывалъ въ Нанси, нашелъ съ ней общихъ знакомыхъ. И вотъ я шагаю во главѣ эскадрона своихъ спѣшанныхъ кирасиръ, мадамъ Оберъ рядомъ со мной; стараясь быть ей полезнымъ, добываю ей пищу, правда, неважную, но я могъ съ ней дѣлиться только сухарями или жареной кониной, а ночью давалъ ей свой плащъ, въ которомъ и самъ нуждался, такъ какъ наступили холодныя ночи».

«Все, даже оружіе,—пишетъ графъ Сегюръ,—еще страшнее въ Малоярославцѣ, но съ тѣхъ поръ только жалкое, мѣшало несчастнымъ; оно казалось невыносимо тяжелымъ для ихъ окоченѣлыхъ рукъ; при постоянныхъ паденіяхъ оно вываливалось и зарывалось въ снѣгъ. Солдаты поднимались на ноги уже безъ оружія, не потому, чтобы умышленно хотѣли его бросить, а потому, что оно просто вырвано было у нихъ холодомъ и голодомъ».

Въ тотъ самый день, когда надъ арміей разразилось бѣдствіе установившейся зимы, штабъ главной квартиры былъ остановленъ на дорогѣ графомъ Дарю, по секрету сообщившимъ что-то императору. Оказалось, это эстафета, первая, добравшаяся до арміи, увѣдомляла о заговорѣ Мале, открытомъ въ Парижѣ. На дорогѣ въ виду всѣхъ Наполеонъ довольно хладнокровно отнесся къ этому событію, но послѣ на бивуакѣ выказалъ большое раздраженіе.

Еще болѣе онъ разсердился въ Смоленскѣ, гдѣ армія, послѣ всѣхъ надеждъ на отдыхъ, не нашла въ достаточномъ количествѣ ни квартиръ ни провіанта. «Никогда еще,—говоритъ слуга Наполеона, Констанъ,—я не видалъ его въ такой степени забвенія самого себя. Онъ велѣлъ позвать интенданта; изъ сосѣдней комнаты я слышалъ ужасный крикъ его. Наполеонъ приказалъ разстрѣлять этого чиновника, и только послѣ долгаго ползанія въ ногахъ, тому удалось вымолить себѣ прощеніе».

Бѣдствіе отъ недостатка провіанта еще увеличилось тѣмъ, что никто не былъ предупрежденъ о возвращеніи арміи, и неприготовленные чиновники въ Смоленскѣ и другихъ мѣстахъ совсѣмъ растерялись передъ толпами остервенѣлыхъ бѣглецовъ, полѣзшихъ прямо на штурмъ запасовъ и все разграбившихъ безъ большой пользы для себя и къ гибели слѣдовавшихъ за ними.

Армія не только не отдохнула въ Смоленскѣ, какъ надѣялась, но пошла дальше еще болѣе разстроенная. Несомнѣнно, Наполеонъ надѣялся придать своему безпорядочному бѣгству видъ стройнаго и почетнаго отступленія, такъ какъ, между прочимъ, приказалъ, какъ въ Москвѣ, взорвать стѣны Смоленска, подъ тѣмъ предлогомъ, какъ онъ выразился, «чтобы онѣ не задержали его въ другой разъ», точно и вправду онъ думалъ о новомъ своемъ нашествіи.

Князь В. Модатовъ.

Для охраны Наполеономъ былъ образованъ «священный эскадронъ» (l'escadron sacré). «Это была странная идея, — замѣчаетъ офицеръ 2-го кирасирскаго полка, — вызвать въ главную квартиру всѣхъ кавалерійскихъ офицеровъ, сохранившихъ своихъ коней, для формированія эскадрона, призваннаго охранять особу императора. Этотъ актъ, обращавшій начальниковъ дивизій въ эскадронныхъ командировъ, бригадныхъ командировъ — въ поручиковъ и подпоручиковъ — въ рядовыхъ, заслуживаетъ вниманія. Конечно, охрана безопасности императора представляла мѣру необходимую, но вѣдь этой мѣрой одновременно отнимали отъ войскъ, и войскъ уже деморализованныхъ, ихъ непосредственныхъ начальниковъ, къ которымъ они привыкли, которымъ вѣрили и съ которыми побѣждали. Подобная мѣра должна была только способствовать увеличенію деморализаціи и оказаться очень вредной въ минуту боя».

Какъ уже сказано, Наполеонъ ѣхалъ въ каретѣ, одѣтый въ соболью шубу, шапку и теплые сапоги, такъ что не чувствовалъ никакого холода. Укрывшись съ Мюратомъ въ экипажѣ, онъ меньше видѣлъ картинъ отчаянія и голода своихъ солдатъ. Послѣ Смоленска онъ много шелъ пѣшкомъ и въ продолженіе пути могъ убѣдиться, въ какомъ ужасномъ положеніи были его солдаты, но въ войскахъ, шедшихъ за

Наполеономъ, эти бѣдствія были еще ужаснѣе, и сильнѣе ихъ приходилось испытывать.

Такъ, сержантъ Бургонь разсказываетъ, что, будучи наряженнымъ дежурнымъ къ маршалу Мортье, которому жилищемъ служила рига безъ крыши, слѣдующее: «Было часовъ около десяти; ночь стояла необычайно темная, и уже многіе изъ нашего кружка, какъ и остальныя части злополучной арміи, расположившіяся въ этой мѣстности, стали забываться тяжелымъ безпокойнымъ сномъ, вслѣдствіе утомленія и голода, у огня, который ежеминутно угасалъ, какъ и жизнь окружавшихъ его людей; мы размышляли о завтрашнемъ днѣ, о прибытіи въ Смоленскъ, гдѣ, какъ намъ обѣщали, должны окончиться наши мученія—вѣдь тамъ мы найдемъ продовольствіе и квартиры. Я кончилъ свой жалкій ужинъ, состоявшій изъ кусочка печонки отъ лошади, убитой нашими саперами, а вмѣсто питья проглотилъ пригоршню снѣга. Маршалъ также съѣлъ печонки, зажаренной для него денщикомъ, но только онъ ѣлъ ее съ кускомъ сухаря и запилъ каплей водки. Послѣ ужина онъ вдругъ спросилъ часового, стоявшаго, опершись на ружье, у дверей риги, зачѣмъ онъ тутъ. Солдатъ отвѣтилъ, что онъ стоитъ на часахъ. «Для кого и для чего?—возразилъ маршалъ.—Все равно, это не помѣшаетъ холоду и нуждѣ забраться сюда и терзать насъ! Ступай лучше, займи мѣсто у огня!» Немного погодя, онъ попросилъ денщика что-нибудь подложить себѣ подъ голову; ему подали чемоданъ, онъ завернулся въ плащъ и улегся. Я собрался сдѣлать тоже самое, растянувшись на своей медвѣжьей шкурѣ, какъ вдругъ насъ встревожилъ какой-то странный шумъ; оказалось, сѣверный вѣтеръ забушевалъ въ лѣсу, подымая снѣжную мятель при 27-градусномъ морозѣ, такъ что людямъ невозможно было оставаться на мѣстахъ. Съ криками они бѣгали по равнинѣ, стараясь попасть туда, гдѣ виднѣлись огни, и этимъ облегчить свое положеніе, но снѣжный вихрь обволакивалъ ихъ, и они не могли двигаться, то спотыкались и падали, чтобы уже болѣе не вставать; но много тысячъ умерло, оставаясь на мѣстѣ. Намъ посчастливилось въ томъ отношеніи, что одна сторона риги была защищена отъ вѣтра; многіе пришли, чтобы пріютиться у насъ и избѣгнуть смерти.

«Кстати разскажу объ одномъ поступкѣ самоотверженія: въ составъ нашей арміи входилъ принцъ Эмилій Гессенъ-Кассельскій. Его маленькій корпусъ состоялъ изъ нѣсколькихъ полковъ кавалеріи и пѣхоты. Какъ и мы, онъ расположился бивуакомъ, по правую сторону дороги, съ остатками своихъ несчастныхъ солдатъ, число которыхъ сократилось до пяти или шестисотъ человѣкъ; въ числѣ ихъ находилось приблизительно до 150 драгунъ, но уже пѣшихъ, такъ какъ ихъ лошади пали или были съѣдены. Эти храбрецы, изне-

могая отъ холода и не имѣя силъ оставаться на мѣстѣ въ такую мятель, рѣшили пожертвовать собою, чтобы спасти своего молодого принца, юношу лѣтъ 20, не болѣе, поставивъ его посединѣ, чтобы защитить отъ вѣтра и холода. Закутанные въ свои длинные бѣлые плащи, они всю ночь простояли на ногахъ, тѣсно прижимаясь другъ къ другу; на другое утро три четверти этихъ людей были мертвы и занесены снѣгомъ; та же участь постигла почти 10.000 человѣкъ изъ разныхъ корпусовъ. Днемъ, выбираясь на дорогу, мы принуждены были съ маршаломъ Мортье спуститься къ оврагу, гдѣ наканунѣ артиллерія расположилась бивуакомъ; теперь тамъ уже никого не осталось въ живыхъ; люди, лошади— все это лежало занесенное снѣгомъ—солдаты вокругъ бивуачныхъ огней; лошади, еще впряженныя въ орудія, которыя такъ и пришлось бросить».

«Много историковъ описывали это злосчастное отступленіе,—замѣчаетъ справедливо офицеръ французскаго № 2-го кирасирскаго полка,—но ни одному изъ нихъ не удастся дать вѣрное изображеніе этой арміи бѣглецовъ и деморализованныхъ солдатъ, давшихъ до сихъ поръ столько доказательствъ терпѣнія, выносливости и мужества. Уже было невозможно отличить генераловъ и офицеровъ; какъ и солдаты, они были одѣты во все, что имъ попадалось. Зачастую генералъ былъ покрытъ плохимъ одѣяломъ, а солдатъ—дорогими мѣхами. Эгоизмъ былъ единственнымъ двигателемъ этихъ несчастныхъ. Если два человѣка находили немного дровъ и разводили костеръ, то третьяго, подошедшаго отогрѣться и умиравшаго отъ холода, гнали прочь, если только онъ не приносилъ своей доли дровъ для поддержанія огня, а между тѣмъ у костра было мѣсто, и двѣ замерзавшія руки, протянутыя къ огню, не отнимали тепла отъ собственниковъ костра. Оригинальное зрѣлище всевозможныхъ одеждъ представляла эта длинная колонна призраковъ. Всѣ мундиры арміи были перемѣшаны. Рядомъ съ шелковыми всевозможныхъ цвѣтовъ шубами, отороченными дорогими сѣверными мѣхами, помѣщалась фигура въ шинели пѣхотинца или плащѣ кавалериста. Головы были плотно закутаны и обмотаны платками всѣхъ цвѣтовъ, оставляя отверстія лишь для глазъ. Самымъ распространеннымъ видомъ одежды было шерстяное одѣяло съ отверстіемъ посединѣ для головы, падающее складками и покрывавшее тѣло. Такъ одѣвались преимущественно кавалеристы, такъ какъ каждый изъ нихъ, теряя лошадь, сохранилъ попону, хотя послѣднія были грязны до омерзительности. Кромѣ того, люди уже три мѣсяца не мѣняли бѣлья, почему ихъ буквально заѣдали вши. Но все это можно было бы вынести, если бы было продовольствіе. Чѣмъ же питались войска? Какъ это они не погибли поголовно. Это прямо необъяснимая тайна, только доказывающая, какъ

мало нужно для поддержанія силъ человѣка! Несмотря на усталость и опасности, голодъ толкалъ множество людей на мародерство по деревнямъ въ 2—3 лье отъ дороги, которыя еще не были ни разграблены ни сожжены при наступленіи къ Москвѣ.

Много изъ этихъ мародеровъ было схвачено, но все-таки «міродеры» (какъ называлъ ихъ нашъ народъ) снабжали колонну продовольствіемъ и спасли армію. Они возвращались съ лошадьми, отобранными у крестьянъ и нагруженными ржаной мукой, перемѣшанной съ отрубями и свининой, что и продавали за большія деньги, а на слѣдующій день опять шли за добычей для новой торговли. Какъ ни плоха была мука, изъ нея дѣлали размазню, которую, чтобы согрѣться, ѣли горячей. Изъ муки, сваренной на водѣ, безъ соли и безъ жира получалась отвратительная пища. Къ несчастью, чѣмъ дальше мы двигались, тѣмъ лошадей становилось меньше. Тѣхъ лошадей, которыхъ мы предназначали себѣ въ пищу, мы уже не могли, убивъ, разсѣкать на части, такъ какъ для этого было слишкомъ холодно, и наши озябленныя руки отказывались служить, а потому мы *вырѣзывали у лошадей, еще движущихся и бывшихъ на ногахъ, куски мяса изъ крупа*. Бѣдныя животныя не подавали вида, что имъ больно, что ясно доказываетъ, что подъ вліяніемъ страшнаго холода происходило полное онѣмѣніе членовъ и полная нечувствительность тѣла. При другихъ условіяхъ вырѣзываніе кусковъ мяса вызвало бы кровотеченіе, но при 28 градусахъ мороза этого не было; вытекающая кровь мгновенно мерзла, чѣмъ останавливала кровоизліяніе. Мы видѣли, какъ эти несчастныя животныя брели еще нѣсколько дней, и у нихъ только мѣнялся цвѣтъ сгустковъ крови, дѣлаясь желтымъ и обращаясь въ гной».

«Мы составляли,—говоритъ Лабомъ,—шайку разбойниковъ, между которыми ни личность ни имущество не были въ безопасности. Необходимость заставляла насъ сдѣлаться ворами и мошенниками: не чувствуя ни малѣйшаго стыда, мы воровали другъ у друга все, что нравилось; поджоги, убійства, истребленіе во всѣхъ формахъ были вещами самыми обыденными, мы вполнѣ освоились съ преступленіемъ; такъ же легко, какъ зажигали домъ для того, чтобы минуточку погрѣться около пожара, безъ церемоніи отнимали у болѣе слабаго весь его запасъ, чтобы прокормиться самому».

На каждомъ шагу встрѣчались бравые офицеры, покрытые лохмотьями, опиравшіеся на сосновыя палки; волосы и бороды въ ледяныхъ сосулькахъ. Поминутно слышались ихъ мольбы о помощи: «Товарищи,—кричалъ одинъ раздирающимъ душу голосомъ,—помогите мнѣ встать на ноги, дайте мнѣ руку, хотѣлось бы не отстать отъ васъ!» Всѣ проходили мимо, даже не глядя на просившаго. «Именемъ че-

«Въ 1812 году», съ карт. И. И. Прянишникова.

ловѣчества, помогите, дайте мнѣ подняться!» Но товарищи не только не трогались этой просьбой, а еще считая такого слабаго прямо погибшимъ, набрасывались на него и снимали всю одежду... Несчастіе сгладило всѣ положенія и всѣхъ перемѣшало; напрасно нѣкоторые офицеры пробовали командовать—никто на нихъ не обращалъ вниманія; голодавшій полковникъ принужденъ былъ выпрашивать кусокъ сухаря у рядового солдата, у котораго они водились; имѣвшій маленькій запасъ провизіи, хоть бы простой денщикъ, былъ окруженъ толпой куртизановъ, откладывавшихъ въ сторону чины и отличія, льстившихъ и ухаживающихъ за счастливымъ обладателемъ запаса. Начальники, привыкшіе повелѣвать, не сумѣвшіе найтись въ нуждѣ, были самые несчастные люди—ихъ прямо избѣгали, чтобы не оказывать услугъ.

«Друзья мои, помогите, дайте мнѣ подняться—я инженерный капитанъ!» жалостно взывалъ одинъ офицеръ. Проходившій мимо гренадеръ остановился. «Какъ! Ты инженерный капитанъ?»—«Да, любезный другъ, да!»—«Ну, такъ черти же свои планы!» Многіе отъ голода и холода обратились въ идіотство, жарили и пожирали трупы товарищей или грызли свои собственныя руки; нѣкоторые были такъ слабы, что не могли принести полѣна дровъ или подкатить пня или камня, и садились на замерзшія тѣла своихъ товарищей, устремивъ тупой неподвижный взглядъ въ горящіе уголья; скоро уголья догорали, а живые скелеты, не въ силахъ будучи подняться, падали около тѣлъ, на которыхъ сидѣли. Несмотря на такое

несчастное состояніе арміи, Наполеонъ приказывалъ иногда дѣлать разные маневры. Войска, пробродивши по занесеннымъ снѣгомъ дорогамъ, кончали тѣмъ, что возвращались назадъ, оставивъ въ оврагахъ артиллерію и обозъ. Императоръ не находилъ нужнымъ сообщать Европѣ о состояніи своей арміи части даже правды, такъ въ XXVIII бюллетенѣ онъ писалъ: «Дороги сдѣлались очень скользки и очень трудны для упряжныхъ лошадей, мы много ихъ потеряли изъза холода и усталости».

Князь Кутузовъ приказывалъ своимъ генераламъ не доводить непріятеля до отчаянія и въ особенности самого Наполеона и старой гвардіи, отъ которой ожидалъ геройскаго сопротивленія; велѣно было «строить золотые мосты» въ томъ предположеніи, что если они и уйдутъ отъ холода и голода, то во всякомъ случаѣ не перейдутъ Березины, гдѣ будутъ имѣть дѣло съ тремя арміями. Вслѣдствіе этихъ соображеній Кутузова Наполеонъ съ его отборнымъ войскомъ не былъ безпокоенъ на пути въ Красное, но на слѣдовавшихъ за нимъ маршаловъ Даву и Нея сдѣлано было серьезное нападеніе.

«*Все это развалится и безъ меня*», говорилъ Кутузовъ сторонникамъ рѣшительныхъ дѣйствій, а англійскому генералу Вильсону, бывшему при арміи, сказалъ: «*Я вовсе не убѣжденъ, будетъ ли великимъ благодѣяніемъ для вселенной совершенное уничтоженіе императора Наполеона и его арміи. Наслѣдство его достанется не Россіи или какой-либо другой изъ державъ материка, а той державѣ, которая уже теперь господствуетъ на моряхъ, и тогда преобладаніе ея будетъ невыносимо*». Самымъ завзятымъ хулителемъ Кутузова былъ московскій генералъ-губернаторъ графъ Ростопчинъ, который во своихъ письмахъ къ императоруАлександру, осуждая бездѣйствія фельдмаршала, называлъ Кутузова «*старой кривой бабой*», «*сплетницей, которая потеряла голову и думаетъ что-нибудь сдѣлать, ничего не дѣлая*». Поэтому Ростопчинъ совѣтовалъ государю «*отозвать этого стараго болвана и пошлаго царедворца*», а въ письмахъ къ графу П. А. Толстому: «Кутузовъ,—писалъ Ростопчинъ,—самый гнусный эгоистъ, пришедшій отъ лѣтъ и развратной жизни почти въ ребячество, спитъ, ничего не дѣлаетъ». Графъ Ланжеронъ въ своихъ «запискахъ», говоря о пребываніи Кутузова на войнѣ въ Турціи, въ началѣ 1812 года, тоже замѣчаетъ: «*Эгоизмъ Кутузова былъ возмутителенъ: онъ всѣхъ подчинялъ своимъ удобствамъ и грязнымъ, низкимъ наслажденіямъ.Онъ до такой степени забылъ стыдъ и приличіе, что публично увезъ (въ Бухарестъ) отъ мужа маленькую валашку 14 лѣтъ; ее звали мадамъ Гуліани. На балахъ, въ клубахъ, во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ можно было видѣть эту маленькую безстыдницу около Кутузова*». Въ выс-

шихъ сферахъ немногіе отдавали должную дань справедливости Кутузову, начиная съ самого государя, такъ какъ значеніе его кажущагося бездѣйствія было не понятно, но генералъ Кнорринтъ, относительно замѣчанія, что Кутузовъ спитъ по 18 часовъ въ сутки, прекрасно отвѣтилъ: «*Слава Богу, что онъ спитъ; каждый день его бездѣйствія стоитъ побѣды. Онъ возитъ съ собою переодѣтую въ казацкое платье любовницу. Румянцевъ возилъ ихъ по четыре. Это не наше дѣло*». Но рядомъ съ арміею Наполеона шелъ князь Кутузовъ, который говорилъ: «Потушимъ кровью непріятельскою пожаръ Москвы».

X.

Въ Смоленскъ Наполеонъ прибылъ 28 октября; въ этотъ день наши войска нанесли французамъ два сильныхъ пораженія. Первое сраженіе произошло подъ Ляховымъ, селеніемъ на дорогѣ изъ Ельни въ Смоленскъ. Наполеонъ, оставя Москву, послалъ стоявшему въ Смоленскѣ генералу Бораге д'Илье приказъ перейти на Калужскую дорогу съ маршевыми батальонами, составленными изъ сборныхъ командъ. Но найдя путь въ Калугу преграженнымъ, Наполеонъ послалъ сказать Бораге, чтобы онъ возвратился въ Смоленскъ; повелѣніе не дошло до Бораге, и онъ остался у Долгомостья и Ляхова, гдѣ стояла бригада генерала Ожеро, брата маршала.

Костенецкій.

Наши славные партизаны: Давыдовъ, Сеславинъ и Фигнеръ, имѣвшіе подъ своей командой въ общей сложности всего 1.200 чел. конницы, подошли къ Ляхову и для совмѣстнаго нападенія на французовъ, пригласили графа Орлова-Денисова, находившагося недалеко отъ нихъ, съ 6 казачьими полками и однимъ драгунскимъ—всего около 2.000 коней. Соединясь съ партизанами, графъ Орловъ-Денисовъ принялъ надъ ними начальство и немедленно послалъ отрядъ къ Долгомостью, чтобы отрѣзать Ожеро отъ генерала Бораге, а самъ съ остальными войсками пошелъ къ Ляхову, гдѣ и не думали, что русскіе находятся такъ близко. Вскорѣ

завязалось сраженіе, въ началѣ котораго графъ Орловъ-Денисовъ послалъ извѣстить Ожеро о бѣгствѣ французской арміи и что онъ окруженъ, а потому сдался бы. Ожеро отказался сдаться, такъ какъ Бораге д'Илье, заслыша канонаду у Ляхова, послалъ на рысяхъ полкъ кирасиръ, которые опрокинули казаковъ, преграждавшихъ дорогу изъ Долгомостья. Орловъ отрядилъ на помощь казакамъ свѣжія войска. Казаки и драгуны атаковали, въ свою очередь, французскихъ кирасиръ, одолѣли ихъ въ отчаянномъ рукопашномъ бою, преслѣдовали пять верстъ и, наконецъ, загнали къ болотистому ручью, гдѣ окончательно ихъ уничтожили. Болѣе 700 кирасъ, переданныхъ потомъ въ Псковскій кирасирскій полкъ, свидѣтельствуетъ о понесенномъ пораженіи французами. Снова графъ Орловъ послалъ къ Ожеро требовать сдачи, и онъ выѣхалъ лично для переговоровъ и сдался съ 60 офицерами и 2.000 солдатъ. Наступившая ночь помѣшала продолжать преслѣдованіе Бораге д'Илье, который поспѣшно отступилъ къ Смоленску. Въ это самое время Платовъ, преслѣдуя по дорогѣ въ Духовщину корпусъ Евгенія Богарне, вице-короля Италіи, который получилъ приказаніе отъ Наполеона итти чрезъ Духовщину на Витебскъ, чтобы усилить войска, дѣйствовавшія на Двинѣ. Онъ переправился 26 октября чрезъ Днѣпръ въ Дорогобужѣ и потянулся къ Ульховой слободѣ. Идя за нимъ, Платовъ съ 6.000 казаковъ и 12 орудіями разсѣивалъ хвостъ непріятельскихъ колоннъ, забравъ въ плѣнъ до 3.000 отсталыхъ и 64 брошенныхъ пушекъ. Ночью съ 27 на 28 число, вице-король послалъ навести мостъ на рѣкѣ Вопь, куда на разсвѣтѣ двинулся съ корпусомъ, но дорогою получилъ донесеніе, что отъ прибывшей воды и шедшаго по рѣкѣ льда мостъ снесло. Обозы, ранѣе отправленные впередъ, стали возлѣ переправы, куда скоро подошелъ и весь корпусъ. Между тѣмъ казаки Платова открыли перестрѣлку съ арьергардомъ, къ которому на помощь была послана дивизія итальянцевъ съ приказаніемъ какъ можно дольше удерживать Платова. Вице-король приказалъ войскамъ перейти рѣку въ бродъ, но спуски съ берега и самый бродъ все болѣе и болѣе портились, почему нельзя было перетащить артиллеріи. О переправѣ обозовъ уже не думали. Въ суматохѣ каждый выбиралъ изъ повозокъ свое лучшее имущество и съѣстные припасы, навьючивалъ на себя или на лошадей и пускался по рѣкѣ, а солдаты разбрелись по обозамъ и занялись грабежомъ. Артиллеристы бросили свои пушки.

Послѣ переправы корпуса во власть донцовъ достался весь обозъ, стоявшій вдоль берега, на протяженіи трехъ верстъ, 2.000 плѣнныхъ и 23 орудія. Холодная ночь увеличила бѣдствія непріятеля. Промокшіе въ рѣкѣ, лежали они на снѣгу

Оставленіе Смоленска арміею Наполеона.

безъ пищи и безъ огня, такъ какъ дровъ почти не было. Напрасно вице-король и его генералы хотѣли на разсвѣтѣ привесть полки въ порядокъ, голосъ начальниковъ не имѣлъ власти надъ голодными, полузамерзшими солдатами. Толпами пошли они въ Духовщину, гдѣ отдыхали французы два дня. Передъ Духовщиною вице-король Евгеній встрѣтилъ два полка Иловайскаго 12, пошелъ на нихъ съ гвардіею, оттѣснилъ ихъ и занялъ городъ, который при отступленіи къ Смоленску непріятель сжегъ. Вице-король въ письмѣ къ своей женѣ писалъ, что у него осталась одна лишь коляска. «Таковы наши несчастія, они велики, но бодрость не потеряна», заключалъ онъ свое письмо.

Платовъ слѣдомъ шелъ за вице-королемъ, во всю дорогу бралъ плѣнниковъ, отбилъ еще два орудія и 31 октября приблизился къ Смоленску, гдѣ въ тотъ день сосредоточились всѣ корпуса арміи Наполеона.

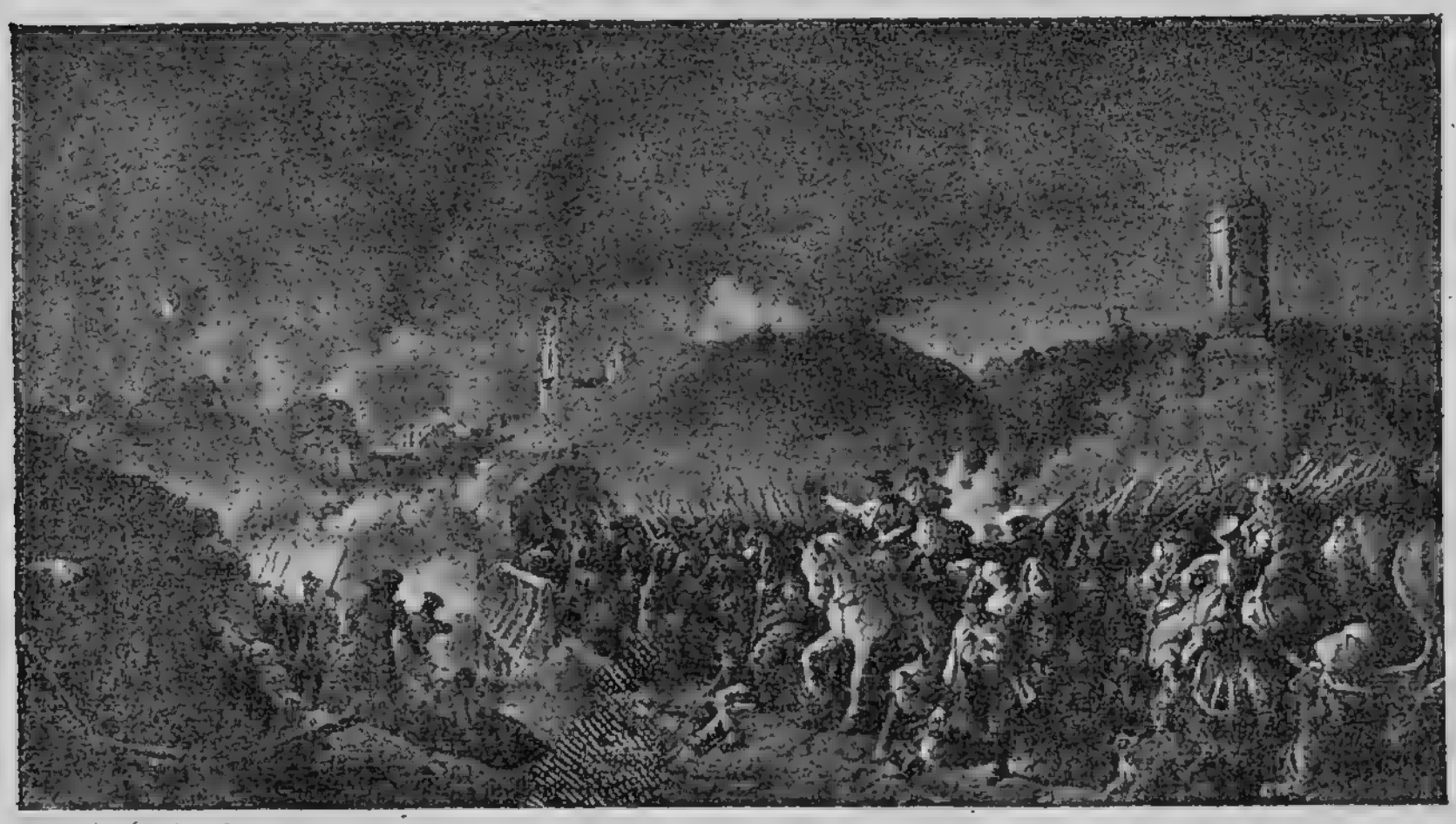
Сержантъ Бургонь говоритъ: «У воротъ и подъ валами давно уже скопились тысячи солдатъ всѣхъ корпусовъ и всѣхъ національностей, входящихъ въ составъ нашей арміи, ожидая, чтобы ихъ впустили. Сперва имъ этого не разрѣшали, боясь, чтобы всѣ эти люди, нахлынувшіе въ безпорядкѣ и умирающіе съ голода, не набросились на магазины и не растащили то немногое, что въ нихъ еще оставалось; разсчитывали потомъ по возможности въ порядкѣ распре-

дѣлить между ними провіантъ. Много сотенъ людей уже умерли, стоя тутъ или были при послѣднемъ издыханіи. Когда мы подошли къ стѣнамъ Смоленска вмѣстѣ съ другими гвардейскими корпусами, двигаясь въ наилучшемъ, по возможности, порядкѣ и принявъ всѣ предосторожности, чтобы забрать съ собой всѣхъ нашихъ больныхъ и раненыхъ, намъ отворили ворота, и мы вступили въ городъ. Большинство войскъ сейчасъ же разсыпалось во всѣ стороны въ безпорядкѣ, чтобы искать себѣ пріюта подъ кровлей на ночлегъ и съѣсть небольшое количество обѣщаннаго продовольствія; дѣйствительно, его потомъ роздали понемногу. Чтобы возстановить мало-мальски порядокъ, было объявлено, что въ одиночку солдаты ничего не получатъ. Съ этой минуты наиболѣе сильные соединялись по номерамъ полка и выбирали изъ своей среды начальника, который могъ бы служить имъ представителемъ, потому что нѣкоторыхъ полковъ вовсе не существовало. А мы, императорская гвардія, прошли по городу, но съ трудомъ, такъ какъ были страшно изнурены и должны были взбираться по крутому подъему въ гору, тянувшемуся отъ Днѣпра до другихъ воротъ; вслѣдствіе обледянѣлости этого склона ежеминутно наиболѣе слабые падали, приходилось помогать имъ подыматься и нести тѣхъ, кто уже не могъ ходить. Такимъ образомъ прошли мы въ предмѣстье, погорѣвшее еще при бомбардировкѣ 3 августа. Тамъ мы заняли позиціи и расположились, какъ могли, въ развалинахъ домовъ, еще не совсѣмъ истребленныхъ пожаромъ. Мы устроили, по возможности, удобнѣе своихъ больныхъ и раненыхъ, т.-е. тѣхъ, у кого хватало мужества и силъ добраться до мѣста,—многихъ мы оставили въ деревянномъ баракѣ при входѣ въ городѣ. Эти послѣдніе были настолько слабы и больны, что не имѣли бы силъ дотащиться туда, гдѣ остановились мы. Въ числѣ тяжело больныхъ былъ одинъ мой пріятель, почти умиравшій, котораго мы притащили въ городъ, надѣясь, что тамъ найдется госпиталь, гдѣ бы можно полѣчить его; дѣло въ томъ, что до сихъ поръ наше мужество, главнымъ образомъ, поддерживалось постоянной надеждой, что мы остановимся въ Смоленскѣ надолго и дождемся весны,—но вышло совсѣмъ иначе. Черезъ часъ по прибытіи въ городъ намъ роздали по небольшому пайку муки, равному одной унціи, сухарей, но и это было больше, чѣмъ можно было надѣяться. У кого были котлы, тѣ варили кашу, другіе пекли лепешки въ золѣ и съѣдали ихъ полусырыми; жадность, съ какой они набрасывались на пищу, чуть не погубила ихъ, многіе серьезно заболѣли и чуть не умерли».

Князь Кутузовъ среди успѣховъ передовыхъ войскъ продолжалъ свое фланговое движеніе, повторяя въ окрестностяхъ Смоленска маневръ, произведенный имъ подъ Москвою, съ Рязанской дороги на Калужскую. Проведя два дня

въ Ельнѣ, онъ выступилъ оттуда 29 октября къ Валутину, 30 перешелъ въ Лобово, на дорогѣ въ Рославль, имѣлъ тамъ дневку, и 1 ноября прибылъ въ Щелканово, на дорогѣ въ Мстиславль, ставъ на одной высотѣ съ Наполеономъ. Отсюда были посланы отряды графа Орлова-Денисова и графа Ожаровскаго къ Красному узнать, что происходитъ на главномъ пути непріятельскихъ сообщеній.

Дорогою, въ Пронинѣ, графъ Орловъ разогналъ непріятельскія депо, взялъ транспортъ артиллерійскихъ лошадей, 1.300 солдатъ и обозъ съ хлѣбомъ и виномъ, затѣмъ ночью напалъ въ Червонномъ на часть корпуса Понятовскаго, посланную въ Могилевъ, и заставилъ ее вернуться въ Смоленскъ. Тутъ-то Орловъ-Денисовъ узналъ и увѣдомилъ князя Кутузова, что Наполеонъ отказался отъ своего намѣренія остановиться въ Смоленскѣ и что великая армія начинаетъ отступать къ Красному въ большомъ безпорядкѣ. Получивъ это донесеніе, фельдмаршалъ усилилъ графа Орлова-Денисова вновь сформированными отрядами Бороздина и Крыжановскаго и приказалъ Милорадовичу немедленно выступить къ Красненской дорогѣ, куда думалъ было направиться и самъ съ главною арміею. Генералъ-адъютанту Кутузову и Сеславину предписалъ открыть черезъ Бабиновичи сообщеніе съ графомъ Витгенштейномъ. Одновременно подтверждено было всѣмъ транспортамъ и подвижнымъ магазинамъ, слѣдовавшимъ за арміею и отставшимъ за дурными дорогами, ускорить свое прибытіе. Войска Милорадовича и Платова, шедшія за французами по разоренной дорогѣ, давно терпѣли недостатокъ въ провизіи, и убыль въ людяхъ была большая. Наполеонъ получилъ въ Смоленскѣ извѣстіе,



Сраженіе при Полоцкѣ 6 ноября.

что Кутузовъ продолжаетъ обходить его слѣва, направляясь къ Днѣпру, что Витебскъ взятъ русскими, и Викторъ и Сенъ-Сиръ не надѣются остановить наступленіе графа Витгенштейна, и что Чичаговъ идетъ на Минскъ. Къ довершенію всѣхъ злополучій, запасы, найденные въ Смоленскѣ, оказались незначительными; ихъ хватило лишь для гвардіи и пришедшихъ послѣ нея войскъ. Проживъ три дня въ Смоленскѣ, Наполеонъ употребилъ ихъ на возможное устройство арміи. Изъ 4 резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ велѣлъ составить одинъ, подъ начальствомъ Латуръ-Мобура, расформировалъ нѣсколько дивизій и полковъ для укомплектованія другихъ частей; роздалъ ружья и патроны тѣмъ солдатамъ, которые дорогою ихъ кинули, и предписалъ Сенъ-Сиру, Удино и Виктору во что бы то ни стало оттѣснить графа Витгенштейна за Двину. Между тѣмъ подходили къ Смоленску и прочіе корпуса великой арміи, но вмѣсто того, чтобы здѣсь найти покой и изобиліе продовольствія, они были поражены ужасною вѣстью, что не было припасовъ и надо итти далѣе. Тогда Смоленскъ представлялъ страшную картину: въ разоренныхъ пожаромъ и грабежомъ предмѣстьяхъ и на окружающихъ ихъ высотахъ стояли тысячи брошенныхъ фуръ, экипажей, зарядныхъ ящиковъ и пушекъ. Городскія улицы, площади и дома были усѣяны человѣческими трупами и павшихъ лошадей. «Если кто отваживался ходить по улицамъ въ потемкахъ,—замѣчаетъ Бургонь,—то попадалъ въ капканы: на мѣстахъ, гдѣ прежде стояли деревянные дома и гдѣ не видно было никакихъ слѣдовъ отъ построекъ, теперь находились глубокіе подвалы, прикрытые снѣгомъ. Солдатъ, имѣвшій несчастіе попасть туда, исчезалъ подъ снѣгомъ и уже не могъ выбраться. Многіе погибли такимъ образомъ; на слѣдующій день другіе ихъ вытаскивали, но не для того, чтобы предать землѣ, а чтобы стащить съ нихъ платье, или вообще поживиться тѣмъ, что можно было найти на нихъ. То же самое случалось съ солдатами, погибавшими въ походѣ: живые дѣлили между собой одежды мертвецовъ, потомъ, въ свою очередь, погибали, нѣсколько часовъ спустя, и подвергались той же участи».

Де-Пюибюскъ 3 ноября писалъ изъ Смоленска: «Вчерашній день императорская гвардія выступила изъ города черезъ Виленскія ворота по направленію къ г. Красному. Тѣснота была ужасная, самого Наполеона чуть не задавили. Многіе раненые убѣжали изъ госпиталей и тащились, какъ могли, до самыхъ городскихъ воротъ, умоляя всякаго, кто только ѣхалъ на лошади, или въ саняхъ, или въ повозкѣ, взять ихъ съ собою; но никто не внималъ изъ воплямъ: всякъ только о своемъ спасеніи думалъ. Черезъ нѣсколько часовъ я съ главнымъ штабомъ оставляю городъ; непріятель ожидаетъ насъ впереди на дорогѣ».

2 ноября выступили къ Красному—Наполеонъ изъ Смоленска и Кутузовъ изъ Щелканова. Еще наканунѣ тронулись изъ Смоленска корпусъ Жюно, гвардейская артиллерія, парки, спѣшенные кавалеристы и обозы. Лѣвою стороною дороги слѣдовалъ польскій корпусъ, порученный за болѣзнью Понятовскаго—Заіончеку. 2 ноября вышелъ Наполеонъ съ гвардіею, а прочимъ корпусамъ приказано было итти за нимъ, находясь между собою на разстояніи одного перехода: сперва вице-королю, потомъ Даву и, наконецъ, въ арьергардѣ Ней, которому было приказано при выступленіи изъ города сжечь все, чего нельзя было увезти, и взорвать стѣны и башни; изъ 30 послѣднихъ было взорвано восемь.

Е. И. Властовъ.

Изъ Щелканова Кутузовъ пошелъ, 2 ноября, къ Волкову и Юрову; Милорадовичъ, съ пѣхотными корпусами Долгорукова и Раевскаго и кавалерійскимъ Меллера-Закомельскаго, черезъ Княгинино къ Рогайлову; графъ Остерманъ, съ своимъ корпусомъ и кавалерійскимъ Васильчикова, къ Кобызеву, для наблюденія за Смоленскомъ и прикрытія, на случай надобности, дороги изъ Мстиславля въ Могилевъ. Графъ Ожаровскій и другіе партизаны стояли близъ Краснаго; Платовъ и Карпенковъ находились въ виду Смоленска, на Покровской горѣ и окружали городъ легкими отрядами. Въ Юровѣ Кутузовъ имѣлъ дневку. Милорадовичу приказалъ онъ итти чрезъ Ржавку на Красненскую дорогу и отрѣзать отступавшаго по ней непріятеля.

3 ноября, въ 4 часа пополудни, приблизился Милорадовичъ къ столбовой дорогѣ и увидѣлъ шедшихъ по ней французовъ. Это была французская гвардія, подъ предводительствомъ самого Наполеона, который страшно удивился появленію русской пѣхоты и регулярной кавалеріи. Милорадовичъ поставилъ батареи и открылъ огонь по французамъ, а съ кавалеріею ударилъ на арьергардъ, при чемъ съ боя было взято 6 орудій. Наполеонъ остановился въ Красномъ ждать

прихода изъ Смоленска вице-короля Италіи, Даву и Нея. Узнавъ, что Кутьково занято отрядомъ графа Ожаровскаго, Наполеонъ послалъ туда часть молодой гвардіи, которая напала ночью и разбила Ожаровскаго, потерявшаго много людей. У столбовой дороги Милорадовичъ оставилъ наблюдательный отрядъ, а остальныя войска отвелъ за 4 версты въ сторону и ночевалъ въ Угрюмовѣ.

Кутузовъ, 4 числа, выступилъ изъ Волкова къ Красному, наканунѣ пославъ приказаніе Милорадовичу перейти фланговымъ маршемъ къ Мерлину для сближенія съ арміею. Все утро не было видно французовъ на дорогѣ изъ Смоленска, но въ 3 часа пополудни казаки донесли, что вице-король тянется въ густыхъ колоннахъ къ Ржавкѣ. Милорадовичъ поставилъ поперекъ дороги корпусъ кн. Долгорукова и 16-ый кавалерійскій, а параллельно съ нею дивизію генерала Паскевича. Видя себя отрѣзаннымъ отъ Краснаго, вице-король Евгеній построилъ свой корпусъ въ три колонны, въ которыхъ было 7.000 чел. пѣхоты и столько же больныхъ и усталыхъ. Одна колонна атаковала правый флангъ Паскевича, другая же пошла на проломъ по большой дорогѣ, третья, сильнѣйшая, осталась въ резервѣ. Французы были опрокинуты, но при наступленіи ночи проселками пробрались къ Красному, обогнувъ нашъ лѣвый флангъ. Въ сраженіи вице-король потерялъ 17 пушекъ и 1.500 чел., взятыхъ въ плѣнъ.

Въ это время Кутузовъ, не доходя 5 верстъ до Краснаго, расположился лагеремъ между Новоселками и д. Шиловою; корпусъ графа Строганова и 2-я кирасирская дивизія стали впереди Новоселокъ, за ними корпуса Дохтурова и Бороздина; въ резервѣ гвардія и 1-я кирасирская дивизія. Отрядъ Бороздина 2 поддерживалъ сообщеніе съ Милорадовичемъ, стоявшимъ между Никулинымъ и Мерлиномъ. Французская армія (гвардія, корпуса Жюно, остатки корпуса вице-короля) стояла впереди Краснаго, лицомъ къ деревнѣ Уваровой. Даву долженъ былъ соединиться съ Наполеономъ на слѣдующій день, а Ней—6 ноября. Видя, что войска этихъ маршаловъ не могутъ соединиться съ арміею, пока Милорадовичъ находится у Мерлина и Никулина, Наполеонъ рѣшилъ атаковать утромъ 5 ноября нашу главную армію, думая, что Кутузовъ тогда отзоветъ къ себѣ Милорадовича. Вечеромъ 4 числа сдѣланы были распоряженія къ атакѣ.

Кутузовъ тоже готовился атаковать французовъ такимъ образомъ, чтобы утромъ 5 числа большую часть войскъ продвинуть въ тылъ французовъ, къ селу Доброму, и отрѣзать имъ дорогу въ Ляды. Для этого армія была раздѣлена на двѣ части, большая подъ командою Тормасова (корпуса Дохтурова, Бороздина, гвардейскій и 1-я кирасирская дивизія) должна была итти чрезъ Сидоровичи и Сорокино къ

Взятіе подъ Краснымъ обоза маршала Даву, съ карт. П. Н. Грузинскаго.

селу Доброму; другая подъ командою князя Голицына (корпусъ графа Строгонова и 2-я кирасирская дивизія)—слѣдовать къ селу Уварову. Графу Остерману приказано было пройти изъ Кобызева влѣво на Корытню.

Рано утромъ 5 ноября Наполеонъ, осмотрѣвъ позицію князя Голицына между Новоселками и Еськовою, когда Тормасовъ уже началъ свое движеніе къ Сидоровичамъ, приказалъ маршалу Мортье съ молодою гвардіею атаковать деревню Уварову, занятую Черниговскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Дивизія Клапареда оставлена была въ Красномъ, для обороны города; старая же гвардія и конница пошла впередъ по столбовой дорогѣ назадъ къ Смоленску, для сообщенія съ Даву; остальныя войска продолжали отступленіе въ Ляды. Князь Голицынъ двинулъ корпусъ графа Строганова впередъ къ оврагу, послалъ подкрѣпленіе къ Уварову, въ правую сторону ея отрядилъ кирасирскую дивизію и на высоты праваго берега рѣки Лосминки поставилъ пушки, огонь которыхъ былъ направленъ и на непріятельскую позицію и на столбовую дорогу. Для рѣшительнаго натиска онъ ожидалъ содѣйствія Милорадовича, батареи котораго стрѣляли по корпусу Даву, шедшаго почти бѣгомъ, чтобы соединиться съ Наполеономъ. Нѣкоторыя колонны его корпуса, уклонясь отъ дѣйствія снарядовъ нашей артиллеріи, принимали вправо и полемъ и лѣсами пробирались къ Красному. Когда Даву поровнялся съ деревнею Еськово, Милорадовичъ вышелъ на дорогу и тѣснилъ его съ тыла, при чемъ взялъ 1.000 чел. въ плѣнъ, одно знамя и 13 орудій. Князь Голицынъ, видя свое правое крыло обезпеченнымъ, сталъ переводить войска за Лосминскій оврагъ. Наполеонъ, чтобы остановить его, послалъ гвардейскій вольтижерскій полкъ противъ нашей батареи, стоявшей впереди деревни Уваровой; вольтижеры, встрѣченные пушечнымъ огнемъ и атаками кирасиръ, повернули, а князь Шаховской ударилъ на нихъ въ штыки съ двумя полками и почти истребилъ ихъ.

Наполеонъ приказалъ бить отбой, такъ какъ началъ дѣло лишь для того, чтобы соединиться съ Даву и Неемъ, удовольствовался появленіемъ перваго, такъ какъ ему донесли, что около села Добраго появляются русскіе. То былъ авангардъ Тормасова, подъ командою барона Розена, составленный изъ гвардейскихъ полковъ: Егерскаго, Финляндскаго, Кирасирскаго—Его и Ея Величества, одного казачьяго и роты легкой гвардейской артиллеріи. Наполеонъ, поручивъ руководить боемъ подъ Краснымъ маршалу Даву, самъ поскакалъ черезъ Доброе къ Лядамъ, куда предварительно была послана часть гвардіи.

Милорадовичъ и князь Голицынъ продолжали тѣснить непріятеля, а храбрый полковникъ Никитинъ, командовавшій конною артиллеріею, не давалъ французамъ остано-

Сраженіе при Красномъ 6 ноября.

виться, поражалъ ихъ картечью и бросался въ атаку съ своими канонирами, при чемъ отбилъ три пушки.

Тормасовъ же долженъ былъ зайти въ тылъ французамъ, но у села Добраго былъ остановленъ Кутузовымъ, который, узнавъ, что въ Красномъ находится Наполеонъ, не желалъ случайностямъ боя предоставить то, что надѣялся достигнуть частными нападеніями, морозомъ и голодомъ. Замѣтивъ на лицахъ неудовольствіе этимъ распоряженіемъ, Кутузовъ сказалъ: *За десятерыхъ французовъ не дамъ ни одного русскаго. Непріятели всѣ погибнутъ, а если мы потеряемъ много людей, то съ чѣмъ придемъ на границу?* Въ 11 часовъ, когда Милорадовичъ зашелъ въ тылъ маршалу Даву, послано было приказаніе Тормасову продолжать назначенный ранѣе маршъ. Въ 3 часу пополудни баронъ Розенъ подошелъ къ столбовой дорогѣ, когда почти вся французская армія прошла село Доброе, и только ея арьергардъ, подъ командою генерала Фридрихса, подходилъ къ этому селу, загроможденному обозомъ и объятому съ одного конца пожаромъ. Подъ прикрытіемъ артиллеріи и стрѣлковъ русскія войска приближались съ барабаннымъ боемъ. Французы построились въ колонны и двинулись навстрѣчу нашихъ, но, будучи смяты кирасирами, повернули назадъ въ деревню, засѣли въ домахъ и сражались храбро. Окруженные русскими и пламенемъ пожара, они бросились вправо къ Днѣпру и укрылись частію въ лѣсахъ. По прекращеніи этого дѣла пришелъ Тормасовъ и поставилъ корпуса на большой дорогѣ, по направленію къ Оршѣ.

Князь Голицынъ и Милорадовичъ заняли позицію между оврагомъ и Краснымъ, фронтомъ къ Смоленску; Кутузовъ остановился на ночлегъ въ с. Добромъ, а Наполеонъ—въ Лядахъ. Непріятель потерялъ въ этотъ день 70 пушекъ, 3 знамени, 3 штандарта и большую часть обоза, въ которомъ найденъ былъ маршальскій жезлъ Даву, хранящійся нынѣ въ Казанскомъ соборѣ, въ С.-Петербургѣ. Кромѣ того, было взято въ плѣнъ два генерала, 52 офицера и болѣе 9.000 нижнихъ чиновъ.

О приближеніи корпуса Нея, состоявшаго изъ 7.000 пѣхоты, 500 чел. кавалеріи, 12 пушекъ и до 8.000 чел. безоружныхъ, было извѣстно Кутузову изъ взятыхъ у французовъ бумагъ; поэтому 6 ноября онъ приказалъ Милорадовичу подвинуться къ самому Лосминскому оврагу и стать поперекъ дороги съ корпусами кн. Долгорукова и генерала Раевскаго; въ резервѣ за нимъ стоялъ корпусъ графа Строганова и 2-я кирасирская дивизія. Кавалерія Корфа заняла мѣсто между Никулинымъ и д. Ларіоновою, параллельно Смоленской дорогѣ, а къ деревнѣ Уваровой сильный былъ посланъ отрядъ кавалеріи.

Утромъ тучи заволокли небо, и палъ такой густой туманъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ нельзя было различать людей. Въ 3 часа пополудни казаки донесли о приближеніи французовъ. Войска Милорадовича едва успѣли встать въ ружье, какъ Ней былъ уже въ нѣсколькихъ саженяхъ; колонны его входили въ Лосминскій оврагъ, не видя за туманомъ стоявшихъ передъ ними нашихъ батарей. Мгновенно 40 орудій открыли огонь по французамъ, а Паскевичъ ударилъ въ штыки и опрокинулъ непріятеля. Гвардейскій уланскій полкъ атаковалъ и отбилъ орла. Точно такая же участь постигла войска Нея, посланныя имъ вправо, на нашъ лѣвый флангъ, гдѣ были встрѣчены корпусомъ кн. Долгорукова, а Милорадовичъ, подскакавъ къ стоявшему тамъ Павловскому гренадерскому полку, сказалъ: «Дарю вамъ, павловцы, эти колонны!» и они легли подъ ихъ штыками. Не даромъ Жуковскій сказалъ про него:

«Нашъ Милорадовичъ — хвала!
Гдѣ онъ промчался съ бранью,
Тамъ, мнится, смерть сама прошла
Съ губительною дланью».

Отбитый на всѣхъ пунктахъ, Ней собралъ остатки своего корпуса и пошелъ напроломъ. Осыпаемые картечью и пулями, французы шли на явную смерть, но всѣ усилія ихъ были напрасны. Тогда Ней, видя невозможность пробиться къ Красному и отвергая предложеніе сдаться, сдѣланное ему Милорадовичемъ, рѣшилъ искать спасенія обходомъ. Наступившая темнота помогла Нею; онъ собралъ

до 3 тысячъ надежныхъ людей и пошелъ съ ними къ Днѣпру, намѣреваясь переправиться у д. Сырокореньи, куда еще не подошли казаки Платова. Офицеру своего штаба Ней сказалъ: «Дѣло не хорошо».—«Что же мы предпримемъ?» спросилъ офицеръ. «Перейдемъ за Днѣпръ».—«А если рѣка еще не замерзла?»—«Замерзнетъ», увѣренно отвѣтилъ Ней. И точно, ночью съ 6 на 7 ноября, французы положили бревна съ берега на ледъ, державшійся за оттепелью лишь на срединѣ рѣки. На полыньяхъ клали доски и съ опасностью для жизни перебирались на другой берегъ, побросавъ пушки, лошадей и обозъ. На разсвѣтѣ 7 числа Ней пришелъ къ с. Гусиному, гдѣ уже находились разъѣзды казаковъ. Началась новая за нимъ погоня; съ остатками своего отряда Ней успѣлъ 8 ноября достигнуть с. Якубова и прибылъ 9 ноября въ Оршу. Разсказываютъ, что Наполеонъ обѣдалъ съ Бертье и Раппомъ, когда Гурго прискакалъ изъ Орши съ извѣстіемъ, что Ней живъ. Императоръ вскочилъ, схватилъ его за обѣ руки и спросилъ: «Да вѣрно ли это?» Узнавъ, что сомнѣнія нѣтъ, Наполеонъ воскликнулъ: «У меня двѣсти милліоновъ въ дворцовыхъ погребахъ, я охотно отдалъ бы ихъ за этого человѣка». А генералъ Дюма пишетъ, что, когда онъ пилъ кофе въ трактирѣ, вошелъ человѣкъ съ длинной бородой, лицо его казалось обожженнымъ, глаза блестѣли. «Вотъ и я. Что же это, Дюма, вы меня не узнаете?» — «Нѣтъ, кто вы?» — «Я, арьергардъ великой арміи, маршалъ Ней».

Пораженіемъ Нея заключилось 4-дневное сраженіе подъ Краснымъ, въ которомъ было взято въ плѣнъ 26.000 французовъ, 116 пушекъ и несмѣтное число фуръ обоза. За дѣло

Подвигъ маршала Нея.

подъ Краснымъ Милорадовичъ получилъ орденъ св. Георгія 2 ст., Кутузовъ—именованіе князя Смоленскаго. Фельдмаршалъ послѣ пораженія Нея, вечеромъ 6 ноября, подъѣхалъ къ бивуаку гвардейскаго корпуса и поздравилъ войска съ побѣдою. Оставшись затѣмъ у генерала Лаврова, онъ слѣзъ съ лошади и остался пить чай въ лагерѣ. Всѣ гвардейскіе офицеры собрались вокругъ него и стояли съ обнаженными головами, съ восторгомъ и обожаніемъ глядя на своего любимаго престарѣлаго вождя. «Согрѣтые его присутствіемъ, — говоритъ одинъ очевидецъ,—мы не чувствовали ни грязи подъ собой ни обливавшаго насъ дождя».

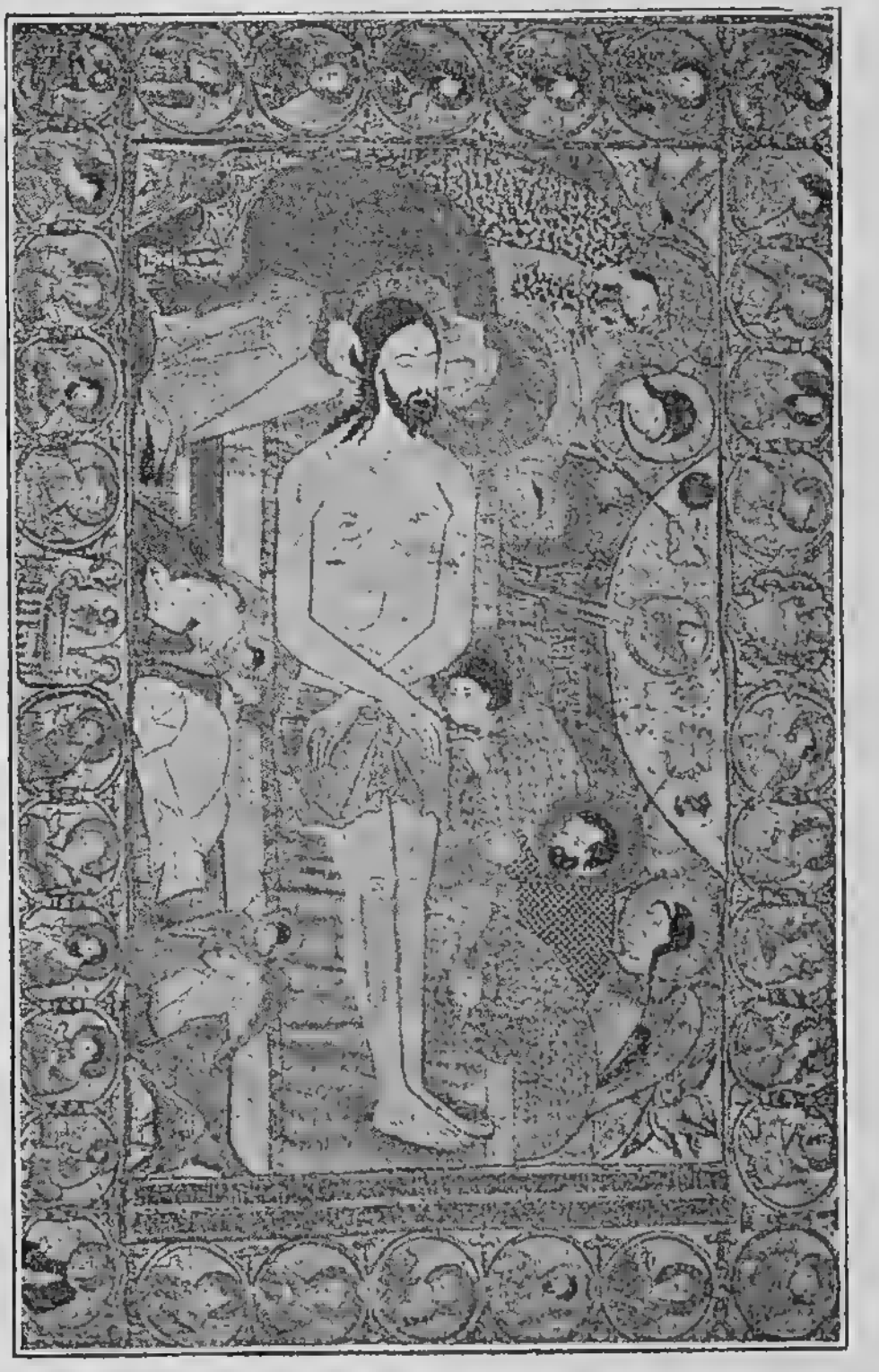
Изъ Орши Наполеонъ послалъ навстрѣчу Нея вице-короля съ отрядомъ гвардіи, а самъ съ арміею выступилъ къ Баранамъ, по дорогѣ въ Борисовъ. Верстахъ въ 20 отъ Орши соединился вице-король съ Неемъ; тогда же арьергардъ французской арміи вышелъ изъ Орши, преслѣдуемый Платовымъ, который за дѣло подъ Краснымъ былъ возведенъ въ графское достоинство Россійской имперіи, и тотъ же поэтъ Жуковскій, вспоминая подвиги Платова, говорилъ:

«Хвала, нашъ вихорь-атаманъ,
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ—
Гроза для супостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь.
Они лишь къ лѣсу — ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы,
Они лишь къ мосту — мостъ исчезъ,
Лишь къ селамъ — пышутъ села».

Императоръ Александръ I, цѣня заслуги Платова, въ собственноручномъ письмѣ, писанномъ 8 января 1813 г., говорилъ: *Вы собственнымъ вашимъ лицомъ и вообще все Донское войско много участвуете въ славѣ истребленія враговъ и въ спасеніи отъ нихъ отечества. Заслуги ваши и подвиги подначальственныхъ вамъ казацкихъ войскъ пребудутъ незабвенны. Имя ихъ сдѣлалось страшно непріятелю.*

Дѣйствительно, по выходѣ изъ Москвы армія Наполеона всецѣло попала на попеченіе казаковъ, окружавшихъ и провожавшихъ ее до самой границы и далѣе и назойливо надоѣдавшихъ ей на этомъ долгомъ и бѣдственномъ пути, до такой степени, что очевидецъ, графъ Сегюръ, называлъ ихъ «надоѣдливыми насѣкомыми». Вскорѣ Франція, а за нею и вся Европа, безъ ужаса не произносили слова *казакъ*, стращая имъ даже маленькихъ своихъ ребятъ. Отбитое отъ французовъ серебро, въ количествѣ 60 пудовъ,

въ священной утвари и ризахъ, войско Донское принесло въ даръ Казанскому собору, въ С.-Петербургѣ, въ которомъ изъ него сдѣланы иконостасы въ главномъ и боковыхъ придѣлахъ, а также перила амвона. 8 ноября Кутузовъ двинулся отъ Краснаго влѣво на Романово, съ цѣлью выйти боковою дорогою на Копысъ, перейти тамъ Днѣпръ и быть въ кратчайшемъ разстояніи отъ Борисова. За ушедшимъ далеко Наполеономъ былъ посланъ Милорадовичъ съ корпусами Долгорукова, Раевскаго, кавалеріею Корфа и 4 казачьими полками. Перейдя Днѣпръ у Копыса, Милорадовичъ долженъ былъ принять подъ свое начальство отрядъ Ермолова, имѣя влѣво отрядъ Бороздина, а вправо Платова. Главная армія Кутузова медленно слѣдовала за Милорадовичемъ и пришла въ Копысъ 12 ноября. При вступленіи въ предѣлы Бѣлоруссіи Кутузовъ, согласно съ объявленной ему волею Монарха, отдалъ приказъ, запрещавшій солдатамъ всякое мщеніе, забывшимъ на время присягу вѣрноподданства. Съ своей стороны императоръ Александръ издалъ 3 ноября благодарственный манифестъ къ народу и всѣмъ сословіямъ за безпримѣрное единодушіе въ священномъ дѣлѣ защиты отечества.



Плащаница, шелкомъ шитая, взята изъ Успенскаго собора въ Москвѣ, и отбита казаками, принесшими ее въ даръ собору г. Смоленска.

Армія Дунайская подъ начальствомъ адмирала Чичагова 5 ноября пришла въ Минскъ, замѣняя быстротою своего движенія время, потерянное на берегахъ Буга. Впрочемъ, Чичаговъ говорилъ, что виной тому Кутузовъ, который заставлялъ его на маршѣ танцовать менуэтъ. Ланжеронъ въ своихъ «запискахъ» пишетъ:

«Адмиралъ вскорѣ послѣ своего пріѣзда заслужилъ ненависть своей арміи и сдѣлался посмѣшищемъ ея. Чичагову

было тогда 45 лѣтъ, онъ былъ не глупъ, если умомъ можно назвать болтливость и говорливость, къ которымъ прибавимъ очень поверхностное образованіе. Онъ былъ весьма легкомысленъ, голова его ежеминутно изобрѣтала новые проекты, и проекты эти, обыкновенно вздорные и непримѣнимые, надо было приводить въ исполненіе сію же минуту. Онъ не переносилъ ни доводовъ, ни задержекъ въ исполненіи своихъ капризовъ. Этимъ онъ походилъ на императора Павла. Онъ не имѣлъ ни одной правильной идеи. Крутость его характера и чрезмѣрное самолюбіе не позволяли ему ни слушать ни принимать совѣтовъ. Онъ преслѣдовалъ съ необыкновеннымъ упрямствомъ то, что задумалъ въ сумасбродствѣ своего экстравагантнаго воображенія. Онъ и людей судилъ не лучше, чѣмъ факты, и всегда относился къ первымъ съ предубѣжденіемъ. Въ теченіе 3 лѣтъ онъ былъ морскимъ министромъ въ Россіи, и при немъ нашъ флотъ пришелъ въ упадокъ. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о сухопутной службѣ, и его невѣжество въ нашихъ организаціяхъ и маневрахъ дѣлало его смѣшнымъ. Характеръ Чичагова вполнѣ гармонировалъ его уму. Онъ былъ суровъ и самостоятеленъ, неблагодаренъ и грубъ; обладалъ всѣми душевными пороками и былъ ужасно сумасброденъ. То вдругъ онъ дѣлался до фанатизма обожателемъ англичанъ, то до смѣшного привязывался къ французамъ. Единственно его постояннымъ чувствомъ были ненависть и презрѣніе къ родной націи. Этого презрѣнія онъ никогда не переставалъ выказывать,—даже тогда, когда жестокія обстоятельства, въ которыхъ находилась Россія, открыли характеръ ея жителей и солдатъ и обѣщали имъ уваженіе и восхищеніе всей вселенной. При всемъ этомъ онъ имѣлъ одно драгоцѣнное качество—онъ былъ честенъ и неинтересантъ, онъ придерживался этой добродѣтели въ излишествѣ для себя и для другихъ и заставлялъ многихъ думать, что онъ самъ носилъ въ себѣ пороки вѣка и націи. Трудно понять, что заставило императора довѣрить армію этому адмиралу, особенно въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ. Еще будь онъ надѣленъ природой всѣми талантами и геніемъ, необходимымъ для командованія сухопутными войсками, но адмиралъ никогда не могъ пріобрѣсти предварительныхъ знаній и особенно необходимой опытности для этой службы. Полагали, что наша армія, назначенная прежде дѣйствовать въ Далмаціи вмѣстѣ съ англійскимъ флотомъ, и выбрали адмирала, чтобы командовать обѣими арміями. Но Чичаговъ былъ такимъ же дурнымъ морякомъ, какимъ и сухопутнымъ генераломъ, и если проектированная экспедиція имѣла бы подобнаго начальника, мы не могли бы ничего другого услыхать, какъ только самыя печальныя извѣстія. Полагали и не безъ основанія, что императоръ очень привя-

зался къ Чичагову, когда онъ вернулся изъ Парижа, и что графъ Аракчеевъ, не терпѣвшій соперника благосклонности своего повелителя, убоялся, увидѣвъ такового въ лицѣ адмирала, и, благодаря этому, Чичагову поручено было командовать арміей, чтобы удалить его изъ Петербурга».

Въ Минскѣ получилъ Чичаговъ весьма неблагопріятное извѣстіе, именно: генералъ Эртель, которому было приказано примкнуть къ его арміи изъ Мозыря съ 15.000 свѣжихъ войскъ, не двинулся съ мѣста, отговариваясь тѣмъ, что у него много больныхъ и что онъ не знаетъ, кому сдать собранные въ Мозырѣ запасы, а также, что по дорогѣ, по которой ему указано итти, свирѣпствуетъ падежъ скота. Эртеля уволили и на его мѣсто назначили Тучкова, которому Чичаговъ приказалъ выступить черезъ Рогачевъ на Могилевъ, а Сакену писалъ отправить къ арміи корпусъ Эссена. Авангарды же Дунайской арміи быстро шли къ Березинѣ: графъ Ламбертъ шелъ къ Борисову, Чаплицъ — къ Зембину, а полковникъ Луковкинъ — къ Игумену, сторожить Домбровскаго. Броникovскій стоялъ въ Борисовѣ съ 4.000 чел., а Домбровскій, почти бѣгомъ прибывшій туда же съ 3.000 чел., занялъ предмостное укрѣпленіе, которое 9 ноября, на разсвѣтѣ, было атаковано и взято приступомъ графомъ Ламбертомъ. Поляки побѣжали къ мосту; за ними пустились наши егеря и на штыкахъ ворвались въ городъ. Домбровскій, напрасно пытавшійся остановить нашъ авангардъ въ окопахъ, на мосту и за городомъ, потерявъ два знамени, 8 пушекъ и болѣе 2.000 чел. плѣнныхъ, въ безпорядкѣ отступилъ по Оршанской дорогѣ. На слѣдующій день прибылъ Чичаговъ; армія его стала позади мостового укрѣпленія; главная квартира заняла Борисовъ. Авангардъ, поступившій послѣ раны, полученной графомъ Ламбертомъ во время штурма, подъ команду графа Палена, былъ выдвинутъ по дорогѣ къ Оршѣ.

Адмиралъ П. В. Чичаговъ.

Наполеонъ былъ такъ спокоенъ за мостъ въ Борисовѣ, что еще въ Оршѣ приказалъ жечь всѣ знамена и понтоны

для облегченія арміи. Каково же было его удивленіе, когда ему донесли, что Борисовъ взятъ Чичаговымъ. Крайне интересно описаніе минутъ, слѣдовавшихъ за полученіемъ этого извѣстія, сдѣланное однимъ офицеромъ молодой гвардіи Наполеона:

«10 ноября мы шли большою дорогою, по направленію къ Борисову. До города было уже не очень далеко. Бонапартъ шелъ, какъ и всѣ мы, съ палкою; онъ былъ одѣтъ въ мѣховую шубу и шапку и шелъ посрединѣ дороги въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, слѣдомъ за Бертье. Кругомъ было какъ-то тоскливо, тихо и спокойно, когда мы увидѣли шедшаго къ намъ навстрѣчу офицера. То былъ состоявшій при главномъ штабѣ полковникъ Ф. Онъ остановился передъ Бертье и отрапортовалъ ему что-то—я разслышалъ только слова «Березина» и «русскіе». Всѣ остановились, также и Наполеонъ, который былъ шагахъ въ шести отъ начальника штаба и отъ полковника. Я продвинулся немного впередъ, чтобы разузнать, въ чемъ дѣло. Слышу, Наполеонъ спрашиваетъ сердито: «Что онъ тамъ толкуетъ, что онъ толкуетъ?» Бертье приказалъ полковнику повторить донесеніе. Какъ теперь слышу.

«— Г-нъ маршалъ поручилъ мнѣ увѣдомить о томъ, что русская Молдавская армія пришла къ Березинѣ и завладѣла всѣми переправами.

«— Это неправда, это неправда!

«— Двѣ непріятельскія дивизіи овладѣли мостомъ и занимаютъ уже лѣвый берегъ; также, что рѣка замерзла недостаточно для перехода по льду.

«— Вы лжете, вы лжете, это неправда!

«— Меня не посылали провѣрять положеніе непріятеля; г-нъ маршалъ послалъ меня съ этимъ донесеніемъ, и я исполняю свой долгъ.

«Видя, что Наполеонъ сталъ шевелить своей палкой, я подумалъ, что онъ хочетъ ударить ею полковника; но въ эту минуту онъ, съ широко разставленными ногами, откинулся назадъ и, опираясь лѣвою рукою о палку, со скрежетомъ зубовъ, кинулъ взглядъ къ небу и поднялъ кулакъ. Настоящій крикъ бѣшенства вырвался изъ его груди, онъ повторилъ свой жестъ угрозы и сказалъ слово, составляющее богохульство. Увѣряю, что въ жизнь свою я не видѣлъ болѣе ужаснаго выраженія лица и всей фигуры. Онъ, очевидно, совсѣмъ забылъ о своемъ стараніи скрывать отъ насъ свои ощущенія, пытаясь казаться веселымъ, чему, конечно, никто не вѣрилъ. Мы такъ внимательно слѣдили за всѣми его движеніями и были до такой степени поражены видѣннымъ, что опомнились лишь тогда, когда онъ приказалъ продолжать движеніе». «Эту ночь Наполеонъ не спалъ, — говоритъ Сегюръ. — Дарю и Дюрокъ, считая его

Сожженіе знаменъ великой арміи.

уснувшимъ, тихонько разговаривали объ отчаянномъ положеніи, въ которомъ очутились, не зная, что все онъ слышалъ. Когда они произнесли слова «государственный плѣнникъ», онъ не вытерпѣлъ и подалъ голосъ:

«— Такъ вы думаете, что они осмѣлятся?»

«Дарю, сначала удивленный, отвѣтилъ:

«— Что, если ему придется сдаться, онъ долженъ быть готовъ ко всему, что нельзя разсчитывать на великодушіе непріятеля, такъ какъ политика въ широкомъ смыслѣ слова не признаетъ обыденной морали и дѣйствуетъ самостоятельно.

«— А Франція? — спросилъ Наполеонъ. — Что скажетъ Франція?

«— О, что касается Франціи,—о ней можно загадывать что угодно, но трудно сказать, что именно съ ней произойдетъ. Самое лучшее,—прибавилъ Дарю,—и для насъ и для вашего величества было бы, если бы хоть по воздуху, коли нельзя по землѣ, вы перенеслись какъ-нибудь во Францію, откуда спасли бы насъ вѣрнѣе, чѣмъ оставаясь здѣсь.

«— Значитъ, я васъ стѣсняю? — спросилъ Наполеонъ.

«— Да, ваше величество.

«— А вы не хотите быть государственнымъ плѣнникомъ?»

«Дарю отвѣтилъ, шутя, что съ него довольно быть военноплѣннымъ. На это Наполеонъ послѣ долгаго молчанія спросилъ:

«— Всѣ ли донесенія сожжены?

«— Ваше величество не хотѣли дѣлать этого!

«— Ну, такъ подите сейчасъ, сожгите все—надобно сознаться, что мы въ неважныхъ обстоятельствахъ».

Съ приходомъ Чичагова къ Борисову была исполнена часть повелѣній государя императора. Дунайская армія пришла къ Березинѣ прежде Наполеона и успѣла завладѣть главнымъ путемъ спасенія его изъ Россіи.

«Императоръ и вся Россіи,—замѣчаетъ К. А. Военскій въ предисловіи «къ запискамъ современниковъ» Отечественной войны,—ожидали плѣненія Наполеона, какъ справедливаго возмездія за дерзкое его нашествіе и униженіе великаго народа. Надежда эта не оправдалась. Затравленный русскими ловчими, хищный, матерый звѣрь ускользнулъ, употребивъ всѣ силы ума, чтобы обмануть бдительность русскихъ отрядовъ.

«Плѣненіе Наполеона у Березины, несомнѣнно, оказало бы огромное вліяніе на всю дальнѣйшую исторію Европы, и Александръ I имѣлъ бы, быть-можетъ, возможность диктовать Европѣ свою волю, не выводя войскъ за предѣлы Россіи. Современники ясно сознавали всю важность этого

момента, упущеннаго по чьей-то винѣ, и общественное мнѣніе старалось найти лицо, на которое можно было бы возложить всю отвѣтственность за неудачу. Виновнымъ чаще всего признавали и признаютъ адмирала Чичагова, который и самъ, потрясенный нравственными страданіями, навсегда покинулъ Россію въ 1815 г., а потомъ даже натурализовался англійскимъ гражданиномъ, отказавшись вернуться на родину, какъ то требовалъ отъ всѣхъ русскихъ, проживающихъ за границей, Высочайшій указъ 1834 г. Это добровольное изгнаніе еще болѣе укрѣпило за Чичаговымъ обвиненіе въ неправильныхъ дѣйствіяхъ при Березинѣ».

Графъ Беннигсенъ въ своихъ «запискахъ» говоритъ, что «если бы всѣ лица, руководившія военными дѣйствіями, были преданы суду, то я желалъ бы знать, сказали ли бы они, какъ самые безпристрастные судьи, что адмиралъ Чичаговъ болѣе виновенъ, нежели всѣ начальствующія лица арміи, такъ какъ онъ одинъ въ точности исполнилъ всѣ данныя ему предписанія и приказы, что онъ одинъ былъ на своемъ мѣстѣ, т.-е. на рѣкѣ Березинѣ, преграждая путь французской арміи, готовый принять ее и препятствовать ея переправѣ черезъ эту рѣку».

Словомъ, казалось, что удары должны были разразиться надъ французами между Днѣпромъ и Березиною, куда сходились со всѣхъ сторонъ русскія арміи и гдѣ отступалъ Наполеонъ. Цѣлью его было перейти скорѣе разстояніе отъ Орши до Борисова, переправиться тамъ черезъ Березину и потомъ вступить въ связь съ австрійскою арміею князя Шварценберга и корпусомъ Ренье. Чтобы обезпечить свое движеніе войсками, менѣе разстроенными, чѣмъ была его великая армія, Наполеонъ приказалъ маршалу Удино итти изъ Череи на большую Оршанскую дорогу къ Бобру и, составляя авангардъ арміи, вырвать, во что бы то ни стало, Борисовъ изъ рукъ Чичагова. Виктору велѣно было пропустить позади себя главную армію, продолжать прикрывать ее отъ нападеній графа Витгенштейна и потомъ составить арьергардъ; князю Шварценбергу и Ренье дѣйствовать быстро въ тылъ Чичагова. Въ головѣ главной арміи назначенъ былъ итти Жюно, за нимъ Заіончекъ съ поляками, гвардія, Ней, вице-король и Даву. Въ это время положеніе французовъ нѣсколько улучшилось отъ примкнувшихъ къ нимъ командъ и гарнизоновъ изъ разныхъ городовъ Бѣлоруссіи. Предписанное Наполеономъ движеніе началось 9 ноября и продолжалось въ слѣдующіе дни. Удино пошелъ на Бобръ, впереди его былъ Домбровскій, Викторъ отступилъ къ Холопеничамъ, въ намѣреніи быть ближе къ главной арміи, тронувшейся въ тотъ день изъ Баранова къ Коханову и Толочину.

Кутузовъ приказалъ Платову итти изъ Орши по слѣдамъ Наполеона, не упуская его изъ виду; Ермолову соображать свои движенія такъ, чтобы всегда можно было подкрѣпить Платова; генералъ-адъютанту Кутузову, слѣдуя на Сенно, сохранять связь, влѣво съ гр. Платовымъ, вправо съ графомъ Витгенштейномъ; Милорадовичу двинуться изъ Копыса, черезъ Староселье въ Толочинъ, имѣя влѣво отрядъ Бородина, а еще лѣвѣе партизановъ Сеславина, графа Ожаровскаго и Давыдова, направленныхъ на Игуменъ и Березино. Кутузовъ съ остальными корпусами главной арміи намѣренъ былъ выждать въ Копысѣ отставшіе провіантскіе подводы и затѣмъ итти на Цѣцержинъ, а оттуда, смотря по обстоятельствамъ, на Бобръ или Игуменъ. Къ Чичагову былъ посланъ флигель-адъютантъ Орловъ съ письмомъ и объясненіями, что, по бѣдственному состоянію французовъ, не имѣвшихъ почти ни артиллеріи, ни кавалеріи, Дунайская армія одна, и безъ содѣйствія гр. Витгенштейна, удержаннаго Викторомъ, можетъ встрѣтить и разбить бѣгущаго и тѣснимаго сзади непріятеля; но что, быть-можетъ, Наполеонъ, видя невозможность очистить себѣ путь черезъ Борисовъ и Минскъ, повернетъ на Березино и Игуменъ, для чего должно безпрерывно наблюдать за нимъ партизанамъ и стараться предупредить его на этомъ движеніи. Сверхъ того, Кутузовъ обращалъ вниманіе Чичагова на необходимость занять Зембинскія дефиле, а гр. Витгенштейну предписалъ дѣйствовать въ правый флангъ непріятеля, имѣя въ виду сосредоточенное наступленіе съ другими нашими арміями. Въ случаѣ движенія на него Наполеона графъ долженъ былъ занять крѣпкую позицію или даже отступить за Двину. Такъ продуманы были всѣ случаи пресѣченія Наполеону путей къ спасенію; причины неудачи этихъ предначертаній мы не будемъ разсматривать, а разскажемъ, какъ великая армія, придя къ переправѣ, которая была назначена въ Студянкѣ, обманула русскихъ.

Для этого 11 ноября триста солдатъ и нѣсколько сотъ бѣглецовъ были посланы ниже по рѣкѣ, въ Ухолоду, съ приказаніемъ собирать тамъ матеріалы для постройки моста, стараясь какъ можно больше шумѣть. Туда же направили по самому видному мѣсту для русскихъ всѣхъ имѣвшихся кирасиръ. Кромѣ того — и въ этомъ состояла главная хитрость—начальникъ штаба призвалъ къ себѣ мѣстныхъ евреевъ и таинственно сталъ ихъ разспрашивать насчетъ бродовъ и дорогъ, ведущихъ на Минскъ. Потомъ онъ оставилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ качествѣ проводниковъ при себѣ, а остальныхъ выпроводилъ за аванпосты. Чтобы быть увѣреннымъ, что евреи разболтаютъ все это, Бертье заставилъ ихъ поклясться въ томъ, что они выйдутъ къ нему навстрѣчу, ниже по р. Березинѣ, для извѣщенія о движеніи непріятеля.

Въ то время, когда старались такимъ образомъ обмануть Чичагова, въ Студянкѣ приготовили все нужное для переправы. Присутствіе русской дивизіи на той сторонѣ рѣки отнимало надежду на то, что наши дадутся въ обманъ. Каждую минуту ждали, что вотъ-вотъ русская артиллерія откроетъ огонь по рабочимъ, трудившимся надъ постройкою моста. Если бы непріятель это сдѣлалъ только съ разсвѣтомъ, работы, навѣрно, не были окончены, а противоположный берегъ, низкій и болотистый, былъ чрезвычайно удобенъ, чтобы помѣшать переходу силою. Наполеонъ, выйдя въ 10 часовъ вечера изъ Борисова, приготовился къ удару. Онъ остановился со своими 6 тысячами гвардейцевъ въ Старо-Борисовѣ, расположившись самъ въ домѣ Радзивила. Эту ночь онъ не ложился спать, а подъ утро перешелъ ждать на берегъ рѣки въ маленькую избушку.

«Ну, что, Бертье, какъ мы выберемся?» спрашивалъ онъ своего начальника штаба. Мюратъ выражалъ свое сомнѣніе въ возможности переправы и именемъ арміи упрашивалъ Наполеона о своемъ личномъ спасеніи. «Есть молодцы поляки, которые предлагаютъ сопровождать императора: они поднимутся съ нимъ вверхъ по берегу Березины и черезъ пять дней доставятъ въ Вильну». Наполеонъ опустилъ голову, въ знакъ несогласія, но ничего не сказалъ.

Едва были поставлены первые устои моста, маршалъ Ней и Мюратъ прибѣжали, запыхавшись, къ Наполеону, крича, что непріятель покинулъ свою грозную позицію на томъ берегу. Императоръ внѣ себя, не смѣя вѣрить, самъ бѣгомъ бросился на рѣку—то была правда! Въ восторгѣ онъ воскликнулъ: «Значитъ, я обманулъ адмирала!» И дѣйствительно, наши начальники не потрудились обратить вниманіе на работы, производившіяся у Студянки въ продолженіе 48 часовъ. Самая неосторожность французовъ еще болѣе убѣждала Чичагова въ томъ, что его хотятъ обойти ниже, куда онъ и стянулъ весь корпусъ Чаплица, стоявшій прямо противъ устраиваемаго моста при Студянкѣ.

Сегюръ картинно описываетъ свои впечатлѣнія и чувства Наполеона за эти часы: «Со вчерашняго дня каждый изъ ударовъ нашихъ саперовъ, раздававшихся по окрестнымъ лѣсамъ, долженъ былъ привлекать вниманіе непріятеля. Мы ждали, что при первыхъ проблескахъ утра увидимъ его батальоны и артиллерію выстроенными передъ утлымъ сооруженіемъ нашего генерала Эбле, которому нужно было еще 8 часовъ работы, чтобы кончить мостъ; безъ сомнѣнія, думали мы, непріятель ждетъ свѣта, чтобы быть въ состояніи лучше направлять свои выстрѣлы. Утро настало, и мы увидали покинутые бивуачные огни, совершенно пустынный берегъ и вдали, на возвышенностяхъ, тридцать уходящихъ

орудій! Одного, единственнаго ядра было довольно, чтобы уничтожить всю нашу надежду на спасеніе! Но ихъ артиллерія отходила на нашихъ глазахъ все дальше и дальше, пока наша въ то же время становилась на позицію. Далеко виднѣлся хвостъ длинной колонны русскихъ, уходившихъ къ Борисову—хоть бы они оглянулись назадъ!

«Пѣхотный полкъ при 12 пушкахъ стоялъ еще передъ нами, но въ разбродѣ, видимо, не намѣреваясь мѣшать намъ, да по опушкѣ лѣса еще виденъ былъ отрядъ казаковъ—это былъ арьергардъ дивизіи Чаплица, силою въ 6.000 чел., удалявшагося, чтобы очистить намъ путь».

Къ часу дня казаки ушли, и мостъ для пѣхоты былъ готовъ. Дивизія Леграна быстро перешла его со своею артиллеріею, при крикахъ «да здравствуетъ императоръ!» на глазахъ Наполеона, все время торопившаго работы и теперь даже помогавшаго переходу артиллеріи, ободрявшаго солдатъ словомъ и примѣромъ. Когда первыя войска завладѣли тѣмъ берегомъ, Наполеонъ не утерпѣлъ, чтобы не сказать: «И здѣсь опять она, моя звѣзда».

Чичаговъ къ сдѣланной ошибкѣ прибавилъ еще другую, которую нельзя простить ему: Зембинъ, на другой сторонѣ рѣки, построенъ на болотѣ, по которому идетъ виленская дорога, полотно дороги имѣетъ на своемъ протяженіи 22 деревянныхъ моста, которые Чичаговъ долженъ былъ передъ своимъ уходомъ зажечь; подъ ними даже были положены горючіе матеріалы, но ихъ никто не потрудился зажечь.

Суета, толкотня и безпорядокъ, происходившіе при переходѣ черезъ Березину, по словамъ всѣхъ очевидцевъ, не поддаются описанію. Всѣ бѣшено бросались къ мостамъ; никто не помнилъ болѣе себя, звѣрство обуяло всѣхъ. Саблями прочищали себѣ дорогу. Коленкуръ, великій конюшій императора, толкаемый, чуть не былъ сброшенъ съ лошади и съ величайшимъ трудомъ провелъ лошадей и экипажи Наполеона.

Къ вечеру русская артиллерія придвинувшейся арміи Витгенштейна стала на позицію и открыла огонь по массѣ народа, покрывавшей берегъ и мосты. Невозможно передать сцены ужаса, настоящаго разбоя, которыя разыгрались подъ ядрами русскихъ батарей. Испуганная толпа была до того сжата, сбита вмѣстѣ, что каждый снарядъ производилъ страшное опустошеніе. Къ отчаяннымъ крикамъ, раздававшимся со всѣхъ сторонъ, къ стонамъ людей, ржанію лошадей, падавшихъ, задавленныхъ, прибавился еще безпрерывный свистъ ядеръ, взрывы снарядовъ, удары по повозкамъ, каретамъ и ящикамъ, которые разбивались и разлетались, осколками своими увеличивая число жертвъ.

Переправа черезъ Березину.

Ночь положила конецъ этимъ бѣдствіямъ. Нѣкоторымъ частямъ 9-го корпуса удалось перейти рѣку, но большая часть была истреблена. Цѣлая дивизія генерала Портюно положила оружіе; она заблудилась и была окружена русскими.

Къ 8 часамъ утра слѣдующаго дня мостъ, назначенный для повозокъ и лошадей, разорвался, и обозъ съ артилеріею двинулся къ другому мосту, чтобы завладѣть имъ. Тогда началась битва между пѣшими и конными; много погибло въ этой рѣзнѣ, а еще болѣе въ головѣ моста, гдѣ трупы людей и лошадей завалили проѣздъ, такъ что приходилось буквально перебираться черезъ горы мертвыхъ. Послѣднею перешла дивизія Жерара, оружіемъ проложившая себѣ путь; они едва успѣли добраться до другого берега, какъ русскіе бросились за ними. Въ это время французы зажгли мостъ, пожертвовавши всѣми оставшимися на лѣвомъ берегу, чтобы не дать перейти русскимъ. Тогда не успѣвшіе перебраться просто ошалѣли съ отчаянія. Многіе еще старались проскочить по пылавшему мосту и, чтобы не сгорѣть, бросались въ воду, гдѣ тонули.

Тысячи огней освѣтили высоты, занятыя нашими войсками, а внизу на самомъ берегу десятки тысячъ несчастныхъ умирали или готовились отойти въ вѣчность, не имѣя ни огней ни крова; только по стонамъ ихъ въ темнотѣ можно было догадаться, что вся эта масса народа дышала и была еще жива...

XI.

Какъ славно и храбро сражались наши войска подъ Березиною, приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ «записокъ» участниковъ этого боя. «Я первый изъ русскихъ,—говоритъ И. К. Арнольди,—замѣтилъ и встрѣтилъ переправу французскихъ войскъ и первый же началъ съ ними дѣло какъ нынѣ, такъ и 14 числа, не отходя въ теченіе этихъ 3 дней отъ колесъ своихъ орудій на аванпостѣ. Первыя пришедшія на смѣну моимъ два орудія были пѣшей батарейной подполковника Пащенки роты, подъ командою штабъ-капитана Чарторижскаго; эти не стояли и четверти часа, бывъ также уничтожены, какъ и мои, и тѣмъ же порядкомъ приходили по два, однѣ за другими свѣжія, пока, наконецъ, вся рота была доведена до такого же состоянія, какъ и моя; я послалъ опять просить другой роты, и мнѣ снова прислали пѣшую полковника Де-Борбиша; такимъ же образомъ вступила и эта въ дѣло, и часа черезъ $2^1/_2$ перешла въ такую же невозможность дѣйствовать, какъ и первыя двѣ; за нею къ вечеру поступила ко мнѣ послѣдняя, уже легкая, капитана Пребстинга; въ бытность на позиціи этой оттѣсненъ былъ,

наконецъ, непріятель до самой уже переправы, и въ то же почти время, гораздо, однакоже, за полдень, услышали мы на той сторонѣ рѣки канонаду, что и было сигналомъ прихода туда гр. Витгенштейна (кажется, это былъ тотъ моментъ, когда сдалась колонна Портюно). Въ ту же минуту объявили объ ономъ войску, и вѣсть эта воспламенила ихъ—всѣ какъ бы съ новыми силами бросились впередъ, не давая нигдѣ остановиться непріятелю и оттолкнули его, такъ сказать, однимъ натискомъ до самой переправы. Все, что не успѣло убраться до этого по дорогѣ къ Зембину,—все было тутъ взято нами, но за всѣмъ тѣмъ наступившія сумерки спасли многихъ».

И. И. Дибичъ.

Далѣе И. К. Арнольди пишетъ: «Если бы кто вздумалъ упрекать Чичагова въ допущеніи французовъ переправляться черезъ Березину, то, полагаю, упрекъ этотъ несправедливъ, ибо, какъ личный свидѣтель, могу удостовѣрить, что это было дѣло невозможное, а тѣмъ паче, ежели взять въ соображеніе, что онъ имѣлъ у себя подъ ружьемъ на Березинѣ едва ли 22 тысячи человѣкъ, съ коими онъ долженъ былъ оберегать рѣку, на пространствѣ болѣе 100 верстъ и столько же тысячъ людей противъ себя непріятельской арміи, стремящихся съ оружіемъ въ рукахъ перейти ее. Да и есть ли примѣръ въ исторіи, чтобъ какую-нибудь армію могъ кто-либо остановить на переправѣ и не далъ бы ей возможности перейти? А тѣмъ менѣе можно было это сдѣлать

съ Наполеономъ. Къ тому же у насъ извѣстно было, что Чичаговъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ болѣе по указаніямъ самого свѣтлѣйшаго князя Кутузова и полученнымъ имъ отъ графа Витгенштейна свѣдѣніямъ, въ коихъ оба обращали все свое вниманіе на переправу гораздо ниже Борисова и оба совѣтовали стеречь ее, сколько можно къ сторонѣ Бобруйска, въ предположеніи, что вся цѣль Наполеона быть какъ можно ближе къ дорогѣ, идущей чрезъ Мозырь на Житомиръ, куда, какъ и всѣ тогда полагали, имѣлъ онъ непремѣнное намѣреніе проникнуть. Нѣтъ сомнѣнія, что средство было удесятерить потерю французовъ на Березинѣ, но не остановить ихъ, и это средство не зависѣло отъ Чичагова, а отъ самого князя Кутузова и съ нимъ вмѣстѣ графа Витгенштейна, коимъ Чичаговъ пособлялъ бы только при этомъ въ 3-мъ лицѣ. Средство сіе слѣдующее: арміи Кутузова и Витгенштейна должны были лежать у французовъ на плечахъ, а не итти за 100 верстъ отъ нихъ». Другой участникъ сраженія при Березинѣ, Я. С. Храповицкій, въ своихъ «воспоминаніяхъ» замѣчаетъ: «Въ ночь подъ 17-е число маршалъ Викторъ, оставивъ мѣсто битвы, перешелъ на другой берегъ рѣки и послѣдовалъ съ остатками своего корпуса въ Зембинъ. Предъ разсвѣтомъ французы взорвали мосты, покинувъ на той сторонѣ 12 орудій, великое множество, какъ казеннаго, такъ и партикулярнаго обоза и всѣхъ тѣхъ, кои замедлили переправиться. Вслѣдъ за нимъ выступилъ Наполеонъ со своею гвардіею, а потомъ и остальныя части его арміи. Маршалу Нею предоставлено было прикрыть ретираду. Сей маршалъ, слѣдуя къ Зембину и перейдя мосты, лежащіе по непроходимымъ почти болотамъ, пожегъ ихъ. Конечно, если бы мы оные уничтожили прежде отступленія непріятеля, тогда всѣ пожертвованія его, всѣ военныя соображенія Наполеона, всѣ потери, сдѣланныя имъ, дабы только перейти Березину, были бы тщетны, ибо, бывъ, такъ сказать, захваченнымъ между Березиною и болотами, еще не совсѣмъ замерзшими, безъ всякаго продовольствія, съ изнеможенными войсками, безъ покрова при сильномъ морозѣ, при жестокихъ вьюгахъ, ему оставалось—или пасть до послѣдняго подъ выстрѣлами нашими, или отдаться въ плѣнъ».

Любопытенъ также разсказъ Я. С. Храповицкаго о свиданіи князя Кутузова съ адмираломъ Чичаговымъ: «28 ноября мы вступили въ Вильно. Я не буду вамъ описывать ни битвъ ни всего, что мы отобрали у непріятеля послѣ перехода его черезъ Березину, до Вильны и далѣе до самаго Нѣмана. Это было бы не что иное, какъ повтореніе, о чемъ много было и говорено и написано, но считаю вещью, довольно любопытною, окончить вамъ разсказъ мой описаніемъ встрѣчи и перваго свиданія князя Кутузова съ адми-

раломъ Чичаговымъ, воспослѣдовавшимъ въ Вильнѣ: Я самъ былъ лично свидѣтель, самый близкій всему, слѣдовательно, могу вамъ въ точности передать. Вамъ извѣстно, что оба сіи вельможи—люди умные, оба съ большимъ познаніемъ, оба съ большими достоинствами, но въ отношеніи ихъ взаимной дружбы—ни Касторъ ни Полуксъ не были имъ образцами. По занятіи нами города Вильны я былъ назначенъ комендантомъ до прибытія главной арміи. Князя Кутузова ожидали на другой день. Адмиралъ Чичаговъ поутру далъ мнѣ повелѣніе встрѣтить, съ конвоемъ и всѣми конными ординарцами, князя за городомъ и, проводивъ до назначеннаго подъ квартиру дома, поспѣшить возвратиться съ докладомъ о прибытіи князя. Къ вечеру, въ 8 часовъ, князь Кутузовъ въѣхалъ въ городъ и, по принятію отъ меня рапорта, спросилъ объ адмиралѣ. Я ему отвѣчалъ, что будетъ имѣть честь сейчасъ явиться. Не медля ни минуты, поскакалъ къ адмиралу и доложилъ о пріѣздѣ. Я нашелъ его совсѣмъ готовымъ, но не въ парадномъ мундирѣ, а въ морскомъ вицмундирѣ. Подали карету, и онъ велѣлъ мнѣ съ нимъ ѣхать. Лишь только мы взошли въ переднюю, какъ услышали шаги многихъ. Входимъ въ залу и видимъ самого князя, къ намъ навстрѣчу идущаго, сопровождаемаго, по крайней мѣрѣ, 30-ю или болѣе генералами и штабъ-офицерами. Здѣсь они обнялись и, взявшись рука объ руку, пошли въ дальнія комнаты; я, какъ чиновникъ, пріѣхавшій съ адмираломъ и принадлежащій ему, послѣдовалъ съ

Карикатура на Наполеона, хотѣвшаго сдѣлать шагъ изъ Парижа въ Москву.

прочими за ними. Они, пройдя двѣ комнаты, взошли въ каминную. Свѣтлѣйшій посадилъ адмирала возлѣ себя. Когда мы всѣ заняли мѣста (стоя) и когда все утихло и воцарилась тишина, князь Кутузовъ, наклонивъ немного голову, сказалъ адмиралу: *Поздравляю васъ, ваше высокопревосходительство, съ одержанными побѣдами надъ врагомъ и вмѣстѣ съ симъ благодарю васъ за всѣ ваши распоряженія.* Мнѣ самому показалось, что при семъ послѣднемъ словѣ онъ повысилъ голосъ. Адмиралъ, не останавливаясь нимало, голосомъ твердымъ и громкимъ отвѣчалъ: *Честь и слава принадлежитъ вамъ одному, ваше сіятельство, ибо все, что ни дѣлалось, все, что ни исполнялось,—исполнялось буквально во всей силѣ слова повелѣній вашихъ, слѣдовательно, побѣды и всѣ распоряженія есть ваше достояніе.* Отпустивъ другъ другу такого рода привѣтствія, оба пріумолкли. Въ сію минуту подали чай, и разговоръ начался обыкновенный. Адмиралъ, пробывъ около получаса, всталъ, простился, и князь Кутузовъ опять его проводилъ до залы».

Разстройство французской арміи послѣ переправы черезъ Березину достигло наибольшей степени. Отступавшіе солдаты въ полномъ смыслѣ слова остервенѣли. Муравьевъ, Феньшау, Чичаговъ и многіе другіе утверждаютъ, что сами видѣли, какъ французы питались мертвыми товарищами: часто встрѣчали ихъ въ сараяхъ сидящими около огня, на тѣлахъ умершихъ, изъ которыхъ они вырѣзали лучшія части, жарили и ѣли. Когда одинъ изъ русскихъ офицеровъ изъявилъ людоѣдамъ свой ужасъ и омерзѣніе—одинъ изъ нихъ отвѣтилъ совершенно равнодушно: «Конечно, это не особенно пріятно, но все-таки лучше опротивѣвшей конины».

Съ 16 ноября постоянно было болѣе 20 градусовъ мороза; тѣ, у которыхъ было болѣе силъ, безпощадно отбирали у слабыхъ послѣднія лохмотья, чтобы обвертывать ими ноги и плечи. Тревожимые донскими казаками, они бѣжали до совершенной потери силъ и, падая, засыпали вѣчнымъ сномъ. Плѣнные были такъ изнурены голодомъ и трудами, что цѣлыя тысячи ихъ безъ ропота повиновались сопровождавшимъ ихъ тремъ или четыремъ казакамъ или башкирамъ.

Наполеонъ, виновникъ этой ужасной гибели своей арміи, чувствуя свое безсиліе отвратить ее, скоро убѣдился въ невозможности остановиться между Сморгонью и Молодечно. Армія такъ быстро разрушалась, что Наполеонъ рѣшился покинуть ея остатки. Въ послѣднее время пребыванія Наполеона при арміи онъ началъ сравнительно и самъ бѣдствовать; подъ главную квартиру занимали грязныя, вонючія избы, при чемъ еще приходилось упо-

треблять насиліе, т.-е. выгонять безъ церемоній всѣхъ, туда ранѣе забравшихся. Хлѣбъ для императора пекли черный, ржаной, дурно смолотый и едва поднявшійся. Въ мѣстечкѣ Занивкахъ главная квартира помѣстилась въ маленькой избушкѣ о двухъ комнатахъ; заднюю занялъ Наполеонъ, а въ лицевой расположилась свита, улегшаяся спать вповалку такъ тѣсно, что слуга Наполеона, какъ онъ послѣ разсказывалъ, долженъ былъ, несмотря на всю осторожность, ходить по рукамъ и ногамъ.

23 ноября Наполеонъ выѣхалъ изъ Молодечно въ Сморгонь. За нимъ двинулись русскіе. Маршалъ Викторъ держался съ арьергардомъ у Молодечно, пока силы его позволяли, но былъ сбитъ графомъ Оруркомъ и потерялъ 9 пушекъ.

24 числа въ Сморгони Наполеонъ въ послѣдній разъ занялъ помѣщеніе главной квартиры, сдѣлалъ послѣднія распоряженія и написалъ послѣдній XXIX бюллетень, въ которомъ результатъ погрома сводилъ къ случайности, быстро и скоро поправимой. «Болѣе 30.000 лошадей,—говорилъ Наполеонъ,—пало въ нѣсколько дней. Наша кавалерія очутилась пѣшимъ войскомъ, артиллерія и транспорты—безъ запряжекъ. Пришлось уничтожить и покинуть добрую часть орудій съ принадлежностями. Непріятель, видѣвшій по дорогѣ слѣды бѣдствія, постигшаго французскую армію, постарался воспользоваться ею: онъ окружилъ всѣ колонны казаками, которые, какъ арабы въ пустынѣ, отхватывали отдѣлившіеся поѣзда и повозки. Эта ничтожная кавалерія, которая сильна только шумомъ и неспособна помѣриться съ ротою стрѣлковъ, сдѣлалась страшна при данныхъ обстоятельствахъ. Однако непріятеля заставляли раскаиваться послѣ каждой серьезной попытки его противъ насъ».

Далѣе завѣрялъ Наполеонъ: «Лошади и все нужное начинаютъ прибывать. Генералъ Бурсье имѣетъ въ разныхъ депо свыше 20.000 лошадей. Артиллерія уже восполнила свои потери»...

Все было принято, чтобы до самаго отъѣзда ничего не знали о намѣреніи Наполеона уѣхать. «Вечеромъ были созваны начальники арміи. Явились маршалы. По мѣрѣ того, какъ они входили,—пишетъ Сегюръ,—Наполеонъ отводилъ каждаго въ сторону и посвящалъ въ свой проектъ, для чего не жалѣлъ ни доводовъ, ни выраженія довѣрія и ласки. Завидя Даву, онъ пошелъ къ нему навстрѣчу и освѣдомился,—не сердится ли онъ. Почему его не видно болѣе? На отвѣтъ маршала, что, кажется, онъ заслужилъ его неудовольствіе, Наполеонъ любезно принялъ всѣ объясненія и подробно разсказалъ о своемъ намѣреніи уѣхать и указалъ на самое направленіе пути. Онъ былъ добръ и

ласковъ со всѣми. За столомъ онъ воздалъ хвалу всѣмъ за доблестное поведеніе въ продолженіе кампаніи, а относительно себя выразился, что «ему, конечно, легче было бы не ошибаться, если бы онъ былъ Бурбонъ». По окончаніи обѣда Наполеонъ приказалъ принцу Евгенію прочитать вслухъ XXIX бюллетень и громко объявилъ о томъ, о чемъ говорилъ передъ этимъ конфиденціально: «Нынче ночью онъ выѣдетъ съ Дюрокомъ, Коленкуромъ и Лобо въ Парижъ, гдѣ его присутствіе необходимо какъ для Франціи, такъ и для остатковъ арміи. Только оттуда онъ въ состояніи сдерживать австрійцевъ и пруссаковъ, которые, конечно, поостерегутся объявить ему войну, когда узнаютъ, что онъ стоитъ снова во главѣ всей націи и милліоннаго войска». Затѣмъ онъ объявилъ, что передаетъ командованіе арміею королю Неаполитанскому. «Надѣюсь, что вы будете повиноваться ему, какъ бы мнѣ самому, и что между вами будетъ согласіе». Маршалъ Бертье, не пробуя отговаривать Наполеона, заявилъ лишь о необходимости включенія своей особы въ число отъѣзжавшихъ и получилъ сильнѣйшій нагоняй. Наполеонъ осыпалъ его упреками, напомнилъ всѣ свои милости и благодѣянія и въ заключеніе предложилъ одуматься или немедленно ѣхать въ свои помѣстья и тамъ ждать рѣшенія своей участи за ослушаніе императору».

Въ 10 часовъ вечера Наполеонъ пожалъ всѣмъ руки, расцѣловался и вышелъ на подъѣздъ среди двухъ рядовъ

Наполеонъ оставляетъ свою армію.

Дюрокъ и Лобо, ѣдущіе за Наполеономъ.

свиты, раздавая, направо и налѣво, вынужденныя улыбки. Императоръ и Коленкуръ сѣли въ возокъ, на козлахъ котораго помѣстились мамелюкъ Рустанъ и польскій офицеръ за кучера. Дюрокъ и Лобо выѣхали слѣдомъ въ открытыхъ саняхъ.

Какъ только узнали въ арміи объ отъѣздѣ Наполеона, никто не сталъ болѣе сдерживаться. Часъ спустя послѣ его отъѣзда, говоритъ очевидецъ, одинъ изъ старшихъ офицеровъ обратился къ другому со словами:

— Ну, что разбойникъ-то уѣхалъ?

— Уѣхалъ,—отвѣтилъ тотъ:—удралъ такую же штуку, какъ въ Египтѣ!

Два короля, одинъ князь, восемь маршаловъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, генералы пѣшкомъ и нѣсколько сотъ человѣкъ старой гвардіи, еще несшихъ оружіе,—вотъ все, что осталось отъ великой арміи.

На пути къ Ошмянамъ, по кочковатому, замерзшему болоту, возокъ вдругъ такъ подбросило, что Наполеонъ ударился головой о верхъ кузова и, если бы не ухватился за Коленкура, его выбросило бы.

— Отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ!—съ улыбкой сказалъ Наполеонъ: слова, повторенныя имъ также въ Вѣнѣ, стали историческимъ изреченіемъ.

Куда ѣхалъ Наполеонъ, т.-е. въ Ошмянахъ, стояла дивизія Луазона и два неаполитанскихъ конныхъ полка, наканунѣ атакованные отрядомъ Сеславина, который послѣ

успѣха атаки принужденъ былъ отступить за 10 верстъ къ Табарашкамъ. Здѣсь находился онъ въ то время, когда Наполеонъ проѣзжалъ черезъ Ошмяны. Избѣжавъ такимъ образомъ плѣна, Наполеонъ продолжалъ путь, имѣлъ въ Мѣдникахъ свиданіе съ Маре и, обскакавъ Вильну, на зарѣ 26 ноября выѣхалъ изъ Ковны бѣглецомъ изъ границъ Россіи, пробывъ въ ней 5 мѣсяцевъ и 14 дней.

Дѣйствія Мюрата ограничивались однимъ назначеніемъ ночлеговъ для главной квартиры и направленія бѣгства толпамъ французовъ, при морозахъ, державшихся постоянно отъ 25 до 27 градусовъ. Арьергардъ Виктора уже нигдѣ

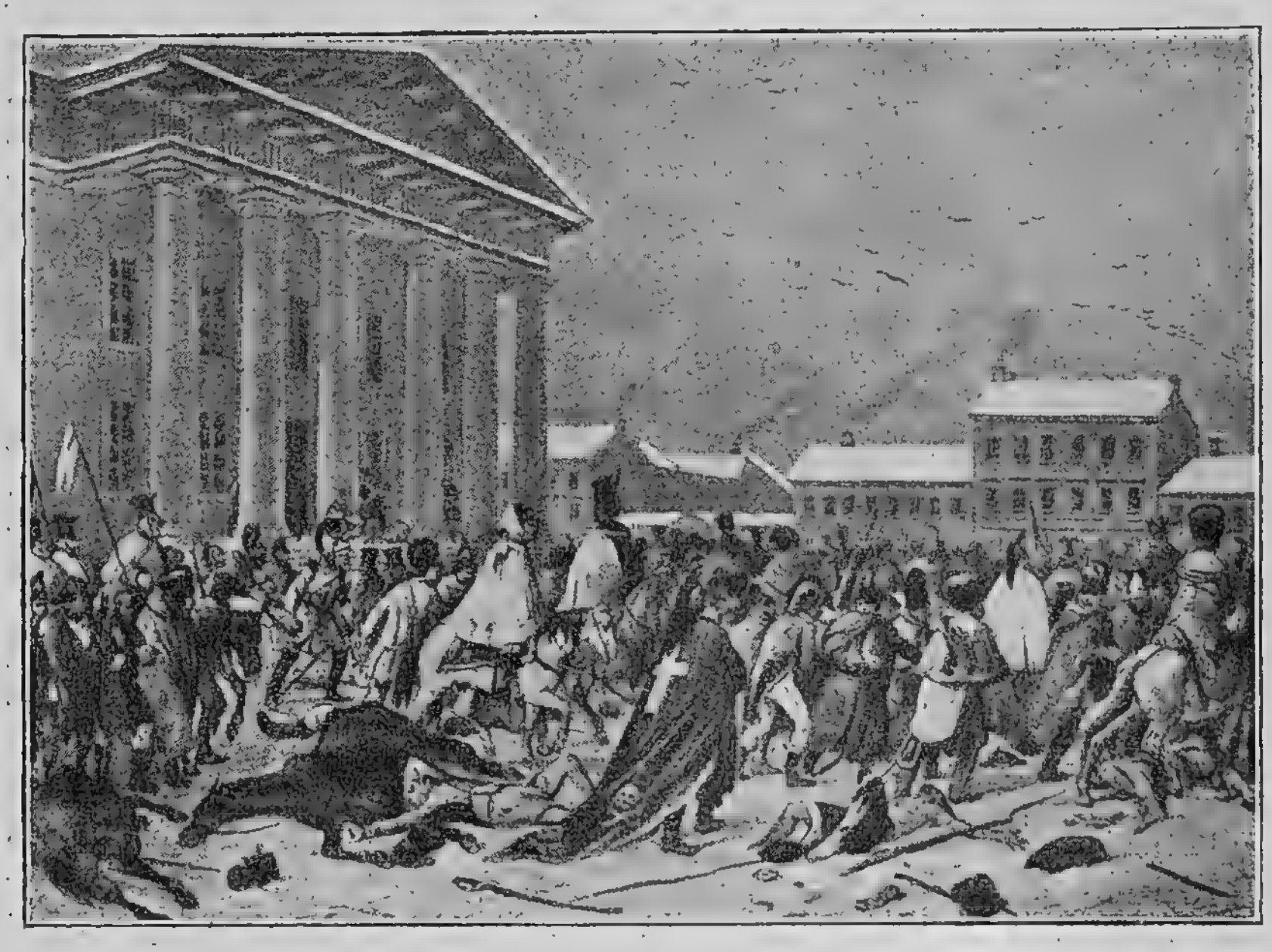
Наполеонъ въ харчевнѣ Лихтенштейна на окраинѣ Вильны.

не могъ устоять и былъ сбитъ 24 ноября Чаплицомъ у Сморгони, съ потерею 25 орудій и 3.000 плѣнныхъ. Въ Ошмяны дивизія Луазона, имѣвшая при выступленіи изъ Вильны 10.000 чел., пришла съ 3.000 чел., едва державшихся на ногахъ и скоро истребленныхъ казаками. 26 ноября Чаплицъ подходилъ къ Мѣдникамъ, Чичаговъ—къ Ошмянамъ. Князь Кутузовъ прибылъ въ Молодечно; гр. Витгенштейнъ шелъ на Неставишки, Милорадовичъ—къ Вишневу, а за нимъ Тормасовъ съ главною арміею—къ Ракову. 27-го Чаплицъ, миновавъ Мѣдники, приблизился къ Вильнѣ. Лѣвѣе Чаплица шелъ Платовъ, на Рудоминъ, для атаки Вильны съ Слонинской дороги. Впереди атамана шли партизанскіе отряды Кайсарова, Сеславина и Ланского. Партіи послѣднихъ двухъ партизановъ ворвались въ Вильну, но, состоя изъ одной кавалеріи, принуждены были отступить. Подоспѣлъ

скоро Чаплицъ и поставилъ пикеты подъ самымъ городомъ. Платовъ пошелъ черезъ Рудоминъ къ Ковенской дорогѣ, чтобы отрѣзать непріятелю путь отступленія.

Мюратъ, составя арьергардъ изъ остатковъ корпусовъ Виктора, Вреде и дивизіи Луазона, поручилъ его маршалу Нею, приказавъ держаться въ Вильнѣ, пока не вывезутъ изъ нея артиллерію и казну, состоявшую изъ 10 милліоновъ экю.

Изъ Вильны Мюратъ выступилъ 28 ноября, въ 4 часа



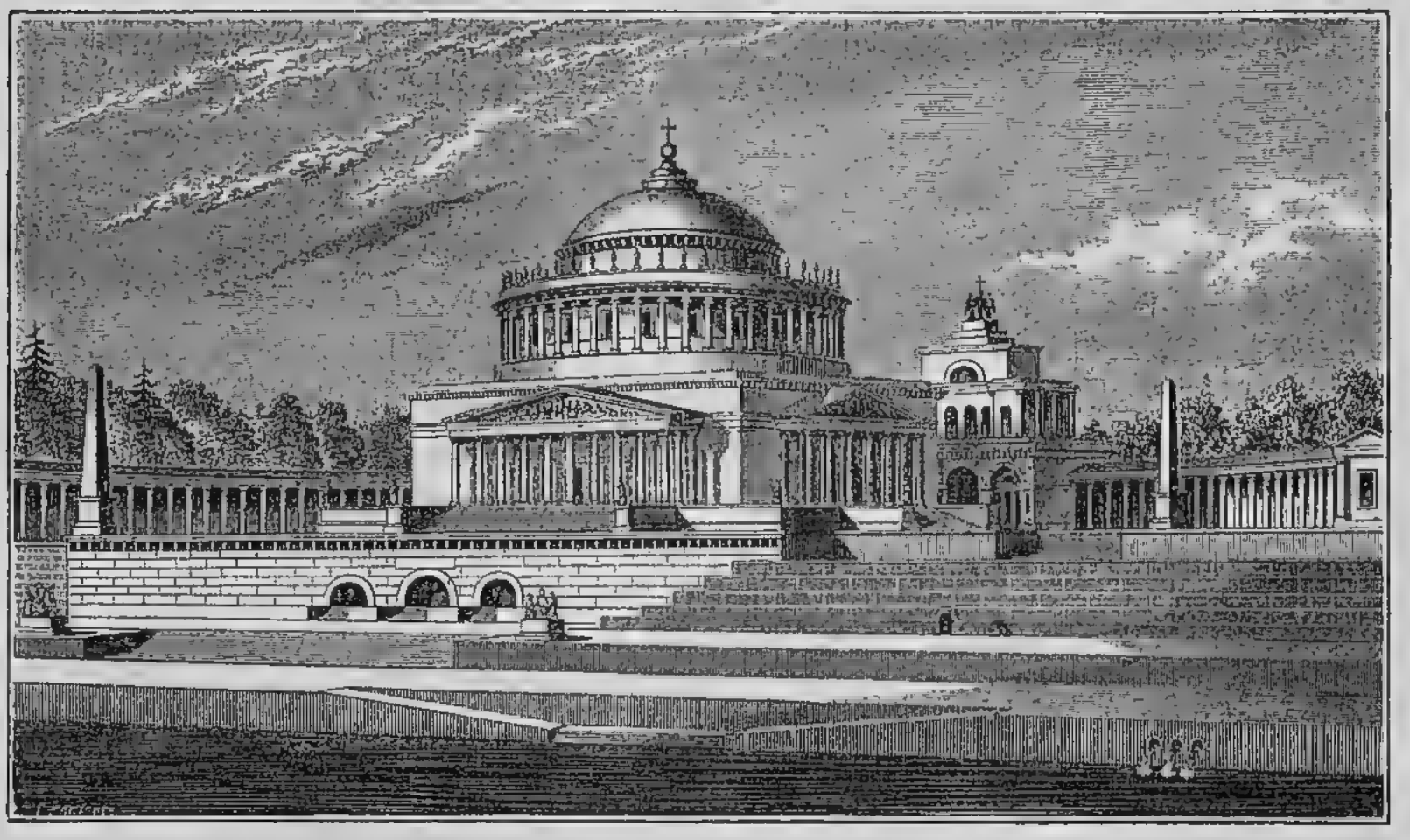
Отступленіе французовъ черезъ Вильну.

утра; за нимъ двинулись Даву, вице-король, Мортье, Лефевръ и Бессьеръ, до 1.000 чел. гвардіи и всѣ тысячи безоружныхъ людей. Когда стало свѣтать, явился графъ Орловъ-Денисовъ, съ передовымъ отрядомъ Платова, у Ковенской дороги, между Вильною и Понарскою горою, на возвышенность которой вслѣдствіе гололедицы никакъ не могли взбираться истощенныя, полуголодныя, некованныя лошади французовъ. Обозы стѣснились до того, что даже Мюратъ и маршалы принуждены были вылѣзть изъ каретъ и саней и, нагрузивъ на вьючныхъ и верховыхъ лошадей, что могли, пѣшкомъ прокладывать себѣ путь вправо и влѣво отъ столбовой дороги.

Знамена, взятыя у русскихъ, уже не интересовали французовъ, были брошены у этой горы. Вновь подходившіе къ этому мѣсту увеличивали число грабителей. Вездѣ видны были вскрытые чемоданы, разбитые ящики; великолѣпныя, шитыя золотомъ придворныя одежды и богатые мѣха были надѣты людьми самаго отталкивающаго вида; за золотой предлагали по 60 франковъ серебра, и десять пяти франковиковъ шли за стаканъ водки. Одинъ гренадеръ предлагалъ, говоритъ очевидецъ, купить боченокъ у него серебряной монеты, который и пріобрѣлъ одинъ изъ высшихъ офицеровъ, положивъ его въ свои сани. Торговля монетою произошла потому, что спасеніе императорской казны было поручено конвою, но 10 милліоновъ не всѣ были въ золотѣ, а большею частью въ серебряныхъ экю, которыя пришлось раздавать всѣмъ безъ разбора; многіе, сознавая полную невозможность услѣдить за ними, присвоили себѣ то, что имъ было поручено на храненіе. Во время этого дикаго разбоя пришли, съ одной стороны, Платовъ, съ другой—Ней; послѣ непродолжительнаго дѣла Ней отступилъ, и казаки захватили большую часть непріятельскаго обоза, казну, 28 орудій и до 5.000 чел. плѣнныхъ. Между тѣмъ Чаплицъ и авангардъ гр. Витгенштейна съ боя овладѣли Вильною, гдѣ нашли большіе склады вещей и провіантскихъ запасовъ. Въ плѣнъ было взято 7 генераловъ, 242 офицера, 9.500 солдатъ и больныхъ въ госпиталяхъ болѣе 5.000 чел. Пѣхота Чаплица осталась въ Вильнѣ, а графъ Оруркъ съ кавалеріею пошелъ на соединеніе съ Платовымъ. Кутузовъ, получивъ донесеніе о взятіи Вильны, немедленно отправился туда и 30 ноября, вечеромъ, остановился въ замкѣ Радзивила. Въ тотъ же вечеръ фельдмаршалъ приказалъ: Платову съ авангардомъ Чичагова и гр. Витгенштейна преслѣдовать Мюрата до Нѣмана и даже до Вислы; арміямъ дать на три дня отдыхъ и затѣмъ расположить ихъ на правомъ берегу Нѣмана. Донцы Платова, сколько позволяли силы людей и лошадей, настигая французовъ, били ихъ пиками и изъ пушекъ, везомыхъ на саняхъ. 28 ноября Мюратъ былъ въ Еве, а Ней съ арьергардомъ въ Рыконтахъ; 29—пришли они, первый въ Рунишки, а второй—въ Жижморы. 30—Мюратъ прибылъ въ Ковно, гдѣ надѣялся собрать людей и держаться подъ защитою, еще лѣтомъ сдѣланныхъ французами, укрѣпленій. Но оказалось, что у него было только 600 конныхъ и 2.000 пѣшихъ солдатъ. У Нея вмѣстѣ съ гарнизономъ Ковно оставалось 1.500 чел. Со столь малочисленнымъ отрядомъ нельзя было думать объ оборонѣ, и 1 декабря Мюратъ вышелъ изъ Ковны, ограбленной и частію сожженной французами, и расположился бивуакомъ на тѣхъ высотахъ лѣвой стороны Нѣмана, откуда Наполеонъ 11-го іюня смотрѣлъ на русскій

берегъ и мысленно основывалъ свое міровладычество. Ней остался въ Ковно и на слѣдующій день встрѣтилъ Платова пальбою изъ 20 пушекъ, стоявшихъ въ укрѣпленіяхъ. Атаманъ послалъ своихъ донцовъ въ обходъ по льду черезъ Нѣманъ. Французы побросали пушки и побѣжали къ Тильзиту и Вилковискамъ; армія и арьергардъ разбрелись по лѣсамъ. Мюратъ и маршалы уѣхали въ города восточной Пруссіи

Во время четырехдневнаго преслѣдованія французовъ отъ Вильны до Нѣмана неутомимые казаки Платова взяли еще 21 пушку и 5.000 чел. плѣнныхъ. Въ выброшенныхъ



Храмъ Христа Спасителя по проекту Витберга въ память 1812 г., который былъ начатъ постройкою на Воробьевыхъ горахъ Александромъ I.

изъ Россіи остаткахъ великой арміи Наполеона оставалось строевыхъ 1.500 чел. и 9 орудій, а безоружныхъ отъ 15.000 до 20.000 чел. да поляковъ 2.000 чел. корпуса Понятовскаго, успѣвшихъ перейти Нѣманъ у Мерече.

Князь Кутузовъ 7 декабря доносилъ императору Александру: *Исполнились слова вашего императорскаго величества: усѣяна дорога костями непріятельскими! Да вознесетъ всякій россіянинъ благодарственныя молитвы ко Всевышнему, а я почитаю себя счастливѣйшимъ изъ подданныхъ, бывъ избранъ благодѣтельною судьбою исполнителемъ Высочайшей вашей воли.*

Получивъ донесеніе, что Вильна взята, государь отправился туда изъ Петербурга, въ ночь съ 6 на 7-е декабря, а 11 числа вечеромъ былъ принятъ у подъѣзда замка княземъ

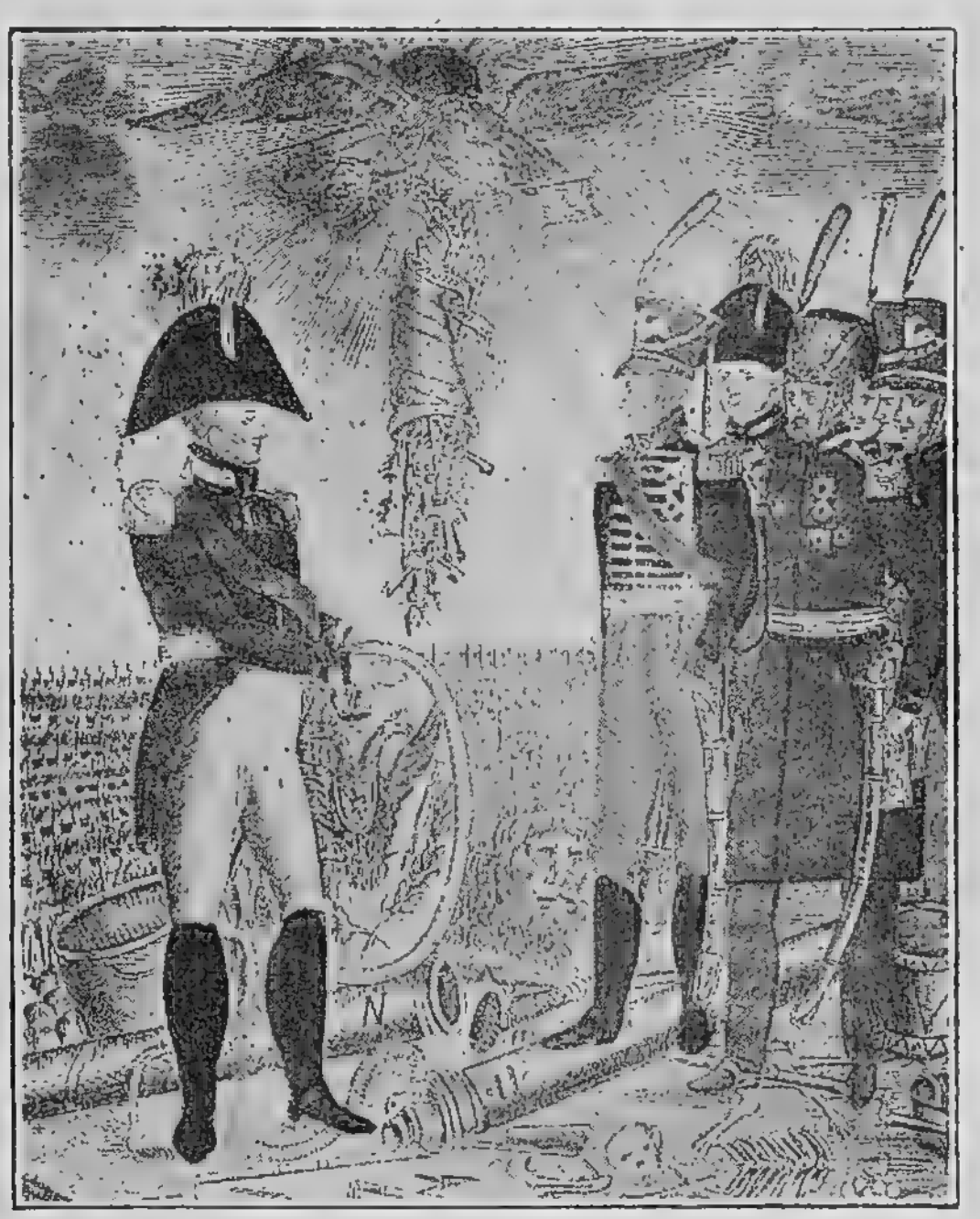
Кутузовымъ съ строевымъ рапортомъ и донесеніемъ, *что отечество спасено*. Монархъ обнялъ Кутузова и пошелъ съ нимъ во дворецъ рука объ руку и скоро стало извѣстно, что побѣдоносный вождь украшенъ орденомъ св. Георгія 1-й степени.

Князь А. Б. Голицынъ говоритъ: «Первая встрѣча ихъ, когда они увидѣлись въ Вильнѣ, была, что государь съ негодованіемъ потребовалъ отъ старика отчета въ такъ называемомъ имъ бездѣйствіи арміи. Оправданіе Кутузова было коротко, ясно и удовлетворительно». Далѣе князь добавляетъ—«извѣстіе о переправѣ Наполеона чрезъ Березину достигло до главной квартиры на послѣднемъ переходѣ къ Березинѣ утромъ, въ 6 часовъ. Его привезъ адъютантъ великаго князя Константина Павловича—Паличынъ, который былъ въ летучемъ отрядѣ гр. Ожаровскаго. Вскорѣ послѣ пріѣхалъ М. Орловъ. Досада Кутузова была чрезвычайна. Не зная еще подробностей, онъ давалъ только приказанія, какъ преслѣдовать непріятеля до Нѣмана, опредѣляя направленіе всякому корпусу. Но когда впослѣдствіи обнаружились дѣйствія всѣхъ главныхъ начальниковъ нашихъ, онъ менѣе всѣхъ винилъ Чичагова: противъ него было то, что онъ потерялъ время добраться до Борисова, когда шелъ отъ Бреста на Минскъ. По всѣмъ расчисленіямъ Кутузова, Чичаговъ могъ быть на мѣстѣ 5 днями ранѣе, и этого времени было бы достаточно, чтобы обозрѣть всѣ пункты, на которыхъ могла совершиться переправа французской арміи, сдѣлать нѣкоторыя укрѣпленія и рекогносцировать дорогу отъ Борисова на Бобръ и далѣе. Но Кутузовъ обвинялъ во всемъ гр. Витгенштейна, который изъ самолюбія и нежеланія подчиниться Чичагову, изобрѣлъ множество предлоговъ не исполнить Высочайшаго назначенія перейти за Березину. Лѣвый флангъ его долженъ бы былъ занять и укрѣпиться въ Лепелѣ, а ему самому слѣдовало избрать среднюю линію, передъ Докшицею, и имѣть сильный отрядъ по Зембинской дорогѣ. Такимъ образомъ соединеніе съ Чичаговымъ было бы совершено, и всѣ пункты, возможные для переправы Наполеона, были бы обезпечены, и армію его можно было остановить на нѣсколько дней. Куда бы онъ ни сунулся, вездѣ дѣйствовать было возможно съ соединенными силами».

12 декабря государь, въ день своего рожденія, сказалъ собравшимся во дворецъ генераламъ: *Вы спасли не одну Россію, вы спасли Европу.*

Вечеромъ посѣтилъ балъ у главнокомандующаго, который только что получилъ отъ Платова отбитыя донцами знамена. Кутузовъ повергъ ихъ къ стопамъ монарха при входѣ его въ бальную залу.

Партизанъ Денисъ Вас. Давыдовъ разсказываетъ о героѣ Милорадовичѣ слѣдующее: «По пріѣздѣ его въ Гродно, всѣ поляки, оставивъ меня, пали къ его стопамъ; но онъ былъ занятъ другимъ, ибо въ то время получилъ письмо съ драгоцѣнною саблей отъ графини Орловой-Чесменской. Письмо это заключало въ себѣ нѣкоторыя выраженія, давшія ему надежду на руку этой страшно богатой женщины. Милорадовичъ запылалъ восторгомъ неодолимой страсти! Онъ не находилъ словъ къ изъявленію бла-



Лубочная картинка по поводу изгнанія враговъ.

годарности своей, писалъ ей цѣлые дни отвѣты, покрывалъ стопы бумаги своими іероглифами: каждое письмо, имъ самимъ вчернѣ написанное, было крайне смѣшно и глупо! Никому не позволено было входить въ его кабинетъ, кромѣ его адъютанта Киселева, меня и взятаго въ плѣнъ доктора Бартелеми. Мы одни были его совѣтниками: Киселевъ, какъ умный человѣкъ, отлично знавшій большой свѣтъ, я, въ качествѣ литератора, Бартелеми, какъ французъ, ибо письма были сочиняемы на французскомъ языкѣ. Давній пріятель Милорадовича, генералъ-майоръ П., жаловался на него всякому, подходившему

къ запертой для всѣхъ двери его, близъ которой онъ расположился, подобно легавой собакѣ въ своемъ логовищѣ. Комендантъ города и чиновники корпуса также подходили къ ней по нѣсколько разъ въ сутки и уходили домой, не получивъ никакого отвѣта. Отъ этого корпусное и городское управленіе пришли въ хаотическое состояніе, госпиталь обратился въ складъ, наполненный хлѣбомъ, сукномъ и кожами, магазины упразднились, — словомъ, безпорядокъ дошелъ до крайняго предѣла. Наконецъ, Милорадовичъ, подписавъ свое письмо, отворилъ двери, и всѣ въ нихъ устремились. Но — увы! — кабинетъ былъ уже пустъ: великій полководецъ ускользнулъ въ потаенныя двери и ускакалъ на балъ плясать мазурку; я же сѣлъ въ сани и явился 18 числа въ Тикочинъ, гдѣ ожидала меня моя партія. Переступивъ за границу Россіи и видя каждаго подчиненнаго моего украшеннаго тремя наградами, а себя всѣми забытымъ, по той лишь причинѣ, что, относясь въ всю кампанію прямо къ свѣтлѣйшему либо къ Коновницыну, я не имѣлъ ни одного посредника, который могъ бы представлять меня въ какому-либо награжденію; а потому я не счелъ за преступленіе напомнить о себѣ свѣтлѣйшему, которому написалъ письмо». Въ отвѣтъ на него, Д. В. Давыдовъ получилъ 22 декабря пакетъ, въ которомъ находились два креста св. Георгія 4 ст. и св. Владиміра 3 степени.

25 декабря 1812 г., въ самый день Рождества Христова, было манифестомъ объявлено Россіи о благополучномъ окончаніи Отечественной войны, и этотъ день навсегда назначенъ праздновать, какъ изгнаніе дванадесяти языковъ. Несмотря на успѣшное окончаніе похода, Кутузовъ не соглашался съ мнѣніемъ государя продолжать войну. Жуковскій въ стихотвореніи: «Императору Александру» прекрасно изобразилъ моментъ перехода русскихъ войскъ за границу слѣдующими строками:

«Сколь намъ величественъ ты, царь, тогда предсталъ,
Сжимающій вождю, въ виду полковъ, десницу,
И старца на свою ведущій колесницу,
Чтобъ вкупѣ съ нимъ летѣть съ отмщеньемъ вслѣдъ врагамъ.
О, незабвенный часъ! За Нѣманъ знаменамъ
Ужъ отверзаешь путь властительной рукою...
Когда же двинулись дружины предъ тобою,
Когда раздался стукъ помчавшихся громадъ,
И грозно брегъ покрылъ коней и ратныхъ рядъ,
Пріосѣняемыхъ парящими орлами...
Сіе величіе окинувши очами,
Что ощутилъ нашъ царь тогда въ душѣ своей?
Передъ тобою міръ подъ бременемъ цѣпей

Лежалъ, растерзанный, еще взывать не смѣя;
И человѣчество, изъ-подъ стопы злодѣя
Къ тебѣ подъемля взоръ, молило имъ: гряди!
И судія царей, потомство впереди
Вѣщало, сквозь вѣка явивъ свой ликъ священный:
«Дерзай! и нареку тебя: Благословенный!»

Центральное
Книгохранилище
Московская Городская
Публичная Библиотека
Моск. Осп. Б-ка